

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов IV (XVIII)
Международной конференции молодых ученых
(20–22 апреля 2017 г.)**

Выпуск 18

Том 1. Лингвистика

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

УДК 81'1(082)

ББК 81

А43

А43 **Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения :**
сборник материалов IV (XVIII) Международной конференции
молодых ученых (20–22 апреля 2017 г.) / отв. ред. Ю.С. Серягина. –
Томск : Издательский Дом Томского государственного
университета, 2017. – Вып. 18. Т. 1: Лингвистика – 304 с.

ISBN 978-5-94621-661-6

В сборнике представлены результаты научных исследований студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Работы отражают многообразие актуальных проблем лингвистики и литературоведения, теории перевода и издательского дела.

Для преподавателей вузов, учителей русского языка и литературы, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 81'1(082)

ББК 81

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY

ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

**The scientific articles collection of the IV (XVIII)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 20-22, 2017)**

Edition 18

Volume 1: Linguistics

Tomsk
Publishing House of Tomsk State University
2017

UDC 81'1(082)

LBC 81

A43

Actual Problems of Linguistics and Literary Studies :

- A43** The scientific articles collection of the IV (XVIII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists (April 20-22, 2017) / ed. by Yu.S. Seryaguina. – Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2017. – Ed. 18. V. 1: Linguistics. – 304 p.

ISBN 978-5-94621-661-6

The collection presents the results of scientific research of students, graduate students, young scientists and teachers. The works reflect a variety of topical problems of linguistics and literary criticism, the theory of translation and publishing.

For university professors, teachers of the Russian language and literature, students of humanitarian specialties.

UDC 81'1(082)

LBC 81

ПРЕДИСЛОВИЕ

В состав сборника научных статей вошли материалы докладов, представленных на IV (XVIII) Международной научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (20–22 апреля 2017 года). Конференция ежегодно проводится на базе филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета и посвящается наиболее перспективным и актуальным направлениям лингвистики, литературоведения, переводоведения и издательского дела.

В этом году конференция была приурочена к празднованию важной даты – 100-летию историко-филологического образования в Томском государственном университете. В конференции приняло участие более 200 человек, по итогам работы секций редколлегией было отобрано 155 статей, которые вошли в данный сборник.

В композиции сборника находит отражение тематическое наполнение основных секций конференции. Сборник представляет собой издание в двух томах. Первый том посвящен проблемам лингвистики и включает в себя 6 разделов, в соответствии с лингвистическими секциями конференции: «Когнитивная лингвистика», «Коммуникативная лингвистика», «Прикладная, экспериментальная, компьютерная лингвистика», «Народная культура в языке и тексте», «Русский язык и методика его преподавания», «Сопоставительная лексикология, лексическая семантика и межкультурная коммуникация».

Второй том посвящен статьям на литературоведческую тематику и включает в себя 5 разделов о классической и современной литературе, переводе и книгоиздании: «Классическая русская литература», «Русская литература первой половины XX века», «Русская литература второй половины XX – начала XXI веков», «Русско-европейские литературные связи и художественный перевод», «Издательское дело и редактирование». В отдельный раздел второго тома «Intersection Reports» входят публикации на английском языке, которые обобщают результаты межсекционной работы. Также выделен отдельный раздел для школьников «Исследование языка, литературы и культуры в школе». В соответствии с международным статусом конференции в сборнике публикуется содержание, темы статей и аннотации к ним на английском языке.

Наибольшей популярностью среди молодых исследователей пользуются относительно новые разделы филологической науки: когнитивная, коммуникативная, компьютерная и экспериментальная лингвистика.

Больше трети из общего количества статей сборника посвящены проблематике этих развивающихся отраслей знания. Открывает сборник раздел «Когнитивная лингвистика», посвященный проблемам связи языка и мышления, отражению когнитивных категорий в языке и разных типах дискурсов, изучается когнитивный аспект репрезентации отдельных концептов в научном, диалектном, публицистическом дискурсах. Раздел «Коммуникативная лингвистика» включает в себя исследования в области различных структурных элементов языка в их функционировании. Раздел «Прикладная, экспериментальная, компьютерная лингвистика» освещает современные проблемы лингвистики, направленные на решение практических задач, связанных с исследованием языка, фундаментальными лингвистическими исследованиями, проводимыми при помощи специальных аппаратных методик, различного программного обеспечения.

В разделах «Народная культура в языке и тексте» и «Русский язык и методика его преподавания» представлены общие вопросы теории и истории русского языка, диалектной речи, методики работы на уроке РКИ. Статьи демонстрируют сочетание лингвокультурологического и лингвоперсонологического подходов. Большинство статей в этих разделах написаны иностранными участниками конференции из Китая, Индии, Словакии и других стран. Процессы интернационализации науки и образования, взаимодействие разных культур в настоящее время и прочие вопросы межкультурных связей отражаются в разделе «Сопоставительная лексикология и межкультурная коммуникация». Исследуется лексика разных языков, типы лексических единиц, их функционирование, структура словарного запаса. Объектом сопоставления выступают отдельные аспекты русского и итальянского, русского и английского и русского и чешского языков.

В разделе «Классическая русская литература» представлены новые аспекты рассмотрения творчества А.С. Пушкина, В. А. Жуковского, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, П.П. Ершова. Исследуется поэтика и эстетика художественного текста, мотивы чувства, нарративные особенности отдельных произведений русских классиков. Статьи раздела «Русская литература первой половины XX века» посвящены анализу различных аспектов творчества А. Ладинского, А. Платонова, А. Ахматовой, Л. Андреева, Г. Иванова, А. Блока и др. Раздел «Русская литература второй половины XX – начала XXI веков» отражает проблемы современной литературы на примере произведений С. Довлатова, В. Тендрякова, О. Славниковой, В.О. Пелевина, Ю. Трифонова, В.Г. Распутина, Т. Толстой, М. Фрая и т.д.

Раздел «Русско-европейские литературные связи и художественный перевод» посвящен компаративным исследованиям и вопросам литературных контактов русской культуры с культурами стран Европы, рассматриваются проблемы художественного перевода произведений, анализируется образ России в контексте русского зарубежья в целом. Раздел «Издательское дело и редактирование» имеет практическую направленность. Он посвящен изучению истории издательского дела и его современного состояния. Рассматриваются проблемы книгоиздания для детей и подростков, обучающих и развлекательных изданий.

В сборнике материалов конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» традиционно публикуется раздел, в котором представлены материалы межсекционных докладов, сделанных на английском языке. Этот раздел востребован для российских студентов: публикация на английском языке является опытом подготовки иноязычной публикации в международных изданиях. В заключительном разделе этого выпуска сборника, «Исследование языка, литературы и культуры в школе», помещены избранные статьи юных исследователей из школ Томска, Томской и Кемеровской областей, пробующих себя в научной деятельности.

Составители сборника выражают искреннюю благодарность авторам статей, рецензентам и членам оргкомитета конференции.

Отв. ред. Т.А. Демешкина

INTRODUCTION

The collection of scientific articles includes the materials of the papers presented at the IV (XVIII) International Scientific and Practical Conference of Young Scientists «Actual Problems of Linguistics and Literary Studies» (April 20-22, 2017). The conference is annually held on the basis of the philological faculty of the National Research Tomsk State University and is dedicated to the most promising and relevant areas of linguistics, literary studies, translation studies and publishing.

This year the conference was timed with the celebration of an important date - the 100th anniversary of the history and philology at Tomsk State University. More than 200 people took part in the conference, and, according to the results, 155 articles were selected and included in this collection.

The composition of the articles collection reflects the thematic content of the main sections of the conference. The collection is a two-volume edition. The first volume is devoted to the problems of linguistics and includes 6 sections, according to the linguistic sections of the conference: «Cognitive linguistics», «Communicative linguistics», «Applied, experimental, computer linguistics», «Folk culture in language and text», «Russian language and methods of teaching it», «Comparative lexicology, lexical semantics and intercultural communication». The second volume is devoted to articles on literary subjects and includes 5 sections on classical and modern literature, translation and book publishing: «Classical Russian Literature», «Russian Literature of the First Half of the XX Century», «Russian Literature of the Second Half of the XX and Beginning of the XXI Centuries», «Russian-European literary relations and artistic translation», «Publishing and Editing». A separate section of the second volume is «Intersection Reports», including publications in English that summarize the results of the intersection work. A separate section for schoolchildren «Study of language, literature and culture in school» is also highlighted. In accordance with the international status of the conference, the collection publishes the content, topics of articles and annotations to them in English.

The most popular among young researchers are relatively new sections of philological science: cognitive, communicative, computer and experimental linguistics. More than a third of the total number of articles in the collection are devoted to the problems of these developing branches of knowledge. The collection of the section «Cognitive Linguistics» devotes to the problems of language and thought communication, reflection of cognitive categories in

language and different types of discourses, the cognitive aspect of the representation of individual concepts in scientific, dialectal, publicistic discourses. The section «Communicative Linguistics» includes research in the field of various structural elements of the language in their functioning. The section «Applied, experimental, computer linguistics» covers modern problems of linguistics aimed at solving practical problems related to language research, fundamental linguistic research conducted with the help of special hardware techniques and various software.

In the sections «Folk Culture in Language and Text» and «The Russian Language and Methods of Teaching», general questions of the theory and history of the Russian language, dialectal speech, methods of work at the lesson of the RAF are presented. The articles demonstrate a combination of linguo-cultural and linguo-personological approaches. Most of the articles in these sections are written by foreign participants from China, India, Slovakia and other countries. The processes of internationalization of science and education, the interaction of different cultures now and other issues of intercultural relations are reflected in the section «Comparative lexicology and intercultural communication». The study is about vocabulary of different languages, the types of lexical units, their functioning, the structure of the vocabulary. The objects of comparison are certain aspects of Russian and Italian, Russian and English and Russian and Czech languages.

The section «Classical Russian Literature» presents new aspects of the consideration of A.S. Pushkin, V.A. Zhukovsky, I.A. Goncharova, F.M. Dostoevsky, P.P. Ershova. The poetics and aesthetics of the artistic text, the motives of feeling, narrative features of individual works of Russian classics are explored. The articles of the section «Russian Literature of the First Half of the 20th Century» are devoted to the analysis of various aspects of the works of A. Ladinsky, A. Platonov, A. Akhmatova, L. Andreev, G. Ivanov, A. Blok, etc. Section «Russian literature of the second half of XX - beginning XXI centuries» reflects the problems of contemporary literature on the example of works by S. Dovlatov, V. Tendryakov, O. Slavnikova, V.O. Pelevin, Yu. Trifonova, V.G. Rasputin, T. Tolstaya, M. Frei, and others.

The section «Russian-European literary connections and artistic translation» is devoted to comparative studies and questions of literary contacts between Russian culture and the cultures of European countries, the problems of the artistic translation of works are examined, and the image of Russia is analyzed in the context of the Russian abroad. The section «Publishing and Editing» has a practical focus. It is devoted to the study of the history of

publishing and its current state. The problems of book publishing for children and adolescents, educational and entertaining publications are considered.

In the collection of materials of the conference «Actual problems of linguistics and literary criticism» a section «Intersection reports» is traditionally published, in which the intersection materials in English are presented. This section is in demand for Russian students: the publication in English is an experience of preparing a foreign article in international publications. In the final section of this issue of the collection, «The study of language, literature and culture in school,» are placed selected articles of young researchers from schools in Tomsk and Kemerovo regions, trying themselves in scientific work.

The authors of the collection express sincere gratitude to the authors of the articles, reviewers and members of the organizing committee of the conference.

Main editor, T.A. Demeshkina

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Авраменко О.В., ТПУ, аспирант

Avramenko O.V., TPU, postgraduate student

Универсальные черты метафоризации вкусовых признаков в русской и английской лингвокультурах

The universal metaphorization features of flavor characteristics in Russian and English linguistic cultures

Статья посвящена анализу образного переосмысления вкусовых свойств продуктов питания в русской и англоязычной лингвокультурах с точки зрения общности типовых образных представлений, демонстрирующих языковые универсалии. Рассматриваются образные слова и выражения, называющие различные явления действительности по аналогии с вкусовыми свойствами продуктов; изучаются их речевые употребления в русских и английских художественных и публицистических текстах.

The article concentrates on the analysis of metaphoric rethinking of food stuff flavor characteristics in Russian and English linguistic cultures in terms of their communality in typical figurative representations demonstrating linguistic universals. Figurative words and expressions naming different phenomena by analogy with food stuff flavor characteristics are covered; their speech use in Russian and English literary and publicistic texts is studied.

Ключевые слова: пищевая метафора, лингвокультура, образная лексика и фразеология

Key words: food metaphor, linguistic culture, figurative lexis and phraseology

Научный руководитель: Юрина Елена Андреевна, д-р филол. наук, профессор

Вкусовые ощущения, получаемые человеком в процессе поглощения пищи, выступают эталонами для образной характеристики разнообразных объектов действительности и переносятся в различные сферы материального и нематериального мира. Широкое использование пищевой метафоры обусловлено тем, что еда является одним из важнейших элементов повседневной жизни человека и находит своё отражение во многих областях его деятельности. В данной статье рассматриваются образные средства русского и английского языков, отражающие метафоризацию вкусовых качеств продуктов питания с точки зрения универсальных черт, свойственных русской и англоязычной лингвокультурам.

Теоретическую базу нашего исследования составили работы А.Н. Баранова, Р. Гиббса, С. Глаксберга, Р. Джироры, В.Н. Телия¹, А.П. Чудинова, В. Эванса и др., посвященные изучению образного отражения мира в языке; работы по пищевой (кулинарной) метафоре в рамках теории образности А.В. Балдовой, Е.В. Капелюшник, Е.А. Юриной² и др.; а также сравнительно-сопоставительные исследования русских пищевых метафор в сравнении с другими языками в лингвокультурологическом аспекте Н.Н. Бочеговой, Е.В. Кирсановой, Н.С. Марушкиной, Е.В. Плет-

невой, О.Г. Савельевой и др. Анализ дискурсивной реализации вкусовых метафор проводится на материале текстовых фрагментов, извлеченных из лингвистической базы Национального корпуса русского языка³ и корпуса Британского и Американского вариантов английского языка⁴.

Универсальные направления метафоризации вкусовых качеств продуктов в русском и английском языках основаны на общности типовых образных представлений, лежащих в основе метафорических проекций, и сфер-мишеней образной характеристики. В обоих языках вкусовая метафора активно используется в образной характеристике сферы «Человек»: внешнего вида человека, его частей тела, темперамента и настроения. Вкусная пища, вызывающая аппетит и желание наслаждаться ею, выступает метафорическим эталоном для характеристики привлекательной и сексуальной внешности человека: «Какая вкусная девушка, дьяволица...» (М. Горький); «*To paint and maybe to connect with Kim's **delectable** brother*» (Порисовать и может быть установить связь с привлекательным (букв. вкусным) братом Ким) (J. Deveraux).

Кислая пища, заставляющая морщить лицо в процессе её потребления, ассоциативно связывается со сморщенным, угрюмым, мрачным лицом: «Он вздрогнул и обернулся с обычным кислым выражением, готовый спорить, защищаться, возражать» (Е. Павлова); «*Their **sour** faces of surprise are priceless – it's kind of like watching someone realize that life is going to be bitterly unpleasant from now on*» (Их лица мрачные (букв. кислые) от удивления бесценны – это все равно, что смотреть на того, кто понял, что жизнь становится горько неприятной с этого момента) (Prepare to Be Amused By a Bunch of Babies Tasting Lemons).

Острая, пикантная пища, провоцирующая вкусовые рецепторы, образно символизирует в обеих лингвокультурах побуждающий, провокационный характер и поведение человека: «*He роскошная красавица, конечно, но пикантная, умненькая, заводная, веселая, быстрая штучка, со своим шармом, с изюминкой*» (В. Валеева). «*The charismatic Violeta Angelova was light, **piquant** and assured in her role full of graceful, elegant leaps and turns*» (Харизматичная Виолета Ангелова была легкой, привлекательной (букв. пикантной) и уверенной в своей роли, полной грациозных, элегантных прискоков и поворотов) (S. Farrell).

Тухлые, непригодные в пищу продукты, потерявшие свои вкусовые качества, ассоциируются с морально испорченными, презренными или гнусными людьми или обществом: «**И, положи руку на сердце, правильно поступил Иван Иванович, что не стал литературным диссидентом или тухлым коммунакой, а выбрал иной, хитрый путь, ведущий к «перестройке»**» (Е. Попов); «*He may be a mean, stupid, dreadful, selfish, **rotten** man, but he is your father and I want you to respect him*» (Он возможно подлый, глупый, ужасный, эгоистичный, гнусный (букв. гнилой) человек, но он твой отец и я хочу, чтобы ты уважал его) (StageAgent).

Вкусовые признаки задействованы в образной характеристике содержания речевых и художественных произведений. Пресная, безвкусная пища, которая не вы-

зывает приятных вкусовых ощущений, метафорически связывается со скучными, не интересными произведениями речемыслительной деятельности: «Иначе рассказ получится пресным, *отвлечённым*» (И. Ефимов); «*She was goaded by the press and TV to do this in order to get more attention for what was otherwise, from their point of view, an insipid story*» (Пресса и ТВ побуждали её сделать это, чтобы привлечь больше внимания к тому, что, с другой стороны, с их точки зрения, было скучной (букв. пресной) историей) (Violent Crime).

Соленая пища в обеих лингвокультурах метафорически символизирует остренькие, ироничные, юмористические высказывания: «Попы робели от взгляда бабки Евдохи, язвительной ее усмешки, соленой шуточки» (Ю. Герман); «*I don't care how much ribald and salty humor he has dished out during his entertainment career*» (Мне все равно как много грубого и острого (букв. соленого) юмора он приготовил во время своей развлекательной карьеры) (A. Baldwin).

Пикантная пища, которая вызывает яркие вкусовые эмоции, выступает образным эталоном для характеристики речевых и художественных произведений, которые вызывают интерес у читателя и побуждают их к дальнейшему прослушиванию или прочтению: «*У нас тут иногда такие интересные пикантные подробности обсуждаются!*» (Беременность: Планирование беременности); «*It's an excellent overview of the region's history, with lots of piquant details and mini-biographies*» (Это прекрасный обзор истории региона, с многочисленными побуждающими (букв. пикантными) деталями и мини-биографиями) (THE BOTTOM OF THE SACK.); «*It is a spicy, imaginative tale for which no substantiation is provided at any level*» (Это веселая (букв пикантная), воображаемая история, никаких доказательств которой не предоставляется на всех уровнях) (Theory: The Mafia).

Чрезмерно сладкая, приторная пища, употребление которой в большом количестве иногда вызывает отвращение, ассоциативно связывается с различными произведениями речемыслительной деятельности, которые являются надоевшими, приевшимися и чрезвычайно сентиментальными: «*He успел «Амазон» попасть в руки Журналистов, как тут же стал обрастать приторными сказками в лучших традициях Фабрики Грез*» (С. Голубицкий); «*New mom Jessica Valenti faces up to the reality of parenthood – and it's far from a traditional cloying text about the joys of being a mother*» (Новая мама Джессика Валенти сталкивается с реальностью родительства – и это очень далеко от традиционного сентиментального (букв. приторного) текста о радостях материнства) (The Book We're Talking About).

Сочные продукты, имеющие насыщенный яркий вкус, выступают образом для характеристики яркого художественного языка и интересных, провокационных историй, сплетен, информации: «*Мне думалось, что он будет говорить, как пишет – сочным языком, безошибочным, крепким и ядреным, как сияющая заболонью лесина*» (В. Чивилихин); «*I want a juicy letter filled with family gossip!*» (Я хочу инте-

ресное (букв. сочное) письмо, наполненное семейными сплетнями) (Two Teens in the Time of Austen).

Вкусовые признаки пищи также лежат в основе метафорических переносов из сферы «Еда» в концептуальную область «Финансовая деятельность». Вкусная пища, которая имеет хорошие питательные свойства, ассоциативно связывается с выгодными объектами финансовой деятельности: «Слишком **лакомым кусочком** является наша Земля с недрами и природными ресурсами» (Коллективный); «*I also do ordering, inventory, weeding, that sort of thing as I learn to pin, blog, make **Delicious** accounts.*» (Я также делаю заказы, инвентаризацию, чистку (прополку), тот вид работ, который я умею скреплять, записывать в электронном журнале, составлять выгодные (букв. вкусные) счета) (Do I Really Have to Leave the Role).

Сочные продукты с хорошими ценностно-вкусовыми качествами выступают образным эталоном для характеристики выгодных экономических операций и сделок, а также заработной платы: «*Но никто не смел перечить воспаленным рожам, и растерянные пассажиры аккуратно и опасно клали в смердящие кепки весьма **сочные** купюры*» (Д. Симонова); «*Are you a professional footballer over 30? Want to end your career with a juicy salary?*» (Вы профессиональный футболист за 30? Хотите закончить свою карьеру с выгодной (букв. сочной) зарплатой?) (Saturday football as it happened).

Универсалии, присущие обеим лингвокультурам также были найдены в концептуальной сфере «Социальная деятельность», среди которых стоит отметить вкусовой признак *горький/bitter*. Горькая пища, которую неприятно принимать и глотать, ассоциируется с обидами и печалью, которые приходится принимать, как бы метафорически сплатывать: «*К счастью, я вовремя вспомнил **горькую** обиду камерунца Франсуа Омама-Бийика на западных журналистов, которые всегда начинали беседу с вопроса о традиционных верованиях, поэтому поберег эту тему на потом*» (А.Кобеляцкий); «*It's worth it as much as light exceeds darkness, as much as life is better than death or as much as joy is better than **bitter** sorrow, though sorrow in this world always comes first*» (Оно оправдывается настолько, насколько свет превышает тьму, насколько жизнь лучше, чем смерть или радость лучше, чем сильная (букв. горькая) печаль, хотя печаль в этом мире всегда идет первой) (Dr. Brown). Поглощение горькой пищи, не имеющей приятных вкусовых качеств, образно переосмысливается как получение жизненного опыта через тяжелые испытания: «*Не наученный **горьким** опытом, я опять снял их во время работы и положил на скамейку*» (А. Бондарь); «*I hold my hands up – I've been guilty, too. I speak from **bitter** experience*» (Я поднял мои руки вверх – я был тоже виновен. Я говорю на основании своего тяжелого (букв. горького опыта)) (Why does every middle-aged woman think HER holiday seducer). Прием горького лекарства метафорически проецируется на тяжелую, неприятную ситуацию, которую необходимо принять: «*Тем не менее, похоже, что **горькую** пилюлю придется-таки скусать*» (К. Крылов); «*For many this is a **bitter** pill to swallow because they have spent a large*

part of their lives trying to avoid it!» (Для многих это неприятная ситуация, которую необходимо принять, потому что они потратили большую часть своих жизней, пытаясь избежать этого!) (NLP and how to deal with unfair criticism).

Высокие вкусовые качества пищи выступают эталоном для метафорической характеристики впечатляющих и привлекательных объектов живой и неживой природы: «*Пространство получилось небольшим, но из-за двух высоких окон – в стене и в потолке – удивительно радостным и **вкусным** для глаз: прямо-таки перенасыщенным взбитыми сливками густого света*» (Д. Рубина); «*Every time I'm here, I leave feeling so overwhelmed in love and celebration of how incredible our Earth is, and how special it is to be surrounded by people who just want to share that **tasty** beauty with others*» (Каждый раз, когда я здесь, у меня остается чувство переполнения любовью и праздника от того, как невероятно наша Земля, и какое особенное чувство быть окруженным людьми, которые просто хотят поделиться этой привлекательной (букв. вкусной) красотой с другими) (Heart of the City Farmers Market).

Таким образом, вкусовые свойства пищи активно участвуют в образном переосмыслении разнообразных явлений действительности и находят своё отражение в метафорическом миромоделировании. Они являются универсальным образным эталоном для характеристики различных концептуальных сфер, о чем свидетельствуют рассмотренные материалы русского и английского языков.

¹ Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 285 с.

² Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов / Е. А. Юрина. – Кокшетау, 2013. – 238 с.

³ Национальный корпус русского языка / ruscorpora.ru.

⁴ Corpus of Global Web-based English / corpus.byu.edu/glowbe.

Белоусова А.А., ТГУ, студент

Belousova A.A., TSU, student

Языковая репрезентация ситуации зрительного восприятия в поэзии Марины Цветаевой (на материале сборника «Вечерний альбом»)

Language representation of the situation of visual perception in the poetry of Marina Tsvetaeva (on the material of the collection «Evening Album»)

В статье рассмотрена функциональная нагрузка высказываний с семантикой зрительного восприятия в поэтическом творчестве М. Цветаевой и сделана попытка выявить особенности авторского идиостиля. Материалом для исследования послужил сборник «Вечерний альбом». Особое внимание сосредоточено на предикативном способе выражения зрительного восприятия.

The article deals with the functional yield of utterances with the semantics of visual perception in M. Tsvetaeva's poetic works and an attempt is made to reveal the

peculiarities of the author's idiosyncrasy. The material for the study was the collection «Evening Album». Particular attention is focused on the predicative way of expressing visual perception.

Ключевые слова: зрительное восприятие, идиостиль, предикат

Key words: visual perception, idiosyncrasy, predicate

Научный руководитель: Крюкова Лариса Борисовна, канд. филол. наук, доцент

Восприятие – одна из форм познания внешнего мира. В отечественном языкознании семантика восприятия изучается на уровне лексики, синтаксиса, семантической структуры высказывания. Целью проводимого исследования является определение особенностей функциональной нагрузки высказываний с семантикой зрительного восприятия в поэтическом творчестве М. Цветаевой. В ходе работы было проанализировано 111 стихотворений и выделено 78 контекстов.

Зрительное восприятие (далее ЗВ) может выражаться в тексте как предикативным, так и непредикативным способом. Для предикативного характерно использование базовых глаголов и глаголов других лексико-семантических групп; для непредикативного – употребление отглагольных существительных и прилагательных, а также причастий, деепричастий и наречий¹. В статье основное внимание сосредоточено на предикативном способе выражения ЗВ.

Моделирование ситуации восприятия происходит в соответствии с эстетической концепцией автора, образно воплощенной в тексте. Начало творческого пути М. Цветаевой связано с поэзией Серебряного века, одной из ключевых характеристик которой является «перцептивность».

Сборник стихотворений «Вечерний альбом» вышел в печати в 1910 году. Его сразу заметили и одобрили такие влиятельные критики, как В. Брюсов, Н. Гумилёв, М. Волошин. Ситуация восприятия становится смысловым центром многих стихотворений. Некоторые названия задают определенную чувственно-образную доминанту (ЗВ), развивающуюся и усиливающуюся в дальнейшем развертывании текста². Например: «В сумерках», «Зелёное ожерелье», «Оба луча» и др. Для поэтического мира М. Цветаевой важно указание на сам процесс ЗВ, характеристики объектов и явлений относительно глаз лирического героя.

Наиболее распространенная модель, отражающая ситуацию ЗВ в русском языке, включает в себя субъект восприятия, предикат и объект. В качестве дополнительного актанта чаще всего присутствуют локатив и квалификатор действия. Например: По тебе тоскует наша зала, / – Ты в тени ее видал едва... («По тебе тоскует наша зала...»³).

Данная модель редко встречается в произведениях М. Цветаевой. Зачастую, один из компонентов – субъект – опущен: Чуть завижу знакомый вдали силуэт, – / Бьется сердце то чаще, то реже... («Не гони мою память! Лазурны края...»). В определенно-личных предложениях информация о субъекте

екте «заложена» в предикате. Встречаются примеры, в которых не представлен ни субъект, ни объект восприятия: «Забилась в угол, **глядишь упрямо...** / Скажи, согласна? Мы ждем давно» («На земле»).

Перцептивные высказывания формируются предикатами, обозначающими процесс или результат восприятия. Базовыми глаголами ЗВ в современном русском языке являются глаголы **(у)видеть, (по)смотреть, (по)глядеть**. В семантике базовых глаголов различаются два компонента: собственно перцептивный, связанный с физиологическим восприятием, и ментальный – осознание воспринятого. В зависимости от активности одного из двух компонентов глагол **видеть** реализует перцептивное или ментальное значение⁴. В текстах М. Цветаевой встречается только одно перцептивное значение глагола **видеть** – «воспринимать глазами, зрением»⁵: Молвил – и **видит**: *из сумрачных чащ / Дама идет через луг: / Легкая поступь, синеющий плащ, / Блеск ослепительных рук* («Дама в голубом»). Глагол видеть здесь выступает как нейтральный, отражающий физиологическую способность человека использовать глаза для взаимодействия с внешним миром.

Что касается ментальности, то она представлена в значении – «сознать, понимать, чувствовать»: **Всё видит, всё знает твой мудрый зрачок.** / *Сердца тебе ясны, как травы* («Добрый колдун»). Глагол **видеть** отражает духовное зрение, способность проникать в сущность чего-либо, подмечать что-либо.

Глагол **глядеть** реализует прямое значение – «быть обращенным, направленным в какую-либо сторону, куда-либо»⁶: О, **сколько глаз** из этих окон / **Глядели вслед ему** с тоской, / И скольких за собой увлек он / Туда, где радость и покой! («В Кремле»). **Переносное значение напрямую связано с контекстом**: К детским снам клонясь неумоимо, / **(Без тебя лишь месяц в них глядел!)** / Ты вела своих малюток мимо / Горькой жизни помыслов и дел («Маме»). Олицетворение указывает на некую исключительность, труднодоступность.

Что касается глагола **смотреть**, то в текстах М. Цветаевой он реализуется только в переносном значении: – «**Не правда ли, милый, так смотрят портреты,** / Задетые белым крылом?» («Её слова»).

В текстах М. Цветаевой встречаются высказывания, в которых в качестве предиката используются и другие глаголы ЗВ (список глаголов восприятия представлен в работе Е.В. Падучевой)⁷. На материале указанного сборника можно выделить две подгруппы:

1. Конструкции, включающие предикаты с семантикой проявления цвета. Автор использует глаголы типа *зеленеть, голубеть, желтеть, белеть, золотить*: *Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки / Белеет облачко в выси небес* («Наши царства»). Посредством проявления цвета находит свое отражение природный мир, с которым активно контактирует лирическая героиня.

2. Конструкции, включающие предикаты с семантикой краткосрочного проявления признака. Основанием для выделения данной подгруппы послужила

частотность употребления единиц *мелькнуть, мигнуть: И месяц меж стеблей травы / Мелькнул в воде, как круг змали... / Он был так близок, но увы – / Его мы в сети не поймали!* («Первое путешествие»). Эти языковые единицы позволяют передать мимолетность, нечеткость восприятия органами зрения.

В текстах сборника «Вечерний альбом» встречаются глаголы других лексико-семантических групп, реализующие в контексте семантику ЗВ: *Взор мой и в детстве туда ускользал, / Он городами измучен* («Анжелика»). Выделяется подгруппа, где позицию предиката занимает краткое прилагательное, выполняющее характерологическую функцию по отношению к существительным с семантикой ЗВ: *Нам к сокровищам бездн все дороги открыты, / Наши жадные взоры не сыты* («Зелёное ожерелье»).

Таким образом, в стихотворениях М. Цветаевой, вошедших в сборник «Вечерний альбом», реализован широкий спектр высказываний с семантикой зрительно-го восприятия. Наиболее распространенными являются конструкции, в которых субъект восприятия представлен имплицитно. Процесс ЗВ репрезентирован различными языковыми средствами. Помимо базовых глаголов в функции предиката используются глаголы с семантикой проявления цвета и краткосрочного проявления признака.

¹ Двизова А.В. Языковые средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэзии Б. Пастернака (сопоставительный аспект). Вестник ТГУ. – Томск. 2013. – С. 208.

² Двизова А.В. Языковые средства выражения ситуации зрительного и слухового восприятия в поэзии Б. Пастернака (сопоставительный аспект). Вестник ТГУ. – Томск. 2013. – С. 61.

³ Здесь и далее цитаты из: Цветаева М.И. Вечерний альбом. – М.: Свое издательство. 2013. – 228 с.

⁴ Петрова А.В. Семантика глагола видеть в поэзии Ф.И. Тютчева. – Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2014/№4 – С. 67.

⁵ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз. Полиграфресурсы. 1999. – Т. I. – С. 173.

⁶ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз. Полиграфресурсы. 1999. – Т. I. – С. 318.

⁷ Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. Москва, 2004. – С. 253-255.

Буб А.С., ТГУ, аспирант

Bub A.S., TSU, postgraduate student

Коллокации-биномиалы в русской речи: дискурсивное варьирование

Binomials in Russian speech: discursive variation

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению определенного рода коллокаций – биномиалов. На материале анкетирования и Национального корпуса русского языка была выявлена субъективная и объективная частотность их использования в русскоязычной речи, проведен корреляционный анализ двух показателей, было изучено влияние типа дискурса (поэ-

тического, публицистического и разговорного) на изменение частотности и на осознание степени частотности участниками эксперимента.

The article presents the results of a piece of research into a certain kind of collocations called binomials. A questionnaire and the Russian National Corpus have been used to measure the subjective and objective frequency of their use in the Russian language speech. A correlation analysis of two indicators was provided. The influence of the type of discourse (poetic, journalistic, and colloquial) on the frequency change and on the participants' awareness of the frequency was studied.

Ключевые слова: коллокации, биномиалы, частотность, дискурсы, корпусные исследования

Keywords: collocation, binomials, frequency, discourses, corpus-based research

Научный руководитель: Резанова Зоя Ивановна, д-р филол. наук, профессор

Одной из наиболее важных составляющих языковой компетенции является коллокационная компетенция, т.е. способность «комбинировать» слова, не нарушая правил лексической сочетаемости. Понятие «коллокационная компетенция» (collocational competence) было впервые описано Дж. Хиллом¹ в 1999 году. Автор подчеркивает значимость данной компетенции, говоря о том, что владение ей на высоком уровне способствует построению беглой, правильной и стилистически уместной речи, а также свободному владению языком в целом. Проблеме изучения и формирования коллокационной компетенции посвящены работы J. Willis. and D. Willis, J. Hill, M. Lewis, Bagherzadeh Hosseini, I. Akbarian, J. Conzet, Л.В. Алексеева, А.А. Багарян, и др.

Важность коллокационной компетенции, на наш взгляд, также доказывается и тем, что для успеха любой речевой коммуникации человеку недостаточно знаний отдельных слов и грамматических правил, большую роль играют так называемые ситуативная грамматика и язык формул общения, одним из главных элементов которого являются коллокации.

В широком смысле, коллокация – это устойчивое словосочетание, близкое расположение компонентов которого обосновано регулярным характером взаимоожидания и является семантически обусловленным². Для определения природы коллокаций используются такие критерии, как частота совместной встречаемости слов, их семантическая близость, грамматическая связанность, лексическая спаянность, степень прозрачности семантики (от суммы смыслов коллокатов, образующих словосочетание, до полной невыводимости смысла из суммы смыслов отдельных компонентов) и т.д.

К отличительным чертам коллокации относятся словное существование, т.е. словосочетание запоминается и воспроизводится как одно неделимое слово, синтаксическая функция (является самостоятельным членом предложения) и др.

На современном этапе в лингвистике сформировалось два основных подхода к выделению коллокаций: первый основывается на частоте совместной встречаемости слов или их «коллокабельности», второй, к которому тяготеет

русская лингвистика, ставит во главу угла степень фразеологизации словосочетания. В своем исследовании мы придерживаемся первого подхода.

Исследование посвящено изучению функционирования в русскоязычной речи одного типа коллокаций – биномиалов. Биномиалы – это словосочетания, состоящие из двух знаменательных частей речи и соединительного союза (день и ночь, *djen 'u noch' eng. day and night*). Второй основной характеристикой биномиалов, на основании которой единицы объединяются в данный класс, является устойчивость их употребления, то есть повторяемость сочетаний в одинаковом составе, без замены слов или изменения их порядка. Также исследуются факторы, тем или иным образом влияющие на процесс осознания степени частотности биномиалов респондентами. К таким факторам, по нашей гипотезе, относятся дискурсивные типы речи.

Наше исследование является репликацией эксперимента J. Wylie et al. Гипотеза авторов эксперимента заключалась в том, что частотность биномиалов и порядок слов в них влияет на скорость их распознавания у двуязычных индивидов с различным характером билингвизма. Эксперимент проводился на 80 биномиалах английского языка.

В дальнейшем мы также планируем использовать биномиалы в качестве инструмента изучения билингвальной языковой компетенции, однако, в рамках данного исследования биномиалы и их частотность послужили для изучения языковой компетенции носителей русского языка.

На данном этапе нашей задачей является выявление спектра биномиалов в русской речи, их распространенности в русскоязычной среде, их частотности (субъективной и объективной), а также факторов, влияющих на восприятие частотности носителями языка.

В качестве первичного материала исследования мы использовали перевод коллокаций, анализируемых в вышеупомянутом эксперименте J. Wylie. При переводе биномиалов на русский язык учитывалась их структура. В итоговый список также было добавлено 29 биномиалов русского языка, отобранных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Кроме того, был составлен список словосочетаний-филлеров. Всего в исследовании использовалось 216 словосочетаний.

Процедура исследования. Объективная частотность биномиалов выявлялась на основе данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и его подкорпусов: научного, публицистического и разговорного (<http://www.ruscorpora.ru/>). Объем основного корпуса на время обращения – приблизительно 300 миллионов словоупотреблений, поэтического подкорпуса – более 10 миллионов словоупотреблений, газетного подкорпуса – более 228 миллионов вхождений, и объем устного подкорпуса – около 10 миллионов словоупотреблений (дата обращения: 28.03.2017).

С развитием корпусной лингвистики, язык находит отражение в корпусе. НКРЯ – обширная справочная система, содержащая в себе тексты на русском

языке и созданная лингвистами для того, чтобы ее могли использовать все, кто, так или иначе, связан с русским языком и его изучением. Национальный корпус языка обладает двумя ключевыми характеристиками: репрезентативностью или представительностью и сбалансированностью. Репрезентативность, как основная характеристика корпуса, подразумевает, что в нем содержатся тексты всех типов (письменные и устные) и жанров (художественные, учебные, научные, публицистические, разговорные и т.д.) присутствующих в языке. В то время как сбалансированность указывает на то, что тексты разных жанров представлены в корпусе пропорционально их доле присутствия в языке в тот или иной период. Представительность корпуса достигается при его значительном объеме. Как было указано выше, объем НКРЯ составляет около 300 миллионов вхождений, таким образом, его репрезентативность не вызывает сомнений.

Современная лингвистика активно использует корпусную методологию для выявления регулярных устойчивых сочетаний слов. Наличие в корпусе подраздела «частоты» позволило нам оперативно определить объективную частотность биномиалов, а его соответствие основным характеристикам позволяет говорить о валидности полученных данных.

Для определения субъективной частотности применялся метод семантического шкалирования с использованием 7-значной шкалы Лайкерта. Было разработано три Гугл – анкеты, каждая содержала 36 биномиалов и 36 словосочетаний-филлеров, респондентам необходимо было оценить по шкале от 1 до 7, насколько часто каждое словосочетание встречается в речи.

В качестве респондентов в эксперименте приняло участие 62 студента разных факультетов Томского Государственного Университета, в возрасте от 18 до 24 лет. Что касается гендерной композиции, то соотношение мужчин и женщин составило 20/80%. Все участники являются носителями русского языка. Перед началом эксперимента все респонденты заполнили форму информированного согласия.

Всего было получено 13 392 реакции. Ответы одного респондента (72 реакции) не вошли в анализ, ввиду того, что в ответах четко просматривалась искусственная закономерность, т.е. все словосочетания, в том числе филлеры, были оценены на 7 баллов. Также из анализа были исключены 88 словосочетаний не встречающихся в НКРЯ и 5 456 реакций соответственно.

Результаты. В общей сложности было обработано 7 864 реакции.

Первым этапом анализа стала проверка данных на нормальность распределения (критерий Колмагорова-Смирнова и Шапиро-Уилка). После того, как проверка выявила, что распределение отклоняется от нормального, был проведен непараметрический анализ данных с применением метода Спирмена (метод ранговой корреляции), который показал, что корреляция между субъективными оценками частотности и показателями объективной частотности статистически значима (см. таблицу 1).

Таблица 1. Ранговые корреляции Спирмена

Отмеченные корреляции значимы на уровне $p < 0,05000$		
Зн. коэф. корр.	НКРЯ	Опросник
НКРЯ	1,000000	0,616920
Опросник	0,616920	1,000000
Поэтический	0,667200	0,368034
Газетный	0,841730	0,628202
Устный	0,803776	0,524586

Как показано в таблице 1 наибольшая корреляция наблюдается между данными опросников и частотностью коллокаций по газетному подкорпусу НКРЯ. Наименьшая корреляция между субъективной частотностью и частотностью поэтического подкорпуса.

Исходя из наличия статистически значимой корреляции могут быть сделаны следующие выводы:

- 1) биномиалы распространены в русскоязычной речи.
- 2) метод субъективной оценки частотности биномиалов валиден.
- 3) разница в степени корреляции данных опросников и объективных показателей по подкорпусам НКРЯ доказывает гипотезу о том, что субъективные суждения респондентов о частотности биномиалов чувствительны к дискурсивному варьированию данного вида коллокаций.

¹ Hill, J. (1999). Collocational Competence. English Teaching Professional. – Vol. 11. – P. 3-6.

² Firth, J. R. Selected papers of J.R. Firth, 1952-1959 [Text] / J.R. Firth. – London : Harlow, Longman, 1968. – 219 p.

Былина А.С., ТГУ, студент

Bylina A.S., TSU, student

Фреймовый сдвиг как причина возникновения случайного комического эффекта

Frame shifting as a cause of the accidental comic effect

Исследование посвящено лингвокогнитивному анализу текстов магазинных ценников, вызывающих у читающего смеховую реакцию, не запрограммированную автором. Целью анализа является выявление фреймовых сдвигов, порождающих комический эффект.

The study is dedicated to linguo-cognitive analysis of price tags' texts, provoking reader's laughter; not programmed by the author. The purpose of the analysis is to find out frame shifts, causing the accidental comic effect.

Ключевые слова: юмор, комическое, случайный комический эффект, фрейм, фреймовый анализ

Key words: humor, comic, accidental comic effect, frame, frame analysis

Научный руководитель: Новикова Элеонора Геннадьевна, канд. филол. наук

Исследование комического во всех его проявлениях представляет интерес для изучения еще со времен Античности И сегодня многогранность данного явления привлекает внимание представителей самых разных наук, в том числе лингвистики.

В центре данного исследования находится особая форма проявления комического, называемая нами случайный юмор. Случайный юмор – это юмор, с которым мы имеем дело, когда встречаем текст на ценнике (объявлении, вывеске, бирке, прикрепленной к одежде, и т. д.), вызывающий у нас смеховую реакцию. Подобные тексты не задумывались изначально как смешные, однако в процессе их создания были сделаны опечатки, например, потеряны одни буквы или добавлены другие. В результате появляются тексты, которые будут казаться смешными для большого количества людей. При этом очевидно, что смеховой эффект возникает не из-за самих орфографических ошибок и опечаток или не только из-за них.

Таким образом, целью нашего исследования стало выявление причин возникновения случайного комического эффекта (под которым понимается реакция, вызванная случайным юмором). С этой целью мы обратились к методам исследования комического, разработанным в русле когнитивной лингвистики. Речь идёт о фреймовом анализе, предложенном М. Минским¹, и о концептуальном признаке (пара «целостный образ – его осмысление»), предложенном А. Д. Кошелевым².

По словам М. Минского, юмор – переход от одного фрейма к другому. Под фреймом понимается способ представления стереотипной ситуации или объекта. Минский утверждает, что неожиданная смена фреймов является самым общим элементом для всех видов юмора. При этом смена фреймов может быть продумана заранее, чтобы глубже раскрыть суть шутки, а может быть простым случайным совпадением.

А. Д. Кошелев пишет о том, что комичность возникает в том случае, когда образу приписывается экзогенная характеристика (вызванная внешними причинами, ситуацией), которая является отрицательной и противоположной эндогенной (исходной).

Оба подхода соотносятся следующим образом: фрейм можно соотнести с концептуальным признаком, т.к. в обоих случаях имеется в виду какой-то образ, наделенный каким-то набором характеристик, в этом случае характери-

ки (эндогенная и экзогенная) представляют собой слоты фреймовой структуры – базовые элементы фреймов, содержащие признаки определенной ситуации или объекта.

Привлекаемый в работе материал – фотографии магазинных ценников, сделанные людьми, оценившими их как смешные, – исследуется впервые. Были рассмотрены тексты с фотографий ценников, отобранных из сети Интернет методом сплошной выборки в объеме 266 единиц.

Для того чтобы проследить фреймовые сдвиги, происходящие в тексте ценников, для каждого текста моделировались первоначальный фрейм (связан с изначально планируемым текстом или с образом товара, который мы видим на фотографии) и новый фрейм (активируется получившимся в результате текстом «смешного ценника»).

Проведенный анализ позволил выявить следующие явления, наблюдаемые в тексте ценников, которые делают эти ценники смешными:

1. Изменения во внутренней структуре фрейма. В этом случае новый фрейм – это первоначальный фрейм, в структуре которого произошли изменения (78 ед.). При этом может происходить или замена слотов внутри фрейма (58 ед.), или добавление слота (20 ед.).

Пример, когда новая информация о товаре (его характеристика или функция) заменяет исходную информацию: Набор для творчества боль (большой). Первоначальный фрейм – большой детский набор для творчества, новый фрейм – детский набор для творчества, вызывающий боль, возможно, очень сложный. Новая, экзогенная характеристика детского набора – «вызывающий боль» – заменяет эндогенную характеристику – «большой».

Часто в смешных ценниках наблюдается замена эндогенной характеристики «съедобное» на экзогенную «несъедобное» (встретилось 35 раз). Например, Пирог с грибами и кафелем (первоначальный фрейм – с картофелем).

Также может происходить добавление слота, которое приводит к столкновению смыслов, так как экзогенная характеристика вступает в противоречие с эндогенными. Например, Сыр Голландский. Состав: свинина...

2. Замена фреймов – когда первоначальный и новый фреймы представляют собой совершенно разные фреймы (встретилось 27 раз). Например, Пахлава. Первоначальный фрейм – пахлава – кондитерское изделие; новый фрейм – хороший отзыв, одобрение.

В 15 ед. юмор заключается в замене фреймов, активируемых названием товара.

Например, Печенье дворянское ябло (яблоко). Первоначальный фрейм – печенье «Дворянское» со вкусом яблока; печенье для дворян, не простое; новый фрейм – грубое высказывание о лице дворянина.

4. Фрейм в фрейме – ситуация, когда в первоначальном фрейме содержится еще один внутренний фрейм (16 ед.). Например, Котлеты бабушкины останки (Останкино). Первоначальный фрейм – котлеты, произведенные на мясоперерабатывающем комбинате – включает ещё один фрейм – котлеты,

которые делает бабушка; новый фрейм – котлеты, произведенные из останков бабушки. Производитель намеренно называет котлеты «бабушкины», чтобы активировать в сознании покупателя приятные воспоминания, связанные с бабушкой и едой, которую она готовит. Но мы все равно понимаем, что котлеты были изготовлены не бабушкой, а на конвейере.

Особые случаи, когда новый фрейм активируется текстом, а первоначальный – образом товара, встретились 29 раз. При взгляде на товар покупатель ожидает увидеть отражение характеристик товара на ценнике (цвет, форма и т. п.), но его ожидания не оправдываются, так как слоты двух фреймов вступают в противоречие. Например, Стол квадратный алюминиевый (на фото стол круглый).

В некоторых случаях благодаря тому, что в фрейме заключаются наши знания о мире, становится возможным моделирование нового фрейма, содержащего расширенную информацию о товаре, с опорой на первоначальный фрейм, активированный образом товара (встретилось 6 раз). Например, Картофель новый (на фото редис). Первоначальный фрейм – редис, новый фрейм – новый выведенный вид картофеля, который выглядит, как редис. В данном случае наши знания о генетике и методах выведения новых культур делают возможным появление нового фрейма.

Таким образом, анализ текстов «смешных ценников» показал, что нарушение наших ожиданий от текста ценника способствует появлению новых фреймов, а фреймовые сдвиги играют существенную роль в возникновении случайного комического эффекта. Наиболее частыми являются случаи, когда заменяется не фрейм, а происходят изменения внутри него: замена слотов или добавление новых.

¹ Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 281-309.

² Кошелев А.Д. О природе комического и функции смеха// Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. – М., 2007. – С. 277-326.

Голубина Е.А., КемГУ, студент

Golubina E.A., KemSU, student

Конфликт интерпретаций рекламных текстов

Conflict of interpretations of advertising texts

В статье представлено исследование конфликтного потенциала рекламных текстов. Основной аспект описания – вариативно-интерпретационный. Исследование носит характер экспериментального описания, путём которого выявляются особенности интерпретации рекламных текстов современными но-

сителями русского языка. Результаты эксперимента способствуют выявлению факторов, определяющих протекание конфликтов интерпретационного типа.

The article presents an research of the conflict potential of advertising texts. The main aspect of the description is the variational-interpretational one. The research has the character of an experimental description, through which the features of the interpretation of advertising texts by modern Russian speakers are revealed. The results of the experiment contribute to the identification of factors that determine the course of conflicts of an interpretative type.

Ключевые слова: рекламный дискурс, конфликт интерпретаций, лингво-конфликтология

Научный руководитель: Кишина Елена Валерьевна, канд. филол. наук, доцент

Активно развиваемая в настоящее время идея вариативности интерпретации текста основывается на системно-языковом (текстоцентрическом) и личностном (персоноцентрическом) факторах (Н.Д. Голев, Л.Г. Ким, Н.В. Мельник). Текст-образующие факторы обуславливают множественность интерпретационных моделей, заданных непосредственно содержательным наполнением интерпретируемого текста, персоноцентрические факторы, приводящие к конфликту интерпретаций, во многом связаны с дотекстовыми установками интерпретаторов, отражающих их сложившуюся шкалу оценок, социальные установки, психоэмоциональные особенности и т.д.

В настоящем исследовании мы рассматриваем конфликт в аспекте проявления конфликта интерпретаций. Данное понятие было введено в научную терминологию П. Рикёром, который рассматривал конфликт интерпретаций как совокупность выражений, имеющих, по крайней мере, два смысла: прямой, первичный, буквальный и косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый¹.

Новизной настоящего исследования является рассмотрение конфликта интерпретаций на материале рекламных текстов, разных по своему содержательному наполнению:

1) текста социальной рекламы, направленного на привлечение внимания к острой социальной проблеме: «Прокуратура Кемеровского района. Дети бывшими НЕ БЫВАЮТ! ЗАПЛАТИ АЛИМЕНТЫ! За уклонение от уплаты алиментов предусмотрена уголовная ответственность»;

2) текста коммерческой рекламы, построенного по принципу привлечения внимания потребителей путём создания провокационного образа: «Доска паркетная. Ляжет как миленькая».

Суть проведённого эксперимента заключалась в ответе реципиентов на следующие вопросы: 1. Как Вы понимаете смысл данного текста? 2. На что, по Вашему мнению, направлен рекламный текст? Первый вопрос анкетирования направлен на выявление факторов, детерминирующих интерпретацию рекламного текста, второй вопрос направлен на определение воздействующе-

го потенциала рекламных текстов, который, по нашему мнению, во многом определён интерпретацией смысла текста.

Гипотезой проведённого исследования явилась верификация предположения о том, что основу интерпретационных моделей рекламных дискурсов разной тематической направленности формируют тождественные факторы, которые обуславливают воздействующий характер рекламных текстов.

При систематизации полученных ответов были выявлены:

I. Интерпретационные модели, обусловленные текстоцентрическими факторами (в количественном отношении 58% толкований построено с опорой на содержание социальной рекламы). В качестве примера приведём следующие ядерные текстоцентрические модели:

1) реклама-призыв: я понимаю текст буквально: это призыв родителям, чтобы они платили алименты и не забывали об ответственности за своих чад;

2) реклама, предупреждающая о наказании: смысл данного текста заключается в призыве граждан платить алименты, а за неуплату следует уголовная ответственность;

3) реклама, содержащая информацию только о продукте: он направлен на то, что паркет очень неприхотлив и не требует особых усилий при ремонте или укладке его;

4) реклама с двойным смыслом: двоякий смысл в контексте с девушкой в вечернем уборе и др.

II. Интерпретационные модели, обусловленные персоноцентрическими факторами: (в количественном отношении 42% толкований построено с опорой на личностное восприятие адресата). Примеры ядерных персоноцентрических моделей:

1) реклама об ответственности родителей после развода: развод не предполагает снижения ответственности за ребёнка с родителей;

2) реклама об острой социальной проблеме: большинство родителей забывает о своих детях. Они никак им не помогают;

3) реклама – жизненный пример: Приведу пример из личной жизни... Когда мне было 2 года, мои родители развелись и стали заниматься своими делами, про меня и совсем забыли, отдали бабушке с дедушкой на передержку...;

4) ненормативная реклама: некорректно составленный текст, немного пошлый;

5) реклама, вызывающая негативные эмоции: вульгарные слова; неприязнь к содержанию текста рекламы и др.

Текстоцентрические интерпретационные модели в большинстве случаев обуславливают восприятие воздействующего характера, связанного с основным содержанием рекламного текста. Так, если при ответе на первый вопрос информанты указывали, что анализируемый текст связан с уплатой алиментов, то и при определении характера воздействия отмечали, что данная реклама направлена на чувства родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов: нужно платить алименты, ибо ребенок всё равно родной. В свою очередь при доминировании личностных интерпретационных установок диапазон воздействующего потенциала определяется информантами более широко, например:

- реклама, направленная против отцов: про отцов, которых хотят привлечь за неуплату алиментов; потому что эта проблема актуальна в наше время и др;
- реклама, вызывающая негативные эмоции: отвращение к тем, кто пренебрегает своими обязанностями и др.

В целом проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что при интерпретации социальной рекламы респонденты в большей степени опираются непосредственно на содержательное наполнение текста, а при восприятии коммерческой рекламы провокационного характера – на личностные установки. Характер интерпретации содержания текста обуславливает восприятие воздействующего потенциала рекламы. Как представляется, исследование механизмов организации и особенностей протекания конфликта интерпретаций в сфере рекламной коммуникации обладает значимостью в сфере рекламного дела, правовой и лингвоэкспертной деятельности.

¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995. – 372 с.

Гущина Т.А., ТГУ, студент

Gushchina T.A., TSU, student

Способы языковой репрезентации ситуации ольфакторного восприятия в творчестве А. Ахматовой

Methods of linguistic representation of the situation of olfactory perception in the work of A. Akhmatova

В статье представлены способы репрезентации ольфакторного восприятия в поэтических текстах А. Ахматовой. Рассматривается функциональная нагрузка языковых единиц со значением восприятия запаха и роль предикативного компонента в процессе лингвистического моделирования перцептивных ситуаций.

The article presents ways of representation of olfactory perception in poetic texts by A. Akhmatova. It deals with the functional load of linguistic units with the sense of smell and the role of the predicative component in the process of linguistic modeling of perceptual situations.

Ключевые слова: ольфакторное восприятие, субъект, предикат, высказывание
Keywords: olfactory perception, subject, predicate, utterance.

Научный руководитель: Крюкова Лариса Борисовна, канд. филол. наук, доцент

В поэтических текстах А. Ахматовой, начиная с первых юношеских стихотворений, прослеживается тенденция к активному использованию перцептивной лексики. В её лирике, наряду с ведущими типами восприятия – зрением и слухом, важную роль играет обоняние.

Во многом ольфакторные характеристики выступают в качестве ассоциативно-психологических связей внешнего окружающего мира и внутреннего чувственного мира человека. Результатами процесса восприятия являются чувственные представления и перцептивные образы, которые находят своё отражение в языковой картине мира.

Семантическая модель высказывания со значением восприятия запаха включает: предикат, субъект и объект. Предикат обозначает процесс восприятия; субъект – лицо, воспринимающее запах; объект – источник запаха¹. Примером реализации указанной модели может послужить юношеское стихотворение А. Ахматовой «Лилии» 1904-го года, не вошедшее в книги: *Я лилий нарвала прекрасных и душистых, / Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой, / С их лепестков, дрожащих и росистых, / Пила я аромат и счастье и покой* («Лилии», 1904)² – где предикат выражен глаголом *пила*, субъект восприятия – личным местоимением *я*, а объект – существительным *аромат*. В приведённом высказывании лексема *аромат* имеет сему ольфакторного восприятия, благодаря чему предикат, выраженный глаголом *пить*, получает метафорическое значение и реализует в высказывании семантику восприятия запаха.

Для поэтических текстов сборника «Вечер» (1912), характерны конструкции, где на синтаксическом уровне представлены не все базовые компоненты семантической структуры.

Самыми распространёнными в сборнике являются высказывания, в которых субъект не выражен, но есть объект, квалификация запаха (его описание)¹⁹ и предикат: *Ведь звезды были крупнее, / Ведь пахли иначе травы, / Осенние травы* («Любовь покоряет обманно...», 1911). В указанном контексте предикат выражен глаголом *пахнуть*, он относится к ядерной лексике обоняния и является наиболее частотным в сборнике, в отличие от глагола *веет*, описывающего движение и положение запаха в пространстве: *Дверь полуоткрыта, / Веют липы сладко...* («Дверь полуоткрыта...», 1911). Квалификатором запаха в последнем контексте становится наречие *сладко*.

Для описания ситуации ольфакторного восприятия используются синестезия, метафора, метонимические переносы и авторские определения запахов: *Холодные руки маркизы / Так ароматны-легки* («Маскарад в парке», 1910).

Обонятельные ощущения часто сопровождаются вкусовыми, поэтому наблюдается частотное использование лексики вкуса при описании запаха: *Сладок запах синих виноградин...* («Сладок запах синих виноградин...», 1910).

Модель восприятия, помимо предиката и актантов, также включает сирконстанты, например, темпоратив: *Жарко веет ветер душный* («Обман», 1910).

Метонимическая подмена переносит характеристики самого объекта на его запах⁴: *Влажно пахнут тополя* («Я пришла сюда, бездельница...», 1911). В этом случае квалификация запаха может быть представлена с помощью лексики осязательного восприятия.

Для описания ситуации ольфакторного восприятия свойственно использование атрибутивной характеристики запаха: *Едкий, душиный запах дегтя, / Как загар, тебе идёт («Рыбак», 1911)*. Прямая номинация источника запаха дополнена определениями, выраженными прилагательными *едкий, душиный*, которые указывают на способность физического воздействия запаха на субъект восприятия.

Языковые единицы с семой «духоты» часто встречаются в поэтических текстах А. Ахматовой. На лирического субъекта оказывает влияние состояние окружающего пространства: *Вечер осенний был душен и ал («Сероглазый король», 1910)*. Физическое воздействие на человека могут оказывать и конкретные объекты: *Жужжит пчела на белой хризантеме, / Так душно пахнет старое саше («Вечерняя комната», 1911)* – субъект не выражен эксплицитно, но назван источник запаха и его квалификатор.

Определённые запахи обладают способностью вызывать конкретные эмоции, поэтому и сами чувства в лирических текстах могут быть охарактеризованы через языковые единицы ольфакторного восприятия. Так состояние лирического героя описывается метонимически: *Странно вспомнить: душа тосковала, / Задыхалась в предсмертном бреду («В Царском Селе», 1911)*. В прямом значении глагол задышаться или образованное от него деепричастие будут описывать физическое состояние человека: *Я сбежала, перил не касаясь, / Я бежала за ним до ворот. / Задыхаясь, я крикнула: «Шутка / Все, что было. Уйдешь, я умру» («Сжала руки под темной вуалью...», 1911)* – обособленное деепричастие указывает на условие действия.

Состояние окружающего мира может быть отражением внутренних переживаний лирического субъекта: *Страшно мне от звонких воплей / Голоса беды, / Всё сильнее запах тёплый / Мёртвой лебеды («Песенка», 1911)* – увеличение силы запаха, маркируемое прилагательным в сравнительной степени сильнее, соответствует эмоциональному фону лирической героини.

В характеристике окружающего пространства, ментальной и эмоциональных сфер часто используются номинации запаха. В таких высказываниях нет распространителя, но назван запах и его квалификатор:

1. *Свежих лилий аромат / И слова твои простые («Два стихотворения», 1909).*

2. *Не люблю только час пред закатом, / Ветер с моря и слово «уйди» («В Царском Селе», 1911)*

Таким образом, можно сделать вывод, что в поэтических текстах Анны Ахматовой запах является важной составляющей индивидуально-авторской картины мира: он окружает лирическую героиню, соотносится с ее внутренними переживаниями и эмоциями, заполняет пространство, даёт характеристику объектам и явлениям окружающей действительности. Часто восприятие запаха обостряется в кульминационные моменты человеческой жизни, возрастает вместе с чувством тревоги.

¹ Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Под ред. Т.А. Демешкиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 25.

² Здесь и далее цитирование по: Ахматова А.А. Собрание сочинений. Т. 4: В 6 т. – М.: Эллис Лак, 2000.

³ Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – С. 214.

⁴ Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 44.

Игумнова М.О., НГПУ, магистрант

Igumnova M.O., NSPU, master student

Концепт Зона в повести Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине»

Concept Zone in the novel «Picnic on the Roadside» by Arkady and Boris Strugatsky

В статье предлагается анализ художественного концепта «Зона», одной из важных ментальных структур повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине».

The article analyzes the concept of «Zone», one of the important mental structures of «Picnic on the Roadside» by A. and B. Strugatsky

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, Зона

Key words: Cognitive linguistics, concept, Zone

Научный руководитель: Трипольская Татьяна Александровна, д-р. филол. наук, профессор

«Пикник на обочине» – фантастическая повесть братьев Аркадия и Бориса Стругацких, действие которой происходит на Земле предположительно в 70-е годы XX века в городке Хармонт, в одной из Зон Посещения. Главным героем повести является сталкер Рэдрик Шухарт.

В художественной картине мира повести Зона является одной из основных и важных ментальных структур.

О сталкерах и о Зоне Посещения читатель узнает в самом начале повести. И это не случайно. И. В. Арнольд отмечает, что «в прозаическом произведении начало служит экспозиции, т.е. содержит необходимые предварительные сведения о времени и месте действия, его участниках, а иногда и о предшествующих событиях». Подобный прием необходим, потому что «так создается предварительная готовность к деятельности, мобилизация воображения, предварительный прогноз круга возможных образных обобщений»¹. Читатель тем самым заранее готовится к тому, что данная повесть встает в ряд произведений, объединенных общей темой «встречи человека с представителями иного разума во Вселенной»².

В художественной картине мира повести Зона является одной из основных и важных ментальных структур.

В Малом академическом словаре дается следующая трактовка слова *зона*:

Зона, -ы, ж. Определенное пространство, характеризующееся каким-либо общим признаком; полоса, район³.

Это значение и является «основой» концепта в повести. К нему примыкает и другое значение этого слова: «место отбывания наказания заключенных; лагерь, колония»⁴. В этом случае налицо как внешнее сходство Зоны Посещения с местом отбывания наказания (ограждение стеной и колючей проволокой, охрана полицией, строгий контроль на входе/выходе), так и внутренняя организация, а именно: жители Хармонта, подобно заключенным, не могут покинуть территории города, а сталкеры не могут отказаться от посещения Зоны. Ярким примером служит сам Рэдрик Шухарт, который, несмотря на неоднократное попадание в тюрьму, не отказывается от своих рейдов в Зону.

В «Пикнике на обочине» можно выделить несколько смысловых уровней исследуемого нами концепта: физическая Зона, Зона «фенотипических и генотипических» изменений (далее фенотипическая Зона), ментальная Зона, Зона отчужденности, символическая Зона.

Первым слоем концепта является физическая Зона, находящаяся в городке Хармонт.

Физическая Зона является основой для формирования последующих уровней и более других ощущает на себе воздействие человека: ее изучают, занимаются поиском артефактов. Условно можно разделить это воздействие на легальное и нелегальное, которые отличаются друг от друга субъектами этого воздействия (легальное – ученые, нелегальное – сталкеры).

Второй слой концепта – Зона мутаций. Она, наоборот, сама воздействует на людей, причем на всех жителей Хармонта, а не только на тех, кто имеет непосредственный контакт с Зоной. Ее границы гораздо шире границ Зоны физической. Сам Хармонт является придатком Зоны или наиболее безопасной ее частью.

Третий слой – ментальная Зона. Она также строится на базе Зоны физической. Но она обусловлена и Зоной мутаций, и отношением человека к Зоне вообще. Эта Зона существует прежде всего внутри сталкеров. В повести такая ментальная Зона представлена у главного героя – Рэдрика Шухарта. Важной характеристикой ментальной Зоны является **олицетворение** Зоны.

Очень интересна характеристика Зоны, данная самими авторами. Они называют ее равнодушно-жестоким, с одной стороны, поддерживая высказанную Рэдриком мысль о том, что Зона живая (эпитет более подходит к описанию человека, нежели к объекту или местности), но с другой стороны, указывая на ее бездушность, безжизненность.

Четвертый слой концепта – Зона отчужденности. Она формируется на базе уже обозначенных Зон и имеет огромное влияние на сталкеров. Эта Зона находится внутри героев, испытавших непосредственное влияние Зоны Посещения. На примере Рэдрика Шухарта можно увидеть следующее: он постепенно отчуждается от мира, людей, от семьи, даже от себя.

Наивысшая отчужденность Рэдрика видна в его последнем походе в Зону. У Золотого Шара он посылает в «мясорубку» Артура, чтобы проложить дорогу к Золотому Шару. Более того, в последнем эпизоде Рэдрик отказывается видеть в Артуре человека, он отгораживает себя от Артура, полностью уходя в свою Зону отчуждения. Прорыв этой Зоны происходит в самом конце повести, когда он выкрикивает: *«СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!»*⁵.

Особым смысловым слоем ментальной структуры является символический. Он формируется над остальными уровнями, и объектом его воздействия являются в первую очередь читатели. Примером символической Зоны в повести служат названия группировок сталкеров, а также использование самого слова Зона.

Данные уровни тесно взаимосвязаны. Условно можно выделить три модели сценария: Зона как объект воздействия (физическая Зона), Зона как субъект воздействия (Зона мутация), Зона как объект и субъект воздействия. В последнем случае перед нами сложный сценарий, который распадается на два простых: сначала Зона выступает в качестве объекта воздействия (она образуется в сознании сталкеров или читателей), а потом становится уже субъектом воздействия (начинает влиять на сталкеров).

Как мы видим, в повести братьев Стругацких Зона представляет собой сложную ментальную структуру, состоящую из нескольких уровней, каждый из которых представляет собой сценарий. Сценарии строятся по трем моделям, где в зависимости от специфики уровня, Зона выступает как объект, субъект или как объект и субъект вместе.

¹ Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста. 1978. – С. 8.

² Неизвестные Стругацкие. От «Отеля...» до «За миллиард лет...»: черновики, рукописи, варианты [Текст]. / сост. С. Бондаренко. – Донецк: Сталкер, 2006. – С. 334.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой; Ин-т лингвист. исслед. РАН. – 4-е изд., стер. – Москва: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. : А – И., 1999. – С. 621.

⁴ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Фолио-Пресс, 2002 – С. 176 .

⁵ Стругацкий А.Н., Стругацкий, Б.Н. Пикник на обочине [Текст]. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – С. 222.

Короткина Е.С., ТГУ, магистрант

Korotkina E.S., TSU, master student

Ценностный концепт «безопасность» в российской и китайской нефтегазовой корпоративной лингвокультуре (на материале текстов сайтов «Роснефть» и «CNPC»)

Value concept of «security» in the Russian and Chinese oil- gas corporate linguistic culture (on the material of sites' texts «Rosneft» and «CNPC»)

Данная работа посвящена анализу одного из ценностных концептов лингвокультуры нефтегазовых компаний – концепту «безопасность». Материалом исследования выступают тексты на сайтах нефтегазовых компаний Роснефть и CNPC (Китайская национальная нефтегазовая корпорация).

This work is devoted to analysis of the concept of «security». Materials of the research are the texts on the sites of oil and gas companies Rosneft and CNPC (China national petroleum Corporation).

Ключевые слова: корпоративная культура, ценностный концепт, безопасность, российская и китайская лингвокультура

Keywords: corporate culture, value concept, security, Russian and Chinese linguistic culture

Научный руководитель: Филь Юлия Вадимовна, канд. филол. наук, доцент

В центре данного исследования оказываются основополагающие элементы корпоративной концептосферы и средства их репрезентации. Корпоративная культура определяется через совокупность материальных и духовных ценностей, присущих корпорации и отличающих ее от других, заявленных в качестве ценностных ориентиров компаний. Исследование ценностных концептов разных лингвокультур составляет одно из современных научных направлений в лингвистике. В работе рассматривается ценностный концепт лингвокультуры нефтегазовых компаний, определяющих сейчас общее состояние экономики стран. Концепт «безопасность» является одним из ключевых концептов нефтегазовой корпоративной культуры, он указан в качестве одной из основных ценностей на сайтах нефтегазовых компаний Роснефть и CNPC (Китайская национальная нефтегазовая корпорация).

В русском языке рассматриваемый концепт представлен единицами «безопасность», «безопасный», «безопасно» и некоторыми другими, в китайском – «安全».

Анализ словарных статей слов-репрезентантов концепта «безопасность» показал, что подача их семантики в словарях в целом единообразна, основным семантическим компонентом выступает «отсутствие опасности», «находящийся в ситуации вне опасности»¹, реже приводятся такие компоненты как, «надежно защищенный», «безвредный».

В китайских словарях лексеме 安全 дают следующие определения: 没有危险 «неопасный», 不受威胁 «не подвергающийся угрозе», 安全的 «безопасный», 不危害人的 «никакого вреда для человека», 处在我很安全境地的 «очень безопасное место»^{2,3}.

Данные словарей обоих языков свидетельствуют о том, что наиболее распространенным значением ключевого слова концепта является «не угрожает опасность», «не подвергается угрозе».

Анализ лексической сочетаемости ключевой лексики концепта по материалу НКРЯ и сайту ежедневной китайской газеты «人民日报» позволил

выявить не зафиксированные в словарях семантические признаки лексемы-репрезентанта концепта, конкретизирующие его: безопасность страны, транспортная безопасность, личная, пожарная, информационная, социальная, экологическая, продовольственная, производственная^{4,5}.

Можно утверждать, что в целом общекультурное наполнение концепта в русской и китайской культурах совпадает. Для определения специфики концепта «безопасность» в русской и китайской нефтегазовых корпоративных культурах были проанализированы репрезентации концепта на сайтах компаний^{6,7}.

Материал сайта Роснефть дает возможность говорить о четырех основных содержательных компонентах концепта. Компонент «безопасные условия труда» реализуется в тех контекстах, которые передают информацию о стремлении компании создать безопасные условия труда: «Создание безопасных и комфортных условий работы и проживания производственного персонала». Компонент «промышленная безопасность» выступает в контекстах, где упоминается соответствие стандартам функционирования нефтегазовой компании: «В Компании успешно функционирует интегрированная система управления промышленной безопасностью». При объективации компонента «безопасность окружающей среды, или экологическая безопасность» упоминаются стратегически важные положения компании: «Экологическая безопасность и охрана окружающей среды входят в число наиболее приоритетных направлений работы ПАО «НК «Роснефть». Кроме того, для компании Роснефть характерен особый семантический компонент концепта «безопасность» – «лидерство в безопасности», который иллюстрируют частотные контексты, в них говорится о стремлении к лидерству, достижении лучших результатов в области безопасности среди нефтегазовых компаний: «стать лидером отрасли по производственным и финансовым показателям при условии строгого соблюдения высоких стандартов экологической и промышленной безопасности».

В ходе анализа языковой репрезентации концепта «安全» на сайте китайской нефтегазовой компании CNPC выявлены следующие компоненты семантической структуры концепта. Это концепция общественной безопасности (公共安全), безопасность в данном случае направлена на человека, потому что для организации «человек превыше всего» (以人为本). При этом ключевым является компонент «безопасность труда»: «公司坚持«安全第一», 坚信一切事故都可以避免». Компонент «производственная безопасность» соотносится с условием «общественной безопасности»: «杜绝重大生产事故和公共安全事件, 持续提升安全生产水平». Также для CNPC стратегически важна «безопасность на производстве», потому что она является условием успешного ведения производственной деятельности (始终将安全作为保障企业生产经营活动顺利进行的前提). Компонент «энергетическая безопас-

ность» проецирует безопасность на социум, раскрывается в контекстах, где компания выражает свое стремление обеспечить общество качественным, безопасным сырьем: «为社会提供优质安全清洁的油气产品与服务».

Таким образом, общими чертами содержания концепта является безопасность труда и сотрудников, экологическая и промышленная безопасность, постоянное повышение безопасности на предприятиях компаний; отличия заключаются в том, что в китайской лингвокультуре действует принцип «以人为本» («человек превыше всего»), в русской лингвокультуре концепт включает в качестве особого компонента «достижение лидерства в сфере экологической безопасности».

¹ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999.

² 安全 // 学汉语用例词典 (A Learner's Chinese Dictionary: illustration of the usages) / Beijing language and cultural press. 北京, 2005, с. 1487.

³ 安全 // 现代汉语词典 (第5版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2005, с. 1412.

⁴ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (Дата обращения 25.03.2017).

⁵ 人民日报 [Электронный ресурс] // 人民日报. Режим доступа: <http://www.people.com.cn/> (Дата обращения: 25.03.2017).

⁶ Роснефть [Электронный ресурс] // Роснефть. Режим доступа: <https://www.rosneft.ru/> (Дата обращения 25.03.2017).

⁷ CNPC [Электронный ресурс] // CNPC. Режим доступа: <http://www.cnpc.com.cn/cnpc/index.shtml> (Дата обращения 25.03.2017).

Наземцева М.А., ТГУ, магистрант

Nazemtseva M.A., TSU, master student

Концептуализация свободы в тексте Конституции РФ

Conceptualization of freedom in the Constitution of the Russian Federation

Проинтерпретирована специфика реализации концепта «свобода» в Конституции РФ, определяемая интенциями государственно-правового и политического дискурсов, а также дискурса документа.

We interpret the specifics of realization of the concept of «freedom» in the Constitution of the Russian Federation, which is defined by the intensions of the state-legal, political, and document discourses.

Ключевые слова: концепт «свобода», Конституция РФ, дискурс

Keywords: the concept of «freedom», the Constitution of the Russian Federation, discourse

Научный руководитель: Тубалова Инна Витальевна, д-р филол. наук, доцент

Лингвистический подход к исследованию текстов государственно-правовой сферы реализуется достаточно фрагментарно. Даже текст Конституции – как

документа публичного, обладающего высоким уровнем социальной значимости и ориентированного на самый широкий круг пользователей, – привлекал внимание лингвистов в немногочисленных случаях. Большинство ученых рассматривали данный документ в рамках правовой дисциплины, не используя лингвистическую методологию. В лингвистике концепт «свобода», в основном, рассматривается в аспекте выявления особенностей его реализации в различных языках (русском, английском и французском). Его дискурсивно обусловленная специфика практически не исследовалась (исключение – статья Т. Г. Ардашевой и А. Х. Мерзляковой)¹.

Цель нашего исследования – представить особенности дискурсивно-жанрового конфигурирования концепта «свобода» в тексте Конституции РФ.

Мы рассматриваем Конституцию как жанровый текст государственно-правового дискурса, целью которого является государственно-правовое регулирование. Специфика данного жанра заключается в том, что в него проникают интенции различного характера: создания и контроля государственно-правового регулирования (реализуются в государственно-правовом дискурсе), включая интенции распределения власти (реализуются в политическом дискурсе), а также их официального нормативно-законодательного фиксирования (реализуются в дискурсе документа). При этом жанровая цель Конституции – не только донести до граждан законодательные постулаты, но и убедить в их объективной справедливости, что обуславливает форму и содержание текста.

Установка на комфортное распространение законодательных постулатов определяет реализацию в тексте Конституции идеологически ориентированных модусов, характерных для политического дискурса. В качестве одного из стилистических средств используется пафос, в основе которого лежит оценочность.

В Конституции конструкции, формирующие пафос, направлены на активизацию самосознания и самоопределение граждан РФ и создают эффект причастности клиентов дискурса к его практикам (участию в государственно-правовой деятельности), эффект значимости содержания Конституции и эффект приобщенности к ценностям этого дискурса. Их можно проследить в преамбуле к Конституции РФ²: «соединенные общей судьбой на своей земле» (говорится о равноправии людей, имеющих не только одну территориальную общность, добавляется мифологизация – «судьба» как нечто высшее, неконтролируемое людьми, но объединяющее их в одной стране) // «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» (модулируется морально-этический долг перед страной, взятый в перспективе).

Дискурс документа определяет реализацию модуса официальности, конкретизируемого в модусах императивности (закон для всех обязателен) и объективности (источник императивности предъявляется как некоторая объективная инстанция). Одним из главных принципов, на котором строится Конституция, является принцип равенства. Модус императивности «уравновешивается» мо-

дусом объективности, которая «обеспечивается тем, что во всех дискурсивных практиках не только клиенты дискурса, но и его агенты должны ориентироваться на внешний закон...»³.

Кроме того, сам модус императивности оформляется текстологически полярно в двух аспектах – не только ограничительном («должен», «обязан», «не имеет права»), но и разрешительном («может», «имеет право»). «Свобода» формируется из того, что «можно» и «нельзя» гражданину и государству.

А. Вежбицкая указывает, что в русской языковой картине мира «свобода» – возможность действовать «как хочу», она приравняется к беспорядку⁴. Текст Конституции выстраивается посредством перечисления ограничений, аннулирующих возможную «анархию». Введение в логический язык документа этического компонента дает возможность завуалированного языкового воздействия на его пользователя.

Проанализировав текст Конституции, мы выделили аспекты представления концепта «свобода».

1. «Свобода» в Конституции представлена как собственность отдельного человека/гражданина: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (**статья 17.2**). При этом «свобода» одного может ограничивать «свободу» другого – каждый заинтересован в своей «свободе»: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (статья 17.3). Закон и в этом аспекте текстологически поддерживает этический принцип «не мешай жить другому», принцип «все равны перед законом» интерпретируется как «все люди этически равны».

2. «Свобода» предьявляется через перечень снимаемых законом ограничений («свобод»), круг которых фиксируется грамматически – через появление мн. ч. («права и свободЫ»), которое используется для ликвидации «абстрактности». В результате закон выступает как сила, дающая человеку (гражданину) «свободу», что противоречит положению о том, что «свобода» дана «от рождения»: «Каждому гарантируется свобода совести» («право» иметь любые убеждения), «свобода вероисповедания» («право» исповедовать любую религию) (статья 28).

3. «Свобода» понимается через возможность волеизъявления: «Каждый имеет право на <...> свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (статья 26.2).

4. В Конституции особым образом выделяется принцип отсутствия внешне-го воздействия, определяющего физическое ограничение как другое значение «свободы»: «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться» (статья 27.1). // «Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию» (статья 27.2).

5. «Свобода» понимается через ощущение защищенности. Акцент здесь делается на концептуализации психологического самоопределения субъекта, быть «свободным» – ощущать себя комфортно. Закон выступает как сильная инстанция, способная защитить человека от нарушения его «свободы», реализуется этика: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» (статья 23.1).

Таким образом, Конституция представляет собой ядерный жанр государственно-правового дискурса и является идеологическим текстом, в котором выражаются потребности и ценностные ориентации народа и государства. В тексте Конституции «свобода» – один из наиболее проявленных концептов, представляющий собой «снятие конкретных ограничений на основании закона». В отличие от «права», понимающегося как «возможность субъекта действовать», «свобода» понимается как «возможность субъекта не подвергаться воздействию извне (государства)».

¹ Ардашева Т. Г., Мерзлякова А. Х. Вербализация концепта свобода в юридических текстах // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2011. – № 2. – С. 13-18.

² Конституция Р. Ф. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 25.04.2017).

³ Тубалова И. В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дисс. ... докт. филол. наук, – 2015. – С. 241.

⁴ Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, – 2001. – С. 240.

Росс У.Н., ТГУ, магистрант

Ross U.N., TSU, master student

Структура семантического поля лексической группы «осуждение» в современном русском языке

The structure of the semantic field of the lexical group «censure» in the Russian language

В работе рассматривается семантическое поле глаголов со значением осуждения в современном русском языке, имеющее сложно организованную структуру, в центре которой помещается лексема осуждать. Остальные элементы этого поля сопряжены с центральным понятием и группируются по цели осуждения, образуя субполя с собственными центрами, выявление которых проводится при установлении коммуникативной интенции субъекта осуждения.

The paper considers the semantic field of verbs meaning «condemnation» in Russian language, which can be represented as a complex structure, where the lexeme «to condemn» is in the central position. Other elements of this field are conjugated with the central concept and divided into the intents of person who condemns. There are formed

subfields with their own centers, revealing them is in the establishment of communicative intention of the condemning subject.

Ключевые слова: семантическое поле, лексическая группа, синонимы, глаголы осуждения

Key words: semantic field, lexical group, synonyms, verbs for condemnation

Научный руководитель: Дронова Любовь Петровна, д-р филол. наук, профессор

Одним из проявлений коммуникативного акта является осуждение, обладающее собственными специфическими лингвокультурологическими, психологическими и ментальными характеристиками. Как явление языковой и внеязыковой действительности, понятие «осуждение» отличается многообразием формально-содержательных отношений, оно продолжает привлекать внимание исследователей в области лингвистики, диалектологии, культурологии, философии.

Группа глаголов осуждения в современном русском языке представляет собой значительный пласт лексики, имеющий семантически неоднородную структуру. На наш взгляд, подробное исследование их семантики в рамках такого семантического объединения, как поле, представляет значительный интерес. Семантика лексической группы «осуждение» до сих пор изучалась в разных аспектах, однако исследователи не фокусировались на этой группе как на сложно структурированной семантической парадигме, характеризующей современное понятие осуждения. Обращение к теме обусловлено недостаточной изученностью этой семантической парадигмы как в современном состоянии, так и в историческом аспекте.

Глаголы со значением осуждения/порицания в современном русском языке образуют обширное семантическое поле из 54 глаголов-синонимов или их аналогов¹. Для данных лексем основными являются характеристики речевого или ментального действия разной степени интенсивности, масштабности, результативности, направляемые субъектом действия на объект осуждения.

Деривационный потенциал языка позволяет посредством существительных обозначать непосредственно речевые акты порицания, осуждения, в то время как глагольная лексика составляет сам процесс говорения или осмысления. Понятие «порицание» как выражение неодобрения кем-л., чем-л., кому-л., чему-л. наиболее полно выражается лексемами порицание/порицать и осуждение/осуждать. В лексикографических источниках их значения определяются одно через другое, что свидетельствует об абсолютной синонимии: 1) порицание ‘осуждающий отзыв о ком-л., чем-л., выражение неодобрения’ – осуждение ‘неодобрение, порицание’², 2) порицать³ ‘высказывать кому-л. порицание, осуждать за что-л.’ – осуждать ‘признать предосудительным что-л.; выразить неодобрение кому-л., чему-л.’.

Под актом осуждения/порицания понимается набор признаков, отчасти схожих между собой. Ключевым моментом в понимании действий глаголов осу-

ждать и порицать (и только в этом видится их сходство) является тот факт, что субъект, присваивающий отрицательную оценку объекту неодобрения, полагает, что сам он свободен от подобных проступков, что дарит ему чувство морально-го превосходства над адресатом речи, чье поведение подвергается осуждению. В то же время исследователи отмечают, что «осуждение и порицание не равно-значны: если осуждению подвергается сам человек (личность), то порицаются конкретные деяния и качества (проступки и негативные свойства)»⁴. Кроме того, понятие «осуждение» сейчас включено в ядро поля юридической лексики со-временного русского языка наравне с понятиями «закон», «преступление», «на-казание» и др. Современный правовой дискурс использует феномен осуждения как важный компонент, играющий роль в регуляции взаимоотношений людей.

Итак, понятие «порицание» выражается через лексему «осуждение», ко-торая является центральным понятием в лексико-семантической парадигме, системно организованной на основании взаимообусловленных элементов зна-чений. Остальные понятия со значением осуждения более частного порядка тем или иным образом сопряжены с центральным понятием группы лекси-ки. Семантическую подсистему современного русского языка, представлен-ную глаголами со значением осуждения, можно изобразить в виде структурно организованной системы, в центре которой помещается лексема осуждать. Остальные элементы этого поля группируются по цели осуждения и образу-ют субполя с собственными центрами. Выделение семантически однородных глагольных рядов, структурируемых в виде лексико-семантического поля или группы, имеет под собой исключительно семантическое основание.

В структуре парадигмы можно выделить основные мотивы, сопряженные с целеполаганием говорящего (осуждающего) субъекта:

1. Исправление адресата – ругать, бранить, расчихвостить, пропесочить, разругать, разнести, пропустить, критиковать, громить, клеймить, бичевать, прорабатывать. Семная структура этих лексем включает следующие компо-ненты: ‘оказать сильное действие на кого-л.’, ‘выразить неодобрение’, ‘пу-блично’. В этой многочисленной группе лексики можно наблюдать, как стили-стически нейтральные глаголы, так и единицы, функционально ограниченные в употреблении (разговорно-сниженные, грубые). Инструментарий активно используемых синонимов свидетельствует о значительном потенциале, имею-щемся в лексиконе современной языковой личности.

2. Оскорбление адресата – оскорблять, поносить, обзывать, обкладывать, лягать. Эти лексемы объединены в отдельную группу глаголов порицания, так как содержат в своем ядре семантику ‘сильно обидеть’, ‘унизить’, ‘грубо об-ругать’, ‘уязвить словом’.

3. Порочение адресата – хаять, охаивать, хулить, бесчестить, порочить, ос-лавить/ославлять, шельмовать. Ключевыми семными компонентами здесь яв-ляются: ‘неодобрительно высказываться’, ‘позорить’, ‘чернить’, ‘выставлять в неблагоприятном свете’.

4. Демонстрация собственного морального превосходства над адресатом – судить, обессудить, обвинять, совестить, стыдить, уличать/обличать, развенчивать, разоблачать. В пределах анализируемого субполя выделяются следующие семные структуры лексем: 'лишить прежней славы, публичного признания, показав отрицательные стороны кого-, чего-л.', 'высказывать отрицательное мнение', 'делать заключение о ком-л. на основании собственных качеств', 'считать виноватым'.

5. С целью дать выход отрицательным эмоциям, чувствам – раздражению, ненависти, гневу и т.д. Лексемы этой семантической подгруппы выражают оценку действиям или поступкам объекта, на которого направлена критика говорящего (осуждающего) субъекта, посредством чувств и эмоций последнего. Эти воздействия направлены на «изменение отношения адресата к тому или иному объекту, влияние на его поведение, психологический настрой, физиологические процессы либо категориальную перестройку его сознания»⁵. Интенсивность и степень напряженности эмоций субъекта, выражающего свою отрицательную оценку адресату, можно градуировать по эмоциональному навалу следующим образом:

а) раздражение, недовольство – возмущаться, пилить, ворчать, брюзжать, шпынять, грызть, рычать. В этом случае в структуре семантического ряда глаголов осуждения можно выделить общий компонент: 'вызвать недовольство', 'донимать', 'изводить'. Глаголы этого семантического субполя в лексикографических источниках часто отнесены к разговорно-сниженной или просторечной лексике. Это подчеркивает особенности межличностного отношения участников коммуникации. Перечисленные лексемы отличает эмоционально-грубая экспрессивность, семантическая наполненность, благодаря которым репрезентируется демонстративно отрицательное отношение субъекта к адресату. Эмоциональный компонент занимает доминирующую позицию при реализации эмоционально-оценочного отношения говорящего к адресату.

б) гнев – крыть, проклинать, клясть, поносить, кричать. Источником гнева осуждающего субъекта служат действия/поступки адресата. Семная структура этих глагольных единиц включает следующие компоненты: 'ругать', 'жесток', 'выражать гнев'; 'резко осуждать', 'громко', 'резко'.

в) ненависть – ненавидеть, наказывать, преследовать, травить. Здесь выражение отрицательных эмоций сопряжено и вложено в действия, направленные против объекта осуждения. Ненависть выражается в физическом неприятии объекта осуждения («испытывать неприязнь, отвращение к кому-л.»)⁶. Лексема наказывать также имеет под собой физиологическое основание в виде меры воздействия, применяемой к кому-л. за проступок⁷. Лексемы преследовать («донимать, мучить чем-л.») и травить («изводить, мучить нападениями, преследованиями») упоминаются в современных лексикографических источниках в переносном значении. Внутренняя форма этих глаголов отсылает к сценарию базовой человеческой деятельности – охоты⁸.

Представленная структура глаголов со значением осуждения только в общих чертах описывает имеющиеся корреляции между синонимичными языковыми единицами семантического поля осуждения. Открытым остается вопрос в обозначении различий между отношениями единиц внутри выделенных нами семантических субполей. Предложенный анализ структуры семантического поля лексической группы «осуждение» в современном русском языке позволяет сделать следующие выводы:

1) Лексемы осуждать и порицать имеют разную семантическую наполненность: глагол осуждать имеет более широкий смысл, он активнее используется носителями современного языка, поскольку выражает максимально полное понятие неодобрительного высказывания субъекта.

2) Понятие «порицание» выражается через более универсальную лексику «осуждение», которая обозначает центральное понятие в лексико-семантической парадигме, системно организованной на основании взаимообусловленных элементов значений.

3) Другие глаголы со значением осуждения более частного порядка сопряжены с центральным понятием группы лексики и условно разделены нами на семантические субполя. Они уточняют, расширяют структуру семантического поля. Синонимы центральной лексики осуждать отличаются семантическим компонентом интенции говорящего.

Несмотря на то, что поставленные нами задачи были решены, дальнейшее изучение проблем, связанных с синонимией глаголов осуждения в современном русском языке, представляется не менее актуальным.

¹ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева и др. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд. испр. и доп. – М.-Вена : Языки славянской культуры; Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 60, 2004. – с. 989.

² Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А. П. – 2-е изд. испр. и доп. М., 1981-1984. – т. II, с. 659.

³ Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Евгеньевой А. П. – 2-е изд. испр. и доп. М., 1981-1984. – т. III, с. 303.

⁴ Щербинина Ю. В. Речевая агрессия в оценке православия // Социум и смыслы. – 2011. – №6. – С. 126-133.

⁵ Шелестюк Е. В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи / Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 22. – № 20 (121). – 2008. – С. 166-176.

⁶ Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов, Л. И. Балахонова, Л. А. Балясникова и др. – СПб.: Норинт, 2002. – С. 628.

⁷ Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; [гл. ред. К. С. Горбачевич]. – Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004. – Т. 11 : Н – Недритьсь / [ред. тома Л. И. Балахонова]. – 2008. – С. 173.

⁸ Вознесенская М. М. Метафора охоты в русской фразеологии // Русская речь. – 2014. – №5. – С. 110-117.

Хлебникова А.Л., ТПУ, аспирант

Khlebnikova A.L., TPU, postgraduate student

Маркирование гендерной асимметрии в русской языковой картине мира (на материале гендерных метафор)

Asymmetrical gender marking in Russian linguistic worldview (a study of gender metaphors)

В статье представлены результаты исследования метафорических наименований человека в гендерном аспекте. Предметом анализа являются гендерно немаркированные метафоры. В результате анализа контекстов Национального корпуса русского языка выявляются закономерности гендерной специализации таких метафор, делается вывод о том, что следует различать общее узусальное значение метафорической номинации и текстовую актуализацию данного значения, которая может отличаться гендерной специализацией.

The article represents the results of the study of metaphorical nominations of a human with regard to gender aspect. The subject matter of the analysis is gender unmarked metaphors. The analysis of the texts taken from The Russian National Corpus shows the frequency of textual usage of the metaphors when naming men, women and a human without gender marking. The results obtained indicate that usual meaning of a metaphor and textual actualization of this meaning should be distinguished as the latter can be characterized by gender specialization.

Ключевые слова: гендерная метафора, сфера-мишень, гендерное маркирование, гендерная асимметрия

Key words: gender metaphor, target domain, gender marking, gender asymmetry

Научный руководитель: Резанова Зоя Ивановна, д-р филол. наук, профессор

Проблема гендерной асимметрии является одной из наиболее актуальных в современной гендерной лингвистике.

Предмет исследования в данной статье – характер текстовой актуализации гендерных смыслов гендерно немаркированных метафор в русском языке, то есть таких, которые, по данным толковых словарей, обозначают человека без ограничения сферы референции по гендерному признаку¹, например, змея ‘о коварном, хитром, злом человеке’. Данные единицы были выявлены на основе анализа толковых словарей²⁻⁶ и описаны нами ранее⁷. Общее количество проанализированных гендерных метафор составило 409 метафор, из которых гендерно немаркированными метафорами являются 304 наименования.

Задача данного исследования – определить, проявляют ли гендерную асимметрию такие метафоры в речи. Для этого мы проанализировали на основе данных Национального корпуса русского языка⁸ контексты использования 20 метафорических номинаций, которые по данным толковых словарей являются гендерно немаркированными. Число анализируемых контекстов в связи с объемом материала было ограничено до 300.

Анализ материала показал, что в контекстах использования таких единиц проявляется гендерная асимметрия. Чаще всего сферой-мишенью гендерно немаркированных метафор становится мужчина (14 из 20 метафор), например, *Я тоже участвовал в «вечере молодых поэтов», происходившем днём, и так же, как и птицелов, скрывал, что я гимназист. Наш товарищ из аристократов, барон-фон, одолжил мне свою визитку, шёлковый галстук с модным рисунком «павлиний глаз», и я со своей головой, стриженной под ноль, выглядел чуцелом* (В. П. Катаев); – *Швабский ублюдок! Ты смеешь меня учить? Кто ты такой? **Паразит**, дармоед, сидишь на нашей шее со своей оравой, бездельник, ничего, кроме детей, не умеешь делать, подбашмачник, немчура проклятая!* (А. Рыбаков). В остальных двух группах (группа, в которой отсутствует гендерная асимметрия, и группа, в которой доминирует сфера-мишень «женщина») наблюдается практически одинаковое распределение метафор.

Проиллюстрируем наш анализ конкретными примерами. Проанализируем гендерно немаркированную метафору *хамелеон*. Переносное значение метафоры – ‘человек, который в зависимости от ситуации меняет свои мнения, взгляды, поведение’, основанием уподобления является известная способность хамелеона менять окраску, причем многие ученые считают, что изменение цвета происходит не из-за окружающей среды, а под влиянием света, температуры или настроения животного. В Русском национальном корпусе представлено 350 контекстов, из 300 проанализированных контекстов в 55 актуализируется метафорическое значение лексемы *хамелеон*, например, *У каждого композитора свой звук, свое звучание, свой внутренний мир, своя философия. И вот это необходимо отразить, выразить в полной мере. Так что в этом смысле интерпретатор, исполнитель лишь **хамелеон**. То есть Бетховен должен звучать по-немецки, Чайковский и Шостакович пусть звучат по-русски и так далее* (В. Нузов, И. Солженицын) (в данном контексте, как мы видим, актуализируется обобщенное, внегендерное значение метафорического наименования); – *Товарищ Ревкина, – сказал Петр Климович, поднимаясь, – у нас, в этих кабинетах, вы сами знаете, несерьезно не говорят. Я вам очень советую подумать. – **Хамелеон!** – сказала Аглая и вышла, не заметив протянутой ей руки* (В. Войнович); *«Благородный» **хамелеон** Чернов, выступая на собрании могилевской организации эсеровской партии, фарисейски-лицемерно заявил: я, мол, лично не стремлюсь и не хочу власти, но если партия возложит на меня это тяжкое бремя, то я подчинюсь (видимо, чувствовал уже этот «храбрый» вождь, что это не только тяжкое, но и опасное уже бремя)* (Л. М. Каганович). Как показал анализ, в большей части контекстов метафора *хамелеон* актуализирует отрицательную оценку человека, который под воздействием обстоятельств либо ради своей выгоды меняет свои убеждения, поведение и т.д. Однако в некоторых контекстах актуализируется положительная оценка человека, который постоянно меняется, не стоит на месте, и в связи с этим его творчество остается интересным и современным, например, *Джон Гальяно. ПОРТРЕТ хамелеона. Упрямец и насмешник. Говорят, что Гальяно*

вдохновляет себя сам и до сих пор дефицита фантазии у него не наблюдалось. Денди и моряки, индейцы и гибралтарские пираты, – это постоянно меняющиеся образы его коллекций... («Мир & Дом. City», 2003.06.15); Век узких профессионалов прошел, наступает век «интеллектуальных **хамелеонов**», которые с легкостью будут приобретать новые навыки, менять привычки, отказываться от старых стереотипов и обзаводиться новыми («Российская музыкальная газета», 2003.04.09); Писатели желают быть **хамелеонами**, преображающимися по своему желанию и показывающимися наилучшими во всех видах, но редкие до сего достигают; прочие же всегда в одном, да и в худом показываются виде (Н. И. Новиков). Можно сделать вывод о том, что происходит эстетически мотивированное изменение поведения, что оценивается нейтрально или положительно; отрицательно оценивается изменение моральных установок и принципов под влиянием внешних обстоятельств в социальной реальности, но не в художественных практиках, в которых способность к изменениям является признаком творческого роста.

Для того чтобы сделать вывод о том, существуют ли закономерности гендерной специализации гендерно немаркированных метафор, и являются ли такие метафоры слабо гендерно маркированными или немаркированными, во всех контекстах, в которых актуализируется метафорическое значение лексемы хамелеон (55 контекстов), была определена сфера-мишень метафорической номинации (как было описано выше, «мужчина», «женщина» и внегендерное значение метафоры). Анализ показал, что в 26 контекстах сферой-мишенью метафоры хамелеон является мужчина, например, *Григорьев был наибольший из таких **хамелеонов**-атаманов* (С. И. Гусев-Оренбургский); *Бердников засмеялся странным своим смехом, а Самгин признал смех этот совершенно неуместным и, неприятно удивленный, подумал: «Какой... **хамелеон**...»* (М. Горький) и под.

Хамелеон со сферой-мишенью «женщина» был найден в 5 контекстах, например, – *Что за **хамелеон** эта девушка!* – и, подумав немного, прибавил: – *А всё-таки она ему не сестра* (И. С. Тургенев); *Ее* опять узнать было невозможно. *Суций хамелеон!* Ни следа недавней холодности: мила, внимательна и любезна. Должно быть, он надоумил... (Н. Д. Ахиарумов) и под.

В 24 контекстах отсутствует дифференциация по гендерному признаку, например, *Все мы – такие **хамелеоны**, обреченные любоваться своим отражением в зеркале, которое держит перед нами информационная культура* (А. Генис); *Хамящие хамелеоны*. Большинство людей – конечно хорошие, но они хорошо маскируются. Дело камуфляжа отлично поставлено в Союзе писателей (А. Вознесенский) и под.

Руководствуясь мнением когнитивных лингвистов, например, А.П. Чудинова⁹, З.И. Резановой, Д.А. Катунина, Н.А. Мишанкиной¹⁰, о том, что анализируя концептуальную метафору, необходимо рассматривать не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты и другие образные средства, мы вклю-

чили в анализ контексты, содержащие сравнительные обороты с метафорой хамелеон и другими метафорами.

Так, из 300 контекстов, содержащих метафору хамелеон, количество контекстов, которые содержат сравнительные обороты с данной метафорой, составило 21, например, *У него поразительная способность, как у хамелеона, – он может принимать облик врача, художника, поэта, не являясь таковым по существу (А. Бовин); – Подойдите!.. – прошептал он уже страстно, изменившись в одно мгновение, как хамелеон, из бессердечного, холодного насмешника в пылкого и нежного итальянца; глаза у него загорелись, в лицо бросилась кровь (А. Ф. Писемский)* и под. В данных контекстах мы видим актуализацию тех же смыслов, что и ранее – характеристика человека, как способного меняться, мимикрировать под окружающую среду, как хамелеон. При этом в случае со сравнительными оборотами мы наблюдаем и другие смыслы, например, метафоризацию внешнего вида человека, уподобление его хамелеону: – *У поляка отвалилась челюсть. Опухшие веки широко раскрылись. В мутных глазах мелькнул ужас. Лицо его, как у чудовищного хамелеона, изменилось – стало свинцовым (А. Н. Толстой); Кожа на его лице, на лысой голове, на волосатой руке стремительно желтела, наливалась таинственным пигментом, словно он был хамелеон и менял окраску в соответствии с переживаниями и эмоциями (А. Проханов)*. В следующих контекстах основанием уподобления является особенность физиологического устройства зрительных органов хамелеона, глаза которого имеют способность работать независимо друг от друга, т.е. могут по отдельности наблюдать за двумя разными объектами: *Я никогда въявь не видал таких драгоценных вещей. Я никогда не видел такой красивой женщины. Бриллианты выжгли мне сетчатку – и я почуял, что нестерпимое зрение, как у хамелеона, прорывается жгуче снутри через мою кожу (А. Иличевский); При этом он горбился и поводил глазами вправо и влево – как хамелеон (В. Дудинцев)*.

Что касается сфер-мишеней метафоры хамелеон в сравнительных оборотах, мы также наблюдаем преобладание контекстов со сферой-мишенью «мужчина» (13) по сравнению со сферой-мишенью «женщина» (5), например, *Как хамелеон, он внезапно отражал на себе все краски и свободно становился в уровень, на одну доску, с кем угодно (А. Ф. Вельтман); Жириновский, талантливый «прилипла власти», многоцветный, как хамелеон, выходит на выборы с требованием национализации крупных корпораций, имея в виду «ЮКОС» (А. Проханов); Вращая глазами как хамелеон, я зацепила взглядом красные пятна. Ярость заставляла меня мычать и вращать глазами. Но не боль. Боли все не было (К. Сурикова); Но Маргарита занимала все пространство и сливалась, как хамелеон, со всеми предметами от длинного пола до квадратного потолка, заставляя Кольку слушать смиренно, точно за школьной партией (О. Славникова)*.

На примере гендерной специализации метафоры хамелеон мы видим проявление следующей универсальной закономерности – при текстовой актуализации гендерно немаркированных метафор большое значение имеют гендерные признаки, т.е. сферой-мишенью таких метафор чаще всего выступает мужчина. Данный факт свидетельствует о том, что в речи гендерная асимметрия может проявляться даже в большей степени, чем зафиксировано словами.

¹ Резанова З.И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестник Томского Государственного Университета. Филология. – 2011. – №2(14). – С. 48.

²⁻⁶ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981 Т. 1-4 (МАС).

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940 (СУ).

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992 (СО-Ш).

Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 05.04.2017).

⁷ Хлебникова А. Л. Характер и поведение мужчины и женщины в зеркале гендерных метафор (русская и английская лингвокультуры) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов III (XVII) Международной конференции молодых ученых (18–23 апреля 2016 г.) / ред. А.А. Долганина. –Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – Вып. 17. – С. 66-71.

⁸ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 12.04.2017). (РНК).

⁹ Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

¹⁰ Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Кагунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1 / Отв. ред. З.И. Резанова. Воронеж, 2003. – 210 с.

Шлотгауэр Е.А., ТГУ, студент

Shlotgauer E.A., TSU, student

Метафора и метонимия как средства выражения перцептивной модальности (на материале книг о вине)

Metaphor and metonymy as a means of expression perceptual modality in wine books

Статья посвящена исследованию метафорических и метонимических моделей как инструментов выражения перцептивной модальности в дискурсе обзора вин на русском языке. Выявлены метафорические и метонимические средства выражения перцептивной модальности в тексте описания вина (на материале книг о вине). Особое внимание автор обращает на особенности проявления синестезии в языке, отказываясь от стандартного подхода к изучению данного явления.

The article is devoted to the study of metaphorical and metonymic models as tools for expressing perceptive modality in the discourse of wine review in Russian. Meta-

phorical and metonymic means of expressing the perceptive modality in the text of the wine description (on the material of books on wine) are revealed. The author draws particular attention to the features of the manifestation of synaesthesia in the language, refusing a standard approach to the study of this phenomenon.

Ключевые слова: когнитивная метафора, когнитивная метонимия, синестетическая метафора, синестетическая метонимия

Key words: cognitive metaphor, cognitive metonymy, synaesthetic metaphor, synaesthetic metonymy

Научный руководитель: Шиляев Константин Сергеевич, канд. филол. наук

Данная работа посвящена исследованию метафорических и метонимических моделей как средств выражения перцептивной модальности в дискурсе обзора вин. Большинству людей сложно описать ощущения различных перцептивных органов (исключением выступает визуальная перцепция). Одной из причин данного явления является недостаточность словарного запаса сенсорного восприятия в языках мира¹. Именно поэтому возникает интерес к исследованию того, как область чувственного восприятия выражается в языке.

Целью работы является выявление метафорических и метонимических средств выражения перцептивной модальности в тексте описания вина. Материалом для анализа послужили книги В. Чеботырева и С. Чеботыревой «Вина Испании»² и книга Мехузла Н.А «Вина Грузии»³.

В данном исследовании мы отступаем от традиционного «лингвистического» понимания метафоры в пользу теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые считают, что основой метафоризации является взаимодействие двух когнитивных структур: сферы-источника (source domain) и сферы-цели (target domain). В процессе метафоризации актуализируются определенные признаки сферы-цели и далее они структурируются с помощью сферы-источника⁴.

Исследуемый жанр интересен тем, что в нем представлены различные виды перцептивной модальности. Исследовав материалы, мы установили, что доминирующими видами перцепции выступают визуальная, обонятельная и вкусовая. В силу сложности описания данных видов восприятия, наше сознание прибегает к помощи различных когнитивных механизмов, таких как метафора и метонимия.

В наших материалах актуализируются следующие сферы-цели и сферы-источники:

1. ВИНО – ЭТО ЧЕЛОВЕК:

Красные грузинские вина имеют неповторимое своеобразие и индивидуальность.

В русском языке индивидуальность означает совокупность характерных своеобразных черт, отличающих какого-л. человека от другого. Вино выделя-

ется как индивид, как следствие, вину приписывается обладание различными качествами и свойствами, присущими человеку, которые представлены ниже.

Martin, сочетающее в себе свежесть молодого вина и элегантность вин крианса...

Согласно БТС⁵, молодой – это находящийся в возрасте от отрочества до зрелых лет. В данном случае вину передаются этапы взросления, присущие человеку. Возраст вина, как правило, является положительной характеристикой, с ним связан набор определенных вкусовых ожиданий.

2. ВКУС – ЭТО ЧЕЛОВЕК: Здесь имеет место метонимия часть – целое, так как вкус – это «часть» вина, но, поскольку метафоры вкуса составили по итогам анализа самостоятельную сферу-мишень, мы пришли к выводу о необходимости разделить эти понятия.

Вкус представлен следующими характеристиками:

Современные вина из Темпранильо радуют свежестью, богатым вкусом и приятным послевкусием.

Богатый имеет следующую дефиницию: обладающий большим состоянием; Богатый вкус – вкус, наполненный различными оттенками. Богатый человек – тот, кто обладает изобилием различных материальных ценностей. Происходит перенос свойства «обладание изобилием чего-то» с человека на вкус.

Эти богатые бархатистые вина с неагрессивными танинами оставляют долгое и очень приятное послевкусие.

Танин – это содержащееся в коре и листьях некоторых растений вещество с сильным вяжущим свойством. Так как танины описываются именно с точки зрения вкусовой перцепции, мы относим их к сфере-цели «вкус». Агрессивный – склонный к нападению (о человеке, животном). В виноделии агрессивное вино – вино с чрезмерной танинностью, которая раздражает слизистую. Вино «нападает» на слизистую, раздражая ее, метафорично перенимая свойство агрессивности человека.

В нашей работе мы рассматриваем метонимию согласно теории Лакоффа и Джонсона, которые понимают ее как преимущественно референциальный сдвиг в пределах одного когнитивного домена, тогда как метафора является отображением одного концептуального домена в другом, отличном концептуальном домене, где структура цели схожа со структурой источника.

Исследовав материал, мы столкнулись с явлением синестезии. В лингвистике под синестезией понимается «особый вид переноса наименования на основе ассоциации между значениями», при этом «два значения соотносятся с ощущениями, расположенными на двух различных уровнях чувствительности»⁶. Это явление использования слов, традиционно применяемых в описании одной сферы перцепции, в описании других, отличных от этого вида восприятия. Например, холодный свет, кислое лицо.

Традиционно для явления синестезии в языке принят термин «синестетическая метафора». Например, Молодкина Ю.Н. ссылается на понятие сине-

стезии как метафорического механизма пробуждения сенсорного опыта одной модальности через ощущения другой⁷.

В данной работе мы придерживаемся точки зрения Кариты Паради и Матса Эг-Олофссона¹, которые полагают, что явление синестезии выражается посредством синестетической метонимии. Авторы считают, что слова, обозначающие объекты (гранат, дерево) так же как слова, обозначающие свойства (сладкий, мягкий), являются моносемичными и используются с фокусировкой на то, как они выглядят, пахнут, или какие они на вкус. В данном случае слова не приобретают нового значения при описании вина. Через процесс синестетической метонимизации (соотнесение ЦЕЛОГО – ЧАСТИ), обращается внимание на тот или иной аспект чувственного восприятия.

В наших материалах были представлены следующие синестетические метонимии. Для описания цвета: фрукты (7) – гранат (7); ягоды (10) – вишневый (7), клубничный (2); металлы и минералы (18) – рубин (5), золотистый (8); строительные материалы (2) – кирпичный, черепица. Для описания аромата: фрукты (38) – фруктовый (24), персик (2); цветы и деревья (9) – цветочный, дерево (2), дуб (3); ягоды (4) – малина, лесные ягоды (2); специи и травы (14) – специи, травяные (6), тимьян; орехи (5) – миндаль (2), лесные орехи.

Проведенный анализ подтверждает выводы исследователей о том, что в русском языке не существует специальной лексики для описания восприятия вина разными органами чувств. Данный факт вынуждает наше мышление прибегать к помощи когнитивных механизмов метафоры и метонимии. Используемая описательная лексика является межчувственной и специфичной для данного дискурса.

¹ Carita Paradis & Mats Eeg-Olofsson// Describing Sensory Experience: The Genre of Wine Reviews, *Metaphor and Symbol*, 28: 22–40, 2013.

² Чеботарев В.Л. Вина Испании / В.Л. Чеботарев, С.В. Чеботарева – М.: Издательство Жигуль - ского, 2003. – 304с.

³ Мехузла Н.А. Вина Грузии / Н.А. Мехузла. – М.: Издательство Жигульского, 2003. – 296 с.

⁴ Лакофф Д. и Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: ЛКИ, 2008.

⁵ Большой толковый словарь русского языка/ гл. ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

⁶ Ullmann S. *The Principles of Semantics*. Glasgow, 1957. – 230 p.

⁷ Молодкина Ю.Н. Синестетическая метафора запаха: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук: 17.12.2010/ Ю.Н. Молодкина. – Курск, 2010. – 20 с.

Энс Е.С., КемГУ, аспирант

Ens E.S., KemSU, postgraduate student

Образ автора политического текста как фактор его интерпретационно-функционального функционирования

The image of the author of the political text as a factor of its interpretative functioning

Статья посвящена рассмотрению роли образа автора как фактора, детерминирующего вариативное функционирование текста в процессе его интерпретации рядовым носителем русского языка. Исследование выполнено на материале лингвистического эксперимента, в ходе которого были выявлены смысловые версии исходного текста как результат влияния образа автора на интерпретационную деятельность адресата.

The article is devoted to the role of the author's image as a factor that determines the variable functioning of the text in the process of its interpretation by the average native speaker of the Russian language. The research was carried out on the material of a linguistic experiment, during which semantic versions of the source text were revealed as a result of the influence of the author's image on the interpreting activity of the addressee.

Ключевые слова: лингвополитология, интерпретация текста, когнитивная лингвистика, образ автора

Keywords: lingvopolitologiya, interpretation of the text, cognitive linguistics, author's image

Научный руководитель: Ким Лидия Густовна, д-р филол. наук, доцент

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

Данное исследование выполнено в русле нового лингвистического направления – лингвистического интерпретационизма, которое разрабатывается в трудах В.З. Демьянкова¹, Л.Г. Ким² и ряда других исследователей. Кроме того, предлагаемое исследование выполнено в русле обыденной лингвополитологии, основоположником которой является Н.Д. Голев³ и которое получило развитие в работах Л. Г. Ким⁴ и Е. В. Кишиной⁵. Задачей настоящей статьи является установить факторы, детерминирующие вариативность восприятия адресатом содержания одного и того же текста, и определить, как влияет образ автора политического текста и приписываемые ему адресатом политические интенции на результат его интерпретации.

Исследование выполнено на материале лингвистического эксперимента. Испытуемым (студентам Кемеровского университета в количестве 100 человек) для анализа был предложен следующий фрагмент инаугурационной речи Д.А. Медведева (2008 г.):

В этой связи считаю своей важнейшей задачей дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан – граждан, свободных и ответственных как за свой личный успех, так и за процветание всей страны.

Именно такие люди создают высокое достоинство нации и являются источником силы государства – государства, у которого есть сегодня и необходимые ресурсы, и четкое понимание своих национальных интересов.

В процессе эксперимента испытуемые должны были ответить на вопросы: 1) О чем этот текст? 2) Чего хотел достичь автор при произнесении этого текста?

Участники эксперимента были поделены на четыре группы по 25 человек, каждая из которых получила один и тот же текст, различающийся автором. Так, студентам первой группы был предложен фрагмент речи Д. А. Медведева, но в качестве автора был указан В. В. Путин; соответственно испытуемым второй группы предложили этот же текст, при этом как автор был обозначен Р. Кадыров; студентам третьей группы – текст с автором П.А. Порошенко, и лишь студенты четвертой группы имели текст, автором которого был обозначен Д. А. Медведев.

При постановке эксперимента мы ставили цель установить, влияет ли образ автора на интерпретацию текста, и верифицировать гипотезу, согласно которой образ автора и приписываемые ему адресатом интенции являются фактором, детерминирующим интерпретационный результат.

В ходе эксперимента был получен материал в объеме 100 ответов. Ответы информантов можно разделить на группы, исходя из характера интерпретационной деятельности адресата.

1. Адресат представленный отрывок интерпретирует как призыв граждан к действию или как текст о том, какими должны быть граждане (40% ответов): о гражданах; о свободных гражданах, но вообще о достоинстве нации РФ; о том, что процветание государства зависит от граждан.

2. Реципиенты интерпретируют текст как средство достижения популярности/ уважения/ привлечения внимания лидера (30 % ответов): мотивация; хочет добиться популярности; привлекает внимание; хочет добиться уважения.

3. Текст воспринимается как средство манипуляции (15 % ответов): используется, чтобы воздействовать на сознание; текст для предвыборной агитации; хочет вызвать доверие.

4. Отрывок интерпретируется как содержащий информацию, не соответствующую действительности – ложь (15 % ответов): врет, как и все политики; пустые слова; слова не имеют практической значимости; пускает пыль в глаза.

Таким образом, один и тот же текст в процессе его восприятия адресатом получает вариативную множественность интерпретаций.

При этом можно обнаружить некоторую закономерность интерпретационных вариантов от личности политического лидера, которому мы приписали этот инаугурационный текст. Так, текст, авторство которого мы приписали Р. Кадырову, объединяют интерпретирующие высказывания, содержащие идею о том, что граждане – основа процветания страны, государство должно поощрять граждан. По полученным реакциям можно установить, что в сознании адресата существует модель образа этого политического лидера; реципиент представляет его как человека последовательного, действующего в тандеме с В. В. Путиным, в общем направлении с Россией и продолжающего курс своего отца: Развитие гражданских свобод общества – задача современной России; приоритетное направление развития РФ и ее регионов; продолжение курса своего отца.

П. А. Порошенко предстает в сознании адресата в негативном свете, поэтому в интерпретирующих суждениях адресатов содержатся такие слова и словосочетания, как *ложь*, *ничего не добился*, *пускает пыль в глаза*, *хотел добиться уважения*, *вступление в ЕС: готовность страны вступить в ЕС*; *показать свою значимость*; *врет*, как и другие политики; *ничего он не добился*; *хочет показать-ся умным*; *только и умеет пыль в глаза пускать*.

При интерпретации текста, автором которого указан Д. А. Медведев, реакции адресатов объединены лексемами *демократичность*, *свободы граждан*, *развитие государства*. Образ автора предстает как образ лидера, который заботится о своей стране и ее населении: *Силой государства являются свободные люди*; он будет создавать условия для самореализации граждан.

Образ В. В. Путина воспринимается реципиентами как образ сильного лидера, который стремится создать прочный фундамент для будущего своей страны и ее граждан, такое восприятие адресанта порождает соответствующие интерпретации: *развитие государства*; *создание возможностей для самореализации граждан*; *у государства есть все ресурсы*, чтобы развивать граждан и страну.

Таким образом, текст в процессе своего интерпретационного функционирования в сознании рядовых граждан реализуется совокупной множественностью вариативных интерпретирующих высказываний. Содержание текста воспринимается реципиентами в зависимости от образа политического лидера, который указан нами как автор текста. Личность автора текста и приписываемые ему адресатом интенции являются фактором, детерминирующим направление интерпретационного процесса и содержание интерпретирующих высказываний.

¹ Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. – №2. – С.5-13.

² Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: диссертация ...д-ра филол. наук. – Кемерово, 2010. – 405 с.

³ Голев Н.Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика // Тезисы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2011. – С. 66-69.

⁴ Ким Л.Г., Мустайоки А., Пиетилийнен Ю. Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретацию политического текста // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 37-49.

⁵ Кишина Е.В. Интернет-комментарии к политическим текстам как объект описания обыденной лингвополитологии // *Człowiek Świadomość Komunikacja Internet*. – Warszawa 2012. – С. 692-702.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Аракелов Р.А., КемГУ, студент

Arakelov R.A., KemSU, student

Функционирование текста в политизированном пространстве Интернет-коммуникации

Text functioning in the politicized space of the Internet-communication

Статья посвящена исследованию двух текстов, размещенных на портале Lenta.ru, и комментариев к ним интернет-пользователей. Автор устанавливает факторы, детерминирующие развитие комментирования текста по конфликтогенному сценарию и доказывает положение о том, что как политический, так и неполитический текст при его функционировании в пространстве Интернета реализует свой смысловой потенциал, который актуализируется в политическом аспекте.

The article is devoted to the analysis of two texts posted on the web portal Lenta.ru and comments provided by web users. The author has found out the factors conditioning the text commenting development by conflictogenic scenario and demonstrated a proposition that while functioning in the Internet space both political and non-political texts realize their semantic potential, which is actualized in political perspective.

Ключевые слова: конфликт, интерпретация, Интернет-пространство, лингвоконфликтология

Key words: Conflict, interpretation, Internet space, linguoconflictology

Научный руководитель: Ким Лидия Густовна, д-р филол. наук, доцент

Стремительное развитие Интернета приводит к тому, что происходит модификация привычных форматов коммуникации. Изменение сознания личности в Интернете, формирование нового, сетевого образа жизни и мышления существенно влияет на язык и на процессы интерпретации текста. Но кроме воздействия интернет-социума на язык и текст, исследователи подчеркивают и обратное воздействие – языка и интернет-дискурса на социальную структуру, на формирование сообществ, кластеров и социальных групп.

О важности и значимости изучения языка интернет-общения свидетельствуют многочисленные исследования последних десятилетий: А.А. Барковича¹, Т.Ю. Виноградовой², Т.Н. Колокольцовой, О.В. Лутовиновой³ и других. Специфика интернет-коммуникации определяется ее виртуальностью; условия, в которых происходит коммуникация, существенно отличаются от условий реального общения (анонимность и физическая непредставленность), что позволяет участникам виртуального общения высказывать свои взгляды, вступать в дискуссию, которая зачастую перерастает в столкновение идей, мнений, точек зрения.

Предметом исследования в представляемой работе выступает конфликт интерпретаций, сквозь призму которого рассматривается речевой материал – тексты интернет-комментариев, представленные на форумах и в блогах. Предлагаемое исследование выполнено в русле обыденной лингвополитологии⁴, лингвистического интерпретационизма в его адресатоцентричном преломлении⁵ и лингвоконфликтологии⁶. Конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими негативными средствами языка и речи^{*}.

Материалом для исследования послужили 2 текста: политический текст «Керри заявил о единстве Европы и США в вопросе санкций против России», размещенный на новостном интернет-портале Lenta.ru 27 октября 2016 года (<https://lenta.ru/news/2016/10/27/kerry>) и его интерпретации интернет-пользователями в виде 64 комментариев, и научно-публицистический текст «Марс-ход curiosity сделал послебуровое селфи», размещенный на этом же портале 15 октября 2015 года (<http://lenta.ru/news/2015/10/15/nasa>), и его интерпретации в виде 88 комментариев.

При анализе комментариев политического текста было выявлено, что часть из них непосредственным образом коррелирует со смысловыми зонами исходного текста. Например, «*Tokeru by: Главное чаще напоминать про единство, а то по швам трещит*». Другая группа комментариев частично совпадают с содержанием исходного текста. Например, «*Иван Неизвестно: Они нам только на пользу.. раньше мы нефть продавали по 30 р. за доллар, а теперь по 60.. доходы бюджета что? .., они увеличились**». Комментарии третьей группы по диктуму не совпадают с содержанием исходного текста. Например, «*Бульдозер на Пролом: Гордитесь путинным он герой*».

Таким образом, анализ комментариев текста политической направленности позволяет утверждать, что интерес интернет-пользователей к политическим текстам очень велик. Это доказывается большим количеством комментирующих суждений практически к каждому тексту политической тематики. Комментарии актуализируют политические процессы, происходящие в мире: санкции, прослушивание мировых лидеров и т.д. При этом комментирующие высказывания развиваются по конфликтному сценарию.

Обращение к тексту неполитической направленности, носящему научно-популярный характер, также позволило выявить, что часть комментариев непосредственным образом коррелирует со смысловыми зонами исходного текста. Например, «*Simoron: Снимают под разными углами и перекрывают держалку*». Другая группа комментариев лишь частично совпадают с содержанием исходного текста. Например, «*Dmitrii Godunov: Пыли-то там! Преизрядно!*». Но большая часть комментариев содержит высказывания, не совпадающие с содер-

^{*} текст комментариев дан в авторской орфографии и пунктуации

жанием исходного текста. Причем авторы подобных комментариев стремятся перейти к обсуждению политических процессов в стране и мире.

Таким образом, независимо от того, политический ли текст, или, напротив, текст неполитической направленности, оказавшийся в политизированном пространстве Интернета, интерпретируется в политическом аспекте, и при этом – по конфликтному сценарию.

¹ Баркович А.А. Интернет-дискурс. Компьютерно-опосредованная коммуникация. – М.: Флинта, 2016. – 288 с.

² Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань: Изд-во Казанского гос. университета, 2004. – С. 63-67.

³ Колокольцова Т.Н., Лутовинова О.В. Интернет-коммуникация как новая речевая формация. – М.: Флинта, 2016 – 328 с.

⁴ Голев Н.Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика // Тезисы Международной конференции. – Екатеринбург, 2011. – С. 66-69.

⁵ Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Кемерово, 2010. – 50 с.

⁶ Кишина Е.В. Интернет-комментарии к политическим текстам как объект описания обыденной лингвополитологии // Człowiek Świadomość Komunikacja Internet. Redakcja naukowa Ludmiła Szypielewicz. – Warszawa 2012. – С. 692-702.

⁷ Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 27.

Барашкова Д.Р., ТГУ, студент

Barashkova D.R., TSU, student

Репрезентация образа России в СМИ России, США и Индии

Representation of the image of Russia in the mass media of Russia, USA and India

Статья посвящена изучению репрезентации образа России в англоязычных (США, Индия) и русскоязычных печатных СМИ в период 2012–2013 годов. Выявляются и сравниваются национальные особенности языковой репрезентации образа.

This article studies the representation of the image of Russia in English (USA, India) and Russian print media in 2012 – 2013. National features of the language representation of the image are identified and compared.

Ключевые слова: дискурс СМИ, Россия, образ

Keywords: mass media discourse, Russia, image

Научный руководитель: Кашпур Валерия Викторовна, канд. филол. наук, доцент

На современном этапе развития СМИ, осознавая степень их влияния на общество и его взгляды, актуальным представляется изучение специфики репрезентации образа России в СМИ России, США и Индии. Целью дискурса СМИ является «формирование общих мировоззренческих принципов»¹. СМИ непо-

средственно воздействуют на общественное сознание и на социальную практику. Изучение репрезентации образа России в СМИ разных стран позволит смоделировать национально-специфичные конструкторы.

Материалом исследования являются статьи англоязычных и русскоязычных газет, в которых упоминается Россия. Англоязычные СМИ представлены газетами Индии («The Times of India», «The Hindu» и «The Indian Express») и США («The Wall Street Journal», «The USA Today» и «The New York Times»). «Аргументы и Факты», «Известия», «Коммерсантъ-Daily» представляют русскоязычный источник материала. Данные газеты являются авторитетными ежедневными печатными изданиями с крупным тиражом. Они освещают события как общественно-политического, так и общенационального характера. Все источники доступны в интернет-версии. Для исследования привлекается актуальный материал 2012 – 2013 гг. Наша исследовательская гипотеза заключается в том, что образ России будет национально специфично представлен в СМИ трех стран.

Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки контекстов, содержащих лексическую единицу «Россия» в русскоязычных СМИ и «Russia/Russian» в англоязычных СМИ. Было проанализировано 20 источников на русском и 35 источников на английском языке. Общее количество словоупотреблений в русском языке: 109, в английском: 104.

Первичный анализ заключался в определении основных тематических направлений реализации образа России. Было выявлено два основных направления: внешняя политика и социальная жизнь в России, т.е. образ России на международной арене и образ России в пределах страны.

В рамках первого направления Россия рассматривается как участник отношений между странами. В газетах США Россия чаще всего (около 90%) упоминается в контекстах о ее взаимодействии с Соединенными Штатами, Западом, Сирией и Украиной. По отношению к Соединенным Штатам Россия, с одной стороны, представляется как противник. В статьях пишут об антиамериканской политике России (**Russian** anti-Americanism is likely to intensify). Однако, несмотря на напряженные отношения между этими странами, некоторые контексты указывают на то, что Россия и США пытаются найти общий язык (to find common ground with **Russia**). По отношению к Западу СМИ США представляют Россию как соперника Запада на Востоке. Россия находится в напряженных отношениях с Западом (traditional **Russian** suspicions of the West). По отношению к Сирии СМИ США изображают Россию как страну, помогающую Сирии своим, отличным от других стран, путем. Россия всячески поддерживает Сирию как в политическом, так и экономическом плане, защищает и оправдывает правительство Сирии, несмотря на позиции США (U.S. frustration with Mr. Putin has also been building over Moscow's support for Syrian President). По отношению к Украине создан образ России как угнетателя. Россия пытается контролировать Украину, пользуется ее слабостью (Germany's new foreign minister, accused Russia of taking advantage of Ukraine's economic weakness).

СМИ Индии упоминают Россию в основном в связи с самой Индией, отдельно можно рассмотреть тему продажи военного оружия. По отношению к Индии Россия всегда сотрудничает с ней и налаживает контакты (In that situation India and **Russia** show an example of responsible leadership and collective actions in the international arena). Россия является крупным поставщиком тяжелого оружия в Индию (India and **Russia** going to sign biggest-ever defence deal). Газеты также описывают большую военную подготовку и снаряжение России в целом.

Российские СМИ упоминают Россию в основном в тех же контекстах, что и СМИ США: связанных с США, Западом, Сирией, Украиной, дополнительно характеризуются отношения с Востоком. По отношению к США Россия представлена как их конкурент (Внешний долг **России** растёт. Зачем мы всё время занимаем, а свои деньги отдаём американцам на хранение). По отношению к Западу Россия представлена как дискредитируемая страна (И образ **России** искусственно ухудшают – в том числе для того, чтобы ослабить наши конкурентные преимущества в естественных для **России** областях). По отношению к Сирии Россия представлена как щедрый помощник: Россия безвозмездно помогает Сирии (...если бы не жёсткая позиция **России** в Совете Безопасности ООН, войска НАТО вторглись бы в эту страну уже в июле). Россия является другом Сирии. По отношению к Украине Россия представлена как страна, имеющая право влиять на нее (Никто даже в страшном сне и подумать бы не мог, что через сотню лет в центре материи городов русских будут происходить такие безобразия и **России** придётся отстаивать своё право на влияние в этой части русского мира). Россия не может наладить контакт с Украиной. По отношению к Востоку Россия представлена как влиятельная (И приоритет внешней политики России очевиден: быть лидером вместе с Китаем в построении мультиполярного мира) и щедрая страна (**Россия** простила Северной Корее долг в размере \$11 млрд).

В рамках второго направления рассматриваются аспекты социальной жизни в России.

СМИ США пишут о России как о стране с невысоким уровнем жизни, стране, в которой нарушаются права человека (The ban is part of a bill retaliating against a new American law aimed at punishing human rights abuses in **Russia**). В России ухудшается демографическая ситуация (**Russia's** Slavic population is dwindling, eaten away by declining life expectancy, rampant drug and alcohol abuse, and low fertility). **СМИ Индии** также пишут о России как о стране с не очень высоким уровнем жизни, но дающей хорошее образование (There are some fears about studying in Russia, but overall the education in the country is very good). **СМИ России** пишут о России как о сильной, преодолевающей все невзгоды стране, уровень жизни в которой повышается. (**Россия** не та страна, которая отстывает перед вызовами). В России высокий процент населения с высшим образованием (Среди наших граждан в возрасте 25–35 лет высшее образование имеют 57% – такой уровень кроме **России** отмечен всего в трех странах мира: в Японии, Южной Корее и Канаде).

Таким образом, первичный анализ материала показал, что образ России в рассматриваемых СМИ раскрывается в двух направлениях: Россия как участник международных отношений и Россия как страна с внутренними социальными закономерностями. Направления представлены в газетах всех трех стран. Как участник международных отношений Россия представляется противником с перспективой взаимопонимания (США), дружественной страной (Индия) и независимым игроком на внешнеполитической арене (Россия). В национальном социальном аспекте Россия представлена как страна с невысоким уровнем жизни (США, Индия), нарушитель прав человека (США), стабильно развивающаяся страна (Россия).

¹ Полонский А. Медиа-дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada6/st43.shtml>

Бирт Е.А., ТГУ, студент

Birt E.A., TSU, student

Речевой жанр поста в социальной сети «Facebook»: к проблеме описания

Speech genre of Facebook's post: to the problem of description

В данной статье на основе анализа личных аккаунтов в социальной сети «Facebook» будут представлены особенности функционирования речевого жанра поста в социальных сетях. Описаны отличия личного поста от рекламного поста.

In this article features of the functioning of the speech genre of post in social networks will be presented. The presentation is based on the analysis of personal accounts in Facebook. Distinctions between personal and advertising posts are described.

Ключевые слова: пост, речевой жанр, Facebook

Key words: post, speech genre, Facebook

Научный руководитель: Эмер Юлия Антоновна, д-р филол. наук, доцент

Интернет-сервисы социальных сетей – важная коммуникационная составляющая Интернета. Многие русские и зарубежные исследователи посвятили свои работы изучению особенностей коммуникации в Интернете (Дж. Прайс, Е. Н. Галичкина и др.). Актуальность данного исследования обусловлена концентрацией русскоязычных исследований на русских социальных сетях, в то время как Facebook всё ещё остается в стороне, хотя значительно отличается от русских основной аудиторией, контентом и интерфейсом и является источником большого научного интереса. Цель исследования – характеристика речевого жанра поста в социальной сети Facebook.

В данной статье под речевым жанром понимается совокупность письменных высказываний, обусловленных тематически, стилистически и ситуативно¹.

Интернет-пост – это информационное сообщение, размещённое пользователем в социальной сети. Посты объединены ситуацией функционирования в сети, руководствуются правилами, которые диктуют интерфейс и возможности сайта.

Речевой жанр поста был описан на основе анкеты речевого жанра Т.В. Шмелёвой, которая позволяет выявить отличительные признаки² жанра.

Facebook – это платформа, предназначенная для построения и организации социальных взаимоотношений в Интернете. Большая часть аудитории – продвинутые в профессиональном плане пользователи (предприниматели, IT-специалисты и др.), возраст большинства варьируется в диапазоне 25-50 лет³. Основная аудитория Facebook характеризуется высоким социальным статусом и достатком выше среднего. В ходе исследования нами было выбрано 9 аккаунтов людей, которые соответствуют характеристикам выше, и выполнен анализ 158 постов, отображенных с помощью метода сплошной выборки.

На начальном этапе мы выявили следующие категории постов: рекламные и личные. Тематически рекламные посты однотипны: они напрямую связаны с профессиональной деятельностью авторов, продукцией, которую производит та или иная организация. Например, человек, работающий в косметологическом салоне, рассказывает о новых услугах и возможностях омоложения; бизнес-акселератор ищет новые стартапы, о чем пишет сотрудник компании. Личные посты могут быть посвящены фильмам, смешным картинкам и видео – тематика личных постов свободна. Коммуникативные цели разнятся. Среди личных постов это: донесение до аудитории личного мнения автора, призыв к обсуждению, просьбы о содействии (напр., «Друзья, вопрос! Гражданину РФ при пересечении границы с Казахстаном нужен загран.паспорт?»), «Итак, мне 40. Забавно, что в далёком прошлом этот возраст я даже не воспринимал...» и др.). Характерные цели рекламных постов: призыв к покупке товара, посещению тренинга, похвала продукта, оценка деятельности компании сторонними ресурсами. Коммуникативная цель во многом определяет вид поста. В личном посте выражается мнение автора, отражена его жизнь вне профессиональной деятельности. Рекламный пост способствует популяризации и продвижению продукции/услуг. Целесообразным было выделить и рекламно-личностный пост. К таким постам относятся рекламные публикации, которые содержат в себе личную информацию или касаются само-пиара и связаны с профессиональной деятельностью авторов, но не связаны с ней напрямую.

Образ автора в тексте выражается через личные местоимения «я», когда говорится о мнении и опыте самого автора (напр., «я увидел», «я думаю» и др.), и «мы», когда автор говорит от лица компании (напр., «мы открыли», «к нам присоединились» и др.). Таким образом, перед нами предстают две личности: автор как индивид, обладающий своими взглядами и эмоциями, и автор как часть компании, действующий в ее интересах и в соответствии с ее целями. Образ адресата выражается через обращение «друзья», что снимает официальность (напр., друзья, друзья, дорогие мои девочки и др.). Важно отметить, что посты рассчитаны на широкий круг аудитории, и понятие «друзья» здесь относительно. Оно включает в себя дру-

зей (в прямом смысле слова), коллег и людей, с которым в реальной жизни автор не знаком. Интерфейс позволяет адресату высказать реакцию на сообщение «лайком», комментарием и репостом. Для рекламных постов принципиальна ориентация на аудиторию – с ее помощью информация получает широкое распространение (напр., «Друзья, мы открыли новый филиал...», «Воспользуйтесь новой услугой...» и др.). Личный пост часто похож на автокоммуникацию (разговор с самим собой) (напр., «Бюрократия рулит! 1,5 дня коту под хвост...», «Половина знакомых уехала в ЮВА... надо присоединиться») и др.).

Среди языковых воплощений рассматривалось наличие/отсутствие разговорной лексики. Предполагалось, что количество просторечий в личных постах будет больше, чем в постах других категорий. Однако наибольшее число разговорной лексики встречалось в рекламно-личностных постах (кайф, крутышки, живенько, личка и др.). Это стилистически приближало их к личным. В личных постах разговорная лексика также присутствует (крутяк, офигенная, мужики и др.). В рекламных постах разговорная лексика отсутствует. Это обусловлено более официальной ситуацией общения с пользователями – автор устанавливает с ними деловые отношения «продавец-покупатель» (напр., «Раскрывайте больше игр с нами», «Записывайтесь к нашим специалистам и наслаждайтесь видом своих пальчиков!» и др.). Также к языковым воплощениям мы отнесли хэштеги, которые характерны исключительно для Интернет-коммуникации и позволяют упростить поиск нужной информации. Такие метки могут быть разными: в личных постах они относятся к абсолютно любой тематике, кроме профессиональной (напр., #8марта, #путешествие), в рекламных – это слова, связанные с работой (#работа, #командировка), названия городов, куда пользователь отправляется в командировку (#Казань, #СПБ), названия организаций (#zooprofi, #ИТМО).

Итак, в результате исследования нам удалось охарактеризовать речевой жанр пост в социальной сети Facebook с помощью анкеты речевых жанров. Его отличительными чертами являются «двойственность» образа автора (автор как личность и автор как часть команды), языковые выражения, характерные одновременно для Интернет-текстов и разговорной речи, образ адресата (в тексте выражается словом «друг», кем на самом деле не является). В целом можно определить пост как информативный речевой жанр, однако «вторичные» его цели позволяют выделить три категории: рекламный, рекламно-личностный и личный посты.

¹ Бахтин М.М. Собрание сочинений Т. 5 : в 7 т. / М.М. Бахтин – М.: Русские словари, 1996. – 732 с.

² Шмелева Т.В. Речевой жанр: Опыт общепилологического осмысления / Т.В. Шмелева // Collegium. – Киев, 1995. – №1-2. – С. 57-65.

³ Ермолова Н. Продвижение бизнеса в социальных сетях Facebook, Twitter, Google+. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – С. 24-28.

Бородина А.В., ТГУ, студент

Borodina A.V., TSU, student

Вербальные средства суггестивного воздействия в психологическом медиа-дискурсе

Verbal resources of suggestive influence in psychological media-discourse

Статья посвящена изучению вербальных средств суггестивного воздействия в психологическом медиа-дискурсе на материале популярного интернет-журнала www.psychologies.ru. В центре внимания суггестивные средства, реализующиеся в коммуникативных тактиках и стратегиях. Рассматриваются примеры использования одной из коммуникативных стратегий – гипноз имени.

This article analyzes the verbal resources of suggestive influence in psychological media-discourse on the material of popular psychological magazine www.psychologies.ru. The author focuses on suggestive resources which realize in communication strategies and tactics. Special attention is paid to example with one communication strategy – of belief.

Ключевые слова: суггестия, воздействие, психология, коммуникативная стратегия, дискурс

Keywords: suggestion, influence, psychology, communication strategy, discours

Научный руководитель: Волошина Светлана Владимировна, канд. филол. наук, доцент

Долгое время термин «суггестия» употреблялся сугубо как медицинский термин, под которым подразумевалось латентное влияние на подсознание личности, приводящее к изменению процессов мышления, чувствования и реакций, но с изменением научной парадигмы, развитием когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике, популяризировался междисциплинарный подход, который позволил расширить научный аппарат и взглянуть на явление с разных точек зрения.

Современная лингвистика активно изучает вопросы, связанные с вербальным воздействием на человека. В основном это обусловлено тем, что в наше время увеличивается число сфер, в которых используется данный метод воздействия: PR и реклама, медицина, радио, телевидение, печатные СМИ и пр.

Термин «суггестия» был введен в лингвистику И.Ю. Черепановой¹, которая выделила суггестивные тексты как особый тип текстов, «специально создаваемый для воздействия на установку личности».

Исследователи изучают лексические, грамматические средства суггестивного воздействия в разных типах дискурса: психологическом, медицинском, рекламном, медиа-дискурсе и пр.

В настоящее время существует проблема разграничения понятий суггестии и манипуляции. Некоторые ученые употребляют данные термины как синонимы, некоторые рассматривают их как родовидовые понятия либо придерживаются точки зрения, что суггестия и манипуляция – явления разного порядка.

Мы изучаем средства суггестивного воздействия в психологическом медиа-дискурсе на материале популярного интернет-журнала www.psychologies.ru. Было проанализировано 50 статей, взятых из разных рубрик журнала. Особенность данного исследования заключается в изучении текстов, совмещающих в себе признаки медиадискурса, интернет-дискурса и психологического дискурса.

Журнал «Psychologies» – это международный медиа-бренд, который позиционирует себя как профессиональный, а в создании статей участвуют: «ведущие эксперты в области психологии, психотерапии, психоанализа, философии и социологии»², следовательно, мы можем выделить такое суггестивное средство, как гипноз имени, или стратегию привлечения авторитетного мнения.

Каждая статья сопровождается упоминанием исследователя, эксперта в той или иной области, преимущественно, представителя европейских или американских профессиональных сообществ:

«Исследовав супружескую жизнь многих пар, семейный психотерапевт Джон Готтман обнаружил четыре главных признака грядущего развода, которые он назвал «Четырьмя всадниками апокалипсиса»; «Как современный мир меняет наше отношение к любви? Что для нас самое трудное: принадлежать, обладать, строить вместе, выносить скуку, хранить верность, противостоять потребительству? Об этом размышляют литературовед, социолог, философ, и скандальная романистка»; «Исследователи из Гарвардской школы бизнеса во главе с бихевиористом Франческой Джино (Francesca Gino) провели серию экспериментов»; «Брайан Ванзинк (Brian Wansink), один из самых известных в мире исследователей пищевого поведения».

Привлечение подобной тактики даёт адресату понять, что статья написана на основе научных исследований зарубежных специалистов. Таким образом реципиент понимает, что был проведён тщательный анализ данных, и это заставляет не сомневаться в достоверности полученных результатов и, соответственно, советов, которые последуют в финальной части текста.

Необходимо отметить, что тактика привлечения авторитетного имени сопровождается тактикой создания положительной оценки с помощью включения в текст либо профессионального статуса конкретного специалиста: *«Фердинандо Саламино (Ferdinando Salamino), психотерапевт, преподаватель Университета Бергамо (Италия)», «Эми Морин (Amy Morin), психотерапевт, автор бестселлера «13 вещей, которые не делают люди, сильные духом», переведённого на 20 языков», либо – группы людей: «Группа психологов из Университета Британской Колумбии (Канада) решила выяснить <...>».* Это способствует появлению доверия к информации и уверенности в ее истинности у адресата.

Так как журнал psychologies.ru позиционирует себя как журнал с научно-исследовательским уклоном, для большей убедительности и создания компетентного образа эксперта привлекается научная, преимущественно, медицинская терминология:

«Мозг – гигантская сеть нервных клеток, постоянно обменивающихся между собой сигналами в виде электрических импульсов, и отголоски электрических полей этих импульсов можно зарегистрировать прямо на коже головы. Электроэнцефалограмма (ЭЭГ) – это как раз запись этих «отголосков»».

«Techneck, или «техно-шея» – это горизонтальные морщины, которые возникают вне зависимости от возраста женщины»;

«<...> они обнаружили структуры мозга, отвечающие за (быстрый) БДГ-сон и продемонстрировали, что эта фаза сна помогает регулировать физиологию другой фазы – так называемого не-БДГ».

Еще одним средством суггестивного воздействия в исследуемых текстах выступают статистические данные, которые приводятся в статьях: *«Примерно 70% населения планеты исповедует одну из крупных мировых религий<...>. Для этого исследователи провели собеседование и игровой эксперимент в общей сложности с 591 человеком из восьми различных культур в разных уголках планеты <...>».*

На основании приведенных примеров, можно сказать, что вербальные средства суггестивного воздействия: средства репрезентации, использование научной терминологии и статистические данные можно свести к одной стратегии: стратегии убеждения.

¹ «Суггестивная лингвистика – новое направление в мировой науке, официально признанное таковым во время защиты докторской диссертации И. Ю. Черепановой в Институте языкознания РАН (декабрь 1996)» // Черепанова И.Ю. Российская суггестивная лингвистика – верно направленное влияние языка на подсознание людей // Тверская гос. сельхоз. акад.-я. – 4 с.

² PSYCHOLOGIES. О проекте (Электронный ресурс). URL: www.psychologies.ru

Брусова Т.Ю., КемГУ, студент

Brusova T.Yu., KSU, student

Множественность интерпретаций текста как реализация его смыслового потенциала

The multiplicity of interpretations of the text as a realization of its semantic potential

В статье решается проблема интерпретационного функционирования текста в сознании реципиента. На материале лингвистического эксперимента выявляются смысловые версии интерпретируемого текста, устанавливаются факторы, обуславливающие множественность и вариативность реализации смыслового потенциала исходного текста. Автор приходит к выводу, что языковая организация текста детерминирует множественную вариативность реализации смысловых версий интерпретируемого текста.

The article deals with the problem of interpretive functioning of text in the consciousness of recipient. On the materials of the linguistic experiment semantic versions of the interpretive text are revealed, factors which determine the plurality and variability of the source text semantic potential actualization are identified. The author comes to the conclusion that the language organization of the text determines the plural variability of the interpreted text semantic versions actualization.

Ключевые слова: интерпретация, текст, смысловая версия

Key words: interpretation, text semantic version

Научный руководитель: Ким Лидия Густовна, д-р филол. наук, доцент

В лингвистике и других науках накоплен уже большой корпус разноаспектного теоретического материала о сущности множественной интерпретации, и в настоящее время актуализируется задача собственно лингвистического системного описания именно качественной стороны явления¹. Феномен множественности интерпретации отмечается вполне регулярно²; в частности, в современных лингвокогнитивных исследованиях нередко подчеркивается то обстоятельство, что на основе одного исходного текста может быть получено множество объектов, оцениваемых каждым интерпретатором как равносильных исходному³.

Задачей настоящего исследования является доказательство положения о том, что каждый текст в процессе его интерпретационного функционирования реализуется множественностью смысловых вариантов.

Для доказательства этого положения нами был проведен лингвистический эксперимент, участниками которого являлись студенты Кемеровского университета (50 человек). При постановке эксперимента испытуемым была предложена фраза *«Политика не создает людей, но берет их такими, какими их создала природа»*; при прочтении данной фразы им предстояло ответить на вопрос: *О чем этот текст? Как вы понимаете смысл данного высказывания?*

В результате эксперимента было установлено, что данная фраза имеет множество толкований ее смысла. Нами было выявлено несколько смысловых версий.

1. *«Политика не меняет людей»*: *Политика не меняет людей, в нее приходят люди своеобразные, духовно состоявшиеся, настоящие личности и это очень ценно. Именно поэтому политика каждого человека такая особенная и неповторимая.*

Респонденты, сделавшие такой вывод, руководствовались мыслью, что политика не формирует людей, никаким образом не касается их внутреннего мира, позиций и ценностей, не влияет на мировоззрение, не делает их «ни хуже, ни лучше».

2. *«Политика меняет людей»*: *То есть политика берет нас такими, какими мы родились, какими нас воспитали родители и за время нашего взросления она меняет, или даже точнее сказать, подстраивает нас под себя; Политика*

не создает людей, но она может влиять на образование, воспитание, закладывая в людей разные взгляды и понятия; Политика не создает людей, но она может влиять на образование, воспитание, закладывая в людей разные взгляды и понятия.

Реципиенты, интерпретируя фразу, утверждают, что политика все же способна изменить личность, т.к. это та сфера общества, которая не может не воздействовать на человека.

3. «Политикой занимаются те, кто склонны заниматься этим видом деятельности»: *Этот текст о том, что род деятельности не может «слепить» человека, а может просто принять его. Зачастую говорят, что политика или власть меняет людей, но судя по всему, это высказывание опровергает эту мысль. В общем, в политику берут тех, кто изначально склонен к ней.*

4. «Люди создают политику»: *Человек вершит политику, создает ту или иную ситуацию, а, следовательно, данное высказывание служит доказательством того, что политика – лишь результат всех заданных качеств личности. Смысл данного текста в том, что в политику входят люди с устоявшейся традицией, со своими ценностями. Не политика создает людей, а люди – политику, это люди влияют на нее, а не наоборот.*

В процессе интерпретации текста эта группа испытуемых осуществляет когнитивную деятельность по выведению скрытых смыслов – импликатур.

5. «Политика выявляет скрытые черты характера»: *Политика выявляет скрытые черты характера людей. Она не просто изменяет людей. Политика берет людей, какими их создала природа, но именно она формирует их согласно ей самой. Но невозможно создать политику без людей, об этом тоже стоит помнить.*

6. «Политика совершенствует человека»: *В тексте говорится о том, что человек в политике остается таким, каким приходит: т.е. остается с тем же темпераментом, убеждениями, моральными устоями. Политика не преобразует человека, но совершенствует в нем качества, которые даны от природы.*

Данное интерпретирование в какой-то мере даже противоречит высказыванию: «...берет такими, какими создала природа» однако респондент, прежде чем вывести такую версию, дает нам объяснение, позволяющее принять его вывод.

7. «Политики – разные люди, в том числе глупые»: *В политику попадают разные люди, в том числе и тупые от природы. Особенно если есть связь.*

Респондент, выявивший данную смысловую версию, руководствовался, скорее, своим личным опытом, и актуальный смысл фразы для него представляется именно таким образом.

8. «Человек прежде всего – человек, а потом политик»: *Данный текст я понимаю так, что человек является прежде всего существом биологическим, а уже потом социальным; В политическую деятельность вступают люди, как*

социальные животные, прежде всего сформированные природой, а не политическими воззрениями. Природа человека первична.

Рецепиенты, извлекаящие из предложенной фразы такую смысловую версию, также исходили из подтекста, определяя для себя актуальный смысл высказывания и основную мысль.

Таким образом, один исходный текст в процессе его интерпретационного функционирования реализуется совокупной множественностью интерпретирующих суждений. При этом каждое суждение репрезентирует определенную смысловую версию исходного текста. Реализация этих смысловых версий обусловлена семантикой составляющих текст языковых единиц, а также способностью текста содержать выводные смыслы (импликатуры).

¹ Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Кемерово, 2010. – 50 с.

² Голев Н.Д., Ким Л.Г. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста // Филологические науки. – 2007. – №4. – С. 80-88.

³ Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. – 1999. – №2. – С. 5-13.

Зими́на А.А., КемГУ, студент

Zimina A.A., KemSU, student

Семантическая оппозиция «свой – чужой» в публичных политических выступлениях (на материале выступлений В.В. Путина)

The semantic opposition of «its – a stranger» in public political speeches (on the material of speeches by Vladimir Putin)

Статья посвящена описанию особенностей функционирования семантической оппозиции «свой – чужой» в политической коммуникации. Анализируемая дихотомия является смысловой доминантой, организующей пространство публичных политических выступлений. Целью исследования является семантическое моделирование формирования группы «мы» и группы «они» в выступлениях главы государства, выступающих ядерными репрезентантами оппозиции «свой – чужой».

The article is devoted to description of the functioning of the semantic opposition of «friend or foe» in political communication. Analyzed the semantic dichotomy is a dominant, organizing the space of public political speeches. The aim of the study is the semantic modeling of the formation of the group «we» and «they» in the speech of the head of state, acting nuclear representatives of the opposition «friend or foe».

Ключевые слова: политическая коммуникация, оппозиция «свой-чужой», дихотомия «мы – они»

Key words: political communication, opposition «own-alien», the dichotomy «we – they»

Научный руководитель: Кишина Елена Валерьевна, канд. филол. наук, доцент

Ведущую роль в смысловой организации и реализации прагматико-манипулятивной функции политической коммуникации выполняет семантическая дихотомия «свой – чужой», ядерным репрезентантом которой является дихотомия «мы – они». Функционируя в политических дискурсах, «мы» широко реализует такое значение, как «национальное единство», совокупность субъектов предстаёт как множество людей одной нации. Вырастает политизированное значение местоимений: «мы» и «наш», противопоставленное значению «они», «их».

Объектом настоящего исследования выступает дихотомия «мы – они», организующая семантическое пространство публичных политических выступлений. Материалом исследования является печатный текст выступления Владимира Владимировича Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 года. Выбор материала определяется повышенным вниманием общественности к данному выступлению по разным экстралингвистическим причинам (напряжённые отношения с рядом западных стран, политические противоречия с лидерами других государств). Данный жанр политической коммуникации по своим институциональным особенностям обладает сильным воздействующим потенциалом, одной из стратегий которого является целенаправленное создание в массовом сознании образа «мы» и «они».

Целью исследования является описание моделей формирования группы «мы» и группы «они» в выступлении главы российского государства.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что дихотомия «мы – они» является одной из смысловых доминант, организующих речевое пространство публичного политического выступления главы государства. Так, группа «Мы» в анализируемом выступлении содержательно наполняется следующими компонентами:

1. **Мы** как социально-политическая общность: *наша страна, свобода выбора для народа, для государства, дух сотрудничества, стратегия кооперации;*

2. **Мы** как единомышленники и страны-союзники: *«Россия на основе широкого консенсуса готова к этой работе по дальнейшему развитию ООН со всеми партнерами...»;*

3. **Мы** как борцы за мир и справедливость: *«...кардинально решить эту проблему можно путём оказания всесторонней помощи – военной, экономической, материальной – попавшим в трудное положение странам и, конечно, тем людям, которые, несмотря на все испытания, не покидают родных мест»;*

4. **Мы** как противники терроризма: *«Россия всегда твёрдо и последовательно выступала против терроризма во всех его формах».*

Выделенные ядерные семантические модели иллюстрируют, что группа «мы» обладает в выступлении В.В.Путина ярким манипулятивным потенциалом, кото-

рый проявляется в демонстрации могущества страны, создании её позитивного имиджа и подчёркивании силы политических единомышленников. В свою очередь анализ языковых средств, репрезентирующих группу «они», показывает, что данная сфера представляет собой сложный ментальный конструкт, парадигма которого сегодня расширяется за счет актуализации сложной мировой политической ситуации. Группа «ОНИ» содержательно наполняется следующими компонентами:

1. **ОНИ** как чуждые явления, которые по своему содержательному признаку могут быть разделены на следующие группы:

- чуждые политические явления: нацизм, вершина политической пирамиды, политический диктат;
- чуждые экономические явления: конкуренты на рынке, экономический эгоизм отдельных стран;
- чуждые террористические и экстремистские явления: экстремисты, террористы, Исламское государство, исламский мир и т.д.

2. **ОНИ** как инициаторы войн и мировой агрессии: *«зоны анархии, которые немедленно стали заполняться экстремистами и террористами», «кто, как и нацисты, сеет зло и человеконенавистничество»;*

3. **ОНИ** как силы, действующие против интересов России: *«Вынужден заметить, что в последнее время наш такой честный и прямой подход используется как предлог, чтобы обвинить Россию в растущих амбициях»;*

4. **ОНИ** как мировой эгоцентризм: *политика эксклюзивности, центр доминирования, сильные и исключительные, убежденность в своей исключительности и безнаказанности, экономический эгоизм.*

В целом проведенный анализ иллюстрирует такие особенности формирования группы «мы» в выступлении главы государства, как прогрессирующая группа, которая готова оказать помощь, что приводит к реализации стратегии солидарности. В свою очередь при формировании группы «они» отмечается преобладающий безадресный характер образа внешнего врага; резкая оценка политической деятельности определённых групп без их конкретного названия; имплицитная форма представления конкретных личностей, причисляемых к внешним врагам.

¹ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 256 с.

Иркова А.В., КемГУ, магистрант

Irkova A.V., Kemsu, master student

Стихийная основа становления юридического термина как единицы живого языка и языка закона (дискурсивный и семасиологический анализ слов с корнем –чест–)

The spontaneous base of processing of technical term of law as the unit of living language and language of law (discourse and semasiological analysis of words with the stem *-chest-*)

В статье рассматриваются возможности смысловой динамики юридического термина и обретения им собственного значения как результата взаимодействия различных дискурсивных практик. Последовательно выявляются лексико-дискурсивные закономерности процесса юридизации общенародной лексики как феномена стихийного функционирования языка. Представлен анализ разновременного материала, взятого в качестве иллюстрации, позволяющий проследить особенности реализации гнезда слов с корнем —чест— в русле единого семантического пространства.

*In the article we can see the possibilities of semantic dynamics of technical terms of law and the process of them obtaining its own meaning as the result of interactions between various discourses. Author sequential discovers semasiological regularity in process of terminologisation of words of common lexis as a phenomenon of spontaneous language functioning. Also there is analysis of noncontemporaneous data as a demonstration of realization of word family containing the stem *-chest-* in course of unified semantic field that has no time limits.*

Ключевые слова: юридическая терминология, дискурс, коммуникативная лингвистика

Key words: juridical terminology, discourse, communicative linguistics

Научный руководитель: Голев Николай Данилович, д-р. филол. наук, профессор

Обращение к терминологизации общепотребительной лексики продиктовано особым характером действия этого процесса, представляющего собой одну из сторон формирования и становления юридической терминологии. Выявление закономерностей процесса юридизации общенародной лексики будет продемонстрировано на примере анализа различных контекстов функционирования слов с корнем —чест—. Данное исследование включено в проблематику терминологизации и юридизации. На сегодняшний день написано много работ по этой тематике, однако стихийный аспект изучен недостаточно.

О функционально-семантической стороне процесса юридизации пишет в своих работах Н. Д. Голев¹, подчеркивая важность учета стихийной стороны бытия терминологии. Также к данному аспекту обращается в своих статьях Марина Владимировна Косова², анализируя способы формирования юридического значения, автор пишет о важности в этом процессе не только семантики, но и системных связей терминов. В настоящей работе функционально-семантический подход к обретению лексикой юридических смыслов позволяет проследить смысловую динамику термина, образование им собственного значения как результата взаимодействия различных дискурсивных практик. Внимание к таким полутерминам как честь, достоинство, доброе имя, деловая репутация обусловлено их недоюридизированным пограничным характером,

одной ногой на берегу общенародного языка, другой в лодке контекстов закона. Для иллюстрации проявления лексико-дискурсивных закономерностей процесса юридикации были взяты контексты из различных подкорпусов Национального корпуса русского языка³.

В церковнославянском дискурсе в текстах Священного Писания функционируют лексема честь и ее мотиваты честной, честнейший, благочестивый, контексты употребления которых открывают высокие, сакральные смыслы лексем. Они связаны с совершением добра, с праведной и честной жизнью. Выражение глубоких духовно-нравственных ценностей честности, правды, истины как категорий, которые влияли на ответственное отношение людей к своим поступкам, действиям реализуется в религиозном дискурсе. В рамках летописной литературы функционируют лексемы честь, почет, почести. Данные контексты раскрывают понятие чести княжеской, которое заявляло об особом социальном статусе князя, его положении в обществе. Здесь на первый план начинается выходить смысловой аспект ценностей материальной культуры, связанной с правящим сословием, имеет знаковый характер и указывает на определенное положение принимающего дары в иерархической системе Средневековья. В контекстах русского фольклора функционируют лексемы честь, честность, честные/ честные. Многочисленные пословицы, поговорки, сказки и другие произведения устного народного творчества сохранили пиететные смыслы чести в противовес нечестности (лжи), а также смысловую корреляцию добра, правды и чести.

В 19 веке активно функционируют контексты, связанные с понятием дворянской чести как высшей сословной добродетели, защищать которую стало долгом любого уважающего себя дворянина, ведь честь становится важной частью его личности. Гражданская казнь воспринимается как ужасное, позорящее человека событие – это публичное лишение социального статуса (= чести). В связи с чем можно говорить о формировании комплексного понятия чести как этического и социального понятия. Оно связано с оценкой таких качеств личности, как верность, справедливость, правдивость, благородство, достоинство. Сказанное позволяет зафиксировать промежуточную стадию юридикации данных языковых единиц: ослабление восприятия чести как морально-нравственной категории и усиление собственно юридических смыслов, отражающих понимание чести как символа благородства, переплетенного в семантическом плане с определенным социальным статусом.

В рамках художественной литературы находят свою реализацию различные лексемы: честь, почитание, честные, честолюбие, а также устойчивые выражения и сочетания с этими лексемами (например, чтить память или чтить как святыню). Так, пословица береги честь смолоду служит эпиграфом к произведению А. С. Пушкина «Капитанская дочка», в котором честь как комплексное понятие, проникающее в семейные ценности, связанные с заветом отца к сыну служить верно своему Отечеству, также взаимосвязано с одним из магистраль-

ных мотивов в повести – мотив девичьей чести, чистоты, так что эпитафия к повести «Береги честь смолоду» может быть отнесен не только к Петру Гриневу, его семье, но и к Маше Мироновой, и к каждому человеку. Честь рассматривается как общечеловеческая категория.

В современном бытовании можно встретить различные контексты функционирования лексем с корнем «чест–», которые сохраняют предшествующие смыслы, но и по-разному преломляются в зависимости от ситуации и личности говорящего. Интересным является ироничный смысл в контекстах, выданных поисковыми машинами интернета на запрос: кто такие честные люди? Ср. на форуме «Недобросовестные партнеры», название которого говорит само за себя, можно встретить такой контекст: «Здравствуй **честные люди!** *Попыхивает Кидалом!!!!*» Так, обращение к честным людям и продолжение общего замысла этих высказываний выражает противоречие, ведь там, где есть «честные люди» не может быть лжи. При этом сохраняется и смысловая значимость честности как искренности, истинности в противовес лжи и обману. Ср.: «Да я, может быть, самый **честный человек** в этом мире, полном коварства и лжи...». Также в собственном юридическом смысле в контексте статьи 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации Гражданского кодекса РФ и в рамках официального юридического толкования⁴ можно встретить контексты, связанные с защитой чести как общественной оценки личности, меры духовных и социальных качеств гражданина. В современном официально-юридическом дискурсе термины честь и доброе имя реализуются в контексте «защита чести, достоинства и доброго имени» как морально-этических качеств, присущих каждому человеку и защищаемых государством.

Таким образом, исследование показало наличие закономерностей в функционировании юридического термина как результата взаимодействия различных дискурсивных практик. Подчеркнем, что любой термин функционирует по законам естественного языка.

¹ Голев Н. Д. Научные термины как единицы стихийного функционирования языка: полемические заметки / Н. Д. Голев // *Метаязык науки: мат-лы Международной научной конференции* / гл. ред. С. В. Лесников. – Сыктывкар: СыктГУ, 2012 – С. 5-11.

² Косова М. В. Терминологизация как лексико-семантический процесс / М. В. Косова // *Вестник ОГУ. – Оренбург, 2004. – №. 2. – С. 42-48.*

³ Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям ГК РФ [электронный ресурс] – режим доступа: <http://stgkrf.ru>

Коровин И.А., ТГУ, студент

Korovin I.A., TSU, student

Специфика жанрового текста миссии российского вуза на фоне других текстов данного жанра

Specificity of mission statement of Russian university compared to other texts of the genre

Миссия как речевой жанр рассматривается в нескольких вариантах: в рамках бизнес-дискурса, западного и российского научно-образовательных дискурсов. Выявляется специфика современного жанра миссии в российском научно-образовательном дискурсе.

Different variations of mission statement genre are being examined: within business-discourse, Western and Russian scientific and educational discourses. The specificity of modern genre of mission statement of Russian scientific and educational discourse is being detected.

Ключевые слова: речевой жанр миссия, российский и западный бизнес- и научно-образовательный дискурс

Key words: mission statement genre, Russian and Western business- and scientific and educational discourse

Научный руководитель: Тубалова Инна Витальевна, д-р филол. наук, доцент

Актуальность данной работы заключается в установке на исследование нового для российского информационного пространства речевого жанра миссии, в ее ориентации на аналитику таких текстов, опирающуюся на процессы развития современного российского научно-образовательного сообщества, в частности – процессы в области вузовского развития и планирования, основанного на функциональной дифференциации вузов как образовательных площадок.

Задачей исследования является анализ современной функции жанрового текста миссии и выделение в текстах миссий речевых средств и приемов, отражающих специфические особенности, направленные на реализацию этой функции.

Материалом для исследования послужили тексты миссий торговых и производственных предприятий, компаний сферы услуг (в частности финансовых), а также миссии западных и российских вузов разной образовательной направленности, занимающих разные позиции в мировых и государственных рейтингах.

Таким образом, проявление жанра «миссия» будет исследоваться нами в рамках дискурса бизнес-сферы, западного и российского научно-образовательных дискурсов.

Миссия как современный речевой жанр зародилась в сфере предпринимательства с целью стать инструментом индивидуализации, с помощью которого компания могла бы открыто продемонстрировать свои ценности и приоритеты, обозначить цели и курс своей деятельности. Формулировка и декларирование своих целей способствуют укреплению корпоративного духа, объединению сотрудников общим делом, а также привлечению сторонних заинтересованных лиц, имеющих схожие цели или же являющихся непосредственными «адресатами» деятельности

компании. Уже из сферы бизнеса и предпринимательства миссия была позаимствована и в сферу образования и науки, однако этот процесс взял своё начало на территории Европы и США в первой половине 19 века, а в Россию данный жанр пришёл и начал активно использоваться лишь в конце 20 века.

Анализ миссий предпринимательской, коммерческой сферы показал, что они обладают следующими содержательными и текстовыми особенностями.

(1) Высокий уровень индивидуализации, которая проявляется на разных основаниях – это могут быть ценности, цели, особые подходы к деятельности, сама продукция и много другое.

(2) Наличие в диктумном содержании финансового компонента. Одна из основных установок данной дискурсивной сферы – ориентация на получение выгоды, миссия сама по себе уже служит инструментом к достижению данной цели, а миссия, обещающая выгоду клиенту – вдвойне (примеры см. далее).

(3) Наличие личностного компонента. В тексте присутствует четкое разграничение на «мы» – компанию и её представителей – «они» или «вы» – стейкхолдеров.

Из вышеуказанного вытекает следующая заметная особенность.

(4) Высокий уровень ориентированности на адресата, клиента. Отражение этого принципа в тексте миссии присуще большинству компаний, напрямую взаимодействующих с клиентами, т.к. покупатель за свои деньги должен получить не только товар или услугу, соответствующую его ожиданиям, но и надлежащий сервис. Например, на странице сайта Сбербанка, посвященной миссии, целям, идеалам и ценностям банка, большое внимание уделяется именно клиентам.

Анализ миссий вузов США помог нам выявить, что при переходе в новую дискурсивную область миссия приобретает особые черты.

(1) Ориентация на нового, причастного к сфере науки и образования, адресата – абитуриентов, студентов, преподавателей и других сотрудников, разнообразных внешних стейкхолдеров, заинтересованных в той или иной коммуникации с учреждением.

(2) Почти полная утрата финансового компонента в связи со сменой дискурсивных установок и ценностей.

(3) Почти полная утрата личностного компонента. При прочтении миссий у адресата не складывается ощущения противопоставления себя и учреждения, а наоборот, возникает чувство сопричастности, вследствие неоднократного упоминания таких явлений как мир, общество, сообщество – понятий, охватывающих и включающих в себя широкий круг лиц.

Заключаящим этапом «развития» миссии, отражаемого в нашем исследовании, выступает миссия российского научно-образовательного учреждения. Сохраняя многие общежанровые черты, а также черты миссий научно-образовательной сферы, миссия российских вузов приобретает некоторые характерные особенности.

(1) В меньшей степени выраженная индивидуализация, следование определенным стандартам, «шаблонность» и «формальность». Смена типа государственных отношений привела к популяризации высшего университетского образования, ослаблению государственного влияния в области внутривузовской политики, переходу от государственного планирования к свободным рыночным отношениям. Как следствие – вузы получили большую самостоятельность в выборе путей развития, но текстовая форма еще не успела прийти в соответствие с «размыканием шаблонов»: *«Подготовка интеллектуальной элиты для науки, образования, наукоёмкого производства, бизнеса на основе фундаментального образования, позволяющего выпускникам быстро адаптироваться к меняющимся потребностям общества»* (НГУ); *«Подготовка высококвалифицированных, всесторонне развитых, востребованных на рынке труда специалистов для работы в сфере здравоохранения, ориентированных на разработку и внедрение инновационных технологий диагностики, лечения и профилактики, воспитанных в духе гуманизма и сострадания»* (ОмГУ).

(2) Полное устранение личностного компонента, отсутствие ориентации на адресата как на клиента: адресат предстает в образе единомышленника, человека сопричастного деятельности вуза. В тексте не присутствует противопоставления адресанта и адресата, а сам адресант предстает в виде объективированной сущности, реализуя как будто бы «взгляд со стороны». Вследствие этого при прочтении текстов не возникает ощущения как чьей-либо личной заинтересованности в предоставлении той или иной информации, так и какой-либо специальной её интерпретации (см. примеры выше, которые можно сравнить со следующим: *«Our mission is to be our customers' favorite place and way to eat & drink. We're dedicated to being a great place for our people to work...»* (McDonald's)).

Таким образом, миссия российского научно-образовательного учреждения сохраняет следующие жанровые черты: следование особому жанровому стилю, жанровым целям и установкам; ориентация на причастного к сфере науки и образования адресата; отсутствие в диктуме финансового компонента; отсутствие отношения к адресату как к клиенту. Основываясь как на общежанровых особенностях, так и на особенностях, присущих миссиям вузов, миссия российского вуза приобретает и собственные отличительные черты, что и способствует её выделению из общего ряда как отдельного варианта жанра «миссия» и «миссия вуза» – в частности.

Кошкарева Г.А., ТГУ, студент

Koshkareva G.A., TSU, student

Мифологемы «Еврейское счастье» и «Американская мечта» в современном российском медиадискурсе

Mythologems «Jewish happiness» and «American dream» in social Russian media discourse

Данная работа посвящена изучению функционирования мифологем «Американская мечта», «Еврейское счастье» в современном российском медиадискурсе на материале глянцевого и научно-популярных журналов, отзывов туристов на сайтах туристических агентств. Исследование предполагает анализ дискурсивных стереотипов, созданных мифологемами в дискурсивной картине мира носителя языка.

This work is devoted to the study of the functioning of the mythology «American Dream» and «Jewish Happiness» in the modern Russian mediadiscourse on the material of glossy and popular science magazines, reviews of tourists on the websites of travel agencies. The study assumes an analysis of discursive stereotypes created by mythologems in the discursive picture of the world of the native speaker.

Ключевые слова: мифологема, идеологема, медиа дискурс, дискурсивная картина мира

Key words: mythologem, ideologem, media discourse, discourse picture of the world

Научный руководитель: Костяшина Екатерина Аркадьевна, канд. филол. наук

Объектом настоящего исследования являются мифологемы «Американская мечта» и «Еврейское счастье», репрезентированные в медийном дискурсе. Материалом для исследования послужили тексты об Израиле и США в глянцевого журналов, а так же отзывы туристов, размещенные на сайтах туристических агентств.

Под медиадискурсом мы вслед за Т.Г. Добросклонской понимаем «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации»¹. Именно в медийном дискурсе сформировались мифологемы «Еврейское счастье» и «Американская мечта», которые породили множество дискурсивных стереотипов в картине мира участников массовой коммуникации.

Мифологема возникает в основном в публицистическом дискурсе тоталитарного государства², когда нет доступа к различным источникам информации. Часто мифологема становится результатом разрушения базовой идеологемы. «Идеологема – это заранее спланированная идея, которая ложится в основу номинации и закрепляется в сознании с помощью определенных языковых средств как вербально-ментальный стереотип»². Так, с разрушением СССР базовые идеологемы теряют свою актуальность, образовавшееся ментальное пространство не успевают занять новые идеологемы, и на их место приходят мифы.

Общество начинает жить по законам мифотворчества, где главенствует единственная значимая идея. Миф структурирует картину мира и воздействует на сознание современного участника массовой коммуникации, предписывая ему определенные дискурсивные стереотипы.

Показательной является мифологема «Американская мечта». В дискурсивной картине мира советского человека формируется идеологема «Америка – враг», но недостаток информации, скудные сведения о жизни «по ту сторону океана» приводят к смещению ценностного вектора, и сам термин «американская

мечта» получает новую интерпретацию, переходя в разряд мифологема. Таким образом, мифологема «Американская мечта» возникает в результате развенчания идеологии «Америка – враг».

В российском медийном дискурсе формируется убеждение, что американская мечта – это, прежде всего, богатство, которого можно достичь упорным трудом, и тем самым получить шанс пробиться в высшие слои общества. «В США есть американская мечта, и она работает: Клинтон – сын бедных людей».

Совершенно по-другому выстраивается мифологема «Еврейское счастье». Сам термин впервые появился в названии немого фильма, снятого в 1925 году по мотивам произведений Шолом-Алейхема. Фильм демонстрирует оптимизм и «непотопляемость» еврейства. Таким образом, еврейский миф о счастье – способность оставаться счастливыми и благодарными, не взирая на всевозможные трудности, с которыми каждый сталкивается: иметь здоровую семью, свое независимое государство, родной язык.

Миф «Еврейское счастье» в российском медиадискурсе трансформируется в представления о вечном невезении и наказании евреев. Следовательно, мифологема «Еврейское счастье» изначально складывается, как миф.

Многие тексты медийного дискурса реализуют рекламную интенцию, так как их целью является продвижение туров в ту или иную страну. В этом случае СМИ часто используют дискурсивные стереотипы для формирования положительного образа страны. Так, в журнале «Лиза» автор статьи выступает в роли туристического гида и проводит читателя по самым захватывающим местам, вызывая у читателя эффект присутствия. Базовой коммуникативной стратегией является стратегия положительной оценки, что обусловлено рекламным содержанием статьи. Преобладающими языковыми средствами являются эпитеты с положительной коннотацией.

В научно-популярном журнале «Вокруг Света» мифологема «Еврейское счастье» представлена совершенно в ином контексте. *«Счастье обетованное. Коммунистический рай на отдельно взятом клочке земли; Мы живем в Раю, ... но и в Раю бывают проблемы; они были апикойресы – еврейские безбожники. Верили только в землю и работу. Отказались от частной собственности, семьи – всего, что могло отвлечь от строительства новой жизни».*

Таким образом, можно увидеть, как в медийном дискурсе формируются новые дискурсивные стереотипы, наполняющие мифологему «Еврейское счастье». Евреи, по-прежнему, описываются, как особый народ, но теперь эта «особость» получает положительные коннотации: трудолюбие, сплоченность, вера в идеалы.

Показательным является также тот факт, что в отзывах и комментариях туристов, представленных на форумах и туристических сайтах, мифологема «Еврейское счастье» по-прежнему актуализирована в сознании участников медиадискурса в её ироническом аспекте: «А теперь о моем еврейском счастье. Наутро после приезда в отель узнали от приехавших с нами, что всем в номер был доставлен приветственный комплимент от отеля: шоколад и бутылка вина...

Нам дали шоколад и бутылку воды... Вот теперь думаю, было ли это вызвано заботой о здоровье или просто на мне закончилось вино».

Все это позволяет говорить о трансформации мифологемы и её нестабильности в настоящее время. С одной стороны, ещё существуют дискурсивные стереотипы, связанные с евреями и еврейской культурой, а с другой стороны, меняется сам миф о еврейском счастье. Таким образом, оценочный характер приписывается только самой номинации «еврейское счастье».

Следует отметить, что тексты о США с рекламными интенциями менее частотны. Так, в журнале «Лиза» они не представлены. В журнале «Вокруг Света» большинство материалов о США носят энциклопедический или аналитический характер, содержат сведения о географическом положении, исторические справки. В текстовом пространстве журнала реализуется базовый стереотип мифологемы «Американская мечта» – поиск счастья: «место, куда в поисках счастья продолжают стекаться многочисленные иммигранты, мечтающие стать «настоящими» американцами». Основными коммуникативными стратегиями являются стратегии обобщения и прогнозирования: «в настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся... к единой цели. Это русские и англо-американцы... У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира». Наиболее частотными языковыми средствами являются эпитеты: чрезмерный, повсеместный, неизменный, неоднозначный, снисходительный; политизированная лексика: американизация, оппонент, корректность.

Мифологема «Американская мечта» реализуется как стереотип о честном пути к успеху: *«Все они [иммигранты] ехали, веря в великую американскую мечту: если будешь много и честно работать, то ты в Америке добьешься всего чего хочешь».*

Таким образом, обе мифологемы формируются в советское время, но одна из них разворачивается как развенчание идеологемы «Америка – враг», а другая – как типичный миф, особенностью которого является непререкаемость, догматичность, значимость единой (возможной) идеи². В настоящее время в СМИ формируются новые оценочные векторы «еврейского счастья», что свидетельствует о нестабильности мифологемы в целом. Мифологема «Американская мечта» остается неизменной и реализуется в базовой системе прагматических ценностей: труд, карьера, деньги, успех.

¹ Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 01.10. – Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20-23.

² Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика 4 (50). – 2014. – № 4. – С. 54-55.

Крючкина Н.Ю., КемГУ, студент

Kryuchkina N.Y., KemSU, student

Речевой жанр «личное письмо» в аспекте проблемы междискурсивного взаимодействия

Speech genre «personal letter» is investigated in the aspect of the problem of interaction between discourses

В статье рассматривается функционирование жанра личное письмо в естественном письменном и художественном дискурсах. Прослеживаются признаки, которые сохраняются при изменении коммуникативной сферы реализации жанра, и признаки, трансформирующиеся при переходе жанра в иную коммуникативную сферу.

In the article the functioning of the genre of the personal letter is written in a natural and artistic discourses. The signs can be traced that the implementation of the genre remain when changing communicative spheres. And signs of transformacii of the genre in the transition to a different communication area.

Ключевые слова: личное письмо, естественная письменная речь, художественный дискурс, речевой жанр

Key words: the personal letter, natural written language, artistic discourse, speech genre

Научный руководитель: Рабенко Татьяна Геннадьевна, канд. филол. наук, доцент

Устойчивый интерес современной лингвистики к письменной речи обычных носителей языка вылился в особое научное направление, нацеленное на исследование естественной письменной речи (далее ЕПР) как специфического объекта, и открыл новые горизонты в развитии исследований соотношения ЕПР с иными видами письменной речевой деятельности^{1,2}. В рамках сопоставительного исследования естественной и искусственной (художественной) письменной речи особо выделяется жанроведческое направление, вписывающееся в решение проблемы речевжанровой первичности/вторичности, обозначенной в свое время М.М. Бахтиным и до сих пор не имеющей однозначного решения в современной лингвистике.

Цель исследования – рассмотреть особенности реализации РЖ личное письмо в естественном письменном и художественном дискурсах, выявить сущностные признаки РЖ в художественной актуализации и признаки, подвергающиеся трансформации при реализации РЖ в новых коммуникативных условиях. Предмет исследования – содержательные и структурные особенности РЖ личного письма в естественной письменной и художественной речи. В качестве фактологической базы исследования выступают 10 личных писем: а) 4 семейных письма ЕПР, адресованные материю ее дочери, студентке ТГУ (1); 2 письма из рассказов В.М. Шукшина: «Письмо» (1971г.), «Змеиный яд» (1964г.) (2); б) 3 письма ЕПР, адресованные подругам-студенткам (3); 1 письмо из рассказа В.М. Шукшина «Два письма» (1967г.) (4)³.

В «Словаре современного русского языка» слово письмо определяется как «бумага с написанным текстом, посылаемая кому-л. для сообщения чего-л., для общения с кем-л. на расстоянии, а также соответствующее почтовое отправление»⁴. Создавая текст личного письма, автор (субъект речи) исходит из целеустановок в естественном письменном и художественном дискурсах. Субъект речи стремится ответить на письмо (например, в дружеском письме: «Милая Женья! Спасибо за открытку!»(3)). Личные письма нацелены на то, чтобы донести информацию до адресата («Саша приехал, загорел, собирается работать», «Сегодня 4-й день, как я в Кисловодске, начала лечиться» (1), «Сынок, хвораю» (2)), выговориться с целью объективировать пережитое или запланированное («Приезжал Лидин брат, она заболела, он и уговорил их поехать домой. Я уже вторую неделю хожу как в воду опущенная. Жаль, очень жаль. Привыкла я к ним» (1), «Читай, зятек, почитай – я и тебе скажу <...>Послушай меня, я век прожила с таким, как ты: нехорошо так, чижало. <...> Чижало так жить! Она мне дочь родная, у меня душа болит, мне тоже охота, чтоб она порадовалась на этом свете» (2)). Автор семейного письма через свое послание стремится проявить заботу об адресате, выразить свою любовь («Ну все будьте здоровы. Желаю успеха», «Храни вас бог», «Все у тебя будет хорошо – отлично», «Покупай что нужно» (1), «Приезжайте, дорогие мои. Жду вас, как Христова дня. Жить мне осталось мало, я хоть порадываюсь на вас. <...> Приезжайте. Целую вас всех» (2)). Автор дружеского письма – вспомнить совместно пережитое («Тот визит к мальчишкам – помнишь?» (3)), рассказать историю о своей жизни и жизни знакомых адресату («Была у ме мысль: поехать нам с тобой в деревню нашу, да ведь: не привязанный, а визжишь» (4)), проявить интерес к жизни адресата («Скажешь любопытничаю...»(3), «*Как жив-здоров? Как работенка?*»(4)). Письмо оказывается элементом фиктивного мира художественного произведения. Искусственно созданный текст воссоздает образ персонажа. В личных письмах обнаруживаются средства контактоподдерживающей функции («Пишите» (1 и 2), «Жду» (4)), а также вводящие констатирующую информацию («Получили твое письмо...» (1), «Катя, доченька, видела я этой ночий худой сон» (2)), вводные конструкции, передающие мыслительную деятельность, рассуждения, некую оценку («Давай, махнем куда-нибудь вместе?» (4), «Дай бог!» (1)). Через опознание цели коммуникативной ситуации происходит формирование коммуникативной пресуппозиции, на основе которой участники общения «строят свое коммуникативное поведение в соответствии с нормами и правилами поведения в данном типе коммуникативных событий», демонстрируя тем самым умение ориентироваться в коммуникативном пространстве: «Иван Семеныч! Здорово, старик! Вспомнил вот, решил написать!» (4), «Добрый день, дочь Катя, а также зять Николай Васильич и ваши детки ... Ну, када же вы приедете, я уж все глазыньки проглядела <...> (2). Автор художественного произведения, стремясь к стилизации непосредственного общения пишущего, использует в письмах разговорные стилистические средства: на фонетическом уровне – написание слов

в соответствии с произношением; на лексико-грамматическом – стилистически маркированные единицы: када жа, ненаглядный, ихного, обижатца, Светычка, внучатычки, нету, поспрашай, спинушку, внучатычки, математиха. Самопрезентация автора осуществляется на содержательном и формально-языковом уровнях – это информирование о себе: «Если б я послушалась тада свою мать, я б сроду не пошла за твоео отца. Я тоже за свою жизнь ласки не знала. Но тада такая жизнь была: вроде не до ласки, одна работа на уме» (2).

Как следствие пространственно-временной раздельности участников коммуникации, монологическая типовая ситуация «обращение автора личного письма к дочери» по формальным признакам приближается к диалогическому общению, устанавливается асинхронный диалог. Выявляется ряд адресантных высказываний с личными местоимениями 1 лица и/или глаголами 1 лица настоящего / прошедшего времени и приложениями: «Сынок, хворую, Криком кричу больно. Походи». Сообразуясь со статусом адресата, автор выражает коммуникативную цель в подходящей для ситуации форме («Пишу тебе письмо» (1)) и выбирает уместную номинацию адресата («Наташенька!» (1, 3), «Катя» (2), «Николай» (4)).

Таким образом, РЖ личное письмо обладает признаками, способствующими идентификации РЖ в различных видах дискурса – это письменная форма, коммуникативная цель, структурно-содержательное наполнение. Однако будучи созданным с ориентацией на жанр-прототип, личное письмо, становясь частью фикционального мира художественного текста, обретает в художественном тексте эстетическую функцию, способствуя моделированию образа персонажа, прояснению его жизненной позиции.

¹ Лебедева Н.Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Грамота, 2000. – С. 18-25.

² Рабенко Т.Г., Лебедева Н.Б. К соотношению жанров естественного и художественного дискурсов: постановка проблемы (на примере жанра «письмо в редакцию») // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – №1 (39) – С. 50-61.

³ Шукшин В.М. Рассказы. М.: Московский рабочий, 1980. – 256 с.

⁴ Словарь современного русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: АН СССР Ин-т рус. яз. 1987. – Т.3. – С. 127.

Кунстман В.И., ТГУ, студент

Kunstman V.I., TSU, student

Функционирование телевизионных заголовков на материале американских новостей

Role of television headlines based on the American news

Исследование посвящено роли заголовков-анонсов телевизионных новостей. В то время как структура и функции заголовков печатных новостей описаны

в литературе, заголовки телевизионных новостей являются относительно неизученным феноменом. В данной статье рассматривается корпус заголовков американских телевизионных новостей телеканала CNN и предпринимается попытка выявить особенности их коммуникативного функционирования.

The research is about the role of television news headlines. While the structure and functions of printed news are described in literature, television news headlines are a relatively understudied phenomena. The article reviews the corpus of television news headlines of the American TV channel CNN and tries to discover the peculiarities of their communication function.

Ключевые слова: заголовок, коммуникация, дискурс, телевидение

Key words: headline, communication, discourse, television

Научный руководитель: Шияев Константин Сергеевич, канд. филол. наук

Языковая структура и функции заголовков печатных новостей описаны многими исследователями в литературе. Каждое новостное сообщение в газетах, журналах и других печатных изданиях имеет заголовок, который передаёт основную мысль сообщения и позволяет читателю составить представление о его содержании. Однако не так много внимания уделяется изучению заголовков телевизионных новостей, а именно, особенностям их функционирования в медиакommunikации.

Данное исследование мотивировано уже существующим исследованием телевизионных заголовков – анонсов, основанным на блоке новостей BBC News at Ten. Исследователи выявили базовую структуру новостного заголовка, состоящую из двух ключевых элементов. «Heading», часть заголовка, которая передаёт самую важную информацию, и «supplement», вспомогательная часть, детализирующая и дополняющая основной аспект сообщения¹.

В статье используются материалы американских телевизионных новостей телеканала CNN и предпринимается попытка проанализировать лингвистическую структуру и коммуникативные функции заголовков, представленных в новостных сюжетах.

В определении заголовка мы следуем дефиниции Т. Ф. Каримовой: это «особый тип высказывания, который предвосхищает основную идею и ключевую тему текста, и в то же время порождается этим текстом»². Новостные заголовки-анонсы широко применяются: они используются в различных частях телевизионной передачи для предоставления зрителю перечня событий, которые будут далее прокомментированы диктором. Такие заголовки способствуют пониманию полной структуры сообщения и привлечению внимания публики. Поскольку телевизионные новости содержат значительное количество информации, которая подается в высоком темпе, зрителю становится трудно воспринимать неразделенный поток следующих одно за другим информаци-

онных сообщений. Главная задача новостного заголовка – помочь зрителю выделить и структурировать необходимую ему информацию.

Некоторые исследователи отмечают, что телевизионный заголовок считается «поджанром» или видом новостей, который обладает присущим только ему набором функций (M. Montgomery, D. Feng). T.A. van Dijk (1988) выделяет в качестве основной изложение краткого содержания новостного блока (summarizing)³.

Основой исследования послужил корпус телевизионных заголовков из блока, содержащего девять видеороликов «Today's top news» американского канала CNN. Проанализировав структуру выбранных заголовков, мы выяснили, что они могут иметь три различных формы:

- именное словосочетание,
- нефинитные формы глагола,
- финитные формы глагола.

В ходе анализа было выявлено, что в пяти из девяти рассматриваемых анонсов используются финитные (личные) формы глагола, например: *Five people died, including the attacker, in the incident in and around the UK Parliament* (died – форма простого прошедшего времени), *Bannon's role is diminished in White House* (is diminished – пассивная форма глагола настоящего времени). Именное словосочетание и нефинитная форма глагола используются намного реже (в исследованном материале было обнаружено по одному заголовку данной формы): *New images of Syrian airfield after strikes* (new images); *About 20 Syrian planes destroyed in missile strike* (destroyed – страдательное причастие «разрушенные»). Особенностью проанализированного корпуса заголовков является комбинирование нескольких форм в одном предложении:

– финитная форма глагола, нефинитная форма глагола и именное словосочетание: *Sweden truck attack* (именное словосочетание): *at least four people were killed* (финитная форма) *after a truck was driven onto* (финитная форма) *a busy street in Stockholm, striking pedestrians* (нефинитная форма глагола, выраженная Participle I);

– финитная и нефинитная форма глагола: *Andreea Cristea, a woman visiting London, is seen falling into the river*: действительные причастия *visiting* и *falling* являются неличными формами глагола, *is seen* – личная форма глагола.

Таким образом, можно заключить, что лингвистическая структура исследованных телевизионных заголовков содержит три типа глагольных форм и их комбинации.

Телевизионный заголовок отличается ёмкостью и информативностью. Его функция в медийной коммуникации состоит в том, чтобы сжато представить самые важные детали новостного сообщения, при этом выделить его наиболее информационно значимые аспекты. Новостной заголовок подразумевает совокупность самой необходимой информации, выраженной фиксированными и регулярно повторяющимися грамматическими

формами. Возможность комбинации выделенных выше трех типов структур заголовка предоставляет создателям новостного сообщения способ анонсировать не только само событие, но и его детали: *At least four people were killed* (событие) *after a truck was driven onto a busy street* (причина) *in Stockholm* (место происшествия), *striking pedestrians*.

Наиболее частотным способом сжатия сообщения является употребление конструкций, содержащих неличные формы глагола. Например, в заголовке *About 20 Syrian planes destroyed in missile strike*, представленном рубрикой *Breaking News*, пассивная форма глагола *was destroyed* сокращена до неличной формы глагола с помощью опущения глагола-связки *was*.

Несмотря на применяемые способы сжатия, при рассмотрении всего корпуса заголовков можно заключить, что, в отличие от печатного заголовка, заголовков новостного сообщения в большинстве случаев обладает структурой полного предложения, которая может быть осложнена именными оборотами или оборотами с неличными формами. Его функцией является не только привлечение внимания публики, но и предоставление в сокращенной форме (путем использования выделенных выше грамматических средств) достаточной информации для того, чтобы зритель мог ориентироваться в телевизионном вещательном пространстве (в частности, принять решение о продолжении или прекращении просмотра, переходе на другой канал и т.п.)

¹ Montgomery M., Feng D. 'Coming up next': The discourse of television news headlines // *Discourse and communication*. – 2016. – № 10(5). – P. 500-520.

² Дудникова М.С. Заглавия англоязычных телевизионных развлекательных передач в парадигме малоформатных текстов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2011. – № 2-1. – С. 143-147.

³ Van Dijk T. A. *News as Discourse*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.

Курочкина Д.Н., ТГУ, студент

Kurochkina D.N., TSU, student

Языковые средства выражения зрительного восприятия в поэзии М. А. Волошина (на материале сборника «Стихотворения 1900–1910 гг. Годы странствий»)

Language means of expressing visual perception in the poetry of M.A. Voloshin (on the material of the collection «Poems of 1900-1910, Years of Travels»)

В статье проанализированы способы языкового выражения зрительного восприятия в поэтическом творчестве М. А. Волошина. Основное внимание сосредоточено на семантическом анализе перцептивных высказываний и выявлении индивидуально-стилевых особенностей авторского повествования.

The article analyzes the ways of expressing visual perception in Voloshin's poetic works. The main focus is on the semantic analysis of perceptual utterances and the identification of individual-style features of the author's narrative.

Ключевые слова: зрительное восприятие, синтаксический анализ, индивидуально-стилевые особенности

Key words: visual perception, syntactic analysis, individual-style features

Научный руководитель: Крюкова Лариса Борисовна, канд.филол.наук, доцент

Первый сборник М. А. Волошина «Стихотворения 1900–1910 гг.» вышел в Москве в 1910 г. В стихотворениях этих лет поэт обращался к греческой, славянской мифологии, библейским образам, экспериментировал с античными стихотворными размерами. Поэт М. А. Кузмин, анализируя стихотворения данного сборника, указывал на «большое мастерство, не похожее на приемы других художников»¹. В качестве недостатков критики называли замкнутость в тесном кругу своих переживаний, перегруженность стиха, пристрастие к чрезмерно красочным эпитетам.

Поэтические тексты М. А. Волошина насыщены языковыми единицами со значением восприятия: зрительного, звукового, тактильного, обонятельного, вкусового. В рассматриваемом сборнике преобладают высказывания с семантикой зрительного восприятия, что соответствует общему представлению о ведущей роли зрительного канала в процессе восприятия окружающего мира.

Целью исследования является определение способов выражения зрительного восприятия (ЗВ) в поэтическом творчестве М. А. Волошина и выявление идиостилевых особенностей, обусловленных индивидуально-авторским мировосприятием.

Сборник включает 126 стихотворений, среди которых выделено 196 контекстов с семантикой ЗВ.

Базовая модель высказывания с семантикой восприятия включает три компонента: субъект, объект, предикат, но не все элементы могут быть представлены на синтаксическом уровне. Возможны варианты, например, непредставленность субъекта или объекта восприятия.

В высказываниях с семантикой ЗВ центральный компонент – предикат – регулярно представлен базовыми глаголами. По классификации Н. В. Моисеевой это видеть, смотреть, глядеть (выглядеть)². В анализируемом сборнике встречаются все базовые глаголы. Рассмотрим соответствующие высказывания более подробно.

Глагол видеть употребляется в 17 контекстах. Значение глагола по словарю: «иметь зрение, обладать способностью зрения, воспринимать зрением»³. Контексты можно разбить на три группы: с реализацией прямого значения глагола, переносного и контексты, «совмещающие» прямое и переносное значения.

К первой группе относится контекст: Едва-едва / В неясном свете вижу почерк («Письмо»). Подобных примеров – 6. Глагол реализует свое основ-

ное словарное значение. Объект высказывания – почерк, субъект лексически не представлен, но «воспроизводится» (определенно-личная конструкция свидетельствует о присутствии субъекта «я» – форма 1 лица единств. числа). Неясный свет свидетельствует о нечеткости зрительного восприятия.

Пример контекста второй группы: Я вижу Вашими глазами («Письмо»). Подобных контекстов – 7. Глагол имеет переносное значение: сознавать, понимать, чувствовать⁴. Есть субъект высказывания (я), предикат (вижу), объект формально не выражен. Под объектом может подразумеваться слишком широкий круг понятий.

Третью группу проиллюстрируем следующим примером: Я вижу грустные, торжественные сны («Звезда полны»). Контекстов третьей группы – 4. Глагол реализован в прямом значении. Однако слово «сны» переносит способность видеть из физической сферы в сферу сознания. Данное высказывание является наглядным примером базовой синтаксической модели восприятия: субъект – я, объект – сны, предикат – вижу, при этом содержание его осложнено.

Второй базовый глагол глядеть – «устремлять, направлять взгляд, иметь глаза направленными на кого-либо, что-либо или куда-либо»⁵. Глагол встречается в 9 контекстах и реализован в прямом значении. Контексты можно разбить на 3 группы: в первой объектом выступают глаза, лицо; во второй – предметы реальной действительности, а в третьей – человек.

К первой группе относится контекст: И он – влюбленный принц, с мечтательной тоской / Глядит в твои глаза, *владычица!*; ко второй: Гляжу в окно сквозь воздух мглистый («Гляжу в окно сквозь воздух мглистый»); к третьей: В меня глядят бессонные глаза («Диана де Пуатье»).

Третий базовый глагол – смотреть (всего 3 контекста), например: Как синий лед мой день... Смотри! («Как Млечный Путь, любовь твоя»). Имеется только предикат, выраженный формой глагола в повелительном наклонении. О присутствии субъекта свидетельствует определено-личная конструкция (форма 2-го лица единств. числа). Глагол смотреть использован в переносном значении. В связи с этим объект – реалья не физического мира, а сознания.

Не базовые глаголы ЗВ представлены широким спектром лексических единиц: чудиться, мерещиться, гореть, вспыхнуть, тлеть, исчезать, мерцать, меркнуть, расцветать, сиять, прозрачить, мутить, светить, слепнуть, сниться, гаснуть, скрываться, возжигать, рдеть, блистать. Контекстов с подобными глаголами в сборнике – 77. Например: Чудится, еду в России я... / Тысячи верст впереди («В Вагоне»).

Глаголы с семантикой цвета, хотя и не считаются базовыми, но могут быть отнесены к группе основных: чернеть, лиловеть, синеть, зеленеть, розоветь. Контекстов с подобными глаголами – 10. Например: В морях зари чернеет кровь богов («Облака»).

Далее обратимся к группе, в которой глаголы реализуют зрительную семантику только в контекстном окружении. В подобных высказываниях процесс зри-

тельной деятельности представлен глаголами физического действия, например: Вечер... Тучи... Алый свет / Разлился в лиловой дали. («Осень...Осень...»).

Последняя группа, которую мы рассмотрим, включает периферийные глаголы ЗВ: цвести с различными приставками, мерцать и сиять, и образованные от них именные и глагольные форм, например: Раскалена, обнажена, / Под небом, выцветшим от зноя («Пустыня»). Подобных контекстов 17.

Отдельно следует сказать о языковых единицах, которые несут семантику «горения», либо сопровождаются его мотивом. В связи с этим в сборнике много красного цвета, представленного разными оттенками: Влачился день по выжженным лугам («Сехмет»); Мне нужны земные ласки / Пламя алого огня («Таиах»). Всего 53 контекста.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о насыщенности сборника «Стихотворения 1900–1910 гг. Годы странствий» перцептивной семантикой. В высказываниях ЗВ предикат представлен глаголами различных лексико-семантических групп, реализующих как прямое, так и переносное значение. Языковые единицы со значением ЗВ выполняют следующие функции: описывают явления природы, окружающую среду и ментальную сферу существования человека. Мотив «горения» органично вплетается в поэтическую ткань всего сборника и отражает специфику поэтического мира восприятия М. А. Волошина.

¹ Купченко В.П. Вспоминания о Максимилиане Волошине. – М.: Советский писатель, 1990 – С. 380.

² Моисеева Н.В. Глаголы восприятие в русском языке. – Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1998. – №6. – С. 82-91.

³ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999, Т. 1. А–Й. – С.173.

⁴ Там же. – С. 173.

⁵ Там же. – С. 318.

Кхемка Ананд Кумар, ТГУ, магистрант

Anand Kumar Khemka, TSU, master student

Модель речевого жанра интернет-отзыва о путешествии

Model of the Speech Genre «Internet Reviews on Travel»

В статье рассматриваются типологические характеристики речевого жанра интернет-отзыва о путешествии. Моделирование осуществляется с опорой на модель жанров естественной письменной речи, предложенную Н.Б. Лебедевой. Материалом для анализа послужили интернет-отзывы российских путешественников о поездке в Индию.

The article deals with the typological characteristics of the speech genre «internet reviews on travel». The model analysis is based on N. B. Lebedeva's model on genres

of natural written speech. The material used for analysis are the internet reviews of Russian tourists who travelled to India.

Ключевые слова: речевой жанр, интернет-отзыв, путешествие, Индия

Keywords: speech genre, internet review, travel, India

Научный руководитель: Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук, профессор

Изучение речевых жанров (далее РЖ) входит в круг актуальных проблем современной лингвистики. Особый интерес при этом вызывают новые жанры, которые ещё мало изучены. К их числу относится РЖ Интернет-коммуникации. В докладе рассматривается один из этих жанров – интернет-отзыв о путешествии. Целью работы является его описание с опорой на модель РЖ.

Под РЖ вслед за Т.В. Шмелёвой понимается особая модель высказывания, отличающаяся комплексом отраженных в речи жанрообразующих признаков¹. За основу описания интернет-отзыва взята модель жанров естественной письменной речи Н.Б. Лебедевой², расширяющая и уточняющая модель Т.В. Шмелевой.

Источниками исследования стали отзывы российских туристов о поездках в Индию, выложенные на вебсайтах turtella.ru, otzovik.com, vipgeo.ru и turizm.ru.

Рассмотрим основные параметры РЖ интернет-отзыва с опорой на избранную модель.

1. **Авторами** рассматриваемых интернет-отзывов являются путешественники, посетившие Индию. Каждый отзыв имеет только одного автора. Автор обычно не эксплицированный: отсутствуют указания на его имя, род занятий, профессию, возраст, место жительства. Используемые в текстах формы глаголов прошедшего времени (увидела, привезла, поняла и под.) указывают на то, что большинство пишущих – женщины.

По навыкам письма можно предположить, что все эти авторы – хорошо образованные люди. Об этом свидетельствует соблюдение языковых норм, использование слов высокого стиля и книжных слов (*Кочи ... омывается Аравийским морем; считается неправильным потреблять в пищу те продукты, которые производят животные*), употребление метафор, сравнений, перифраз (*только начинают строить новую трассу, а хижины как грибы уже появляются вдоль трассы; есть в этом чудесном уголке и другие интересные места*). Вместе с тем используется и разговорная лексика (*но всё равно нельзя сказать, что цены «кусаются». Сувенирчики и открыточки стоят от 20 рупий*).

2. **Коммуникативная цель.** Создавая РЖ интернет-отзыв о путешествии, автор преследует несколько целей: а) информационную (он сообщает сведения о месте путешествия, особенностях национальной культуры, природы и т.д.); б) мнемоническую (путешествие описывается детально, чтобы сохранить память о нём); в) эмоциональную (часто выражаются позитивные или – реже – негативные эмоции, которые вызвала поездка: *здесь к слову сказать замечательные пляжи. Мне очень понравилось путешествие на острова Випин и Гунду*). Ча-

сто встречается также императивная цель воздействия автора на адресата. На нее указывают формы повелительного наклонения (включите, посетите), слова категории состояния надо, нельзя, нужно, наречие обязательно. Обычно императив проявляется в форме совета: *Утром обязательно посетите рыбный базар; если вам безумно хочется посетить данный город, надо быть готовым к таким нюансам.*

3. **Адресаты** интернет-отзывов не определены, но ясно, что они пишутся для будущих путешественников.

4. **Объектом коммуникации** является путешествие, совершённое автором. Чаще всего отражаются такие темы, как описание отеля, экскурсии и достопримечательности, местная кухня, покупки, общее впечатление от тура. Реже авторы пишут о туроператоре, транспортных услугах (аэропорт, автобус, поезд), причине путешествия в Индию и др.

5. **Графико-пространственный параметр.** Отзывы имеют печатную (компьютерную) форму. Использован кириллический алфавит. В некоторых случаях встречаются фразы, написанные на английском языке: *И каждый хочет знать ответы на свои вопросы «what is your name?», «where are you from?», «how old are you?».* Латиница используется также при обозначении названий отелей, торговых центров: *остановились в отеле Vivanta by Taj – Malabar (5 звёзд); на шопинг имеет смысл съездить в ... торговый центр Bombay Bazar.*

6. Анализ **ортологического параметра** показывает, что в отзывах в целом соблюдаются языковые нормы. Большинство авторов обращает внимание на нормативность, связность текста, орфографию и пунктуацию. В некоторых текстах встречаются пунктуационные ошибки или опiski при выборе слов.

7. **Орудием написания** знаков здесь является клавиатура компьютера.

8. **Субстрат.** Текст создается на экране компьютера.

9. **Средой коммуникации** в этом жанре является интернет. Отзывы расположены на сайтах туристических компаний.

10. **Коммуникативное время.** Отрезок времени между путешествием и созданием отзывов обычно долгосрочный. Отмечены случаи, в которых отзывы опубликованы спустя 3–8 месяцев после поездки. Причины такого временного разрыва пока не установлены.

11. **Ход коммуникации** в таком РЖ всегда непрерывный: автор свободно представляет свою речь, а читатели только после окончания авторской речи могут ее комментировать. Таким образом, коммуникация здесь непрерывна с обеих сторон.

12. **Социальная оценка** анализируемого жанра утилитарная, т.е. он приносит пользу читателям. Этот жанр, включающий цель передачи информации и советы, позволяет будущему путешественнику хорошо подготовиться к поездке.

13. К параметрам, выделенным Н.Б. Лебедевой, можно добавить также **соотношение вербальной и невербальной составляющей РЖ.** В интернет-отзыве о путешествии текст обычно дополняется большим количеством фотогра-

фий. Они связаны с авторской речью и иллюстрируют её, но не всегда подписаны. Порядок контента и иллюстрации иногда не соответствуют друг другу.

Особенностью рассматриваемого РЖ является также факультативная зона комментариев, написанных адресатами. В них часто благодарят автора, иногда спорят с ним, оценивают качество отзыва; указывают, что знакомство с ним подкрепило намерение посетить Индию или отказаться от поездки: *вы создали мне отличный настрой для предстоящего путешествия, спасибо!; Благодарю Вас за чудесный, такой теплый отзыв. Было очень приятно читать; спасибо автору за понятный и для меня подробный рассказ. очередной раз убедилась, что эта страна мне не подходит для путешествия и др.*

Таким образом, РЖ интернет-отзыва входит в круг жанров естественной письменной речи и отвечает определенному набору параметров модели. К перспективам исследования можно отнести его детальное описание, а также разработку методических материалов для уроков РКИ на основе текстов рассмотренного РЖ.

¹ Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88-98.

² Лебедева Н.Б. Коммуникативно-семиотическая модель жанров естественной письменной речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 364-365.

Лебедева А.С., КемГУ, студент

Lebedeva A.S., KemSU, student

Военные мемуары наивного автора: лингвоперсоналогический аспект

Military memoirs: lingvopererpersonological aspect

В статье на материале мемуарных текстов двух наивных авторов выделены два типа лингвоперсонем, обусловленные их социальными и личностными характеристиками. К одному типу относится письменно-речевая личность объективно-фактологической направленности, с преобладанием информативной функции. В другом типе преобладает субъективно-рассуждающее начало, включающее оценочную и экспрессивную функции.

In the article on the material of memoirs of two naive authors, two types of linguistic personalities are distinguished, conditioned by their social and personal characteristics. One type refers to a written-speech personality of an objective-factual orientation, with a predominance of informative function. In another type of linguistic personality, the subjective-reasoning principle prevails, which includes appraisal and expressive functions.

Ключевые слова: наивный автор, лингвоперсона, естественная письменная речь, военные мемуары, языковая личность

Key words: naive author, natural written speech, military memoirs

Научный руководитель: Лебедева Наталья Борисовна, д-р филол. наук, профессор

Работа посвящается лингвоперсонологическому описанию военных мемуаров. Исследование выполнено в русле теории естественной письменной речи, под которой понимается речевая деятельность, характеризующаяся следующими признаками: письменная форма, спонтанность, непрофессиональность исполнения, неофициальность бытования, отсутствие промежуточных субъектов между автором и адресатом¹.

Актуальность данного исследования обусловлена его вписанностью в проблематику теории письменной повседневной речи и в теорию языковой личности (лингвоперсонологии).

Новизна данного подхода видится в соединении двух аспектов: лингвоперсонологии и естественной письменной речи, представленной рукописными военными мемуарами.

Объектом исследования выступают носители естественной письменной русской речи – авторы военных мемуаров.

Предметом исследования являются типологические характеристики авторов военных мемуаров как письменно-речевых личностей.

Материалом послужили тексты двух авторов военных мемуаров (Дмитриева Ф. Г. и Иванова Н. В.), представленные в рукописном виде. Общий объем мемуаров Иванова Н.В. составляет 3 тетради по 96 листов, объем мемуаров Дмитриева – 4 тетради по 96 листов.

Данная работа выполнена в русле научной Барнаульско-Кемеровской школы естественной письменной речи Н.Б. Лебедевой, в которой выдвинут принцип гносеологической толерантности, суть которого заключается в беспристрастном и уважительном отношении к текстам ЕПР, вследствие чего при цитировании текстов ЕПР полностью сохраняется авторский стиль во всем его специфическом орфографическом и пунктуационном своеобразии. Этот принцип не допускает использования оценочного слова «ошибка», оно заменяется выражением «несовпадение с конвенциональными (кодифицированными) правилами написания».

В данной работе применяются следующие методы: сопоставительный, описательный, реализуемый в методическом приеме анализа по коммуникативно-семиотической модели Н.Б. Лебедевой, элементы статистического анализа.

Целью работы является выявление типологических характеристик конкретных письменно-речевых личностей – авторов военных мемуаров – в сопоставительном аспекте.

Анализ авторов начинается с описания их социально-возрастных характеристик. Оба автора – Дмитриев и Иванов – близки по возрастному и социальному параметрам (Иванов Николай Васильевич 1924 г. рождения и Дмитриев Федор Гаврилович 1913 г. рождения). Это сельские по своему происхождению люди, активного пенсионного возраста, прошедшие всю войну. Общая у них и мотивация к написанию мемуаров: они захотели описать воспоминания о войне, которая, видимо, была самым значительным и ярким событием их жизни. Оба

одинаково определили в посвящении адресатов мемуаров – своих внуков: Вам, детям, внукам и правнукам посвящается эта краткая летопись (пишет в эпиграфе Федор Гаврилович): Внучке Настеньке, с целью чтобы она узнала всю правду о войне (обозначает своего адресата Николай Иванович).

Но между этими авторами имеются и отличия социального характера. Во-первых, – в уровне образования: хотя оба автора получили, видимо, только среднее школьное образование, но Дмитриев (как мы узнаем из его воспоминаний) постоянно стремился повышать свой общий культурный уровень: учился на разных курсах, активно занимался самообразованием, много читал. Об уровне образованности Иванова мы можем судить только из анализа текста: оно уступает уровню Дмитриева. Различны и социальные функции этих авторов. Дмитриев всегда проявлял себя на общественной работе, стремился к управлению и агитации, реализовывался как политический работник: до войны активно занимался комсомольской работой, на войне он был политруком и позже занимал довольно высокие посты регионального уровня. Иванов прошел всю войну рядовым солдатом.

Указанные экстралингвистические параметры обусловили и лингвистические характеристики текстов мемуарных записей. Дмитриев пишет стилем, богатым в синтаксическом и лексическом отношении. В его текстах много рассуждающих и субъективно-оценочных фрагментов, даже лирических отступлений: *«В семье у прадеда, кроме деда, были еще два брата. Работали они, особенно летом, от зари до зари, труд был адский, орудия труда были: волю, соха, зимой дед шорничал, бабушка ткала полотна»*. В его тексте преобладает информативная функция наравне с экспрессивной и оценочной, что в итоге приводит в изучаемом мемуаре к ярко выраженному отображению личности автора. В мемуарах Иванова обнаруживается более скованный стиль, в его воспоминаниях мало рассуждений, почти нет субъективных оценок, в синтаксическом и лексическом отношении речь однообразная, бедная. В его текстах преобладает объективно-информативная функция, личностные характеристики проявлены слабо. Основным содержанием является конкретное описание военных действий: *«28 января 1913 подписан декрет – созданию рабоче-крестьянской красной армии... 1919 г. Начинается переход в наступление Красной Армии 19 февраля 1919 войска освобождается от Германии, захвачен город Киев»*.

На частеречном уровне текстов также имеются различия. У Иванова преобладает глагольная лексика и сравнительно мало атрибутивной лексики – прилагательных и причастий: *«Я пошел учиться в 5 класс, так у меня перевода в 6 класс не было, окончил – 1939 году 7 классов...Германия захватила Данию, Нарвегию. Германия оккупировала 12 государств. Сталин ещё раз провел провел разговор с Гитлером, но тот отвергал и отвечал, что идут внутренние занятия.... Выхали из города Москвы»*. Большое место занимает и оценочная лексика: *«Большую роль сыграла Смоленское сражение с 10 июля по 10 сентя-*

бря 41 года. Но, а такой, как Генерал – Власов, продал и сдал свою Армию Немцам, а сам сел на машину со своим штабом отдельных лиц и уехал к немцам».

Речь Дмитриева более разноречива: представлена как глагольная, так и именная лексика: *«Работали они, особенно летом, от зари до зари, на помещика, труд был адский, орудия труда были: волю, соха, борона и лопата, зимой дед шорничал, бабушка ткала полотна на станке для помещика».*

Отличие авторов проявляется и в нормативном аспекте. Мемуары Дмитриева написаны в соответствии с кодифицированными нормами русского языка. Крайне редко встречаются отступления от них. У Иванова в значительной мере содержатся такие отступления от кодифицированной письменной речи. Наиболее частотны «ошибки» в падежных окончаниях, слитное и раздельное написание слов и т.д.

В текстах Иванова встречаются речевые поправки, что отражает рефлексии автора (лаборатория мысли). В тексте Дмитриева их меньше, видимо, он или переписывал заново написанное, или же советовался с кем-нибудь в сложных случаях. Возможно, он обладал высокой степенью лингвистической компетенции.

Общий вывод по результатам анализа языковой личности заключается в следующем: письменно-речевая личность авторов во многом сформирована как социальными причинами (степень образованности, должность), так и личностными характеристиками (склонность к размышлению и рассуждению, стремление проявить себя как личность через оценочный модус и др.), что проявляется во всех аспектах письменно-речевой деятельности.

Исследованный материал позволил описать 2 типа языковых личностей:

1. Иванов – объективно-фактологический тип (минимальное использование тропов и богатств русского языка, язык однообразный, незмоциональный, с преимуществом глагольно-предикативной лексики).

2. Дмитриев – субъективно-рассуждающий тип, который стремится к использованию более широкого репертуара лингвистических и стилистических средств, в частности, разнообразию частеречной принадлежности слов.

К перспективам исследования можно отнести выявление других типов письменно-речевых личностей, для чего потребуются дальнейшее описание различных текстов наивных мемуаров.

¹ Лебедева Н.Б. Исследование естественной письменной русской речи как направление изучения языка города // Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: труды междунар. научно-практ. конф. (Кемерово, 4 июля 2008 года) /ред.кол. Л. А. Араева, М. А. Осадчий; под ред. Л. А. Араевой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 115.

Лошенко К.В., КемГУ, студент

Loshenko K.V., KemSU, student

Стратегии и тактики речевого воздействия коллекторов на должников

Strategies and tactics of the speech impact of collectors on debtors

Статья посвящена выявлению и описанию стратегий и тактик речевого воздействия коллекторов на должников. Проведенный анализ показал, что для достижения своей цели коллекторы используют разнообразные тактики, самыми частотными из которых являются такие как угроза, издевка и оскорбление.

The article is devoted to revealing and describing strategies and tactics of the speech influence of collectors on debtors. The analysis showed that to achieve their goal, collectors use a variety of tactics, the most frequent of which are such as threat, mockery and insult.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, коммуникативный акт, тактики, стратегии речевого воздействия

Key words: Linguistic expertise, communicative act, tactics, strategies of speech impact

Научный руководитель: Дударева Яна Александровна, канд. филол. наук, доцент

Статья посвящена рассмотрению речевых стратегий и тактик, которые используют коллекторы в общении с гражданами, имеющими задолженность в погашении кредитов. Тематика является весьма актуальной в настоящее время. С 01.01.2017 года вступил в силу закон о коллекторской деятельности, введение которого обусловлено многочисленными ситуациями использования коллекторами недопустимых способов взаимодействия с должниками.

В статье анализируются реальные коммуникативные ситуации, представляющие собой аудиозаписи телефонных переговоров, участниками которых являются коллектор и должник. Рассматриваемые диалоги демонстрируют разнообразие стратегий и тактик, которые использует коллектор для воздействия на должника.

Таким образом, объектом исследования является конфликтный тип речевого взаимодействия коллектора с должником, предмет исследования – речевые стратегии и тактики, используемые коллектором на разных стадиях протекания конфликта.

Анализ аудиозаписей позволяет говорить о том, что цель представителей отдела взыскания задолженности – добиться выплаты задолженности по кредиту. Для достижения поставленной цели коллектор использует различные речевые тактики, в описании которых мы опираемся на классификацию стратегий и тактик речевого воздействия, представленную в научных работах О.С. Иссерс¹:

1. Семантический тип стратегий: уговоры, просьбы, убеждение:

Цель уговоров – добиться подчинения, побудить партнера совершить определенные действия². Приведем пример использования коллектором названной стратегии:

– Ну а чем вы думали, когда брали такой кредит? У Вас сто процентов есть машина. Продайте ее. Ценности сдайте в ломбард. Перестаньте еду дорогую покупать, а то привыкли хорошо жить. На икру да на вещи деньги находите, а для кредита денег нет.

Речевое воздействие коллектора на должника осуществляется с помощью использования директивных^{3,4} конструкций, многократного употребления глаголов активного действия в повелительном наклонении, использование риторического вопроса, который затрагивает для слушающего животрепещущую тему. Коллектор в целях убеждения должника использует синтаксические конструкции с противительными союзами («а то привыкли жить хорошо»; «а для кредита денег нет»). Предложения с противопоставлениями позволяют ему позиционировать, что правильно и неправильно с его точки зрения. Кроме того, анализируемое высказывание содержит фразы – маркеры («сто процентов», «привыкли хорошо жить», «деньги находите»), которые демонстрируют уверенность коллектора в благосостоянии должников.

В целях убеждения должника коллектор применяет в рамках рассматриваемой стратегии специальный коммуникативный ход – «апелляция к чувствам, отношениям»⁵. Как пишет О.С.Иссерс, «когнитивной посылкой данного хода является представление о чувствах коммуникантов друг к другу, которые обе стороны считают ценными («имели право», «не добросовестно оформили»). На уровне лексики эта модель представлена маркерами, фиксирующими отношения «говорящий – слушающий»⁶:

– *Добрый день, гражданка Н. Знаете по какому поводу мы Вам звоним? Ну так если понимаете, чего тогда не платим тогда? Ну а чем вы думали, когда брали такой кредит?*

2. Семантический тип речевых стратегий: оскорбление, издевка, обвинение.

С помощью использования названных стратегий осуществляется дискредитация должника.

а) Пример дискредитации должника с использованием тактики издевки:

– *Добрый день, гражданка Н. Знаете, по какому поводу мы Вам звоним? Ну так, если понимаете, чего тогда не платим тогда?*

В данном примере издевка возникает за счет использования вводных глагольных конструкций в предложениях с вопросительной интонацией: «знаете», «понимаете».

б) Пример дискредитации должника с использованием тактики обвинения:

– *А у вас какое право, себе вопрос задайте, незаконно удерживать чьи-то денежные средства?*

В приведенном высказывании коллектора содержится обвинение должника в незаконности его действий. Речь коллектора содержит глаголы повелительного наклонения, что влияет на эмоциональное сознание должника. Построенная таким образом фраза осуществляет речевое воздействие на слушающего, вызывая у него чувство вины.

в) Пример дискредитации должника с использованием тактики оскорбления:

– Как это ты разговариваешь? Тебе женщина позвонила, а ты, козленыйш, нормально поговорить не можешь. Что ты там хрюкаешь на меня? А?

В речи коллектора используется девиантная лексика («козленыйш», «хрюкаешь»), которая направлена на унижение личности должника.

3. Прагматический тип речевых стратегий.

а) Эмоционально настаивающие тактики: угрозы

– Слушай, вот это ты зря. У меня очень негативное отношение к тебе. Ты не думаешь, что тебя можно лично найти и наказать?

Глагольные формы изъявительного наклонения («слушай», «найди», «наказать») эмоционально воздействуют на задолжника, что вызывает чувство страха.

Речь коллекторов и должников значительно отличается от коммуникативного акта между обычными людьми. Представители отдела взыскания преследуют единственную цель – заставить должника вернуть долг по кредиту. Как показало наше исследование, достичь ее они пытаются любой ценой. Наиболее часто используемый тип – семантический тип, создающий сильнейшее эмоциональное напряжение, которое должно подшатнуть душевное равновесие должника и заставить подчиниться «закону».

¹Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

² Там же.

³ Серль Дж. Теории речевых актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 129-145.

⁴ Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. – С. 22-129.

⁵Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

⁶ Там же.

Люнгрин В.А., КемГУ, студент

Lyungrin V.A. KemSU, student

Лингвоперсональный аспект изучения студенческого конспекта

Linguo-personal aspect study student abstract

В статье предлагается типология языковых личностей – авторов студенческих конспектов, где отражены особенности языковых личностей гуманитарных институтов, непосредственно связанные с интеллектуальными и психолингвистическими способностями реципиентов. Базисом типологии послужили экстралингвистические и лингвистические характеристики, выделенные на основе типологии лингво-когнитивных стилей репродуцирования текстов, предложенной Н. Д. Голевым.

In article offered typology languages personality – author student's abstracts, where the features of linguistic personalities of the liberal arts are directly related to the intellectual and psycholinguistic abilities of recipients are reflected. The typology

was based on extralinguistic and linguistic characteristics, based on the typology of linguocognitive styles of reproduction, proposed by N. D Golev.

Ключевые слова: Лингвоперсонология, языковая личность, студенческий конспект, типология

Keys words: Linguo-pesonal, language personality, student's abstracts, typology

Научный руководитель: Лебедева Наталья Борисовна, д-р филол. наук, профессор

Статья посвящена исследованию студенческого конспекта лекции как явлению естественной письменной речи (ЕПР).

Конспект является вторичным текстом, созданным на основе первичного со сменой авторства и интенции, его относят к репродуцированным текстам¹.

Анализ текстов конспектов лекций позволил наметить функционально-стилевую типологию ведения лекционных записей по следующим основаниям:

1. Способ свертывания, компрессии информации и ее изложения.

2. Способ репрезентации информации.

3. Полнота воспроизводимого содержания исходного текста, полноте смыслового покрытия исходного текста.

4. Степень адекватности содержания конспекта лекций первоисточника; стремление автора воссоздать исходный текст или создать на его основе новый текст.

5. Наличие / отсутствие аксиологической градации информации.

6. Наличие / отсутствие категории эмотивности в репродуцированном тексте.

7. Наличие / отсутствие обращенности к читателю, диалогизации.

8. Наличие / отсутствие субъекта речи при репродуцировании².

Каждая письменно-речевая личность использует в своей деятельности какой-либо стиль, более подходящий ей по психолингвистическим качествам.

Поэтому на основе данной типологии репродуцированных текстов мы определили типологию языковых личностей:

1. Способы свертывания, компрессии информации и ее изложения.

– копирующая языковая личность

– контаминирующая языковая личность

– генерирующая языковая личность

2. Способы репрезентации информации.

– дифференцирующая языковая личность

– интегрирующая языковая личность

3. Полнота воспроизводимого содержания исходного текста, полнота смыслового покрытия исходного текста.

– сканирующая языковой личности

– фрагментирующая языковая личность

4. Степень адекватности содержания реферата первоисточника; стремление автора воссоздать исходный текст или создать на его основе новый текст.

– воспроизводящая языковая личность

– модифицирующая языковая личность

- интерпретирующая языковая личность
- 5. Наличие / отсутствие аксиологической градации информации.
 - сглаживающая языковая личность
 - заостряющая языковая личность
- 6. Наличие/ отсутствие категории эмотивности в репродуцированном тексте.
 - эмоциональная языковая личность
 - нейтральная языковая личность
- 7. Наличие / отсутствие обращенности к читателю, диалогизации.
 - контактная языковая личность
 - отстраненная языковая личность
- 8. Наличие / отсутствие субъекта речи при репродуцировании.
 - персональная языковая личность
 - имперсональная языковая личность

По разным основаниям типологии языковых личностей мы проанализировали конспекты лекций студентов гуманитарных институтов Кемеровского государственного университета для выявления психолингвистических особенностей данной категории студентов в количестве 33 единиц письменного текста.

По первому основанию среди гуманитариев чаще встречаются генерирующие личности, т. е. их конспекты разбиты на абзацы, прослеживается структура текста. По способу репрезентации гуманитариев можно отнести к дифференцирующим личностям. Например, студенты-филологи, так же как журналисты, акцентируют внимание на датах и фамилиях, что дает более обширную картину лекций. По полноте текста – сканирующие. Конспекты довольно подробно написаны, без пропусков фрагментов. Тексты не содержат существенных отличий между собой, а значит и от первичного текста. Для сравнения с первоисточником были исследованы письменные материалы лекций преподавателей тех дисциплин, по которым был проведен анализ письменных записей студентов. Следовательно, личности можно считать воспроизводящими. По основанию аксиологической градации реципиенты относятся к сглаживающим языковым личностям. При исследовании конспектов не было выявлено характерных помет. Эмоциональное окрашивание в исследуемых текстах отсутствует. Восклицательных предложений при анализе текстов не встречается. Языковые личности можно назвать нейтральными. Среди данных конспектов не обнаружено элементов диалогизации. В жанре конспекта Языковая личность является отстранённой.

Таким образом, мы определили классификацию языковых личностей на основе типологии репродуцированных текстов, где рассмотрели общие признаки на материале конспектов языковых личностей студентов гуманитарных институтов Кемеровского государственного университета.

¹ Н.Д. Голев «Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку». Типология лингвокогнитивных стилей репродуцирования. – Кемерово, 2009. – С. 152.

² Там же.

Маргунина Я.А., КемГУ, студент

Margunina J.A., KemSU, student

Частная записка: речевые тактики жанра

Private note: tactics genre

В настоящем исследовании рассматриваются языковые средства, направленные на реализацию речевых тактик жанра «частная записка». Выбор речевых тактик предопределен коммуникативной целью жанра и направлен на решение актуальной ситуативно-коммуникативной задачи.

The present study examines linguistic means aimed at implementing the speech tactics of the genre of «private note». The choice of speech tactics of predefined communicative purpose of the genre and aimed at solving urgent situational-communicative tasks.

Ключевые слова: частная записка, речевой жанр, речевые тактики

Key words: personal note, speech genre, speech tactics

Научный руководитель: Рабенко Татьяна Геннадьевна, канд. филол. наук, доцент

На фоне повышенного интереса современной лингвистики к проблеме языковой личности, обусловленного антропоцентричностью научной парадигмы, наблюдается стремление к обоснованию нового объекта исследования, называемого естественной письменной речью (далее ЕПР). Данный феномен сопрягается с речевой деятельностью, характеризуемой тремя основополагающими признаками: письменной формой, спонтанностью и непрофессиональностью исполнения¹. В системе жанровых форм, реализующих ЕПР, особое место занимает речевой жанр (далее РЖ) «частная записка».

Целью данного исследования является описание основных речевых тактик, сопряженных с РЖ «частная записка», и выделение языковых средств их реализации. В качестве фактологической базы исследования выступают материалы указанного РЖ в количестве 40 единиц. Данное исследование выполнено в русле речеведческого подхода, связанного с именем М.М. Бахтина, определившего РЖ как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний», возникающие на базе некоего стереотипа речевого поведения².

Известно, что коммуникативная цель любого РЖ предполагает активизацию некоего набора речевых тактик (далее РТ) – одного или нескольких действий, которые способствуют реализации цели³. Дабы определить специфику РТ частной записки необходимо выяснить, что следует понимать под словосочетанием «частная записка», номинирующим исследуемый РЖ. Так, в «Толковом словаре русского языка» под словом «записка» понимается «письменный текст или краткое письменное изложение какого-л. дела, сообщение о чем-л.»⁴. С учетом словарной дефиниции коммуникативную цель РЖ «частная записка» можно сформулировать следующим образом: «изложить в краткой письменной форме обстоятельства какого-л. дела, сообщить о чем-л.»

Исследование собранного материала обнаруживает следующие РТ обозначенного РЖ: признание в любви, просьба, благодарность, шутка, упрек, совет и др. Так, реализации РТ «признание в любви» осуществляется за счет:

1.Использования глаголов ЛСГ межличностных отношений, а именно глаголов эмоционально-оценочного отношения: любить. Например, «Покушал. Вкусно. Спасибо! Люблю...».

2.Употребления в подобных записках в роли обращений зооморфизмов: Котик, Зайка и т.п., соляризов: Солнышко, Солнце; а также субстантивированных прилагательных: Милый, Любимая, Дорогая. К примеру, «Котик, поешь супчик, очень вкусно, обязательно с мясом и сметаной и тортик, и приходи ко мне. Люблю тебя!».

Ведущая функция, которая связана с реализацией подобного рода сообщений, – фатическая (контактоустанавливающая и контактоподдерживающая). Целью подобного рода сообщений является поддержание коммуникации, признание в искренних чувствах, вызов ответного чувства, создание хорошего настроения. В таких записках частотно а) использование восклицательного знака (порой нескольких знаков), который способствует выражению особого чувства, испытываемого автором послания; б) изображение смайликов.

РТ «просьба» эксплицируется следующим образом:

1.Поскольку просьба – это обращение к кому-либо, призванное удовлетворить какие-либо нужды, пожелания, то в такого рода сообщениях закономерно использование глаголов в форме повелительного наклонения, ед./мн. ч., 2 лица, например, глаголов ЛСГ физиологического действия «покушай», «поешь»; глаголов поиска объекта «найди», «поищи»; глаголов движения «погулять»; глаголов физического воздействия на объект «почисти», «помой»; глаголов созидательной деятельности – приготовления пищи «свари», «пожарь» и др. Например, «Лена! В ведре плов. Чтобы его съела. А еще почисти и сварь картошки и лук (его не вари), вечером пожарим котлеты. *P. S. А еще придумай историю где тебя ночью черти носили? Где ты ночевала?*».

2.Реализуемые в семейно-бытовой сфере частные записки содержат обращения – уменьшительно-ласкательные апеллятивы – наименования родства: доня, мамулечка, (ма)мусечка, а также имена собственные Лена, Саша, Варюшка. Как правило, они содержат положительную эмоциональную окраску, могут приобретать ласкательную или шутивную экспрессию.

Ведущая языковая функция подобного рода сообщений императивная (функция поручения). Цель данных записок – заставить партнера по коммуникации в соответствии с требованиями выполнить некое поручение, побудить к действию.

РТ «шутка» реализуется за счет небольшого текста юмористического или иронического содержания (с тонкой, скрытой насмешкой), например: «Я рада, что ты начал делать что-то по дому, но перестань наливать воду в эту вазу. Эти цветы искусственные!!!!» или «Положи в меня грязные вещи! С наилучшими пожеланиями, корзина для грязных вещей. *P. S. Я слежу за тобой*». Выделенная

особо форма постскрипtum – приписка к законченному сообщению – способствует усилению шутиwego тона сообщения. Ведущая языковая функция, сопряженная с такими сообщениями, – эмотивная. Целью такого рода сообщений является стремление пошутить, а также показать оригинальность своего сообщения, привлечь внимание собеседника к некой актуальной теме.

Таким образом, **коммуникативная цель** РЖ «частная записка» достигается посредством некоторых РТ, то есть речевых действий, оптимальных для достижения данной цели, и, соответственно, реализующих РТ языковых средств.

¹ Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета, 2001. – №1. – С. 4-10.

² Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5. – С.159.

³ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

Рабенко Т.Г. Извинение: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации // Гуманитарный вестник. Серия Филология. Востоковедение. – 2012. – №4 (32). – С. 83-89.

⁴ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование, 2012. – С.186.

Матясова А.Ю., НГПУ, студент

Matyasova A.YU., NSPU, student

Цветовые обозначения в художественных текстах и в интернет-блоге

Т. Толстой

Color designations in literary texts and in the internet blog of T. Tolstaya

Настоящая работа предполагает сопоставительный анализ цветовых обозначений в интернет-дневнике и в художественных текстах Татьяны Никитичны Толстой.

The present work includes the comparative analysis color designations of the on-line diary and literary texts of Tatyana Tolstaya.

Ключевые слова: Татьяна Толстая, языковая личность, цветовой эпитет, цветное обозначение

Keywords: Tatyana Tolstaya, language personality, color epithet, color designation

Научный руководитель: Трипольская Татьяна Александровна, д-р филол. наук, профессор

В данной работе мы анализируем метафорический дискурс языковой личности Татьяны Толстой. Языковым материалом являются художественные тексты писательницы и её интернет-дневник.

В художественных текстах и в интернет-блоге Т.Толстой нами выделяется четыре типа наиболее частотных «тематических» метафор: еды, цвета, движе-

ния и количественно-качественные метафоры. В настоящей статье представим исследование цветowych метафор в разных типах дискурсов.

Одним из аспектов, характеризующих языковую личность, является ее восприятие и языковое воплощение цветowych характеристик предмета. Понятие о цвете формируется у человека в результате его жизненного опыта. Цветовые наименования в переносных (символических) значениях способны выражать оценки, чувства, эмоции. Исходя из этого, мы можем говорить о понятии «цветовая картина мира Т.Толстой».

В анализе цветовой картины мира языковой личности мы опираемся на работы предшественников, посвященные как языковой картине мира говорящих в целом, так и индивидуально-авторским представлениям о цвете. Это работы А. Вежбицкой¹, Р.М. Фрумкиной², О.Б.Ермаковой³, Я. Астаховой⁴ и др.

Мы начали анализ с интернет-блога писательницы, и было выявлено, что эмоциональную оценку Т. Толстая чаще выражает с помощью образной лексики, базирующейся на её индивидуальных ассоциациях, и одним из инструментов для реализации интенций автора служат цвето- и светообозначения. Автор использует цветообозначения для характеристики объекта: опираясь на него, адресат сам «строит» в своём сознании конкретный цвет и вписывает его в свою эмоциональную парадигму. К примеру, назвать блузку «фиолетовой» автор считает не совсем точным, поэтому, детализируя семантику цвета, предлагает свой вариант: блузка цвета «баклажан в ночи»⁵.

Нами был взят фрагмент из интернет-блога Т. Толстой (период: 11 мая 2013 – 1 августа 2016), где было обнаружено около 110 цветообозначений (из 30500 слов) и сборник «День» – около 300 цветообозначений (из 80960 слов). Было выявлено, что на тысячу слов в блоге приходится примерно 4 цветообозначения; точно так же, на тысячу слов в сборнике «День» имеется примерно 4 цветообозначения, что говорит о единстве лексикона ЯЛ. Цветообозначения по семантическим и прагматическим характеристикам в разных типах дискурса не совпадают. Так, при рассмотрении цветообозначений (ЦО) в художественном тексте (ХТ) и в блоге, выделяется 4 типа: ЦО для описания человеческой внешности, быта, природы и состояния. Анализ показал, что в блоге самую большую группу представляют описания быта, где ЦО употребляются в прямом и переносном значениях. В художественном же тексте ЦО в большинстве контекстов приобретают символические значения, что может говорить о разных функциях ЦО в двух типах дискурсов.

В художественных текстах и в интернет-дискурсе Т. Толстой мы выделяем основные функции цветowych обозначений: текстообразующую, эстетическую, эмоциональную и оценочную, в художественном тексте доминирующими оказываются эстетическая и текстообразующая функции, на которые наслаиваются остальные. В то время как в блоге основной функцией считается оценочная. Предполагается, что цветообозначения в интернет-коммуникации «проходят испытание», так как они там играют роль «выразителей» эмоций, оценки, экспрессии, и могут переноситься в художественный текст.

Писательница широко использует словообразовательные, синтаксические, морфологические возможности русского языка, создавая/интерпретируя необходимый оттенок цвета (*Мы хотим долго, вечно ехать в тишине между Мертвым морем и мертвыми горами, цвета верблюжьей шерсти, цвета ржавчины, цвета чайной розы, цвета полыни*⁶). Толстой присущи индивидуально-авторские цветовые наименования (*Светит белое солнце, резную тень бросают черные деревья*)⁷. Таким образом проявляется индивидуально-авторская цветовая картина мира.

При употреблении цветowych эпитетов экспрессия и эмоциональная окраска могут возникать в результате нарушения нормативной синтагматики, что обусловлено авторским восприятием цветов отдельных предметов (пример: бело-розовое, пухло-податливое, влажно-рассыпчатое тесто (о женщинах на пляже)). Ассоциация писательницы к «розовый» значительно отличается от ассоциаций, представленных в русском ассоциативном словаре Караулова⁸. В словаре не встретим реакции «женщина» к данному стимулу. В Толковом словаре Ушакова⁹ в переносных значениях слова «розовый» представлены смыслы наивный, приятный, которые, как нам представляется, являются базой для формирования символических значений в русском языке. В художественных текстах и в заметках интернет-блога Т. Толстой вышеперечисленные значения (кроме обозначения «розовый» в значении наивный) не отмечаются, поэтому мы можем их считать авторскими.

Доминирующим способом передачи оттенков цвета у Толстой в сборнике «День» и интернет-блоге выступает способ образования прилагательных путем сложения основ цветowego и нецветowego слов. Такой эпитет содержит два прилагательных, одно из которых обозначает цвет, а другое выражает авторскую оценку или эмоцию (В радужно-розовых мечтах мне представлялось, как я куплю ее).

Автор использует цветowe эпитеты в сочетании с разными частями речи, что существенно меняет тональность высказывания и становится средством выражения авторского отношения к описываемому (Черные молчаливые камни; Я подхожу к дому, высающемуся надо мной серой громадой; ср. в блоге: белые промокашки помидоров (о помидорах в бургере).

Мы предполагаем, что эпитеты в ХТ и в интернет-коммуникации взаимосвязаны: в разных дискурсах появляются одни и те же цветowe обозначения, а в ряде случаев происходит доразвитие символики цвета. Изучая цветowe обозначения, мы установили, что в блоге их употребление необходимо для выражения иронии, оценки, в то время как в художественном тексте они выступают прежде всего в эстетической функции.

¹ Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.

² Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука. 1984. – 175 с.

³ Ермакова О. Б. Концептуализация цвета в русском языке. – М., 2007. – 345 с.

⁴ Астахова Я. А. Цветообозначения в русской языковой картине мира : дис. канд. фил. наук: 10.02.01. – М., 2014. – 234 с.

⁵ Интернет-блог Т.Н. Толстой [online]. Доступный из WWW: <<http://tanyant.livejournal.com/>> [цит.20.02.2017].

⁶ Толстая Т.Н. День: личное. – М.: Подкова, 2001. – С. 53.

⁷ Толстая Т.Н. День: личное. – М.: Подкова, 2001. – С. 112.

⁸ Караулов Ю.Н. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь (АТРЯ) / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Кн. 1- 6. М.: Помовский и партнеры, 1994-1999.

⁹ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова – М.: Гос. ин-т «Сов.энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940.

Молчанова П.А., ТГУ, магистрант

Molchanova P.A., TSU, master student

Ньюс-тизер в контексте жанровой специфики вторичного представления медийной информации в соцсетях

News-teaser in the shadow of genre specificity of the secondary media message in the social nets

Исследование выполнено в русле проблематики жанрового анализа текстовых форм интернет-коммуникации. Рассматривается специфика текстовой формы промоутирующего представления медийного издания в соцсетях, реализованной в виде новостного жанра.

The research was carried out following on from issues of genre analysis of text internet-communication's forms. We carried over for consideration the text forms' specificity of promoting presentation of web-based media in the social nets that is represented in the shape of news genre.

Ключевые слова: речевой жанр, медиадискурс, дискурс соцсетей

Keywords: speech genre, media discourse, social network discourse

Научный руководитель: Тубалова Инна Витальевна, д-р филол. наук, доцент

Ранее мы предприняли попытку описания жанра ньюс-тизер (news – «новости», tease – «дразнить»), сформированного в результате проникновения институциональных интенций СМИ в личностно-ориентированную сферу соцсети¹. Ньюс-тизер – новостная аннотация в соцсетях (РИА_Видео Драки, крики и сожжение флага: сторонники и противники Трампа схлестнулись в США), для которой первичным является новостная аннотация или сам текст новости на официальном портале (**В Калифорнии на митингах против Трампа задержали 20 человек**). Инфоповод в соцсетях оформляется иными, по сравнению с официальным порталом, языковыми средствами, которые употреблены для стимуляции читателя к действию – перейти по ссылке для более детального ознакомления с материалом, расположенным на внешнем ресурсе-источнике (в данном случае – новостном портале).

Аннотирование медийных площадок в соцсети – выраженная тенденция современности, реализуемая в целом ряде жанров. В связи с этим ньюс-

тизер представляется возможным рассматривать как один из таких жанров, сформированных на основании интенции промоутирования. Рассматриваемую совокупность жанров (тип жанров – совокупность жанров, в содержании интенции которых содержится общий компонент) обозначим как «медиатизер». Единство жанрового типа определяется общностью интенции промоутирования, задающей единую логику трансформации текста-источника.

Цель настоящей работы – представить ньюс-тизер в контексте других жанров, относящихся к жанровому типу «медиатизер», выявив на этом фоне его специфику.

В процессе анализа материала мы обнаружили другие жанры в составе жанрового типа «медиатизер», отличающиеся от первично обнаруженного жанра ньюс-тизер. Ньюс-тизер встроен в систему жанровых вариантов, составляющих на основании вышеуказанного интенционального компонента единый жанровый тип. При этом, как и другие жанры рассматриваемого типа, он обладает спецификой другого интенционального компонента.

Проникновение онлайн-изданий в соцсеть обусловлено потребностью охвата аудитории – для этого создается официальное сообщество в соцсети. У каждого сетевого издания своя аудитория, особый контент и соответствующая интенциям презентация на внешнем канале коммуникации, реализующаяся в виде жанров медиатизера (как типа). Базовое основание различия жанровых вариантов – характер медиаисточника.

Для анализа жанров медиатизера обратимся к материалам представления в соцсети источников различного типа: РИА (официально зарегистрированный (институциональный) новостной портал (сетевое издание), производящий уникальный новостной контент и обеспечивающий информирование граждан страны), TJ, Сноб и Wonderzine (не являются официальными источниками предоставления информации для граждан, но также производят свой уникальный контент; например, TJ производят авторские статьи, а также генерируют ботов, отбирающих наиболее актуальный и находящийся в тренде материал).

Дифференциацию конкретных жанров внутри рассматриваемого типа определяют (1) специфика интенции его представления в соцсетях и (2) специфика источника.

Конкретные жанры медиатизера могут иметь следующие интенции (уточняющие промоутирующую): (1) промоутирование ресурса-источника, (2) промоутирование собственно сообщества, (3) имидж-проектирование.

Ньюс-тизер дополняет интенцию информирования интенцией промоутирования (ньюс-тизер: *Чего не сделаешь ради коллекции. В Томске родители со своим чадом несколько недель воровали игрушечных резиновых коней из ТЦ Metro Cash & Carry. Подобная история произошла и в магазине «Холлидей»* – Новостная аннотация: *Родители с сыном воровали игрушечных коней в Томске, собирая коллекцию. ТОМСК, 11 мар – РИА Томск. Родители с ребенком в течение нескольких недель воровали небольших резиновых коней из торгового центра (ТЦ) Metro Cash & Carry в Томске; всего семья смогла*

вынести из гипермаркета около 10 игрушек, сообщил журналистам в среду начальник безопасности ТЦ Эдуард Высоцкий»).

В других жанровых вариантах медиатизера в рамках промоутирования реализованы следующие интенции.

1. Попытка включить аудиторию в инфоповод: (Wonderzine) медиатизер: *Сегодня вышла последняя серия сериала «Девочки». Рассуждаем о том, как этому сериалу оказалось по силам не только точно изобразить целое поколение, но также изменить его мнение о себе и помочь вырасти нам. Ханна и её сёстры: Чему нас научил сериал «Girls»; источник: Ханна и её сёстры: Чему нас научил сериал «Girls».*

2. Конкретизация информации о личности участника события: (Сноб) медиатизер: *На рейс не взяли маму с двухгодовалым ребенком с ДЦП. Им предложили лететь из другого аэропорта; источник: «Победа» не пустила в самолет ребенка с инвалидностью. Росавиация проведет проверку. Сотрудник низкобюджетной авиакомпании «Победа» 14 апреля отказал в посадке на рейс из Москвы в Екатеринбург женщине с двухгодовалым ребенком, больным детским церебральным параличом. Росавиация проводит проверку.*

3. Упрощение лексики как адаптация текста к специфичной аудитории: (ТJ) медиатизер: *Текст ньюс-тизер: Наталья Третинская из Челябинска бесплатно раздаёт хлеб пенсионерам в своём магазине. Поговорили с предпринимательницей, рассказавшей ТJ, почему она решила помочь старикам и как относится к критике в свой адрес. «Сначала спрашивали, кто помогает: государство или хлебокомбинат?»; источник: «Сначала спрашивали, кто помогает: государство или хлебокомбинат?» Предприниматель из Челябинска Наталья Третинская бесплатно раздаёт хлеб пенсионерам в своём магазине. Покупатели к инициативе отнеслись с благодарностью, а горожане называют акцию рекламой торговой точки. Женщина рассказала ТJ, почему она решила помочь старикам и как относится к критике в свой адрес.*

Источники жанров медиатизера дифференцируются по следующим параметрам: (1.1) интенция источника (информационная, развлекательно-информационная); (1.2) жанр источника (новость, статья, блог); (1.3) уровень формальности источника; (1.4) состав тем–рубрик (политика, экономика, красота, здоровье, мнения, наука).

При сравнении источников, мы определили, что ньюс-тизер интенционально информативен, в качестве основного жанра материала выступает новость, поэтому текст характеризуется высоким уровнем формальности (что обусловлено, прежде всего, его институциональностью). Высокий уровень формальности отражает и перечень привлекаемых ньюс-тизером тем: политика, общество, экономика, в мире, происшествия, спорт, наука, культура, религия (ср., например, ТJ – популярное, свежее, за неделю, твиты, новости, статьи, видео, офтоп; Wonderzine – жизнь, здоровье, красота, развлечения, стиль).

Итак, базовыми критериями, определяющими ньюс-тизер как жанр медиа-тизера, являются специфика жанровой интенции и специфика аннотируемого ресурса.

¹ Молчанова П.А. Ньюс-тизер как особый жанр новостной аннотации в соцсетях // Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы IV Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 18-20 ноября 2015 г. / Отв. Ред. А. Е. Козлова – Новосибирск: изд-во ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2015. – С.151-152.

Печенегова А.Л., КемГУ, магистрант

Pechenegova A.L., Kemsu, master student

Интерпретация конфликтогенного текста адресатами речевого произведения (на материале публикаций СМИ)

Interpretation of a conflict text by addressees of a speech work (On the material of media publications)

Вопросы интерпретации занимают лингвистов на протяжении многих десятилетий. Юрий Лотман говорил, что текст всегда живой, он наращивает информацию и меняется в зависимости от того, кто его читает. С этим связана и глубина интерпретации, которая активно применяется и при чтении текстов современных СМИ. Данная статья есть попытка понять природу конфликта между автором и адресатом при понимании журналистских текстов.

Questions of interpretation have been taken up by linguists for many decades. Yuri Lotman said that the text is always alive, it increases information and changes depending on who is reading it. The depth of interpretation is also connected with this, which is also actively used when reading the texts of modern media. This article is an attempt to understand the nature of the conflict between the author and the addressee when understanding journalistic texts.

Ключевые слова: интерпретация, конфликтология, медиакommunikация

Keywords: interpretation, conflictology, media communication

Научный руководитель: Ким Лидия Густовна, д-р филол. наук, профессор

Согласно теории конфликтологии, конфликт представляет собой столкновение сторон, причём это противостояние происходит в процессе общения и основано на несовпадающих интересах, мнениях. Наиболее острые конфликты происходят между индивидами и социальными группами в сфере политики, которую, с одной стороны, нарекли «искусством жить вместе», а по сути она является средством провоцирования конфликтов в силу своей связи с борьбой за обладание властью.

В течение многих веков посредником между высшими эшелонами власти и обществом являются средства массовой информации. Канадский философ

Маршалл МакКлюэн сравнивает прессу с «групповой исповедальной формой, которая обеспечивает общественное участие в политических процессах и служит источником для измерения общественного интереса»¹. И именно в медийном пространстве рождаются конфликтогенные тексты.

Для лингвистов представляет интерес речевая специфика конфликта, который проявляется как в языковой организации текстов, так и благодаря внешним факторам.

Объектом нашего исследования являются конфликтогенные тексты, функционирующие в сфере медиакommunikаций. Для достижения цели мы поставили перед собой задачу выявить смысловые версии интерпретирующих текстов как следствие множественности интерпретаций исходного текста и установить факторы, детерминирующие конфликт интерпретаций.

Для решения поставленной задачи мы в своем исследовании используем метод лингвистического интерпретационного эксперимента, который является способом выявления и познания вариативного многообразия смысловой структуры текста.

При постановке эксперимента предполагаем верифицировать гипотезы:

1) текст, посвященный обозначению важнейших задач государства, при его восприятии рядовыми носителями языка имеет множество различных толкований, в том числе конфликтного типа;

2) конфликт толкований новостного текста детерминирован интерпретационной деятельностью адресатов как реализацией их коммуникативных интенций.

Материалом для эксперимента является следующая фраза, произнесенная бывшим первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ Владиславом Сурковым на форуме в 2008 году:

«Безусловно, бомжи и миллиардеры и представители других маргинальных групп и меньшинств – тоже наши граждане. Государство, конечно, должно о них помнить. Но первейшая забота сегодня – средний класс».

Участниками эксперимента стали 50 носителей русского языка: студенты КемГУ и кемеровские журналисты. В качестве исходных данных им был представлен данный фрагмент с указанием имени и должности автора. Участникам эксперимента требовалось прочитать текст и ответить на вопрос: «Каков смысл этого текста?». При проведении лингвистического эксперимента было получено 50 ответов, которые представляли собой интерпретацию высказывания Владислава Суркова.

В ходе обработки результатов эксперимента мы выявили следующие смысловые версии:

1. Поддержка среднего класса является приоритетной задачей государства (29 ответов – 58%):

Ключевой лексемой в ответах испытуемых является слово «приоритет», притом, что сам автор это слово не употребляет. Слово «приоритет» и производные от него лексемы употребляются адресатами исключительно в отношении

«среднего класса», который автор называет «первейшей заботой». В отношении остальных групп населения, о которых идёт речь в тексте, участники эксперимента употребляют выражения: «отодвинуты на второй план», «являются второстепенными гражданами».

2. Для автора бомжи и миллиардеры – это представители маргинальных групп (7 ответов – 15%).

3. Задача правительства – сформировать в стране устойчивый средний класс, ориентируясь на лучшие образцы устройства в странах мира (7 ответов – 15%)

4. Задача правительства – сохранение власти, в том числе с использованием принципа «Разделяй и властвуй» (4 ответа – 8%)

Три участника эксперимента не смогли точно сформулировать смысл сказанного, объяснив это недостатком контекста.

Таким образом, лингвистический эксперимент показал, что текст содержит конфликтогенный потенциал, который реализуется в процессе его интерпретации адресатами.

Конфликтогенный текст порождает два типа конфликта. Первым является противопоставление авторской интенции и понимания читателем смысла текста. Вторым типом конфликта при интерпретации субстанционального текста (согласно модели Л.Г. Ким), является конфликт между адресатами. Разные языковые личности выбирают разные стратегии интерпретации. В данном случае одни участники эксперимента поддерживали государство в стремлении заботиться о среднем классе: «государство должно помогать тем, кто поднимает экономику страны», «государство обязано помогать среднему классу и будет это делать в первую очередь». Другие же интерпретаторы резко осудили высказывание Суркова, будучи уверенными, что государство не должно разделять общество и помогать кому-то в первую очередь, а кому-то во вторую.

Конфликт интерпретаций в данном тексте породило само его содержание. Во-первых, на лексическом уровне. Автор использует в своём высказывании оппозиционные по смыслу лексемы «бомж» и «миллиардер» в качестве однородных членов, что вызывает конфликт интерпретации. Использование прилагательного «первый» в превосходной степени, когда речь идёт о заботе государства о среднем классе проводит чёткую черту между разными слоями общества, что вызывает, с одной стороны, понимание адресатом приоритетов со стороны власти в вопросах помощи гражданам, с другой стороны, возбуждает конфликт на уровне несогласия с такой политикой государства. Более того, эффект разделения общества автором текста усиливает противительный союз «но», который выделяет последнюю мысль текста о том, кто является главной заботой государства.

Добавим, что на множественность смысловых значений при прочтении текста влияют и типы интерпретаторов. В данном случае участники эксперимента использовали холистический подход к интерпретации – они обратились к своему опыту. Одни верят сказанному представителем власти, поэтому основной

мыслью текста считают первейшую заботу государства о многочисленном среднем классе общества. Другие, напротив, не верят написанному и из опыта знают, что государство заботится только о себе.

¹ Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева; Зкл. Ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – С. 231.

Сабаева Ю.С., ТГУ, аспирант

Sabaeva Yu.S., TSU, postgraduate student

Коммуникативная стратегия побуждения к познавательной деятельности (на материале радиопрограммы «Про Сибирь»)

Communicative strategy of motivation for cognitive activity (based on radio program «About Siberia»)

На материале радиопрограммы «Про Сибирь» (радиостанция «Радио Сибирь») рассматривается коммуникативная стратегия побуждения к познавательной деятельности. Выявляются языковые средства морфологического, лексического и синтаксического уровней, реализующие данную коммуникативную стратегию.

On the radio program «About Siberia» (radio station «Radio Siberia») the communicative strategy of motivation for cognitive activity is considered. Language tools of morphological, lexical and syntactic levels of realizing this communicative strategy are analyzed.

Ключевые слова: радиодискурс, коммуникативная стратегия, побуждение, воздействие, познавательная деятельность

Научный руководитель: Нестерова Наталья Георгиевна, д-р филол. наук, доцент

Познавательная деятельность человека как неотъемлемая часть его личностного роста напрямую связана и с его социализацией в обществе. Немаловажную роль в этом играют средства массовой информации. Одним из важнейших функций радио является культурное просвещение слушателей. Культурно-просветительские возможности программ массовой коммуникации активно изучаются в работах по журналистике (В.В. Барабаш¹, Ю.Ю. Сладкомедова² и др.). В лингвистике исследованию культурно-просветительского радиодиска посвящены работы Т.Е. Арсеньевой³, Н.Г. Нестеровой⁴, С.В. Фащановой⁵. Как отмечают исследователи, «стратегия побуждения конкретизируется в зависимости от жанра радиопередачи, её тематического наполнения»⁶.

Цель данной статьи – выявить языковые средства реализации коммуникативной стратегии побуждения адресата к познавательной деятельности в радиопрограмме «Про Сибирь». Под коммуникативной стратегией в публикации

понимается совокупность «речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели»⁷.

Проект «Про Сибирь» представляет собой лаконичные выпуски, выходящие в эфире «Радио Сибирь». Авторы определяют его как «познавательный проект, который откроет слушателю интереснейшие сибирские факты». Каждый выпуск состоит из двух частей: вопрос-анонс и ответ. Короткий вопрос звучит перед рекламным блоком и является анонсом второй части, представляющей собой лаконичный, но информативный ответ, предлагаемый слушателю после рекламного блока.

Побуждение адресата к познавательной деятельности, выражается в слогане к проекту: изучай историю и географию Сибири вместе с «Радио Сибирь».

Вопросы и ответы, освещающие культурно-историческое развитие регионов Сибири, связаны с различными фактами.

1. Своеобразие географического положения регионов: *Где в Сибири располагается роща дикорастущих абрикосов? Где находится первый музеефицированный памятник наскального искусства в Сибири? Где находится самая высокая точка Транссибирской магистрали?*

2. Исторические события: *Когда в Сибири появился первый университет? Как назывался город Кемерово до 1932 года?*

3. Уникальный растительный и животный мир: *Где находится единственная естественная дубовая роща в Сибири? Какие животные, обитающие в Алтайском заповеднике, занесены в Международную Красную книгу?*

4. Связь с известными представителями современной культуры и науки: *Какой город Сибири – родина знаменитого телевизионного доктора Елены Малышевой? В каком сибирском городе проходил службу певец Александр Буйнов? и известными людьми прошлых веков: В каком сибирском городе родился и вырос химик Менделеев? С каким сибирским городом связана судьба Фёдора Достоевского?*

5. Связь с произведениями искусства, литературы и кино: *Посещал ли Робинзон Крузо Сибирь? Какую железную дорогу описывают Ильф и Петров в романе «Золотой телёнок»? Как автор сказки «Волшебник Изумрудного города» связан с Томском?*

Языковые средства выражения воздействия на адресата представлены единицами разных уровней языка: морфологического, лексического и синтаксического.

Из единиц морфологического уровня активно используются:

а) вопросительные местоимения *где? когда? какой (в каком? из какого?)*, активизирующие познавательную деятельность адресата: *где находится единственный в мире музей мамонта? когда празднуется День Сибири? в каком городе стоит единственный в мире памятник лабораторной мыши?*

б) имена прилагательные в форме превосходной степени, характеризующие Сибирь как место расположения уникальных объектов: *крупнейшее нефтяное месторождение, самая длинная прямая улица в мире; самый большой муравейник в России.*

К единицам лексического уровня относятся:

а) синонимы единственный/уникальный (чаще всего встречающиеся в примерах): *Где находится первый и единственный памятник авторской песни в России?*

Первый и единственный памятник авторской Песни в России находится в городе Юрга Кемеровской области. Прототипом этого уникального памятника послужил вороненок из Песни барда, Кузбасовца Сергея Матвеевко // **В чём уникальность Кузнецкой крепости в Новокузнецке?**

Кузнецкая крепость в Новокузнецке – единственная за Уралом каменная крепость бастионного типа, сохранившаяся до наших дней. Строительство велось с 1800 по 1820 годы.

Выделенные синонимы с семантикой «уникальности», «неповторимости» подчёркивают данные черты в тех или иных объектах, расположенных на территории Сибири;

б) топонимы: многочисленные наименования рек, озёр, городов, районов, краёв акцентируют внимание слушателя на определённом географическом объекте, заставляя его мысленно рисовать эту карту и искать на ней данный объект. Топонимы служат для визуализации звучащих фактов:

Какой известный советский актер родился в Томской области? Действие какого известного фильма происходит на Чуйском тракте?

Побуждение к познавательной деятельности осуществляется также за счёт вопросов, связанных с мотивировочным признаком в наименовании тех или иных топонимов: *Какой город Сибири получил своё название от завода? Название города Абаза в Хакасии происходит от сокращения Абаканский Завод. <...> Чем интересна улица Марата в Иркутске? Старое название улицы Марата – улица Луговая. Так она называлась, потому что по этой улице иркутяне выгоняли скот на луга.*

Одним из часто употребляемых средств образной лексики является в) перифраз. Содержащийся в вопросе перифраз акцентирует внимание слушателя, заинтересовывает его: *Какой город получил неофициальное название «Сибирские Афины»? Почему Омск называли столицей верблюдов? Какой город Сибири неофициально называют «Город, рождённый победой»?*

Такие вопросы звучат как загадки, ответы на которые слушатель радиостанции обязательно захочет услышать: *Омск считался столицей верблюдов. Верблюдов держали не только для передвижения, но и потому как шерсть, кожа и молоко этих животных было высокого качества // после открытия в Томске первого в Сибири университета появилось широко распространённое неофициальное название города – «Сибирские Афины» // История Ангарска началась летом 1945 года, когда в город завезли оборудование из Германии. Ангарск неофициально называют «Город, рождённый победой».*

К единицам синтаксического уровня относятся

а) вопросительные предложения с местоимениями (кто? что? где? в каком?) или с частицей ли. Когда появились первые сибиряки? Где находится самая вы-

сокая гора Сибири? Можно ли пройти по границе Урала и Сибири? Существует ли в Сибири Малиновое озеро?

б) сравнительные конструкции: В Сибири растёт примерно 25% мировых лесов, которые охватывают площадь больше, чем континентальная часть США // население села Майма составляет 17 тысяч человек, что сравнимо с небольшим городом.

Сравнения усиливают сухие факты, добавляя наглядность, тем самым заинтересовывая слушателей (25% мировых лесов – больше, чем континентальная часть США; село с населением в 17 тысяч человек – это небольшой город).

Таким образом, выделенные языковые средства демонстрируют разностороннее воздействие на адресата, побуждение его к познавательной деятельности путём поиска ответа на прозвучавший вопрос.

Рассмотренное выше позволяет сделать вывод о культурно-просветительской значимости данного радио. Вопросно-ответная структура радиотекста облегчает его восприятие и продлевает эффект побуждения к новым знаниям о Сибири.

¹ Барабаш В.В. Тема культуры в эфире государственного радиовещания постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Барабаш. – М., 2006. – 29 с.

² Сладкомедова Ю.Ю. Культурно-просветительские программы на государственном радио: структурно-функциональные и жанрово-тематические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Ю. Сладкомедова. – М., 2010. – 24 с.

³ Арсеньева Т.Е. Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Е. Арсеньева. – Томск, 2013. – 24 с.

⁴ Нестерова Н. Г. Диалогическое взаимодействие участников культурно-просветительской радио-программы / Н. Г. Нестерова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 2 (32). – С. 253-257.

⁵ Фашанова С.В. Коммуникативные стратегии и тактики в медиадискурсе. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 176 с.

⁶ Нестерова Н.Г. Прагматика побудительных высказываний // Филология и человек. – 2015. – № 2. – С. 91.

⁷ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003. – С. 54.

Саркисян Л.А., ТГУ, магистрант

Sarkisyan L.A., TSU, masters student

Культурное наследие этноса как главный маркер национально-культурной идентичности (на материале текстов группы социальной сети «ВКонтакте» – «Союз армян Томской области»)

Cultural heritage of ethnos as the main marker of national and cultural identity (in texts represented in social network group «Vkontakte» – «Armenians union of the Tomsk region»)

В статье характеризуются способы национально-культурной самоидентификации жителей Томской области в текстах, репрезентированных в социальных сетях «ВКонтакте» (группа «Союз армян Томской области»). В качестве основного маркера обращения к теме национально-культурной идентичности выделяется маркер «Культурное наследие».

The article determines the basic ways to the definition of national and cultural identity of citizens the Tomsk region in texts represented in social network group «Vkontakte» – «Armenians union of the Tomsk region». The marker «Cultural heritage» stands out as the main marker of national and cultural identity.

Ключевые слова: речевая стратегия, культурное наследие, этнос, национально-культурная идентичность, виртуальный дискурс

Keywords: Cultural heritage, ethnos, national and cultural identity, virtual discourse

Научный руководитель: Резанова З.И., д-р филол. наук, профессор

В основе культуры каждой нации лежат исторически выработанные ею жизненные ориентиры, тип мироощущения, символически отражающие уровень ее самосознания. Культура обеспечивает необходимую для единства нации духовную связь, тем самым активизируя историческую память народа. Ценности национальной культуры резонируют с эмоциональным строем носителей данной культуры. Поэтому лишь историческая память создавшего эти ценности народа придаст им определенный смысл, способствуя тем самым приобщению их к духовному наследию.

Предметом исследования в данной статье являются текстовые маркеры стратегии презентации национально-культурной идентичности – актуализация темы культурное наследие, представленные в текстах группы «Союз армян Томской области» социальной сети «ВКонтакте». Под стратегией мы, вслед за О.И. Иссерс, понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, включающий в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана»¹. Цель работы – характеристика текстовой презентации маркеров данной стратегии в исследуемых текстах. Маркеры актуализации стратегии – смысловые компоненты текста, фокусирующие стратегию и представленные в поверхностной структуре текста совокупностью элементов².

Актуальность обращения к данной теме обусловлена тем, что Россия в условиях глобализации является полиэтническим сообществом, и проблемы национально-культурной идентичности активно обсуждаются в пространстве различных дискурсов, в том числе в интернет-коммуникации.

Использование в качестве источника информационных материалов интернет-дискурса социальной сети мотивируется значительной ролью этого типа коммуникации в современном обществе.

В нашем исследовании мы рассматривали публичное тематическое сообщество «Союз армян Томской области» в рамках социальной сети «ВКонтакте», коммуни-

кация внутри которой является асинхронной. Материалом исследования послужили тексты группы социальной сети «ВКонтакте» – «Союз армян Томской области» (<https://vk.com/miacum>), которая на данный момент включает в себя 1482 записи (поста), 5342 фотографии, 97 видеозаписей, 1 обсуждение (дата обращения: 10 апреля 2017 г.). Для анализа был отобран материал текстов, размещенных в группе в 2017 году. Временной отрезок материала составил 16 полных месяцев (с 10 декабря 2015 г. – по 10 апреля 2017 г.). Всего было проанализировано 3 основных группы маркеров на основе 125 записей.

Анализ контента группы «ВКонтакте» – «Союз армян Томской области» показал, что основные маркеры актуализации темы «культурное наследие» как воплощения стратегии национально-культурной идентичности – история, культура и язык.

Маркер «История». В группе размещается информация, касающаяся вопросов истории Армении (29 постов), раскрывающая идею национально-культурной обособленности и показывающая, насколько это уникальная мировая сокровищница, полная летописей великих цивилизаций, жизнеописаний легендарных людей, драматических моментов, связанных с истоками становления христианства.

Одной из тактик выражения этнической идентичности в постах является актуализация идеи социальной несправедливости, актуализация драматических страниц в истории этноса, являющихся причинами вынужденных миграций: «Безусловно, это будет особенный день. Знаю, что многие в курсе, что 24 апреля будет 101 год армянского геноцида. Это особенный день для армян по всему миру, и для нас важно почтить память погибших...»³.

Маркер «Культура». В группе «ВКонтакте» в качестве обязательных элементов размещаются информационные материалы, посвященные разным аспектам культуры Армении (музыка, видео, цитаты великих людей) – 81 пост, в том числе фольклорные тексты (концерты, выступления, конкурсы). Это, несомненно, одно из лучших и наиболее ярких репрезентантов стратегии – подчеркивание красоты и разнообразия культуры Армении, являющихся воплощением армянского духа. Об этом можно судить, исходя и из значительного количества постов, посвященных данной теме в текстах группы. Посты, посвященные проведению этнических праздников, концертов, конкурсов, обязательно включают комментарии участников группы относительно уже состоявшегося праздника, концерта или конкурса: «Очень понравился концерт. Жаль, что так мало народа пришло поддержать организаторов и выступающих. Они многое пропустили»⁴.

Способы коммуникативной презентации фольклорной семиотики как репрезентанта национально-культурной идентичности, находят отражение также в медийном, официальном, политическом, образовательном и ряде других дискурсов.

Маркер «Язык». В группе размещается информация о работе с молодежью (15 постов), целью размещения данных постов и работы с молодежью в целом является поддержка и развитие адаптивности молодежи в обществе, сохранение

национальной самоидентичности, популяризация армянского языка и культуры, просвещения, образование и воспитание армянской молодежи. В данной группе работа с молодежью ведется с использованием ресурсов воскресной школы.

При реализации стратегии выражения идеи национально-культурного обособления основной тактикой является тактика обращения к истокам национально-культурной идентичности с опорой на базовый маркер – язык.

Воскресная школа занимается преподаванием армянского языка, что, в свою очередь, является основой культурного объединения: язык есть средство проявления духовного потенциала и критерий развития нации. Язык – главный фактор формирования и единства нации, создания национальной идеологии и сохранения национальной идентичности. Пространство духовной культуры нации создается с помощью национального языка, содержащего ее мировоззрение, идеи и ценности. Национальный язык развивается при помощи национальной письменности и литературы: «Армянский алфавит создан еще в 405-406 годах н.э.».⁵ Национальная идея и стратегия выживания и развития нации предполагает определенное отношение к главному фактору ее самосознания – национальному языку. Поэтому одной из главных миссий армянского народа является сохранение своего национального языка как основного фактора армянской национально-культурной идентичности в инокультурной среде. В группе размещаются видеозаписи, рассказывающие участникам о значимости языка в культуре армянского народа⁶.

Таким образом, подводя итог, отметим, что на основе анализа информационных блоков группы «Союз армян Томской области» в социальной сети «ВКонтакте» было выявлено, что самопрезентация национально-культурной идентичности этноса в социальных сетях производится главным образом через 3 фактора (история, культура и язык), которые образуют и характеризуют культурное наследие этноса.

¹ Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд.5-е – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 54.

² Резанова З.И. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2013. – №375. С. 33-41.

³ Пост социальной группы «Союз Армян Томской Области» [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://vk.com/miacum?w=wall-26619196_4909

⁴ Пост социальной группы «Союз Армян Томской Области» [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://vk.com/miacum?w=wall-26619196_4829

⁵ Пост социальной группы «Союз Армян Томской Области» [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://vk.com/wall-32343404_667200

⁶ Пост социальной группы «Союз Армян Томской Области» [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://vk.com/im?peers=c74&sel=218806514&w=wall-26619196_4915

Соломонова М.М., ТГУ, студент

Solomonova M.M., TSU, student

Специфика новостного жанра на сайтах политических партий

Particularity of news genre on websites of political parties

Выявлена специфика реализации речевого жанра «новости» в дискурсе сайтов политических партий («Единая Россия», «ЛДПР» и «КПРФ»). Обнаружено изменение жанровых функций текстов, обусловленное влиянием политической интенциональности.

Particularity of realization of the news genre in discourse of the websites of political parties («United Russia», «The LDPR», «The Communist Party of the Russian Federation») was discovered. Genre functions were transformed as a result of the influence of political intentionality.

Ключевые слова: новости, речевой жанр, дискурс сайтов политических партий

Key words: news, speech genre, discourse of websites of political parties

Научный руководитель: Тубалова Инна Витальевна, д-р филол. наук, доцент

Термин «новостной жанр» не имеет в лингвистике единого толкования. С точки зрения журналистики новость – «это изменение какого-то фрагмента действительности, своевременно освещенное в СМИ, которое представляет интерес и ценность для большого количества аудитории»¹. Текстовый результат этого рассматривается в лингвистике как речевой жанр. Исследователи выделяют специфические новостные признаки, которые в текстах отражаются особым образом: установка на отражение события реализуется средствами повествования; новизна информации и ее своевременность – конструкциями с обстоятельством времени (Вчера ..., Сегодня...); подача информации как достоверной – частотностью ссылок на источник (по свидетельствам очевидцев...; по заявлению главы региона...); оценочно нейтральное, объективированное представление информации предполагает отсутствие специальных средств оценки; значимость информации для аудитории определяется тематикой – обращение к последним событиям, востребованное аудиторией.

Веб-сайты политических партий реализуют целевую установку политического дискурса – борьба за власть. Для достижения цели используются многочисленные манипулятивные стратегии, реализуемые, в том числе, и в новостном тексте. На многих веб-сайтах политических партий присутствует новостной раздел. Однако можно заметить, что характерные черты новостного жанра в классическом понимании противоречат особенностям политического дискурса.

Мы предполагаем, что новостной жанр, реализуясь в рамках политического дискурса посредством веб-сайтов политических партий, трансформируется и приобретает специфические черты, отличающие его от новостного жанра в традиционной для него сфере.

Для доказательства гипотезы мы проанализировали 30 статей, взятых с сайтов политических партий ЕР, ЛДПР, КПРФ. Анализ происходил в два этапа.

Первый этап анализа включал поиск обозначенных выше признаков новостного жанра в исследуемых текстах. Его результаты отражены в диаграмме на рис. 1.

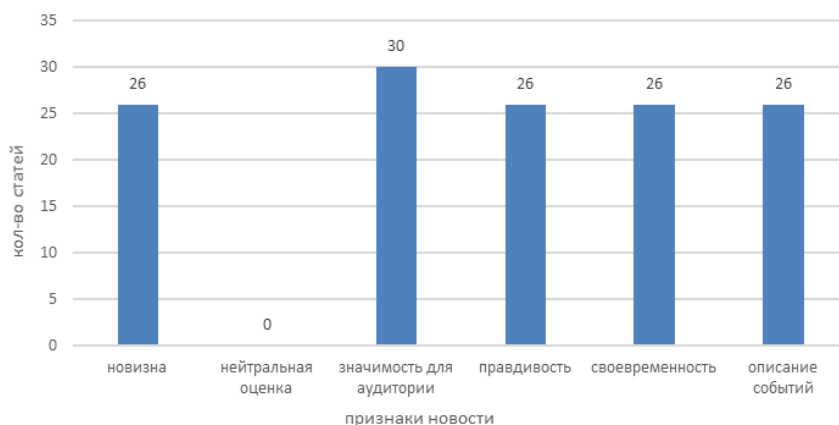

Рисунок 1. Диаграмма «Признаки жанра «новости» в новостных текстах на сайтах политических партий.

На диаграмме показано количество статей, в которых был найден тот или иной признак. Полученные данные позволяют нам сделать вывод, что большинство статей имеют практически все признаки новостей. Однако ни один текст не является оценочно нейтральным.

На втором этапе определялись черты исследуемых текстов, не соответствующие новостному жанру. В результате были выделены следующие формально-содержательные несоответствия. (1) Формулирование оценки своей деятельности (ЛДПР: Мы единственная партия, где самые чистые кандидаты в депутаты; ЕР: Свердловская приемная помогла заявителям с вопросом присвоения звания «Ветеран труда»; КПРФ: КПРФ внесла в Госдуму законопроект, который дает право гражданам РФ на получение части доходов федерального бюджета от добычи полезных ископаемых). Средства выражения: конструкции с личными местоимениями, текстовые средства позитивной оценки. (2) Формулирование оценки деятельности власти (КПРФ: *когда* процветает коррупция и преступность, когда нищета и безработица; ЛДПР: о мерах по борьбе с коррупцией). Средства: текстовые средства позитивной и негативной оценки. (3) Трансляция установок партии в новостном контексте (ЛДПР: Три или четыре партии, а лучше – двухпартийная система; КПРФ: Именно поэтому КПРФ продолжает твердо придерживаться идей социализма). Средства: сбой объективно повествовательного режима и появление оценочной логики, аналитики. (4) Формулирование оценки деятельности соперников (ЛДПР: Где тогда был Геннадий Зюганов?; КПРФ: он подверг критике правящую партию «Единая Россия»). Средства: риторические вопросы, подбор лексических средств. (5) Контекстуальное отождествление себя с властью (ЛДПР: депутат Государственной Думы РФ Михаил Дегтярёв; ЕР: к первому заместителю председателя Тюменской областной Думы; КПРФ: Афонин Юрий Вячеславович, депутат Госдумы). Средства: под-

бор конструкций и лексических средств отождествления. (6) Косвенная агитация (КПРФ: Г.А. Зюганов рассказал о проведении нашей партией выборной кампании и программе КПРФ «Десять шагов к достойной жизни», с которой она выступает на выборах в Государственную Думу. Средства: включение значимой для партии информации; соблюдение формальных черт новостного жанра при отсутствии новостного содержания. (7) Прямая агитация (ЛДПР: ЛДПР – №7 избирательном бюллетене; КПРФ: *12 – наш номер в избирательном бюллетене. <...> Вместе мы возьмем этот рубеж!*). Средства: восклицательные предложения – призывы, конструкции, внешне напоминающие слоган, неоднократные повторы этих конструкций. (8) Ассоциирование себя с населением (ЛДПР: из нашей страны; КПРФ: нашего государства). Средства: притяжательные местоимения. (9) Пересказ истории (ЛДПР: В 1999 году, если бы не позиция ЛДПР по импичменту, Ельцин подписал бы указ о роспуске Госдумы и запрете КПРФ; КПРФ: лидер нашей партии Г.А. Зюганов вышел во второй тур президентских выборов 1996 года). Пересказ исторических сведений используется в качестве подкрепления своей позиции, демонстрации примеров, когда применялись или не применялись установки партии. (10) Аргументация (ЛДПР: В качестве примера лидер ЛДПР привел Смоленскую область). Используются разнообразные средства аргументации (обращение к примерам, к авторитетам и т.д.).

Результаты второго этапа исследования отражены в диаграмме на рис. 2.

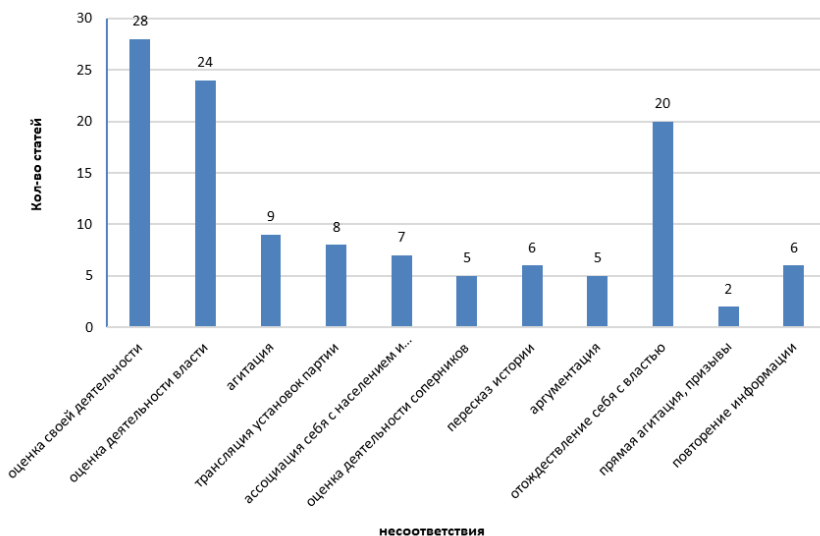

Рис. 2. Диаграмма «Признаки несоответствия жанру «новости» в новостных текстах на сайтах политических партий.

Цифры на диаграмме показывают количество статей, в которых обнаружались несоответствия.

Таким образом, новостные статьи на сайтах политических партий в большинстве своем соответствуют модели новости, однако такой признак, как «нейтральная оценка», в статьях не представлен. Новостной жанр трансформируется при реализации на сайтах политических партий: появляются черты, противоречащие признакам новости как жанра, меняется его цель.

¹ Воронкина Ю. Новость в журналистском и PR-дискурсах: опыт сравнительного анализа // Современный дискурс-анализ: научный журнал. Вып. 6. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st44.shtml> (Дата отращения: 15.10.2016).

Стародубцева А.В., ТГУ, студент

Starodubtseva A.V., TSU, student

Концепт «война» в дискурсе военного эпистолярия: специфика диктумного содержания и его модусной интерпретации

The concept of «war» in the discourse of military epistolary: the specificity of dictum content and its modus interpretation

Исследована специфика реализации концепта «война» в дискурсе военного эпистолярия. Выявлена содержательная специфика диктумного компонента «война» в письмах фронтовиков Великой Отечественной войны и специфика реализации в тексте результатов его модусной интерпретации.

The specificity of the implementation of the concept of «war» in the discourse of the military epistolary is explored. The content specificity of the dictum component «war» in the letters of the soldiers of the Great Patriotic War and the specifics of the realization in the text of the results of its modus interpretation have been revealed.

Ключевые слова: концепт «война», эпистолярный, дискурсивный модус, дискурсивный диктум

Key words: concept of «war», epistolary, discursive modus, discursive dictum

Научный руководитель: Тубалова Инна Витальевна, д-р филол. наук, доцент

Данная работа посвящена исследованию концепта «война» в дискурсе военного эпистолярия. Целью нашего исследования является выявление содержательной специфики диктумного компонента «война» в письмах фронтовиков Великой Отечественной войны и специфики реализации в тексте результатов его модусной интерпретации. Материалом для нашего исследования послужили 11 писем фронтовиков, размещенных на сайте Государственного архива Томской области¹.

В первую очередь, следует отметить, что дискурс военного эпистолярия является личностно-ориентированным, так как он представляет собой общение между близкими людьми и рассказ об увиденном во время военных действий.

Цель данного дискурса предполагает раскрытие внутреннего мира адресанта. Письменный канал передачи информации несколько повышает уровень формальности в сравнении с устным личностно-ориентированным общением, определяет требование к особой форме передаче эмоций, в устном дискурсе осуществляемом, например, с помощью просодических и невербальных средств. Эпистолярный предполагает особое оформление жанрового текста, соответствующее национально-культурно отработанной форме письма (например, регулярно воспроизводимое обращение к адресату и под.).

Вполне очевидно, что один из основных диктумных элементов – война. Концепт «война» является в исследуемом дискурсе ядерным.

Попадая в дискурс военного эпистолярия, диктумный компонент «война» строится по отработанной в личностно-ориентированном общении модели взаимодействия с другими концептами, например – взаимодействие с концептом «семья» как ценностным «антагонистом»: Вчера получил от тебя письмо, перед тем как идти на выполнение боевой задачи; Минута воспоминаний: как жили с тобой и те счастливые часы нашей охоты – отдыха (Док. № 50). Данный диктумный компонент отображается в военном эпистолярии в особой модусной конфигурации. Дискурсивный диктум «война» в дискурсе писем с фронта, как личностно-ориентированном, оформляет причину нарушения мирной и спокойной жизни автора, соответствует этому и дискурсивный модус, не просто отрицательнооценочный, но и эмоционально нагруженный.

Из содержания писем мы видим, что для авторов одной из наиболее освоенных дискурсивных практик становилась практика институционального дискурса, интегрирующего социальные интенции фронтового существования (дискурс войны, армии) и советской политической действительности (например, регулярная трансляция политически ориентированных сводок – не только для информирования, а, в большей степени, для поддержания «боевого настроя»). Эти интенции формировали значимый фон для реализации личностно-ориентированных установок при вступлении в эпистолярный дискурс. Речевые формы институционального дискурса, прочно усвоенные, становились в эпистолярном общении удобной формой реализации диктумного содержания, а институционально заданный модус не противоречил личной ценностной позиции адресанта.

Представим наиболее выраженные дискурсивно-стилистические средства реализации модусной интерпретации диктумного компонента «война» в военном эпистолярии. (1) Институциональные клише, характеризующие военные действия и частотно используемые в сводках: ...идем в наступление; нас бросали с участка на участок; выполнять другую боевую задачу (Док. № 8; письмо К. Удалова). Ср: сводка Главного Командования Красной Армии за 22 июня 1941 г.² – После ожесточённых боёв противник был отбит с большими потерями. регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Чёрного моря и в течение первой половины дня сдерживались ими. (2) Личные местоимения, притяжательные местоиме-

ния в 1 л. мн.ч. – как средство противопоставления солдат Красной Армии и фашистов. Их особая концентрация в военном эпистолярии отвечает эмоциональным потребностям автора письма: – на нашем участке; канонадой нашей артиллерии; переходят на нашу сторону; настроение наше хорошее; на занятую территорию нами (Док. № 60). Ср.: оперативная сводка за 28 марта 1944г. – немецкую фальшивку о потерях наших войск в районе между Северным Донцом и Днепром. За это же время наши войска потеряли убитыми и ранеными 8.620 человек. (3) Эмоционально-оценочная лексика, в том числе бранные слова «фриц», «сволочь», «паразит», «враг», «вражеский», «фашист», «фашистский», «немец», «гад» как выражающие крайнюю агрессию автора по отношению к врагу. Из данного ряда выделяется слово «немец», которое само по себе не является отрицательнооценочным, однако его негативная оценка проявляется в контексте: Немцу, гаду, даем хорошую зарядку (Док. № 58; письмо **Ф. Трифонова родителям**). Ср.: оперативная сводка за 8 августа 1941г. – Немецко-фашистские зверства во Львове, зверства фашистов затмили всё, что когда-либо творилось в стенах древнего города. (4) Особый пафос – дискурсивно-стилистическое средство, используемое как «форма выражения повышенной эмоциональности при трансляции политически значимых смыслов, обеспечивающая усиление и особое выдвигание общего дискурсивного модуса и представляющая объект оценки как эталон (идеал или его противоположность)»³: Досада и большая, что паразиты мира, паразиты всего живого и свободного на земле нарушили покой нашей жизни (Док. № 50 письмо В.Истомина).

Таким образом, модусная интерпретация дискурсивного диктума – результат реализации отношения автора к войне как к причине нарушения мирного уклада его семейной жизни и жизни всей страны. Использование речевых составляющих политического дискурса обусловлено совпадением этих авторских установок с установками государственной значимости (Германия – личный враг, Родина – семья).

1 Серия «Из истории земли Томской» // Сборники документов и материалов. Сайт ГАТО. – Электрон. дан. – URL: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html> (12.03.2017).

2 Здесь и далее: Совинформбюро. Оперативные сводки за 1941 год // Интернет-проект «Великая Отечественная война». – Электрон. дан. – URL: <http://1941-1945.at.ua/forum/29-291-1> (12.03.2017).

3 Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах / И. В. Тубалова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 182.

Цзюй Чуанья, ТГУ, аспирант

Ju Chuanya, TSU, postgraduate student

Языковые средства презентации объекта в блогах

Language facilities for presenting object on blogs

В статье проанализированы языковые средства лексического уровня, реализующие стратегию презентации объекта. Материалом для исследования выбраны блоги о культуре на радиостанции «Эхо Москвы».

The article analyzes language incarnations at the lexical level in the radio discourse that implements the strategy for the presentation of the object. The material for the research was selected on the radio station «Echo of Moscow» about the culture.

Ключевые слова: языковые средства, презентация объекта, блог, радиодискурс
Key words: Language facility, site presentation, blog, radiodiscourse

Научный руководитель: Нестерова Наталья Георгиевна, д-р филол. наук, доцент

В последние десятилетия современная лингвистика обращалась к изучению новых процессов, в том числе к явлениям коммуникативного уровня в разных областях употребления русского языка. Живая радиоречь выступает как важная часть современной коммуникации, привлекая большое внимание к её исследованию. Блог выступает как интернет-СМИ, привлекает много слушателей и читателей, поэтому всё больше исследователей начинают изучать этот новый способ взаимодействия между участниками радиодискурса.

В данной статье изучаются языковые средства в блогах, организованных ведущими культурно-просветительской программы радиостанции «Эхо Москвы». Целью анализа является выявление и изучение коммуникативных и языковых средств воплощения стратегии презентации объекта. Материалом для данной работы выбраны блоги, относящиеся к передачам о Китае. Благодаря блогам, читатель не только сможет узнать новый образ Китая, но и познакомиться с интересной древней страной.

Радиотекстом является нелинейное, многоуровневое, полижанровое образование, что даёт основание квалифицировать его как гипертекст¹. Блог выступает как структурная единица гипертекста.

Для данного исследования особую значимость приобретают работы, в которых предметом изучения является медиадискурс (Т. Г. Добросклонская², Н. Г. Нестерова^{3,4,5}, Т. Л. Каминская⁶, В. А. Колодкин⁷, М. В. Зарва⁸ и др.).

Для того чтобы достигнуть поставленной цели – презентации конкретных объектов, ведущий блогов использует возможности лексического уровня языка.

Занимает значимое место в передаче характеристики объектов и в привлечении внимания адресата лексика с положительной оценкой: *замечательный* (ритуал), *полезные* (свойства), *легендарный китайский* (чай «пуэр»), *быстро и максимально сохранить* (свойство), (тут) *интересно*, (пограничная зона) *приятно радовала глаз*, (тут *видна*) *изобретательность и искусство, комфортность и под*.

Значимую роль играют качественно-оценочные прилагательные в процессе презентации объекта, так как эти прилагательные характеризуют полезные, уникальные, интересные особенности предмета⁹: *всё* свежее, *ароматический душистый* чай, энергетическая экономика, красивая и современная набережная, шикарный массаж, новый удивительный дом.

Сравнительная и превосходная степени прилагательных делают презентацию объекта более полной и быстрее воздействуют на адресата: *самая популярная песня, (товар) дешевле и красивее, (всё) прочее, (товар) крайне дешёв.*

Кроме прилагательных, наречия помогают оригинально передать информацию об объекте и усиливают эмоциональный компонент значения: (всё) приятно и уникально, (в ресторане) очень вкусно и популярно, ресторан был *прекрасно* оформлен, (набережная) *необычайно* порадовала меня.

Активно на лексическом уровне в блоге используются синонимические ряды, которые складываются из синонимов-прилагательных и синонимов-наречий и ориентированы на усиление презентации свойств объекта. Синонимы-прилагательные: знаменитый, замечательный, приятный, старинный, великий, популярный, полезный, специальный, красивый, современный, шикарный, приятный, уникальный, экспортный, симпатичный; синонимы-наречия: активно, максимально, быстро, прекрасно, популярно, действительно, комфортно, интересно, уникально, приятно, радостно.

Фразеологические выражения используются также в качестве очень важного языкового средства, чтобы обогащать язык ведущего блога и улучшить понимание текста у адресата: *(китайские гаджеты) стоят три копейки, меняешь их как перчатки, (всё) на широкую ногу.*

Таким образом, мы можем сделать вывод, что языковые средства в презентации объектов на лексическом уровне чаще представлены качественными прилагательными и наречиями. Синонимические ряды и фразеологические выражения усиливают характеристику объекта и помогают привлечь внимание слушателей к настоящему Китаю.

¹ Нестерова Н. Г. Радиотекст как гипертекст // Томский государственный университет. – 2015. – № 5. – С. 53.

² Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика: междунар. науч. журн. – 2015. – № 1 (6). – С. 45-57.

³ Нестерова Н. Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 320 с.

⁴ Нестерова Н. Г., Арсеньева Т. Е. Языковая реализация тактики привлечения внимания адресата к просветительской радиопрограмме о русском языке // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 1(31). – С. 199-204.

⁵ Нестерова Н. Г. Радиотекст как гипертекст // Томский государственный университет. – 2015. – № 5. – С. 89-99.

⁶ Каминская Т. Л. Автор и адресант в современных медиатекстах // Вестник С.-Петерб. ун-та. – Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. – 20086. – Вып. 2. – С. 314-319.

⁷ Колодкин В. А. Радио в интернете // Вестник Воронеж. гос. ун-та. – Сер. Филология, журналистика. – 2004. – №1. – С. 103-110.

⁸ Зарва М. В. Язык радио // Язык средств массовой информации: учеб. пособие по специализации: – М: Изд-во Моск. ун-та, 2004. Ч. 2. – С. 363-384.

⁹ Ян Фан. Положительная оценка в рекламно-информационном журнальном тексте // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 386. – С. 36-42.

Черныш О.А., ТПУ, аспирант

Chernysh O.A., TPU, postgraduate student

Язык протокола в аспекте дискурс-анализа

Language of the record in terms of discourse analysis

В данной работе рассматриваются структурный и содержательный аспекты протокола. Предпринимается попытка выявить способы отражения изменяющихся исторических условий и трансформации картины мира в структуре и содержании текста официального документа.

This paper presents structural and content-related aspects of the record. An attempt to identify ways of reflection of changing historical events and transformation of worldview in the structure and content of official document.

Ключевые слова: картина мира, официальные документы, протокол.

Key words: worldview, official document, record

Научный руководитель: Мишанкина Наталья Александровна, д-р филол. наук, профессор

События, происходящие в ходе исторического развития, неизбежно оказывают влияние на жизнь и сознание человека, соответственно, происходит переосмысление существующей действительности, что приводит к изменению привычной для человека картины мира.

Исследование понятия картина мира ведется в различных научных направлениях: философии, культурологии, психологии, филологии.

По мнению одного из самых известных отечественных ученых, занимающихся этой проблемой, Б.А. Серебренникова «... языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации»¹.

Одним из самых продуктивных и наиболее адекватных способов изучения данного феномена является анализ текстов, в которых представлена определенная модель осмысления действительности. Эти тексты могут принадлежать к различным видам дискурса (рекламный, журналистский, официальный, политический и т.д.), но общим является то, что через эти тексты реализуются характерные черты общенаучной модели видения мира, а не только индивидуально-авторское представление о мире. Особенно это относится к институциональным дискурсам, отражающим социальные аспекты картины мира (Фуко, Филлипс, Йоргенсен, З.И. Резанова).

К таким дискурсам могут быть отнесены тексты официальных документов, которые наиболее четко отражают внешние и внутренние изменения, происходящие в социальной жизни человека и общества. Однако до настоящего момента было предпринято всего несколько попыток провести лингвистический анализ текстов документов в этом аспекте (Н.В. Орлова, Н.А. Мишанкина, С.П. Кушнерук).

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы выявить каким образом в структуре и содержании текста официального документа отражаются изменяющиеся исторические условия и трансформация картины мира.

Материалом исследования послужили тексты протоколов и все разновидности вышеперечисленного документа (выписка из протокола, из протокола), извлеченные из онлайн сборников документов Государственного архива Томской области, подсерия «Народ и власть», за период с 1917 по 1933 годы².

В ходе исследования было проанализировано 126 документов, относящихся к разным историческим периодам (с 1917 по 1933 год).

Жанр протокола был выбран потому, что этот тип документа фиксирует ход реальных социальных и исторических событий и, именно по этой причине, является самым документальным подтверждением описываемых событий, а также социальных и исторических изменений.

Для проведения исследования использовался метод дискурсивного анализа.

Протокол – документ, содержащий последовательную запись хода обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов³. Область социальных отношений – официально-деловая. Ситуация коммуникации – групповая, принятие решений, регламентирующих социальный порядок.

Также стоит упомянуть и о том, что автор протокола (секретарь, фиксирующий ход заседания) не является адресантом сообщения. Он является только сторонним наблюдателем и, наряду с другими участниками коммуникации, выступает таким же адресатом сообщения, но при этом секретарь фиксирует происходящие события и то, каким образом оформлен текст документа (стиль, манера изложения) в большей степени связано с порядком дискурса, правилами, существующими в этой области и особенностями конкретной личности.

Интерес представляет тот факт, что, несмотря на то, что проанализированные документы принадлежат разным организациям, для всех документов можно выделить одну общую предметную область – социальные отношения и социальное взаимодействие. Практически все документы связаны с проблемами социального регулирования.

Протокол относится к ряду организационно-распорядительных документов, имеет четкую структуру и создается в соответствии с особыми жанровыми характеристиками, отражающими структуру коммуникации в этой сфере.

Одной из таких характеристик можно считать структуру протокола. Структура современного протокола фиксирует ключевые для коммуникации параметры. Однако анализ структурных характеристик протокола в аспекте фиксации значимых параметров коммуникации показал, что, несмотря на схожесть формы, в протоколах, относящихся к разным временным периодам, можно выделить некоторые особенности.

В структуре протокола выделяют следующие формальные части⁴:

- заголовок;

- подзаголовок (дата и место проведения заседания);
- вводная часть;
- фамилия и имя председателя, секретаря, присутствующих;
- повестка дня;
- основная часть: фиксируется ход заседания. Основная часть состоит из нескольких разделов, соответствующих пунктам повестки дня. Каждый раздел состоит из нескольких частей: слушали, выступили, постановили (решили);
- подпись председателя и секретаря.

В протоколах, датируемых 1917–1921 годами, в подзаголовке документа фиксировалась только дата проведения собрания, но не указывалось место. Таким образом, можно предположить, что локализация коммуникативных процессов, зафиксированных протоколом, не считалась важным параметром. И только начиная с 1921 года в большинстве протоколов указывается место проведения заседания.

Второе, далеко не во всех протоколах, датируемых 1917–1924 годами, фиксировалась повестка дня, а такой раздел основной части протокола, как «выступили» отсутствует во всех проанализированных документах. Это свидетельствует о том, что большинство рассматриваемых вопросов не обсуждалось коллегиально, докладчику не задавались дополнительные вопросы, а решение выносилось только исходя из позиции докладчика. Отсутствие повестки дня – списка обсуждаемых вопросов свидетельствует о спонтанном характере коммуникативных процессов, связанном, вероятно, с быстрым и мало предсказуемым развитием событий.

Третье, на что хотелось бы обратить внимание в связи со структурными элементами протокола, – оформление подписей. Анализ показал, что практически во всех документах, относящихся к 1917 – 1924 годам, все атрибуты должности не указываются детально, и при написании имени не пишутся инициалы, только фамилия. Полагаем, что такой тип референции связан с особым типом социальной регламентации, характерным для переходных исторических периодов. Так как старый порядок разрушен, соответственно, старая система обозначений не должна использоваться, новый же порядок находится в состоянии становления, и поэтому ключевое значение имеет функциональная фигура – деятель, осуществляющий регламентацию. Такая функциональная фигура, с одной стороны, лишена привычных личностных и социальных атрибутов (полное имя, должность в известной всем структуре), с другой – обладает широким кругом полномочий, и поэтому ей не требуется фиксировать весь перечень в документе.

1917 – Председатель Лыткин, Председатель Беленц;

1918 – Председатель общего собрания Толмачев;

1920 – Председатель Озоль, Председатель Тиунов, Председатель Анкуд;

И только в протоколах, датируемых 1925 – 1933 годами, в разделе подписи помимо должностей и фамилий подписавшихся начинают появляться и инициалы, но пока это только инициалы имени, а не имени и отчества.

1930 – Копия верна: предсельсовета Т. Стариницков

1931 – Уполномоченный ГС В. Копейко

Анализ позволил выявить, что только в протоколах, датированных 1925–1933 годами, появляется структура, максимально приближенная к структуре современного протокола. Таким образом, процесс формирования структуры документа отражает процессы формирования регулятивных действий в официально-деловой сфере, и мы видим, что способы коммуникации и социального регулирования отражаются в наличии или отсутствии определенных компонентов структуры.

Также стоит обратить внимание и на содержательный аспект.

Анализ лексической составляющей текстов показал, что практически во всех документах присутствуют названия организаций, существовавших в то время (горисполком, уисполком, волисполком, губревтрибунал, волревком, губисполком, губком, исполбюро и некоторые другие). Наличие такого большого числа разнообразных организаций, осуществляющих контроль над деятельностью и жизнью человека, естественно, оказывало влияние на восприятие человеком того времени действительности. Данные организации считались высшей инстанцией, и неподчинение каралось заключением под стражу, судом, ссылкой.

Достаточно часто в протоколах, датированных 1917 – 1921 годами, встречаются такие словосочетания как: революционный штаб, антисоветская агитация, колчаковская власть. Они отражают исторические события, происходившие в то время: Революцию и Гражданскую войну.

Для протоколов 1921 – 1924 годов характерно употребление таких терминов как продналог, налоговая сессия, продкомпания, промсбор, продтройки – период Новой экономической политики.

Протоколы 1925 – 1933 годов характеризуются наличием таких понятий как пятилетний план, коллективизация, индустриализация, классовая политика, кулацкие хозяйства, раскулачивание, конфискация имущества – период коллективизации и индустриализации.

Каждый временной период характеризуется наличием определенных лексических единиц, которые наглядно иллюстрируют происходящие в обществе события, поэтому на основе содержания протокола можно сделать вывод об изменении условий жизни и смене социального сознания, и, следовательно, об изменении картины мира.

Проведенное исследование показало, что в ходе исторического развития, как структура, так и текст протокола претерпевают изменения. Эти изменения в целом связаны с кардинальной трансформацией социальных отношений, когда прежняя социальная система и способы ее регулирования разрушены.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что трансформация документа отражает этапы формирования новых структур, но непоследовательность изменений ведет к нестабильности формы документа, связанной с особенностями коммуникативных процессов по социальному регулированию и их конкретными участниками. Лексическая составляющая протокола наглядно

показывает новую структуру номинации, соотносимую с социальными изменениями, происходящими в то время в обществе.

Конечно, следует учитывать, что протокол, как и всякий текст, создается индивидуумом, отдельным человеком, и такое описание не может быть абсолютно достоверным. Но анализ корпуса документов, написанных абсолютно разными людьми, позволяет сделать вывод, что все исторические изменения, происходившие в то время, получили отражение на уровне текста, в котором авторская составляющая минимизирована. Протокол отражает не только результат кардинальной перестройки сознания людей, а, следовательно, изменения существующей картины мира, но и процессы ее трансформации.

¹ Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

² Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html>

³ Краткий словарь видов и разновидностей документов / Главархив, ВНИИДАД, М., 1974. – 80 с.

⁴ Методические рекомендации по разработке инструкций по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утвержденные приказом Федерального архивного агентства от 23 декабря 2009 г. – № 76.

Шардакова В.С., ТГУ, студент

Shardakova V.S., TSU, student

Речевой жанр «пост» в социальной сети «ВКонтакте» (к проблеме описания)

Speech genre «post» in the social network «vkontakte» to the problem of description

В данной статье на основе анализа личных аккаунтов в социальной сети «ВКонтакте» представлены особенности функционирования речевого жанра поста в социальных сетях. Описаны различия между личным постом, рекламно-личностным постом и рекламным постом.

In this article features of the functioning of the speech genre of post in social networks will be presented. The presentation is based on the analysis of personal accounts in Vkontakte. Distinctions between personal, advertising-personal and advertising posts are described.

Ключевые слова: речевой жанр, ВКонтакте, пост

Key words: speech genre, vkontakte, post

Научный руководитель: Эмер Юлия Антоновна, д-р. филол. наук, доцент

В настоящее время социальные сети стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Специфика интернет-коммуникации заключается в её многообразии, что породило новые направления лингвистики – «виртуальное жан -

роведение» (Е.И. Горошко, Л.Ф. Компанцева, О.В. Лутовинова и др.). Основными проблемами данного направления являются определение, описание и составление модели функционирования виртуальных жанров.

Актуальность данного исследования состоит в том, что виртуальное жанроведение недостаточно разработано. Это связано со сложной организацией веб-пространства, постоянным развитием интернет-технологий, функционированием языка в интернете и т.д.

При анализе жанрового пространства интернет-коммуникации учитываются его специфические особенности (мультимедийность, синхронность, гипертекстуальность и др.), которые влияют на организацию конкретного жанра и воплощение языковых единиц¹.

В данной работе мы вслед за Т.В. Шмелевой понимаем речевой жанр как особую модель высказывания, из чего следует, что необходимо исследование его в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях².

Цель работы – охарактеризовать речевой жанр «пост» в социальной сети «ВКонтакте».

Под постом мы понимаем «публикацию какого-либо сообщения в пределах одного ресурса, расположенную в обратном хронологическом порядке, с возможностью оставления комментариев к записям и оценивания постов». В отличие от других жанров интернет-дискурса (форум, блог), пост в социальной сети «ВКонтакте» не обладает категорией анонимности, каждый человек общается под своим именем. Адресат ведет общение с большим кругом виртуальных друзей, при этом понимая, что текст полиадресный, принципиально ориентированный на множество читателей, в отличие от «классического дневника»³.

Материалом для исследования послужили посты, взятые из социальной сети «ВКонтакте». Нами проанализировано 100 текстов, взятых с 9 персональных страниц бизнесменов, предпринимателей, интернет-маркетологов из социальной сети «ВКонтакте» в возрасте 25-28 лет.

В связи с тем, что современный человек большую часть времени проводит в виртуальном пространстве, воспринимая его как площадку межличностной, деловой коммуникации, важным фактором стала популярность автора, количество друзей, лайков и комментариев. Некоторые посты трансформируются и начинают проявлять медийные признаки, поэтому в сети «ВКонтакте» можно выделить личный пост, рекламный пост и рекламно-личный пост.

Для описания жанровой модели поста нами были выбраны параметры, разработанные Т.В. Шмелевой для описания речевого жанра: коммуникативная цель, образ автора и адресата, языковое воплощение. Например, в личном посте наиболее часто используется разговорный стиль, жаргонизмы, парцелированное или короткие предложения (напр.: *«Я грёбанный мать его трудоголик»*). В рекламном посте адресант использует профессиональную лексику, отсутствуют слова, выражающие эмоциональное состояние адресанта (*«стикера...»*), (*«...»*).

разработать систему бизнес-аналитики...»). В рекламно-личностном посте автор пользуется восклицательными предложениями, парцелляцией, короткими сообщениями («*Иваново сегодня. Первый открытый мастер-класс для жителей города! И нас стало ещё больше*»).

Таким образом, речевой жанр «пост» весьма неоднороден. В зависимости от коммуникативной цели пост делится на личный, рекламный или рекламно-личностный посты. Их отличия проявляется не только в цели коммуникации, но также на уровне образа автора, образа адресата и языкового воплощения текста.

¹ Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации: Поморский ун-т – А., 2009. – С. 165.

² Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 281.

³ Кочеткова М.О., Тубалова И.В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект – Томск, 2014. – С. 39-52.

Грчкова, К., Университет им. Коменского в Братиславе, Словакия, аспирант

Hrchkova, K., Comenius University in Bratislava, Slovakia, postgraduate student

Изображение советских женщин-героев в постсоветском медийном дискурсе

The Image of the Soviet Women Heroes in Post-soviet Media Discourse

В центре внимания нашего доклада находятся современные словацкие и русские публицистические тексты, содержащие описание советских женщин-героев и сопутствующий анализ, направленный на рассмотрение дискурсивных функций их изображения в словацком медийном пространстве и сравнение их функций в обоих дискурсах.

In the center of our interest are Slovak and Russian media texts containing description of Soviet heroic women and analysis that should show us their discourse functions and their image in Slovak media in comparison of their functions in both, Slovak and Russian, discourse.

Ключевые слова: герой, женщина, СССР, газета, медиа-дискурс

Key words: hero, women, SSSR, newspapers, media-discourse

Научный руководитель: Любор Матейко, доцент

Данная статья подготовлена в рамках проектов KEGA Vysokoškolská učebnica Ruské lingvoreálie с регистрационным номером 072UK-4/2015/ и VEGA Jazyk a konflikt. Vytváranie obrazu nepriateľa v súčasnom verejnom diskurze с регистрационным номером 1/0539/17.

Изменение культурной парадигмы после 1917 года естественно повлияло и на позицию женщин в советском обществе, и они были неотъемлемой частью

культы советского героизма. Женщины были примерами для подражания, традиционные гендерные роли постепенно теряли или должны были терять свои позиции. Революция коснулась и традиционной семейной области. Целью жизни советского гражданина или гражданки должна была быть служба коммунистической родине, а семья отходила на задний план. В стране были созданы садики для детей, столовые общественного питания и другие учреждения, которые помогали женщинам избавиться от «кухонного рабства». В Советском союзе вступил в силу ряд прогрессивных законов, касающихся прав женщин и брака: равенство полов, гарантия равных прав законных и внебрачных детей, значительное упрощение процедуры развода, оплачиваемый декретный отпуск, легализация абортов, равная оплата труда для мужчин и женщин.

Б. Клементс предполагает, что одной из самых известных женщин начала эпохи Советского союза является Надежда Крупская¹. Именно эту героиню периода формирования советского государства мы искали в словацких и русских публицистических текстах. В Словакии ее имя и сегодня довольно известно: Крупскую мы нашли в семи текстах. Первая статья посвящена педагогическим наукам, и Крупская в ней упомянута в качестве педагога, подчеркивающего важность социалистического подхода в воспитании молодежи². Следующие тексты упоминают Крупскую в разных контекстах: вспоминает о ней племянница Ленина и говорит о ней как о самой любимой тете, образ Крупской позитивный, не оценивается ее политическая деятельность³. Словацкие газеты говорят о Крупской как о возможном владельце копирайта на красную звезду и на другие символы революции. Ее имя упомянуто с юмором и в абсурдной ситуации, через которую автор указывает на события, происходящие в Украине⁴. В следующей статье директор музея Ленина говорит о Крупской как об очень сильной женщине, которая смогла заставить Ленина прекратить отношения с Инессой Арманд⁵. Если в предыдущей статье Крупская была символом сильной женщины, то в следующей она, наоборот, показана как жена Ленина, его спутница, но ничего больше, автор только описывает, как известная супружеская пара побывала в Высоких Татрах⁶. И в следующей статье Крупская в нейтральной позиции, автор о ней говорит как о стороннице захоронения тела Ленина⁷. Аналогично и последняя статья упоминает Крупскую почти нейтрально: речь идет о переименовании улиц украинского Киева. Хотя речь явно идет о десоветизации, автор не говорит о ее политических взглядах, упоминает ее только как историческую личность⁸.

В российском медиа дискурсе мы встречаем имя Крупской чаще, и по этой причине мы решили включить в статью только пять текстов с повышенной релевантностью. В первой статье⁹ мы видим Крупскую в позиции жены Ленина, у которой нарядные отношения со Сталиным из-за внебрачных любовных авантюр Ленина. Автор описывает Крупскую после ссоры со Сталиным следующим образом: «...чрезвычайно взволновал Крупскую, нервы которой были натянуты до предела, она была не похожа на себя, рыдала». Первый раз мы видим Крупскую как страстную и эмоциональную женщину, а не как коммунистку или героя. И название следующего текста говорит, что речь будет о любви: «Ещё раз про любовь. Ленин, Крупская, Арманд»¹⁰. В разговоре с ав-

тором книги об отношениях между Лениным, Крупской и Арманд, итальянской журналисткой, Крупская охарактеризована как жена, которая «страдает из-за этой любви. ... Крупская смиренно принимает эту ситуацию. Она очень любила Ленина, заботилась о его счастье». В тексте ни словом не упоминается ее политическая деятельность, опять в центре внимания только Крупская как жена вождя революции. Текст «Крупская держала в своей комнате фотографию любовницы Ленина»¹¹ посвящен 145 годовщине со дня рождения Крупской, но также в значительной степени говорит о ее любовной жизни. В статье, хотя она и относится к постсоветской эре, вообще нельзя найти стремление к демифологизации Крупской, ее показывают очень позитивно, автор пишет: «А между тем Крупская была не просто идеальной женой, а мудрейшей женщиной, оказавшейся способной удержать на «коротком поводке» вождя мирового пролетариата». В тексте можно найти и характеристику ее профессиональной жизни: «У нее были собственные взгляды и интересы, она занималась теоретической и педагогической работой, причем это замечательные труды, которые сейчас стоит тщательно изучать». Именно в этом тексте мы впервые встречаем Крупскую как самостоятельную, ответственную женщину, а не только как жену Ленина. Но опять же следующий текст под названием «Обручальные кольца Ленин и Крупская надели всего раз»¹² посвящен их любовным отношениям. В рамках усилия показать и «обратную сторону» известной пары на выставке о Ленине были показаны их обручальные кольца: «На пальцах они были один раз – во время венчания революционеров в церкви». Автор указывает на почти непостижимый парадокс: лидер мирового пролетариата венчался в церкви. Хотя это и интересная информация, Надежда опять остается в тени своего мужа. Последний анализируемый текст рассказывает о музее Ленина в Горках, где можно узнать много интересного не только о Ленине, но и о его семье, среди прочего и то, что «Надежда Крупская ходила в залатанных туфлях»¹³. В тексте мы снова видим типичное усилие постсоветского периода: – усилие в направлении демифологизации символов прежнего режима.

В рамках нашего короткого обзора темы женских персонажей в медийном дискурсе, мы пришли к следующему выводу: в то время как мужчины-герои советского периода в дискурсе встречаются довольно часто, и это герои разных периодов СССР, женских героинь уже значительно меньше. Кажется, что героического пьедестала достигли только женщины трудных времен, когда в стране были явно необходимы позитивные ролевые модели, т.е. в нашем случае это период Великой Отечественной войны. Женщины более раннего периода – прежде всего, Надежда Крупская из нашего короткого исследования – изображаются как исторические персонажи, но не относятся к типичным героям.

¹ CLEMENTS, Barbara Evans: *Bolshevik Women*, Cambridge University Press, 1997, ISBN 0-521-45403-4, s.1

² Ivanolejar Blog./ Электрон. дан. – URL: <https://ivanolejar.blog.sme.sk/c/412323/oprasene-funkcne-principy-iljinovej-v-sucasnom-parlamente-nr-sr-i-politike-vobec>

³ Spravy. Pravda / Электрон. дан. – URL: <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/216303-leninova-neter-pohreb-nedovolim/>

⁴ Spravy. Pravda / Электрон. дан. – URL: <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/227814-andrej-jusenko-sampion-zlatej-mladeze>

⁵ Zurnal Pravda / Электрон. дан. – URL: <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/250552-lenin-zostava-vo-svojom-rodisku-stale-ikonou/>

⁶ Zurnal Pravda / Электрон. дан. – URL: <http://zurnal.pravda.sk/neznama-historia/clanok/303880-koncilsa-rok-1913-a-nikto-nemyslel-na-voynu/>

⁷ Zurnal Pravda / Электрон. дан. – URL: <http://zurnal.pravda.sk/neznama-historia/clanok/306309-lenin-zomrel-aby-sa-stal-bohom-bolsevikov/>

⁸ Spravy. Pravda / Электрон. дан. – URL: <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/331928-kyjevska-radnica-pripriavuje-masivne-premenovanie-ulic>

⁹ Komsomol'skaia pravda. – No. 4t, January 26, 2012. – p. 22.

¹⁰ Slovo. – No. 23, December 11, 2015. – p. 3.

¹¹ Komsomol'skaia pravda. – No. 7, February 13, 2014. – p. 18.

¹² Komsomol'skaia pravda. No. 44p, April 21, 2014. – p. 23.

¹³ Komsomol'skaia pravda. No. 6, January 18, 2013. – p. 6.

Волкова Е.В., ТГУ, магистрант

Volkova E.V., TSU, master student

Активные процессы в лексике современного русского языка (на материале культурно-просветительских радиопрограмм)

Active processes in the vocabulary of modern Russian language (based on cultural and educational radio programs)

Статья посвящена исследованию активных процессов в лексике современного русского языка. Материалом для исследования выступили культурно-просветительские программы радиостанции «Эхо Москвы». С помощью лингвистического и коммуникативно-прагматического анализа выявляются основные тенденции словоупотребления в радиодискурсе. Выбор материала обусловлен влиянием СМИ на языковую культуру в целом.

The paper is devoted to the research of active processes in the vocabulary of modern Russian language. The material for the research is cultural and educational programs of the radio station «Echo of Moscow». Basic tendencies of the language use in the radio discourse are revealed by linguistic, communicative, and pragmatic analysis. The choice of material is caused by the influence of media on the language culture in general.

Ключевые слова: радиодискурс, культурно-просветительская программа, лексический уровень языка

Keywords: radio discourse, cultural and educational program, lexical level of language

Научный руководитель: Фашанова Светлана Владимировна, канд. филол. наук, доцент

Активные процессы в русском языке всё чаще становятся предметом лингвистических исследований. Появляются монографии, учебные пособия, посвященные анализу современных языковых тенденций¹. Динамические явления отража-

ются и в языке СМИ. Повышение интереса со стороны лингвистики и смежных с ней наук к массовой и публичной коммуникации определили актуальность темы исследования. Цель данной статьи – выявить активные процессы в лексике современного русского языка на материале культурно-просветительского радиодискурса.

В качестве материала для исследования выступили радиопрограммы «Эха Москвы»: «Дифирамб», «Культурный шок», «Родительское собрание». Выбор обусловлен культурно-просветительской направленностью радиопередач. Гостями студии становятся деятели науки и искусства, представители творческих профессий, чиновники российской системы образования, издатели книг и учебников. Все программы характеризуются установкой ведущих на комфортное общение, соблюдение языковых норм и речевого этикета.

Выбранный радиоматериал демонстрирует широкий диапазон языковых средств, позволяющих выявить активные процессы в лексике современного русского языка. Одним из таких процессов является заимствование иноязычной лексики. Заимствованные слова употребляются в радиодискурсе для обозначения новых явлений и понятий из разных сфер жизни: *Это был краудфандинг, это было на деньги, которые собирались, что называется, всем миром* («Дифирамб», 25.10.15). Наряду с адаптированными заимствованиями используются аутентичные иностранные слова, не всегда понятные слушателю без семантизации: *И сейчас мы говорим о так называемых визитор энд резидентс – да? – то есть посетители и резиденты* («Родительское собрание», 23.10.16). Употребление иноязычного слова вместо аналогичного по значению русского в большинстве случаев обусловлено восприятием заимствования как более престижного и актуального: *Здесь твой какой месседж?* («Культурный шок», 23.04.16).

Изменения языковой системы проявляют себя в активизации употребления внелитературной лексики. Лексика общего жаргона встречается в речи участников радиодискурса, например, при обсуждении криминальных персонажей: *Он такой конкретно криминальный предприниматель* («Культурный шок», 23.04.2016). Жаргонизмы употребляются также для выражения авторской, экспрессивной, чаще всего отрицательной, оценки различных событий экономической, политической, культурной сфер: *Государство хочет порулить именно в истории и в литературе?* («Родительское собрание», 16.10.16).

Использование в речи молодежного сленга привносит в беседу современный акцент, придаёт ироничную окраску высказыванию, а также продиктовано экономией речевых усилий при отсутствии аналогичных по смыслу слов в литературном языке: *Вот эта гонка, когда мажоры мчались, убежали от полицейской погони* («Культурный шок», 19.11.16).

Просторечные единицы используются в речи участников радиодискурса, как правило, для намеренного стилистического снижения речи: *Понятно, откуда возникают эти нахальные призывы, так сказать, незрелых, навсегда оставшихся подростками, ушибленных плохим образованием и жестокостью учителей ...* («Родительское собрание», 16.10.16).

Грубая агрессивная лексика употребляется в радиокommunikации очень редко в основном с целью повышения эмоциональности высказывания или для конкретизации предмета беседы: *Но вспомни время, ещё лет 10-15 назад, когда вот это время гламура было – нужно быть с перелицованным лицом, как задница, понимаешь* («Дифирамб», 09.10.16).

Профессионализмы, встречающиеся в речи участников программ, связаны чаще всего с творческой деятельностью гостей радиoprogramмы: *И когда тебе надо попасть в синхрон в себя на озвучении, одно дело – в кадре говорить, когда ты играешь, другое дело ...* («Культурный шок», 23.04.16).

Лексика гостей радиостудии демонстрирует также тенденцию к проникновению терминологии в радиокommunikацию, что осложняет понимание смысла текста для рядового радиослушателя: *Поверьте и моим исследованиям, и другим: когда мы встречаемся со случаями девиантного поведения подростков и так далее, примерно 80–85% выросли в семье с деструктивными отношениями...* («Культурный шок», 19.11.16).

Необходимо отметить активное обращение участников радиодискурса к явлению языковой игры, что также обусловлено влиянием Интернета, обыгрыванием в речи иностранных слов, заимствованием элементов из внелитературной лексики: *И фэин крутится, фэин. И он говорит: «Кто же сказал, что если у вас нос чуть-чуть на один миллиметр левее или ухо ниже, что некрасиво? Почему это надо переделывать? Это не фэин, это же фашизм!»* («Дифирамб», 09.10.16).

Лингвистический анализ радиоматериалов позволяет выделить следующие причины актуализации современных тенденций в языке радио:

- необходимость номинации новых явлений и понятий, отсутствие в русском литературном языке аналогичных лексических единиц, языковая мода;
- сближение радиокommunikации с разговорной формой общения;
- тематическое содержание программ;
- воздействие на эмоции аудитории, привлечение внимания к радиодискурсу при обсуждении актуальных тем.

Анализ активных процессов в лексике радиoprogramм демонстрирует коммуникативно-прагматические причины употребления ненормированных элементов, главными из которых являются желание говорящего воздействовать на эмоции радиослушателя и привлечь внимание к конкретной радиoprogramме.

¹ Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – М.: Логос, 2001. – 304 с.

Балалыкина Э.А. Метаморфозы русского слова: учеб. пособие. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 264 с.
Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – 194 с.

ПРИКЛАДНАЯ, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ, КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Черткова В.В., ТГУ, студент

Chertkova V.V., TSU, student

Описание аромата в аспекте полимодального восприятия

Odour description in the aspect of polymodal perception

В статье представлены результаты исследования вербальных средств передачи обонятельной информации. В фокусе исследования находится перцептивный компонент семантики лексем, используемых для описания аромата. Материалом исследования послужили тексты-описания ароматов эфирных масел фирмы «Стых» и данные психолингвистических экспериментов и психолингвистических баз данных.

The article presents the results of a study of linguistic means for transferring olfactory information in descriptions of aromas of the essential oils «Стых». The study focuses on the perceptual component of lexical semantics used to describe odour. A series of psycholinguistic experiments was conducted in order to find out the dominant modality.

Ключевые слова: аромат, модальность, полимодальность, эксперимент, база данных

Key words: odour, modality, polymodality, experiment, data basis

Научный руководитель: Новикова Элеонора Геннадьевна, канд. филол. наук

Данное исследование находится в сфере когнитивной лингвистики и посвящено проблеме вербализации ольфакторной (лат. olfactorius – ‘обонятельный’), т.е. обозначающей запах, информации. В русском языке существует небольшое количество системно закрепленных лексем со значением запаха (запах, аромат, благоухание, вонь, смрад; душистый, ароматный и некоторые др.), большая же часть лексики, описывающей запах, имеет метафорическую и метонимическую природу. Это связано с тем, что запахи чаще всего приобретают значение через систему ассоциаций, так как обоняние, в отличие от других форм сенсорного восприятия, является наиболее субъективным, диффузным и холистичным¹.

В качестве материала исследования нами были выбраны рекламные описания эфирных масел фирмы «Стых», в которых наиболее последовательно представлена вербальная характеристика запаха. Например, аромат эфирного масла мяты: доминирующий, *остро-свежий, холодный, звонко-ментоловый, с оттенком меда*. Всего было рассмотрено 59 текстов-описаний, отобранных методом сплошной выборки с сайта styx-naturcosmetic.ru. Во всех случаях текст был равен одному предложению.

В основу исследовательского подхода легло представление о том, что определение перцептивного компонента семантики лексемы может осуществляться

с опорой на сознание носителей языка. Поэтому в нашем исследовании, наравне с методом контекстуального анализа, был применен метод психолингвистического эксперимента и создания психолингвистической базы данных. Ранее данный метод был апробирован на материале отдельных лексем, отобранных из лексико-графических источников: имен прилагательных² и имен существительных³.

Целью исследования стало выявление ведущих перцептивных модальностей, характерных для лексем, использованных в текстах-описаниях ароматов эфирных масел. Под модальностью (в психолингвистическом значении данного термина) понимается принадлежность воспринимаемого объекта или качества объекта к определенной сенсорной системе (зрительной, слуховой, осязательной, обонятельной или вкусовой).

Постановка проблемы сегментации текста, связанная с высокой долей в нем сложных прилагательных (41 % от общего количества лексем), привела к идее осуществить два альтернативных способа сегментации с последующим сопоставлением результатов: в первом случае сложное прилагательное рассматривалось как одна единица и предъявлялось в анкете как один стимул, во втором – как две единицы и два стимула.

В ходе нашего исследования были использованы данные:

1) лингво-психологического словаря², в котором представлены выявленные экспериментальными методами соотношения того или иного прилагательного с пятью типами ощущений. Из данного источника нами были взяты данные по 91 простому прилагательному.

2) проведенного нами психолингвистического эксперимента (анкетирования). В нем каждому участнику предлагалось оценить существительные и прилагательные по степени их связности с одним из органов чувств по шкале Лайкерта в диапазоне от 1 до 7, где 1 обозначало отсутствие связи, а 7 – максимально сильную связь.

Данный эксперимент состоял из двух наборов анкет. Для первого набора анкет в качестве стимулов были взяты сложные прилагательные (35 ед.) и использованные в текстах существительные (52 ед.). Для второго набора анкет – сложные прилагательные (50 ед.) и простые прилагательные (13 ед.), которые отсутствовали в лингво-психологическом словаре².

В эксперименте с первым набором анкет приняло участие 153 человека (37 мужчин) в возрасте от 17 до 65 лет (средний возраст – 28, 5, SD – 13,2). В эксперименте со вторым набором участвовало 150 человек (36 мужчин) в возрасте от 17 до 65 лет (средний возраст – 28, 3, SD – 13,7). Всего для каждой модальности было получено от 30 до 32 реакций.

Для определения степени связи прилагательных с модальностью были установлены следующие границы: 1–1,9 – отсутствие связи, 2–3,9 – слабая связь, 4–4,9 – средняя связь, 5–5,9 – умеренная связь, 6–7 – сильная связь. Ведущими модальностями считались умеренные и сильные связи.

Для статистической оценки результатов был выбран базовый показатель для совокупности значений – среднее арифметическое, отражающее усредненную оценку семантического объекта носителями языка.

В результате шкалирования было получено следующее распределение модальностей между разными группами лексики, где 1 – имена существительные, 2 – простые прилагательные, 3 – составные компоненты сложных прилагательных, 4 – сложные прилагательные.

	1	2	3	4
Зрение	39%	44%	27%	11%
Слух	1%	2%	2%	0%
Обоняние	23%	14%	25%	38%
Вкус	15%	21%	40%	45%
Осязание	22%	19%	6%	6%

Как видно из таблицы, при синтагматическом взаимодействии составных компонентов сложных прилагательных модальность единиц изменяется, и увеличивается связь с обонянием. Это позволяет предположить, что тексты, в которых взаимодействуют слова с разными ведущими модальностями, эффективно передают диффузный, сложный образ аромата эфирного масла.

Таким образом, результаты исследования показали, что для вербализации ольфакторной информации активно используются лексемы, семантически связанные с разными типами ощущений. При этом самой частотной ведущей модальностью для существительных и простых прилагательных является зрение, а для сложных прилагательных – вкус и обоняние.

¹ Черниговская Т. В. Семиотика запахов: вербализация, синестезия, память // Язык и речевая деятельность, т.5. – СПб, 2004. – С.171-176.

² Колбенева М.Г. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь / М.Г. Колбенева, Ю.И. Александров; Ин-т психологии РАН. – М., 2010. – 368 с.

³ Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Том. гос. ун-та., 2016. – № 5. – С. 71-92.

Чемериллов В.В., ТПУ, аспирант

Chemerilov V.V., TPU, postgraduate student

Дискурсивный подход к лингвистической обработке текста для синтеза русской речи

Discourse approach to the linguistic treatment of the text for the synthesis of Russian speech

В данной работе предлагается новый подход к синтезу русской речи, основанный на многоуровневых дискурсивных связях между элементами текста. Он позволит разрешить множество вопросов, связанных с неоднозначностью произношения различных элементов синтезаторами речи и автоматической расстановкой интонации, которые ранее нельзя было решить с помощью семантико-синтаксического и морфологического анализов.

In this paper we propose a new approach to russian speech synthesis, based on multi-level discourse links between elements of a discourse text. It will resolve many issues related to the ambiguity of the pronunciation of various elements and the automatic placement of intonation, which previously could not be solved with semantic, syntactic and morphological analysis.

Ключевые слова: русский синтез речи, лингвистический анализ текста, дискурс, дискурсивные отношения, дискурсивная структура

Keywords: russian speech synthesis, linguistic analysis of the text, discourse, discourse relation, discourse structure

Научные руководители: Фадеев Александр Сергеевич, канд. техн. наук, доцент, Бохонная Марина Евгеньевна, канд. филол. наук, доцент

Синтезатор речи по тексту – это система, позволяющая конвертировать текст, введенный пользователем, в искусственную речь. К системам синтеза речи предъявляются требования естественности и разборчивости. Естественность определяет, насколько искусственная речь похожа на речь живого человека. Разборчивость подразумевает правильное распознавание слушателем всех слов синтезированной речи. Большинство современных систем синтеза русской речи показывают хорошую разборчивость, близкую к разборчивости естественной речи. Однако такая речь звучит неестественно, она не удовлетворяет требованиям пользователей. Одной из причин низкого качества естественности синтезированной русской речи является недостаточность информации для выделения мест расстановки интонации в предложении на предварительном этапе анализа текста. В данной работе будет представлен новый подход к предварительной обработке текста, на основе которого появится возможность маркировки новых видов интонации.

Структура современной системы синтеза речи по тексту представлена на рисунке 1.

Рис. 1. Структурная схема работы синтезатора речи.

Текст, подаваемый на вход системы, проходит четыре этапа обработки¹. На первом этапе происходит процесс анализа данных с помощью лингвистическо-

го текстового процессора. Лингвистический процессор проводит нормализацию текста и расставляет ударения в словах.

На втором этапе данные проходят просодическую обработку, задача которой состоит в придании тексту интонационного оформления. Текст делится на просодические единицы – синтагмы. Определяется длина пауз между ними и интонационный контур². Синтагма характеризуется акцентно-ритмической структурой, интонационной и смысловой целостностью, единым мелодичным и динамическим контуром. На начальной и конечной границах синтагмы могут стоять паузы, внутри паузы недопустимы. В синтагме выделяется главное слово, которое маркируется синтагматическим ударением – другие словесные ударения могут быть существенно ослаблены, что помогает определить степень централизации синтагмы (для русского языка степень централизации очень высока).

Для выделения границ синтагм в предложении необходимо произвести следующие действия:

1. Выделить знаки препинания в предложении. В большинстве случаев знаки препинания сигнализируют о наличии паузы в нем. В некоторых отдельных случаях пауза не ставится (например, при выделении вводного слова). Такие ситуации обрабатываются по особым правилам.

2. На основе синтаксических связей между словами определить места расстановки пауз в длинных отрезках предложения, не содержащих знаков препинания.

Для каждой синтагмы предложения определяется фразовое ударение. В большинстве случаев в русском языке оно падает на последний слог в синтагме, однако иногда оно может переноситься на другой слог (например, когда последнее слово – местоимение). Также для каждой синтагмы определяется наиболее подходящий интонационный контур из набора интонационных контуров для синтеза речи, основанных на стандартной классификации Е.А. Брызгуновой³. Выбор интонационного контура осуществляется на основе лексического содержания предложения и знаков препинания (вопросительного, восклицательного, точки, тире и т.д.).

Фонетический процессор решает две задачи. Во-первых, он отвечает за построение транскрипции по правилам, учитывая исключения. Во-вторых, он вычисляет физические параметры интонации для синтагм⁴.

На последнем этапе данные проходят через акустический процессор. Задача акустического процессора состоит в том, чтобы подобрать оптимальный звуковой набор из базы диктора по методу Unit Selection. Звуковые элементы могут быть модифицированы по частоте основного тона, длительности и тембру. Также могут быть добавлены звуковые эффекты.

На рисунке 2 представлена структурная схема работы лингвистического процессора.

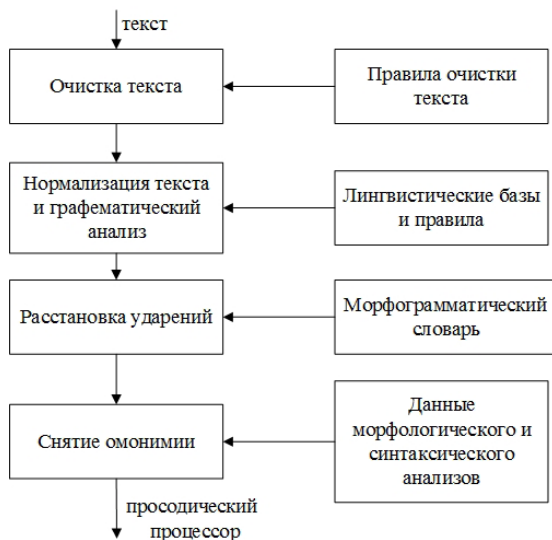

Рис.2. Структурная схема работы лингвистического процессора.

Лингвистический анализ состоит из следующих операций:

1. Очистка текста. На первом этапе обработки текст должен быть очищен от недопустимых и лишних символов (лишних пробелов, повторения знаков препинания и т.д.). Также в тексте может находиться специальная пользовательская разметка, в которой указываются данные для синтеза речи (знак ударения, место паузы и т.д.). Ее необходимо выделить для дальнейшей обработки.

2.. Нормализация текста и графематический анализ. Графематический анализ проводится с целью разбиения текста на предложения. Каждое предложение разбивается на отдельные слова, знаки пунктуации и специальные символы. Под нормализацией текста подразумевается ряд специализированных операций, таких как⁵:

- расшифровка аббревиатур;
- расшифровка сокращений, строго зависящих от контекста (ам. – амбар? ампер?);
- расшифровка чисел. Преобразование их числового написания в текстовую форму;
- расшифровка специальных символов (например, № 35 – номер 35);
- транслитерация слов, написанных латиницей.

3. Определение места ударения в слове. Для решения данной задачи используется специальный морфограмматический словарь. Каждое слово предложения сопоставляется со словарем. Если словарь находит фонетическую транс-

крипцию обрабатываемого слова, то он заменяет его на специальный набор символов, иначе оставляет его без изменений.

4. Снятие омонимии. Снятие омонимии представляет собой процесс выбора одной из нескольких словоформ, которая соответствует тому или иному слову в тексте. Словоформы могут отличаться наличием буквы е или ё (берег – берёг), местом ударения (мука – му́ка) и грамматическими характеристиками (*лечь* – глагол или существительное). Омонимия разрешается на основе морфологического и синтаксического анализов. Однако практика показала, что этих данных недостаточно для разрешения большинства случаев омонимии, так как интонация зависит от смысла сообщения. Поэтому наряду с данными морфологического и синтаксического анализов используется семантический анализ.

Основной сложностью лингвистической обработки текста для синтеза речи является значительная гибкость языка. В русском языке не существует строгих правил построения предложений и фраз. Человек при чтении ориентируется на весь текст, а не концентрируется на каждом предложении в отдельности. В силу данной особенности он может пропускать важные для автоматического анализа слова и расставлять интонацию, учитывая семантические данные предыдущего предложения и смысловую связь с ним.

На рисунке 3 представлена структурная схема дискурсивного анализа текста для синтеза речи.

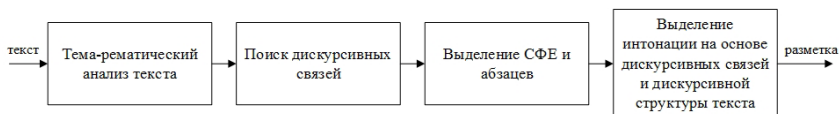

Рис. 3. Структурная схема дискурсивного анализа текста для синтеза речи.

На первом этапе проводится тема-рематический анализ текста. В каждом предложении выделяется тематическая и рематическая части. Далее путем сопоставления тем и рем предложений проводится поиск дискурсивных связей между ними. На основе дискурсивных связей в тексте выделяются сверхфразовые единства (СФЕ) и абзацы, которые не начинаются специальным отступом. На последнем этапе анализа проводится поиск мест расстановки интонации, которую можно выделить только на основе дискурсивных данных. Таким образом, на вход системы синтеза речи подается не набор предложений, а текст, представленный в виде дискурсивной структуры. При выделении мест расстановки интонации можно использовать не только данные морфологического, синтаксического и семантического анализов в рамках одного предложения, но и информацию о смежных предложениях (дискурсивные связи) и о тексте в целом (дискурсивная структура текста).

При использовании алгоритмов автоматического выделения мест расстановки интонации, основанных на данном походе, появится не только возможность выделения новых видов интонации в предложении (например, интонационного центра в вопросительном предложении без явного вопросительного слова), но и новые методы разрешения неоднозначности в произношении (например, разрешение томографии).

¹ Рыбин С.В.. Синтез речи. Учебное пособие по дисциплине «Синтез речи» – Санкт-Петербург: СПб: Университет ИТМО, 2014. – 92 с.

² Лобанов Б.М., Сизов О. Г. Алгоритм сегментации текста на синтаксические синтагмы для синтеза речи // Диалог. – 2009. – № 7. – С. 563-568.

³ Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка: пособие для преподавателей, занимающихся со студентами. – М.: Издательство Московского университета, 1963. – 308 с.

⁴ Лобанов Б.М., Цирульник Л.И. Компьютерный синтез и клонирование речи. – Минск: Белорусская наука, 2008. – 316 с.

⁵ Соломенник А.И., Таланов А.О., Соломенник М.В., Хомицевич О.Г., Чистиков П.Г. Оценка качества синтезированной речи: проблемы и решения // Приборостроение. 2013. – №2. – С. 38-41.

Цигеман Э.С., ТГУ, студент

Tsigeman E.S., TSU, student

Влияние имплицитного значения цвета на обработку лингвистических стимулов с эмоциональной окраской

Men in black: effects of implicit color associations on linguistic stimuli

В статье представлены результаты направленного ассоциативного эксперимента, на основе которого установлены имплицитные ассоциативные значения семи основных цветоименований русского языка, и результаты трёх аппаратных психолингвистических экспериментов, демонстрирующих характер влияния значения цвета на восприятие эмоционально окрашенной лексики.

The article presents the results of a directed associative experiment, which provided the information about implicit associative meanings of the seven basic color naming of the Russian language, and the results of three hardware psycholinguistic experiments demonstrating the nature of the color meaning effects on emotional words perception.

Ключевые слова: Имплицитные значения цветоименований, психолингвистический эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, E-prime 2.0

Keywords: color associations, directed associative experiment, psycholinguistic experiment, E-prime 2.0

Научный руководитель: Царегородцева Оксана Викторовна, канд. филол. наук

Появление новых областей применения цвета в современном мире обуславливает повышенный интерес исследователей к проблеме его влияния на психоэмоциональное состояние человека. Например, существует ряд экспериментальных работ¹, посвященных установлению ассоциативных связей цвета и эмоций в сознании людей, появление которых исследователи часто объясняют через влияние языковых выражений, например, наличие английского выражения *feeling blue* привело к появлению ассоциативной связи голубого цвета с отрицательными эмоциями в сознании носителей английского языка.

Однако все подобные работы выполнены на материале английского языка, поэтому невозможно сказать, являются ли найденные значения актуальными и для носителей русского языка. Для установления подобных имплицитных ассоциативных значений цветов и цветонаименований на материале русского языка был проведен направленный ассоциативный эксперимент с 7 названиями цветов (черный, белый, красный, зеленый, желтый, синий, голубой), в ходе которого информантам предлагалось написать несколько прилагательных, ассоциирующихся с данными цветами. Затем эмоциональная окраска полученных ассоциаций оценивалась следующей группой участников по шкале от 1 до 7, где 1 – абсолютно отрицательная окраска, 7 – абсолютно положительная. В результате данного этапа были получены следующие оценки:

Цвет	Черный	Красный	Синий	Белый	Зеленый	Желтый	Голубой
Средняя оценка	3,97	4,42	4,84	5,1	5,25	5,28	5,33

При сравнении с результатами работ на материале английского языка, обнаруживается ряд сходств и различий, например, черный в обеих лингвокультурах обладает негативной окраской, однако голубой в русской лингвокультуре является одним из самых положительных цветов, в отличие от английского, где он связан с отрицательными эмоциями.

На следующем этапе исследования были проведены 3 аппаратных эксперимента с помощью E-prime 2.0. Цель экспериментов – установить, могут ли цвета влиять на восприятие эмоционально окрашенной лексики.

В ходе предварительного теста были выбраны два цвета – черный и зеленый, обладающие, по мнению респондентов, максимально отрицательной и максимально положительной семантикой и как названия цветов, и как цвета. В качестве стимулов отобраны 68 эмоционально окрашенных прилагательных (34 положительных и 34 отрицательных)², а также стимулы-филлеры (нейтральные прилагательные, псевдослова³, напоминающие по форме прилагательные, и названия цветов).

Процедуры экспериментов не различались. Во время эксперимента участники видели на сером фоне слова, окрашенные в черный или зеленый цвет, и должны были выполнить одно из заданий. Задания, выполняемые в ходе экспериментов респондентами, требуют от них разных уровней когнитивной об-

работки стимулов: в модифицированном эксперименте Струпа от участников требовалось только определить цвет слова, т.е. когнитивная обработка семантики слова была минимальной, основное внимание было сконцентрировано на внешнем признаке – цвете; в эксперименте с задачей на принятие лексического решения респонденты фиксировали наличие семантики (у псевдослов ее нет), но не анализировали ее; в эксперименте с заданием на категоризацию когнитивная обработка стимула являлась максимально глубокой.

Ожидалось, что при любом уровне когнитивной обработки среднее время реакции при совпадении семантики цвета и семантики слова (положительно окрашенное слово в зеленом цвете) будет меньше, чем при несовпадении (положительно окрашенное слово в черном цвете).

Результаты экспериментов не позволяют полностью подтвердить гипотезу о наличии влияния цвета на восприятие эмоционально окрашенной лексики: среднее время реакции в разных условиях не различается. Результат с пограничной значимостью ($p=0,06$) получен в эксперименте с заданием на принятие лексического решения, что может говорить о чувствительности эффекта к уровню когнитивной обработки: при отсутствии внимания к семантике (при анализе внешних признаков) и при глубоком анализе семантики (при категоризации) он исчезает, однако для более точных выводов требуется дальнейший анализ статистических данных: расширение выборки, изменение диапазона анализируемых данных (1,5 SD и 3,5 SD).

Полученные в ходе экспериментов данные позволяют сделать выводы о том, что в русскоязычной лингвокультуре цвета имеют специфические ассоциативные имплицитные значения, выражающие оценку, а также заключить, что цвета способны в некоторой мере влиять на восприятие эмоционально окрашенной лексики при конкретном уровне когнитивной обработки.

¹ Meier, B. P., Robinson, M. D., & Clore, G. L. (2004); Regier, Terry et al. (2006); Sutton, T. M., & Altarriba, J. (2008); Sutton, T. M., & Altarriba, J. (2015); Winawer, J and Witthoft, N. (2016).

² Из базы данных, созданной Отамбековой Х. в ходе работы учебного семинара.

³ Из базы данных Миклашевского А.А.

Хохлова А.А., ТГУ, студент

Khokhlova A.A., TSU, student

Психолингвистическая база данных русских глаголов

Psycholinguistic database of Russian verbs

В ходе исследования создается база данных, содержащая 624 глагола 9-ти лексико-семантических групп. Выделено 156 групп, содержащих однокоренные: 1. глагол несовершенного вида; 2. глагол совершенного вида; 3. глагол несовершенного вида (с приставкой); 4. возвратный глагол. На основе отобранных единиц

будут составлены анкеты для проведения опроса с целью выявления связи единиц со зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом.

In this research we build a database of Russian verbs which contains 624 verbs from 9 lexico-semantic groups. The verbs are structured into 156 word families containing: 1. a verb in the imperfective aspect; 2. a verb in the perfective aspect; 3. a verb in the imperfective aspect (with a prefix); 4. a reflexive verb. A psycholinguistic experiment (a questionnaire) will be run to identify the connection of the verbs with perception.

Ключевые слова: база данных, глаголы, перцепция

Key words: database, verbs, perception

Научный руководитель: Шиляев Константин Сергеевич, канд. филол. наук

Свои представления о том, как устроен наш внутренний мир и по каким законам он работает, высказывали еще Платон и Аристотель, последователи которых образовали два лагеря – рационалистов и эмпириков, споры между которыми не утихают уже более 2000 лет. Когнитивные лингвисты, изучающие связь и взаимодействие языка и мышления, не могли обойти эту тему. Вслед за Дж. Лакоффом, М. Джонсоном, Ф. Варелой, современные лингвисты считают, что процессы познания предопределяются опытом человека – перцептивным, моторным, эмоциональным, социальным. Эта идея концептуализации мира получила название «теория воплощенного познания». Согласно данной теории все существующие в нашей голове концепты так или иначе связаны с нашим опытом – либо напрямую, либо метафорически. Языковые единицы как таковые не обладают значением, они лишь помогают нам построить ментальную модель реального мира¹.

Основным источником получения информации являются органы чувств, поэтому связь ментальных концептов со зрением, слухом, осязанием, обонянием, вкусом представляет особый интерес. По степени выраженности этой связи лексические единицы традиционно делят на конкретные и абстрактные. Конкретность единицы является одной из базовых характеристик, которую необходимо учитывать при проведении психолингвистических экспериментов, семантическом анализе и т.д.

Для объективации информации о связи лексических единиц с перцептивными модальностями создаются базы данных, содержащие полученные с помощью психолингвистических исследований субъективные оценки². Базы данных позволяет обрабатывать большие массивы данных для их дальнейшего использования в исследованиях и проведении экспериментов.

В то время как на материале разных языков создано множество баз данных, отражающих связь существительных с перцептивными модальностями, характер этой связи с другими частями речи описан в гораздо меньшей степени. Цель нашего исследования – создать базу данных, содержащую оценки перцептивной модальности русских глаголов. Практическая значимость данного исследования

заключается в создании базы стимулов для экспериментального изучения природы глаголов.

В ходе данного исследования создается база данных, содержащая 624 русских глагола. Все глаголы были категоризированы по 9 лексико-семантическим группам. Были выделены глаголы: 1) движения; 2) состояния и изменения состояния; 3) воздействия на объекты; 4) ментальной деятельности; 5) перцепции; 6) речи; 7) обладания; 8) физиологии; 9) положения и контакта. Данные лексико-семантические группы были сформированы на основе разметки Национального корпуса русского языка. Предполагается, что входящие в выбранные лексико-семантические группы глаголы в разной степени проявляют связь с перцептивными модальностями. Данная гипотеза будет проверена впоследствии с помощью анализа полученных оценок.

Второй гипотезой является предположение о том, что морфологический состав лексической единицы может влиять на степень выраженности перцептивной семантики. Самые характерные категории русских глаголов – это категории вида и возвратности, поэтому именно они стали объектом нашего интереса.

Категория вида противопоставляет глаголы, обозначающие ограниченное предельно целостное действие (глаголы совершенного вида), глаголам, не обладающим данным признаком. Мы предполагаем, что этот семантический компонент глаголов совершенного вида может усилить выраженность перцептивной семантики. Кроме того, большинство видовых пар не являются «чистыми» – зачастую приставка несёт какое-либо дополнительное значение, которое также может повлиять на степень связи единицы с перцептивными модальностями.

Возвратные глаголы также имеют семантические различия с невозвратными: изменяются роли, число актантов. Основное значение категории возвратности – проецирование действия на субъекта, обозначение взаимности действия. Все эти изменения в семантике могут повлиять на степень выраженности перцептивной семантики глагола.

Для проверки второй гипотезы глаголы были организованы в 156 групп, содержащих по четыре однокоренных глагола: 1) глагол несовершенного вида (без приставки, видообразовательного суффикса, постфикса); 2) глагол совершенного вида (с приставкой, без видообразовательного суффикса, без постфикса); 3) глагол несовершенного вида (с приставкой, суффиксом, без постфикса); 4) возвратный глагол. Например, варить → сварить → заваривать → вариться.

На основе созданного списка глаголов будет проведен психолингвистический эксперимент в виде анкетирования, где участникам будет предложено оценить единицы на степень связанности с какой-либо перцептивной модальностью по шкале Ликерта от 1 до 7 (1 – слабая связь, 7 – сильная связь). Полученные оценки будут проанализированы с использованием статистических методов. Так как предполагается, что оценки будут равномерно распределены

по всей шкале, мы планируем провести регрессионный анализ в программной среде R.

Полученная база данных будет находиться в открытом доступе для российского научного сообщества и может послужить источником стимулов для последующих исследований и психолингвистических экспериментов.

¹ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – С. 57

² Марченко О.П. Психолингвистическая база данных для семантических категорий // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010 – С. 404-408

Ускова Д.А., ТГУ, студент

Uskova D.A., TSU, student

Создание веб-сайта домашней кондитерской как инструмента лингвистического исследования

Creating a website for a home-based bakery as a tool for linguistic research

В докладе описаны этапы создания и наполнения контентом веб-сайта домашней кондитерской, объяснены задачи, входящие в компетенцию лингвиста. Представлены основные методы оценки эффективности веб-сайта (А/Б тестирование, Google-эксперимент), позволяющие использовать веб-сайт в качестве инструмента для проведения лингвистического исследования.

The report describes the stages of creating and filling the website of a home-based bakery with content, explains the tasks that are the competence of the linguist. The main methods for assessing the effectiveness of the website are presented (A/B testing, Google experiment), which allow using the website as a tool for carrying out a linguistic study.

Ключевые слова: лингвопрагматический эффект, веб-сайт, семантическое ядро, А/В-тестирование

Keywords: linguapragmatic effect, website, semantic core, A/B testing

Научный руководитель: Новикова Элеонора Геннадьевна, канд. филол. наук

На данный момент существует несколько инструментов, которые используются при проведении лингвистического исследования. Например, такие инструменты как E-Prime используются в лингвистике для измерения времени реакции на языковой стимул, Google Forms – для проведения опросов и оценки лексических единиц по разным параметрам, ай-трекинг – для отслеживания внимания при прочтении текста и т.д. Однако реже всего используется веб-сайт. Обычно он становится объектом пристального внимания в маркетинговых исследовани-

ях, например, когда необходимо собрать данные о продажах товаров, обрабатывать информацию о посетителях и т.д. В данной работе в качестве инструмента исследования предлагается рассмотреть веб-сайт домашней кондитерской «Art-Fish», который был создан для определения наиболее эффективной стратегии описания продукции.

Веб-сайт – это группа тематически связанных веб-страниц, объединенных под одним уникальным адресом. Перед веб-сайтом стоит ряд задач¹, от выполнения которых зависит, заинтересует он пользователя или нет. Во-первых, необходимо привлечь внимание зашедшего на страницу человека с помощью заголовков, которые передают основную идею сайта. Во-вторых, сайт должен удерживать внимание, чтобы пользователь, зайдя на сайт, смог осознать, что здесь он способен удовлетворить свою потребность в информации. В-третьих, сайт должен выполнять свою функцию по обеспечению общения между пользователем и лицом, которое сайт представляет. Сайт для данной работы был создан при помощи платформы Jimdo. На сайте представлены следующие разделы: главная страница, каталог продукции, страница заказа, страница контактов, страница с информацией о кондитере.

Одна из задач, которая относится непосредственно к компетенции лингвиста при создании сайта, – подбор ключевых слов². Ключевые слова – это единицы, представляющие собой поисковые запросы, по которым продвигается сайт в выдаче поисковой системы, и составляющие часть контентного наполнения страницы сайта. Подбор ключевых слов осуществляется, прежде всего, при помощи анализа тематики сайта путем выделения нескольких основных запросов, по которым ожидают приток посетителей из поисковых систем. Затем список запросов расширяют при помощи сервисов «Яндекс.Вордстат», «Планировщик ключевых слов Google» и т.д., которые также указывают частотность запроса. Основной тематикой данного сайта являются торты на заказ, однако необходимо учитывать географическое положение кондитерской, поэтому основой для создания семантического ядра стала фраза «торты на заказ в Томске». Самые частотные запросы вошли в состав названия сайта: «Торты на заказ в Томске – домашняя кондитерская ArtFish», а также в специальные теги, оформляющие веб-страницу, на которые обращает внимание поисковая система при анализе сайта. В ключевые слова для страниц вошли n-граммы: *«торты на заказ в Томске, заказать торт в Томске, домашняя кондитерская, домашний торт, торт на день рождения, свадебный торт, детские тортики»* и др. Также для каждой страницы был создан индивидуальный текст с применением ключевых слов. Пример текста для главной страницы: «Здесь Вы можете заказать вкусные авторские торты для вашего праздника! Домашняя кондитерская Art-Fish предлагает большой выбор тортов на день рождения, свадьбу или любого другого события!». Пример текста для каталога: «Ознакомьтесь с каталогом тортов домашней кондитерской Art-Fish. Мы используем только натуральные и свежие ингредиенты для приготовления своей продукции».

Оценка эффективности созданного контента и примененных ключевых слов производится при помощи инструментов аналитики «Google Analytics» и «Яндекс.Метрика»³. Это сервисы, предназначенные для оценки посещаемости веб-сайтов, конверсии и анализа поведения пользователей. Исследование, для которого был создан данный сайт, ставит перед собой задачу выявить, какую роль в продуктивности сайта играет избранная для описания товара стратегия. Для этого были созданы два набора текстовых описаний тортов. В первую группу входят тексты, созданные в форме перечня, в них отсутствует обращение, описания обезличены, практически отсутствуют глаголы. Например, описание торта «Медовик»: «Нежные рассыпчатые медовые коржи, сметанный крем, декор из свежих ягод». Во второй группе описания представлены в виде текста с последовательными действиями, присутствует обращение к целевой аудитории, местоимения, усилительные слова, а также глаголы. Описание торта «Медовик» с применением этой стратегии выглядит так: *«Для истинных поклонников классики – пропитанные сметанным кремом нежные рассыпчатые медовые коржи, которые тают во рту. Добавьте к этому декор из свежих ягод, и получится любимый вкус торта «Медовик».*

Для выявления наиболее эффективной стратегии используется эксперимент: А/В-тестирование сайта. Это маркетинговый метод, позволяющий оценивать количественные показатели работы двух вариантов веб-страницы, а также сравнивать их между собой. С помощью инструментов для проведения А/В-тестирования трафик в случайном порядке разделяется между страницами А и В на две приблизительно равные части. Одним из популярных инструментов для этого являются эксперименты в «Google Analytics»⁴. В эксперименте участвуют до десяти полноценных версий одной страницы, для каждой из которых выделяется отдельный адрес. В нашем исследовании в А/В-тестировании участвует страница каталога кондитерской. Половине посетителей предъявляется каталог с первым набором текстовых описаний, другой половине – со вторым. Измеряется средняя продолжительность одного сеанса, количество посещенных страниц, количество переходов на страницу заказа, количество отказов. По окончании, на основании всех собранных данных, предлагается лучший вариант страницы, показатели которого отличились в положительную сторону в результате эксперимента.

Подводя итог, можно сказать, что веб-сайт является достойным кандидатом на звание инструмента лингвистического исследования по изучению воздействия его элементов на пользователя. Веб-сайт позволяет варьировать параметры текстов, заголовков, стиль, изучать взаимодействие изображений и текста и отслеживать реакцию аудитории на изменения, благодаря инструментам аналитики «Google Analytics» и «Яндекс.Метрика». С помощью него можно добиться большего, чем при очном эксперименте или опросе, охвата аудитории и, соответственно, большего числа респондентов. Нельзя не отметить тот факт, что посетители сайта находятся в естественных условиях, что снижает вероятность искажения данных.

¹ Ашманов И.С., Иванов А.А. Продвижение сайта в поисковых системах. – М.: «Вильямс», 2011. – 464 с.

² Калашникова А.А. Лингвистический подход к поисковой оптимизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 7. – С. 183-185.

³ Иванов И. И. SEO: Поисковая Оптимизация от А до Я [Электронный ресурс] – URL: <http://www.sbur.com/seo-a-z.php> (дата обращения 12.10.2015)

⁴ Google Analytics [Электронный ресурс] – URL: <https://analytics.google.com> (дата обращения 20.11.2016)

Ершова Е.Ю., ТГУ, аспирант

Ershova E.Yu., TSU, postgraduate student

Влияние грамматической категории рода на концептуализацию объектов русско-испанскими билингвами

The influence of the grammatical category of gender on the conceptualization of objects by Russian-Spanish bilinguals

Статья посвящена исследованию влияния грамматической категории рода в русском и испанском языках на концептуализацию объектов носителями языка. Мы провели эксперимент на оценку сходства двух изображений мужчины и женщины и предметов, имена которых относились к разному грамматическому роду, и сравнили ответы русско-испанских билингвов и носителей русского языка. Результаты эксперимента свидетельствуют о влиянии категории рода на концептуализацию объектов.

This paper examines the grammatical category of gender in Russian and Spanish languages and its influence on the conceptualization of objects by the speakers of these languages. We conducted the experiment with a similarity-rating picture task and compared the answers of Russian-Spanish bilinguals and native Russian speakers. The results of the experiment confirm the influence of grammatical gender on the conceptualization of objects.

Ключевые слова: грамматический род, лингвистическая относительность, концептуализация, билингвизм

Key words: grammatical gender, linguistic relativity, conceptualization, bilingualism

Научный руководитель: Резанова Зоя Ивановна, д-р филол. наук, профессор

Настоящее исследование базируется на идеях гипотезы лингвистической относительности, согласно которой язык влияет на когнитивные процессы его носителей и формирует их картину мира. Исследования лингвистической относительности отличаются большим разнообразием в своих направлениях и методах, однако особенно активно в последние десятилетия применяются психолингвистические методы, позволяющие экспериментально проверить по-

ложения гипотезы. Большая часть трудов в рамках данной теории посвящена изучению лексических категорий языка, поэтому исследование грамматических категорий приобретает сейчас особую важность.

Предметом настоящего исследования является грамматическая категория рода (ГКР). ГКР представляет собой согласовательный класс, обладающий всеми чертами грамматической категории: обязательностью, оппозиитивностью частных значений, формальной маркированностью. Из рассматриваемых в данном исследовании языков ГКР есть в русском и испанском; в английском же род – это функционально-семантическая категория. В русском и испанском языках ГКР существительных является классифицирующей; в обоих языках наличествуют средства ее формального маркирования (окончания, в испанском также артикли). Существенным отличием системы грамматического рода в испанском языке от системы рода в русском является ее двучленность: в испанском языке два класса рода (мужской и женский), в русском три (мужской, женский и средний).

В русском и испанском языках, также как и в большинстве других языков с грамматическим родом, есть только небольшое количество существительных, грамматический род которых соотносится с биологическим полом их референтов. Остальные же существительные наделяются родом на основании своих формальных признаков (фонологических и/или морфологических) и, таким образом, грамматический род у них семантически произволен¹. Однако, категоризация по роду может иметь семантические эффекты даже при отсутствии денотативных оснований. Значительное количество исследований в рамках теории лингвистической относительности направлено на изучение того, как грамматический род существительных, обозначающих неодушевленные объекты, влияет на ментальные репрезентации этих объектов в сознании носителей языка. Наше исследование тоже нацелено на выявление роли грамматического рода в процессе концептуализации объектов.

Выдвигается **гипотеза**, что различия в грамматической категоризации имен существительных в русском и испанском языках окажут влияние на восприятие объектов носителями данных языков и билингвами.

Для проверки данной гипотезы мы провели эксперимент, представляющий собой частичную репликацию эксперимента Л. Бородицки и У. Филиппса². В эксперименте данных исследователей участвовали испано-английские, немецко-английские и испано-немецкие билингвы. В качестве стимулов использовались существительные, имеющие противоположный род в немецком и испанском языках.

Мы применили метод, использованный Л. Бородицки и У. Филиппсом: участникам эксперимента нужно было оценивать сходство двух изображений (одно из которых – изображение мужчины или женщины, другое – изображение предмета или животного) по шкале от 1 до 7, где 1 – совсем не похожи и 7 – очень похожи. В качестве стимулов использовались четыре изображения людей

и 14 изображений объектов. Существительные, обозначающие объекты, были подобраны так, чтобы у них был противоположный род в русском и испанском языках: семь были мужского рода в русском и женского в испанском языках (напр. стул – *la silla*) и семь женского рода в русском и мужского в испанском (напр. книга – *el libro*).

Из представленной выше общей гипотезы были выдвинуты две частные:

1. Носители русского языка оценят конгруэнтные пары изображений (напр., женщина – книга) как более похожие, чем неконгруэнтные (напр., мужчина – книга). Под конгруэнтными понимаются те пары, у которых совпадает грамматический род существительного, обозначающего объект, и пол человека, с изображением которого этот объект участникам нужно сравнивать (мужской род – мужской пол, женский род – женский пол). Соответственно, неконгруэнтные – это пары с несовпадением рода и пола.

2. Влияние испанского языка на русско-испанских билингвов отразится в разнице их оценок с оценками носителей русского языка, не владеющих испанским.

В качестве испытуемых были привлечены две группы: 1) носители русского языка (25 участников, студенты и выпускники томских вузов) и 2) русско-испанские функциональные билингвы (32 участника, студенты и выпускники факультетов иностранных языков томских вузов).

Дизайн эксперимента. Для проверки первой гипотезы использовался дизайн 2х2, где независимыми переменными послужили грамматический род существительных, обозначающих объекты: мужской vs. женский, и пол людей на изображениях: мужской vs. женский. Взаимодействие этих двух переменных в эксперименте выражалось в конгруэнтности/неконгруэнтности рода и пола. В качестве зависимой переменной выступало определение испытуемыми степени сходства двух изображений, измеряемое по шкале от 1 до 7. Для проверки второй гипотезы использовался дизайн 2х2х2, где в качестве дополнительной независимой переменной выступила группа участников (носители русского языка vs. русско-испанские билингвы).

Процедура эксперимента. Участники проходили эксперимент дистанционно и индивидуально на своих личных компьютерах. Эксперимент проводился с помощью Google-форм. Под каждой парой изображений была представлена шкала с семью делениями, одно из которых участник должен был отметить. Для всех участников был задан случайный порядок представления вопросов. Инструкция к эксперименту давалась на родном языке участников.

Результаты и обсуждение. Факторный дисперсионный анализ (factorial ANOVA) показал наличие значимой разницы между оценками конгруэнтных и неконгруэнтных пар у носителей русского языка ($F(1,22) = 9,5636$, $p = ,00532$) (рис. 1).

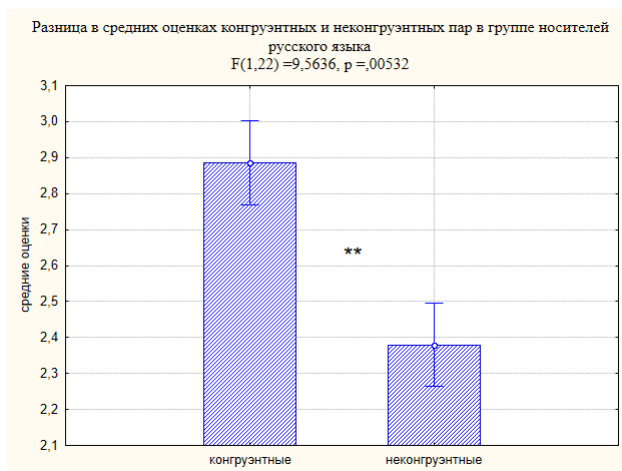

Рис. 1. Разница в средних оценках конгруэнтных и неконгруэнтных пар в группе носителей русского языка

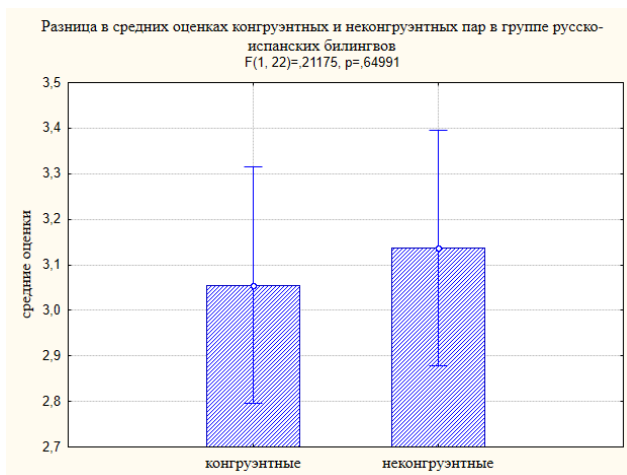

Рис. 2. Разница в средних оценках конгруэнтных и неконгруэнтных пар в группе русско-испанских билингвов

При анализе ответов русско-испанских билингвов, как и при анализе ответов носителей русского языка, мы считаем конгруэнтными те пары, которые являются таковыми в русском языке. Факторный дисперсионный анализ не показал значимой разницы между оценками конгруэнтных и неконгруэнтных пар у русско-испанских билингвов ($F(1,22) = ,21175, p = ,64991$) (рис. 2).

Также с помощью факторного дисперсионного анализа мы проверили, есть ли разница между средними оценками носителей русского языка и русско-испанских билингвов. Анализ показал наличие статистически значимой разницы ($F(1,44)=14,806$, $p=,00038$) (рис. 3).

Рис. 3. Разница в средних оценках русско-испанских билингвов и носителей русского языка

Таким образом, наша гипотеза о влиянии грамматического рода на концептуализацию объектов подтверждается на группе носителей русского языка, не владеющих другими языками с системами грамматического рода. Отсутствие статистически значимой разницы между оценками конгруэнтных и неконгруэнтных пар у русско-испанских билингвов может быть проинтерпретировано по-разному: возможно, эта разница была нивелирована противоположными тенденциями грамматических систем рода в русском и испанском языках (тем фактом, что использованные в эксперименте конгруэнтные для русского языка пары являлись неконгруэнтными для испанского и наоборот). В таком случае, отсутствие значимой разницы подтверждает влияние испанского языка. То, что испанский язык оказывал влияние, подтверждается также при сравнении ответов двух групп участников. Для более точного определения форм и границ влияния второго языка необходимо проведение следующей серии экспериментов.

¹ Bassetti B., Nicoladis E. Research on grammatical gender and thought in early and emergent bilinguals. –International Journal of Bilingualism, 2016. – p. 115.

² Phillips W., Boroditsky L. Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts //Proceedings of the 25th annual meeting of the Cognitive Science Society. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – p. 928-933.

Отамбекова Х.Н., ТГУ, студент

Otambekova Kh. N., TSU, student

Влияние родного языка на категоризацию цвета у носителей русского и шугнанского языков

The influence of native language on color categorization among speakers of Russian and Shughni languages

В работе исследуются шугнано-русские билингвы, поскольку в отличие от русского, в котором есть два разных слова «голубой» и «синий», в шугнанском для обозначения синего и голубого используется лишь одно слово – nili. Исследование проводилось с помощью серии экспериментов, в которых испытуемым предлагалось называть цвета из выкраски Манселла – набора из 330 цветных фишек, за каждой из которых закреплена клетка того же цвета в классификационной сетке.

The paper investigates Shughni-Russian bilinguals due to the differences in color labeling: Shughni has only one name for blue and light-blue («nili») colors while Russian has two («siniy» and «goluboy»). The study was carried out using a series of experiments in which the subjects were asked to name the colors from the Munsell color chart – a set of 330 colored chips, each having a corresponding cell on the classification grid.

Ключевые слова: язык и мышление, категоризация цветов, шугнано-русские билингвы, русские молилингвы

Key words: language and thought, color categorization, Shughni-Russian bilinguals, Russian monolinguals

Научный руководитель: Царегородцева Оксана Викторовна, канд. филол. наук

Наше исследование посвящено изучению влияния языка на цветовую категоризацию. Изучение данного явления связано с решением проблемы взаимосвязи языка и мышления, которая является одной из самых сложных и актуальных не только в области общего языкознания, но и логики, психологии, философии и других наук. В силу своей сложности и значимости вопрос о взаимосвязи языка и мышления привлекал интерес исследователей в разные времена и продолжает привлекать в наше время. Исследователи имеют разные взгляды на данную проблему. Одни отождествляют язык и мышление, вторые считают, что между этими явлениями нет взаимосвязанности, третьи же уверены в том, что язык и мышление взаимосвязаны.

Одна из наиболее интересных дискуссий между сторонниками вышеупомянутых взглядов на проблему взаимосвязи языка и мышления развернулась в области цветообозначения, эта проблема представляет наибольший интерес для данной работы.

Исследование различий в категоризации цветов – подход, основанный на сравнении неязыкового поведения носителей языков, используемый при выяв-

лении связи между языком и мышлением, является еще одним значимым аспектом актуальности данной работы, так как благодаря решению невербальных задач легко может быть показана разница в цветовосприятии.

Целью настоящей работы является выявление и изучение влияния языка на цветовую категоризацию на материале серии экспериментов, проведенных с русскими монолингвами и шугнанскими билингвами. В качестве объекта исследования выступают синяя, голубая и зеленая цветовые категории в двух лингвокультурах: русской и шугнанской. Предметом анализа является влияние родного языка на категоризацию синей, голубой и зеленой цветовых категорий у носителей русского и шугнанского языков. Стимульным материалом для работы послужили 128 цветных фишек из так называемой выкраски Манселла – известного в психологии стандартного набора из 330 цветных фишек, за каждой из которых закреплена клетка того же цвета в классификационной сетке.

Исследование состоит из трех психолингвистических экспериментов, проведенных с помощью метода анкетирования. Анкеты были составлены с использованием Google Формы. Эксперименты проводились на двух языках: шугнанском и русском, т.е. русскоговорящим они предлагались на русском языке, носителям шугнанского языка – на шугнанском. Перед началом каждого эксперимента участникам предлагалось заполнить анкету с персональными и языковыми данными.

Эксперимент 1. В первом эксперименте участвовало 29 носителей русского языка и 32 носителя шугнанского языка, в возрасте от 18 до 43. Задачей респондентов было из 128 цветных фишек давать цвету каждой фишки наименование.

Результаты. В ходе первого эксперимента на русском языке всего было получено 3712 ответов. Из них самыми частотными оказались зеленый(975), голубой(718), синий(512), бирюзовый(280), изумрудный(150), салатový(132), цвет морской волны(114) и болотный(82). В результате эксперимента на шугнанском языке всего было получено 4096 ответов. Самыми частотными оказались *nili* ‘синий’(1443), *savz* ‘зеленый’(1413) и *osmon rang* ‘небесный цвет’(72).

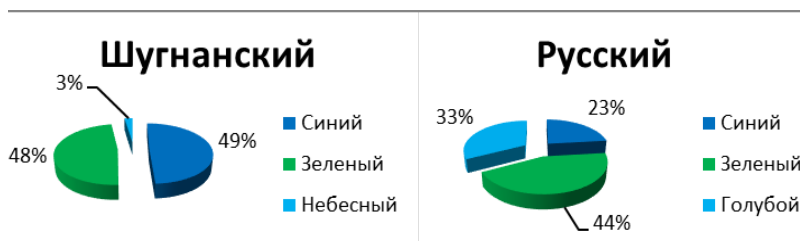

Рис.1

Рис.2

Следовательно, вышеперечисленные данные показывают, что категория голубого цвета в шугнанском языке действительно отсутствует. А также по диаграмме (рис.2) видно, что зеленый цвет в русском языке используется на 4%

меньше, что говорит о наличии других наименований для оттенков данного цвета. В данном случае это будут болотный, салатовый и изумрудный цвета.

Стоит отметить наличие бирюзового и цвета морской волны, которые тоже довольно часто встречаются среди ответов респондентов и входят в область с голубым и синим цветом. Распределение цветов на диаграмме показывает, что область с голубым и синим в русском на 4 % больше, чем область с синим и небесным в шугнанском.

Эксперимент 2 и 3. Стимульным материалом для следующих экспериментов стали самые частотные наименования, отобранные по результатам первого эксперимента. Так как 2 и 3 эксперимента проводились одновременно, в обоих приняли участие 50 носителей русского языка и 50 носителей шугнанского языка, в возрасте от 18 до 42. Во втором эксперименте задачей участников было для каждого наименования выбрать фишки, которые наиболее точно будут соответствовать данным наименованиям. В третьем необходимо было выбрать все те клетки, цвет которых испытуемый посчитает соответствующим тому, который просит написать экспериментатор (например, все клетки с голубым цветом).

Результаты. Результаты второго и третьего экспериментов показали, что наименование небесный в шугнанском языке почти соответствует русскому наименованию голубой. Однако в шугнанском языке этим названием именуется более узкий спектр оттенков. Также можно заметить, что в данном языке область небесного цвета входит в область синего цвета, т.е. шугнанцы используют два наименования, чтобы называть цвета из области небесного. Более того, в шугнанском остается некатегоризированной половина области голубого цвета. Важно отметить, что отличается категоризация зеленого цвета. В русском языке существует область, имеющая отдельное наименование – салатовый, который также отсутствует в шугнанском языке. Помимо этого, в русском существует область с такими наименованиями как бирюзовый, изумрудный, болотный и цвет морской волны, которых также нет в языке шугнанцев.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что границы категоризации областей с синим, голубым и зеленым цветами оказались разными в шугнанском и в русском языке. Т.е. отсутствие наименований цветов повлияло на то, как участники распределяют цвета по категориям.

¹ Deshpande S. D. Color Categorization in Bilingual Populations: Korean-English Bilinguals // Creative Commons AttributionNonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License, – 18pp.

² Хомский Н. А. Язык и мышление: учеб пособие /А.Н. Хомский. – Москва, 1972. – 125 с..

³ Бородитски Л. В. Как язык формирует мышление / Л. Бородитски // В мире науки. – 2011. – №5. – С. 15-18.

Машанло Т.Е., ТГУ, аспирант

Mashanlo T.E., TSU, postgraduate student

Основные показатели движений глаз в процессе чтения у русско-китайских и китайско-русских искусственных билингвов: дизайн экспериментального исследования

Key eye movement measures in Russian-Chinese and Chinese-Russian bilingual reading

Основные характеристики движений глаз хорошо описаны для процесса чтения на родном языке, однако исследований, направленных на изучение русско-китайского и китайско-русского билингвального чтения, на настоящий момент нет. В статье представлен дизайн эксперимента, направленного на выявление зависимости показателей чтения от: а) уровня навыка чтения билингвов; б) уровня сложности текстов.

There is a wealth of research devoted to measuring the eye movements during L1 reading, however, little to no attention was paid to Russian-Chinese and Chinese-Russian bilingual reading. The present article offers an experimental design aimed at determining the correlation between: a) reading performance and participants' reading proficiency; b) reading performance and lexical complexity of the stimuli.

Ключевые слова: искусственный билингвизм, чтение, окулография, русский язык, китайский язык

Key words: artificial bilingualism, reading, eye-tracking, Russian, Chinese

Научный руководитель: Резанова Зоя Ивановна, д-р филол. наук, профессор

Исследования процесса чтения уже долгое время представляют значительный интерес для лингвистов. Использование современных методов слежения за движениями глаз, таких как видеоокулография и пупиллометрия, позволяет по-новому взглянуть на столь привычное для всех действие.

В настоящее время особенности чтения являются наиболее изученными на материале английского языка, а также ряда других европейских языков. Долгое время внимание исследователей было направлено на системы алфавитной записи, основанные на латинском алфавите, – для них на сегодняшний день основные характеристики процесса чтения изучены достаточно хорошо. Так, установлено, что для алфавитных систем записи средняя продолжительность фиксации, рассчитываемая как общая продолжительность чтения, делённая на общее количество фиксаций, находится в пределах от 200 до 300 мс в зависимости от содержания текста, а также возраста читателя¹. Другой важной характеристикой является начальная и конечная позиция саккады, то есть крайние точки саккады. В алфавитных системах записи с направлением письма слева направо конечное положение саккады приходится на промежуток между началом и серединой слова, в системах письма справа налево наблюдается зеркальная ситуация. Конечная позиция также зависит от длины слова: в случае, если расстояние от начальной точки саккады до целевого слова составляет 8–10 символов, то ко-

начная позиция саккады смещается влево; если расстояние составляет 3–4 символа, то конечная позиция смещается вправо². Средняя длина прогрессивных саккад при чтении составляет 8–9 знаков. Частота регрессивных саккад также не зависит от языка и составляет 10–15% от общего количества саккад. Наконец, не все слова при чтении фиксируются в фовеальном зрении: значимые слова фиксируются в 83% случаев, а вспомогательные – в 38%³. Необходимо также упомянуть так называемый диапазон зрительного восприятия (*perceptual/vision span*). Под диапазоном восприятия понимается участок текста, из которого читатель извлекает информацию в процессе чтения. Установлено, что для языков, использующих алфавитную систему записи он составляет примерно 20 знаков: 3–4 знака слева от точки фиксации, 14–15 знаков справа от точки фиксации.

Первые исследования процесса чтения иероглифической письменности датируются 20-ми годами XX-го века. В тот период преимущественным направлением письма для китайского языка ещё было письмо сверху вниз. Исследование, проведённое Майлзом и Шенем, показало, что носители языка демонстрировали лучшие показатели при вертикальном чтении, нежели при горизонтальном⁴. В скором времени интерес к исследованию китайской письменности угас. Только спустя пятьдесят лет научное сообщество снова обратилось к изучению иероглифической системы письменности. Возрождение интереса к китайской письменности обусловлено тем, что она в своём основании имеет ряд существенных отличий от алфавитных систем записи. Первая особенность заключается в разных способах кодирования фонологической информации в двух системах. Алфавитные системы записи непосредственно кодируют информацию о произношении слова. Эта непосредственность, способная проявляться в большей или меньшей степени, также известна как орфографическая глубина (*orthographic depth*). Так, языки с высокой степенью соответствия между буквами и фонемами, которые они отражают, называются языками с поверхностной орфографией (*shallow orthography*). К таким языкам относятся, например, испанский, белорусский, финский. Языки с невысокой степенью соответствия между буквами и фонемами, называются языками с глубокой орфографией, например, английский с высокой степенью орфографической нерегулярности. На этом фоне китайская письменность характеризуется ещё меньшей орфографической прозрачностью – на первый план в китайском иероглифе выходит семантический компонент.

Второй особенностью является сложная структура китайского иероглифа. Китайские иероглифы состоят из так называемых «ключей» – компонентов, несущих в себе семантическую или фонетическую информацию. Около 80% всех китайских иероглифов представляют собой сложные фонетические иероглифы, то есть содержат в своём составе как семантический, так и фонетический компонент. Но только 26% из сложных фонетических иероглифов произносятся так же, как и фонетический компонент, входящий в их состав⁵. Ключи в свою очередь распадаются на черты – наименьшие единицы китайского письма, не пе-

редающие какую-либо семантическую или фонетическую информацию. Не все черты имеют одинаковую значимость в процессе чтения: центральные черты играют меньшую роль в процессе идентификации иероглифа, чем правосторонние черты; самыми главными же оказываются «открывающие» черты в левой части иероглифа⁶.

Третья особенность заключается в отсутствии пробелов между иероглифами при записи. Китайские иероглифы, независимо от количества содержащихся в них черт, имеют равную ширину на письме. Так, иероглиф «一» уī, «один», состоящий из одной черты, занимает столько же места, сколько и иероглиф «藏» cáng, «прятаться», содержащий в себе 17 черт. В силу такой «моноширинности» в китайском языке отсутствуют пробелы, обеспечивающие программирование саккад в алфавитных системах записи. И действительно, если в алфавитных системах записи конечная позиция саккады приходится, как правило, на начало-середину слова, то в иероглифической системе записи конечные положения саккад распределяются по предложению равномерно.

Несмотря на столь значительные различия в системах письменности, основные показатели процесса чтения для языков с иероглифической системой записи и алфавитной системой записи в целом сходны. Так, в исследовании Ф. Суня установлено, что средний темп чтения на китайском языке составляет 580 иероглифов в минуту, что в пересчёте на слова даёт темп, сопоставимый с темпом при чтении на английском языке (386 и 382 слова в минуту соответственно)⁷. Не отличается и частота регрессивных саккад: носители китайского языка возвращаются назад в текст всё в тех же 15% случаев. Средняя продолжительность фиксаций также не находит существенных различий в двух системах записи: в среднем читатель тратит 230-265 мс на одно китайское слово⁸.

Тем не менее, между сравниваемыми системами существуют и различия, обусловленные большей плотностью китайского текста. Так, диапазон восприятия у носителей китайского языка оказывается уже двадцатизнакового диапазона у носителей английского языка. В среднем носитель китайского языка воспринимает один иероглиф слева от точки фиксации и до 3-4 иероглифов справа от точки фиксации. Короче оказывается и средняя длина саккад: в среднем при чтении на китайском носителе передвигается вперёд по тексту на 2,6 знака⁹.

В рамках данного исследования мы поставили перед собой задачу описать базовые характеристики русско-китайского и китайско-русского билингвального чтения. Представляется, что данная языковая пара обладает рядом отличительных особенностей, влияющих на специфику процесса чтения у билингвов. Во-первых, данные языки используют различные системы письменности – алфавитную и иероглифическую. Исследования подобного рода проводились на примере англо-китайского и китайско-английского билингвизма, однако стоит принимать во внимание то, что носители китайского языка постигают иероглифическую грамотность при помощи фонетического алфавита, основанного на латинском алфавите, – Пиньине, что может оказать влияние на способности

чтения на иностранном языке, использующем данную систему записи. Обращение к русскому языку и кириллической письменности позволят снять влияние фактора раннего знакомства с латиницей. Во-вторых, необходимо отметить типологические различия между двумя языками. Как известно, китайский язык – это язык изолирующего типа, в то время как русский язык характеризуется высоким уровнем флективности.

Основываясь на работах зарубежных исследователей, изучающих особенности билингвального чтения на примере других языковых пар, мы планируем эксперименты, нацеленные на определение основных показателей движений глаз в процессе чтения у русско-китайских и китайско-русских искусственных билингвов.

Первый эксперимент в рамках исследования китайско-русского и русско-китайского билингвального чтения рассчитан на сбор базовых характеристик процесса чтения у билингвов. В качестве участников привлекаются искусственные (учебные) билингвы – русскоязычные студенты факультета иностранных языков ТГУ, а также носители китайского языка, студенты филологического факультета ТГУ.

Эксперимент проходит в два этапа: на первом этапе участникам необходимо заполнить две анкеты. Первая анкета представляет собой укороченную версию анкеты билингва LEAP-Q¹⁰, нацеленной на сбор информации о билингве. Вторая анкета рассчитана на получение данных об уровне навыка чтения билингва на иностранном языке. Структурно она состоит из четырёх блоков заданий на чтение уровней A2-C1. Задания для блоков были выбраны из тестовых образцов HSK («Тест на определение уровня китайского языка») и ТРКИ («Тест по русскому языку как иностранному») соответствующих уровней.

На втором этапе участникам предстоит прочитать по 24 текста на русском и китайском языках. Для записи движений глаз используется система видеоконтрографии SMI RED500. Тексты отобраны из тестовых образцов HSK и ТРКИ уровней B1 и B2. В начале эксперимента участнику предлагается прочитать инструкцию к заданию, после чего следует один тренировочный текст для усвоения процедуры эксперимента. В каждом блоке содержится по 3 текста. Перед началом каждого блока проводится процедура калибровки айтрекера. После успешной калибровки перед участником появляется экран с фиксационным крестом. Текст на экране появляется только после того, как испытуемый зафиксировал взгляд на кресте в течение 700 мс. После прочтения текста испытуемому необходимо ответить на два вопроса по содержанию текста.

Такое построение экспериментальной сессии направлено на проверку следующих гипотез, касающихся характеристик движений глаз в процессе билингвального чтения.

А) Испытуемые с более высоким уровнем владения навыком чтения будут иметь показатели чтения, близкие к показателям носителей языка. Такой результат будет свидетельствовать о том, что со временем искусственные билингвы способны адаптироваться к чтению текстов иной системы письменности.

Б) Испытуемые с более высоким уровнем владения навыком чтения покажут одинаковые результаты при чтении текстов разных уровней сложности без снижения показателей для более сложных текстов. Данный результат будет свидетельствовать о том, что более высокие показатели чтения, то есть показатели, близкие к показателям носителей языка, обусловлены не только богатым лексическим запасом высокоуровневых билингвов, но также применением ими стратегий чтения, свойственных для носителей языка.

¹ Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research //Psychological bulletin. – 1998. – Т. 124. – №. 3. – С. 376.

² Там же. – С. 386.

³ Carpenter P. A., Just M. A. What your eyes do while your mind is reading //Eye movements in reading: Perceptual and language processes. – 1983. – С. 279.

⁴ Miles W. R., Shen E. Photographic recording of eye movements in the reading of Chinese in vertical and horizontal axes: Method and preliminary results //Journal of experimental psychology. – 1925. – Т. 8. – №. 5. – С. 344.

⁵ Chen M. J. et al. Effects of semantic radical consistency and combinability on Chinese character processing. //Handbook of East Asian Psycholinguistics: Vol. 1 (Chinese). – 2006. – С. 175.

⁶ Yan G. et al. Using stroke removal to investigate Chinese character identification during reading: Evidence from eye movements //Reading and Writing. – 2012. – Т. 25. – №. 5. – С. 973.

⁷ Sun F., Feng D. Eye movements in reading Chinese and English text //Reading Chinese script: A cognitive analysis. – 1999. – С. 189-206.

⁸ Chen H. C. et al. Developmental characteristics of eye movements in reading Chinese //Reading development in Chinese children. – 2003. – С. 157-169.

⁹ Tsai J. L. et al. The perceptual span in reading Chinese passages: A moving window study of eye movement contingent display //annual meeting of the Chinese Psychology Association, Taipei, Taiwan. – 2000. – p. 214.

¹⁰ Marian V., Blumenfeld H. K., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals //Journal of Speech, Language, and Hearing Research. – 2007. – Т. 50. – №. 4. – С. 940-967.

Костарева С.В., ТГУ, студент

Kostareva S.W., TSU, student

Исследование лингвистической концептуальной метафоры «свет – хорошо», «тьма – плохо» на материале эмоционально-окрашенных прилагательных русского языка

Linguistic conceptual metaphor «LIGHT IS GOOD», «DARK IS BAD»: the case of emotionally colored adjectives in the Russian language

Исследование проводилось с целью выявить влияние лингвистической концептуальной метафоры «свет – хорошо», «тьма – плохо» на восприятие прилагательных. Для этого был проведён эксперимент с помощью программы E-Prime 2.0 и проведена статистическая обработка полученных данных.

The research was conducted in order to test the effect of the linguistic conceptual metaphor «LIGHT IS GOOD», «DARK IS BAD» on the perception of adjectives. We

report an experiment, created using the E-Prime 2.0, and a statistical analysis of the obtained data.

Ключевые слова: экспериментальная лингвистика, когнитивная психология, концептуальная метафора

Научный руководитель: Шиляев Константин Сергеевич, канд.филол.наук

1. Теоретическая база

В нашем исследовании метафоры «свет – хорошо», «тьма – плохо» мы опирались на постулаты теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Вслед за ними мы понимаем метафору как обыденную понятийную систему, в пределах которой мы мыслим и действуем.

В рамках созданной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном классификации метафор, мы относим метафору «свет – хорошо», «тьма – плохо» к онтологическому типу метафор, так как она настолько глубоко пронизывает мышление носителя языка, что воспринимается как прямое описание явлений мира и используется для осмысления повседневного человеческого опыта.

Подтверждение существования рассматриваемой нами метафоры мы находим в ряде манифестаций, обнаруженных в разных дискурсах. Например, в народно-поэтическом дискурсе слово «свет» используется в качестве ласкового, приветливого обращения к кому-либо¹ (*свет мой, зеркальце!*). Также слово «свет» актуализируется в определённых контекстах как символ добра, нравственности, порядочности (*при свете совести*). Слово «тьма» концептуализирует такие понятия, как, например, «неясность» (*чужая душа – потемки*), «рискованность» (*играть в темную*), «смерть» (*и душа отлетает во тьму – Б. Ш. Окуджава*)

2. Исследовательский вопрос

Целью данной работы является проверка наличия влияния метафоры «свет – хорошо», «тьма – плохо» на восприятие эмоционально-окрашенных и нейтральных языковых стимулов. В случае обнаружения влияния, необходимо определить его специфику: как именно влияет цвет (белый, чёрный), в котором представлены стимулы, на их восприятие – препятствует или способствует?

3. Гипотеза

Мы полагаем, что цвет (белый, чёрный) шрифта влияет на восприятие прилагательных, а именно: белый цвет ускоряет восприятие и обработку прилагательных с положительной эмоциональной окраской, а чёрный цвет – замедляет. Соответственно, для негативных прилагательных имеет место противоположная ситуация: чёрный цвет ускоряет восприятие и обработку прилагательного, а белый цвет – замедляет.

Для подтверждения данной гипотезы был проведён эксперимент, созданный в программе E-Prime 2.0.

Процедура эксперимента: на сером фоне показывался стимул (эмоционально-окрашенное или нейтральное прилагательное, например, добрый, ужасный,

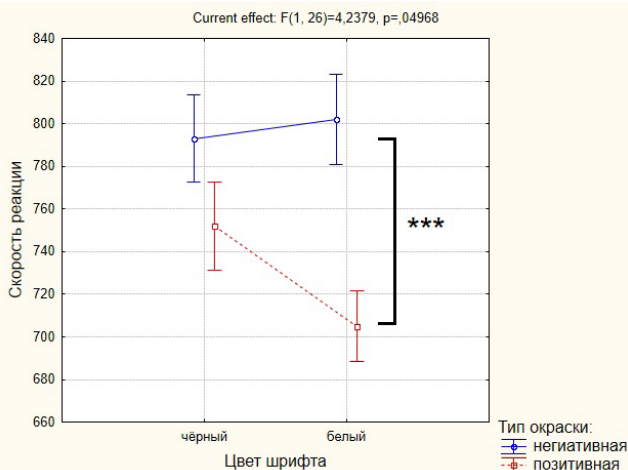
оконый) либо в белом, либо в чёрном цвете. Задача участника – оценить прилагательное с помощью наречий «хорошо» (нажатие кнопки 1) или «плохо» (нажатие кнопки 2).

Мы отслеживали изменения скорости реакции участников на цвет стимулов (белый, чёрный), а также правильность ответа (для прилагательного с положительной окраской правильным ответом считалось нажатие кнопки 1 «хорошо», для прилагательного с негативной окраской – кнопки 2 «плохо»).

4. Результаты

Обработка полученных данных была произведена с применением статистического анализа в программах Statistica и SPSS Statistics. Дисперсионный анализ выявил интеракцию между «характером» прилагательного и цветом его шрифта ($p = 0,04698$). Восприятие прилагательных, написанных белым шрифтом, происходит быстрее при наличии положительной окраски. Следовательно, метафора «свет – хорошо» работает на ускорение обработки прилагательных. Восприятие прилагательных, написанных белым шрифтом, происходит медленнее при наличии негативной окраски, что вызвано несовпадением семантики лексемы и семантики цвета. Данный факт подтверждает воздействие лингвистической концептуальной метафоры «свет – хорошо», «тьма – плохо» на восприятие эмоционально окрашенных прилагательных.

Также на графике мы видим, что восприятие и обработка прилагательных с положительной окраской происходит быстрее, когда стимул представлен в белом цвете и медленнее, когда он представлен в чёрном. Однако статистически значимой разницы выявить не удалось. Мы планируем произвести корректировку процедуры эксперимента, которая позволит получить более чёткие данные.

5. Перспективы исследования

В дальнейшем планируется провести ещё 4 эксперимента, которые позволят глубже изучить природу восприятия человеком концептуальной метафоры «свет – хорошо», «тьма – плохо».

Ведётся разработка эксперимента, который нацелен на определение природы обработки метафоры: является ли она автоматической или осознанной. Для этого мы планируем изменить задачу участников эксперимента. Им нужно будет определить цвет шрифта, то есть нажать кнопку 1, если прилагательное с положительной или негативной окраской написано белым шрифтом, или же 2, если чёрным.

Гипотеза данного эксперимента заключается в том, что если концептуальная метафора «свет – хорошо», «тьма – плохо» является автоматической, то при анализе скорости реакции участников будет выявлена статистически значимая разница между временем реакции на прилагательное с положительной окраской в белом цвете и временем реакции на прилагательное с положительной окраской в чёрном цвете; аналогично ожидается разница во времени реакции на прилагательное с негативной окраской в белом цвете и прилагательное с негативной окраской в чёрном цвете.

¹ Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – Москва: Русские словари, 1999. – С. 247. – 431 с.

Берлан В.А., ТГУ, студент

Berlan V.A., TSU, student

Может ли лексика эмоций управлять нашим вниманием? Экспериментальное исследование

Can emotional words direct our attention? Experimental study

Данная работа посвящена исследованию влияния лексики эмоций на смещение визуально-пространственного внимания по вертикальной оси. Выявлено, что семантическая обработка лексики эмоций смещает внимание вверх или вниз, но данный эффект отложен по времени. Причем для активации эффекта достаточно простого прочтения слова.

The research studies the influence that emotional words have on the vertical shift of attention. We have revealed that semantic processing of emotional words shifts attention upwards or downwards but the effect happens some time later after reading. Moreover, for activating the effect participants need just to read the word.

Ключевые слова: воплощенное сознание, смещение внимания, лексика эмоций

Key words: embodiment, shifts of attention, emotional words

Научный руководитель: Царегородцева Оксана Викторовна, канд. филол. наук

Согласно теории воплощенного познания, для успешного взаимодействия с окружающей средой разум человека должен быть связан с сенсорными и моторными функциями организма¹. Одним из проявлений воплощенного познания является смещение визуально-пространственного внимания по вертикальной оси, вызванное лингвистическими стимулами. Данный эффект был выявлен как на материале конкретной лексики^{2,3}, так и на материале абстрактной⁴⁻⁶, к которой относится и эмотивная лексика. Однако одновременное рассмотрение эмоциональной лексики, вызывающей эмоции, и лексики эмоций, называемой эмоциями, неверно, т.к. эти две группы слов обрабатываются мышлением по-разному⁷. Кроме того, результаты экспериментальных исследований предоставляют противоречивые результаты о том, как эмотивная лексика влияет на скорость реакции⁷.

На сегодняшний день опубликованных экспериментальных работ по смещению визуально-пространственного внимания по вертикальной оси, вызванное лексикой эмоций, на материале русского языка нет. В этой связи результаты по изучению смещения визуально-пространственного внимания по вертикальной оси являются актуальными.

Мы предполагаем, что слова с положительной и отрицательной семантикой смещают визуально-пространственное внимание вверх и вниз соответственно. Данное явление основано на теории концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона⁸. В нашем случае человек ассоциирует положительные эмоции с верхней частью пространства, поскольку испытывая их, человек распрямляет плечи, тянется вверх, и его внимание устремлено вверх. Отрицательные эмоции, напротив, ассоциируются с нижней частью пространства, так как, испытывая отрицательные эмоции, человек сутулится, опускает голову, смотрит себе под ноги, и его внимание устремлено вниз.

Наша гипотеза заключается в следующем: участник будет реагировать быстрее, если он прочитал слово с положительной семантикой и увидел символ в верхней части экрана, или если он прочитал слово с отрицательной семантикой и увидел символ в нижней части экрана. Соответственно, если семантика слова и расположение символа не совпадают (положительная семантика – символ внизу или отрицательная семантика – символ сверху), реакция должна быть дольше.

Участники. В нашем эксперименте участвовало 58 человек (из них 13 мужчин). Средний возраст участников эксперимента составил 20 лет ($SD=3.35$).

Материал. В качестве целевых стимулов использовалось 31 наиболее частотное прилагательное, называющее эмоции (15 единиц – положительные, 16 – отрицательные).

Процедура. Эксперимент был разработан в программе «E-prime 2.0». Процедура эксперимента представлена ниже (рис. 1):

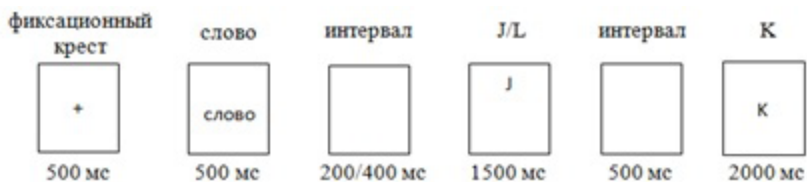

Рис. 1. Процедура эксперимента.

Третий кадр представлял собой пустой экран, продолжительность которого составляла 200 или 400 мс. Экспериментально было выявлено, что смещение визуально-пространственного внимания происходит в промежутке от 200 до 400 мс^{3,9}. Использование разной продолжительности кадра (далее – *soa* (*stimulus onset asynchrony*)) позволило определить период времени, когда исследуемый эффект проявляется максимально. Реакция участника требовалась на четвертом кадре. В верхней или нижней части экрана демонстрировалась буква J или L. Задача участника состояла в том, чтобы нажать соответствующую букву на клавиатуре (J/L).

Дизайн. В данном эксперименте было 4 условия (2×2): семантика слова (положительные или отрицательные эмоции обозначает слово) × расположение символа (верхняя или нижняя часть экрана). Зависимой переменной является скорость реакции.

Результаты. Из полученных данных были убраны стимулы-филлеры (23 слова), неправильные ответы участников (6,47%). Отдельно анализировались скорость реакции участников на стимулы, полученная при процедуре с *soa*, равным 400 мс, и отдельно – с *soa*, равным 200 мс. Ответы со временем реакции, которые были больше или меньше величины, рассчитанной по формуле $M \pm 2 \cdot D$, также были удалены из последующего анализа данных (4,8% при *soa*=200, 4,6% при *soa*=400).

Дисперсионный анализ данных с повторными измерениями (rANOVA) (рис. 2а) показал, что наша гипотеза частично верна: лексика эмоций вызывает смещение визуально-пространственного внимания, интеракция между семантикой слова и пространственным положением символа есть, причем для активации данного эффекта достаточно простого прочтения слова. Однако эффект проявляется только при *soa* равным 400 мс ($F=3.993$, $p=0.05$). То есть человеку нужно время, чтобы обработать слово на поверхностном уровне.

Анализ по словам (рис. 2б) показал, что даже при интервале 400 мс уровень значимости не достигается, но достаточно близок к необходимой границе ($F=2.096$, $p=0.16$). Причина такого результата может заключаться в специфике выбранных стимулов. Возможно, одни прилагательные вызывают более сильные эмоции, чем другие. Перспективой исследования является проведение эксперимента, в котором в качестве стимулов будут использоваться только наиболее сильные прилагательные.

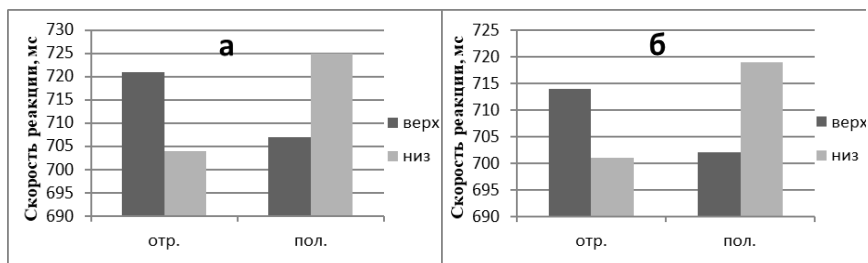

Рис. 2. Анализ по участникам (а), по словам (б) при *soa* равном 400 мс.

¹ Уилсон М. Шесть взглядов на воплощенное познание // Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова, М. В. Фаликман. – М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012. – С. 19-28.

² Sheikh N.A. The embodiment of emotional words in a second language: An eye-movement study/ N.A.Sheikh, D. Titone // Cognition and Emotion. – 2015. – P. 1-13.

³ Dudschig C. From top to bottom: spatial shifts of attention caused by linguistic stimuli / C. Dudschig, M. Lachmair, I. de la Vega, M. De Filippis, B. Kaup. // Cogn. Process. – 2012. – № 13. – P. S151-S154.

⁴ Mighty Metaphors: Behavioral and ERP evidence that power shifts attention on a vertical dimension / K. Zanolie [et al.] // Brain and Cognition. – 2011. – P. 1-9.

⁵ Dudschig C. Embodiment and second language: Automatic activation of motor responses during processing spatially associated L2 words and emotion L2 words in a vertical Stroop paradigm/ C. Dudschig, Irmgard de la Vega, B. Kaup // Brain & Language. – 2014. – № 132. – P. 14-21.

⁶ Lakens, D. Polarity Correspondence in Metaphor Congruency Effects: Structural Overlap Predicts Categorization Times for Bipolar Concepts Presented in Vertical Space // Journal of Experiental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 2011. – P. 1-11.

⁷ Altarriba J. Foundations of Bilingual Memory/ R. R. Heredia, J. Altarriba. – Springer Science & Business Media, – 2013. – Emotion, memory and bilingualism. – P.185-203.

⁸ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, – 2004. – С. 25-94.

⁹ Khalid S. The Simon effect of spatial words in eye movements: Comparison of vertical and horizontal effects and of eye and finger responses / S. Khalid, Ul. Ansorge // Vision Research. – 2013. – № 86. – P. 6-14.

Аюшеева Т.А., НГУ, студент

Ayusheeva T.A., NSU, student

Динамика мозговой активности и поведенческие реакции у коренных жителей Якутии во время распознавания эмоционально окрашенной лексики

Dynamics of brain activity and behavioral reactions in native inhabitants of Yakutia during the recognition of emotionally related sentences

В данной работе представлены результаты исследования мозговых и поведенческих реакций у двуязычных испытуемых из Якутии во время распознавания эмо-

ционально окрашенных предложений. Были обнаружены различия при восприятии предложений, относящихся к самому испытуемому или к другим, неизвестным ему людям, а также при распознавании предложений на родном и иностранном языках.

We have studied brain and behavioral reactions in bilingual inhabitants of Yakutia during the recognition of emotionally related sentences. We found out the difference in recognition of sentences related to the participant and to the other people. In addition, there was the difference in recognition of native and non-native languages.

Ключевые слова: ЭЭГ, мозговая активность, эмоционально окрашенные предложения, родной и неродной языки

Key words: EEG, brain activity, emotionally related sentences, *native and non-native languages*

Научный руководитель: Савостьянов Александр Николаевич, д-р филос. наук, канд. биол. наук, доцент

Целью данной работы является изучение взаимосвязи личностных особенностей двуязычных жителей Республики Саха (Якутия) с их поведенческими и мозговыми реакциями во время распознавания эмоционально окрашенных предложений на разных языках. Основной эксперимент проводился на русском и якутском языках, дополнительно обследование проводилось на иностранном (английском) языке. Актуальность исследования определяется тем, что нейрональные основы распознавания речи у коренных жителей Сибири являются на данный момент практически неизученными. Кроме того, результаты данного исследования могут применяться для диагностирования склонности к развитию аффективных расстройств.

Согласно ранним исследованиям¹², распознавание письменной речи происходит в несколько стадий, которые отражаются в разных диапазонах осцилляторной активности мозга. Особенно интересным представляется исследование различия реакций испытуемых на нейтральную и эмоционально окрашенную речь. В нашем эксперименте использовались предложения из опросника Ч. Д. Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) на определение уровня личностной тревожности испытуемого. Помимо этого, нами были использованы материалы из опросника Басса-Перри (Buss-Perry Aggression Questionnaire, BPAQ-24), который позволяет определить склонность испытуемого к агрессии.

Всего в исследовании приняло участие 50 двуязычных коренных жителей г. Якутска (средний возраст $20 \pm 0,2$ года, 25 девушек, 20 юношей). Лингвистическое задание заключалось в нахождении ошибки в предложении. Нами было выбрано 200 предложений для эксперимента на русском языке, столько же для эксперимента на якутском языке, и 120 предложений для эксперимента на английском языке. Задание для русского и якутского языков содержало 40% предложений из опросника Ч.Д. Спилбергера, 40% из опросника Басса-Перри, и 20% были нейтральными. Кроме того, половина предложений, взятых из опросни-

ков, относились к самому испытуемому, а другая половина относилась к неизвестным испытуемому людям. В эксперименте на английском языке предложения не несли никакой специфической эмоциональной окраски.

Во время эксперимента у всех испытуемых регистрировались поведенческие данные и записывалась ЭЭГ. Регистрация ЭЭГ производилась при помощи 64 канального усилителя фирмы Brain Products, Германия. Методика связанных с событиями спектральных пертурбаций (ERSP) использовалась для анализа полученных ЭЭГ данных. Кроме участия в ЭЭГ эксперименте испытуемые заполняли комплект психологических опросников на определение различных личностных черт. Показатели личностных черт учитывались при анализе поведенческих и мозговых реакций испытуемых. Для статистического анализа использовался однофакторный и многофакторный ANOVA. Кроме того, для определения влияния некоторых факторов на формирование полученных зависимостей, нами был применен анализ условных процессов³ для выявления не-прямых взаимосвязей между исследованными показателями.

При анализе ЭЭГ данных нами были выявлены компоненты реакций в диапазонах альфа-, тета- и бета- ритмов. Десинхронизация в бета-диапазоне отражала степень когнитивной нагрузки испытуемых, десинхронизация в альфа-диапазоне отражала степень внимания испытуемых к задаче. Также была зафиксирована синхронизация в тета-диапазоне, которая была связана с эмоциональной нагрузкой участников эксперимента во время выполнения задания, и регистрировалась при чтении оценочных суждений, в то время как практически отсутствовала у нейтральных предложений. При сопоставлении результатов для якутского и русского языков с английским были выявлены различия в амплитудах альфа- и бета- компонентов ЭЭГ-реакций в зависимости от языка задания.

При анализе поведенческих данных было выявлено замедление реакции при переходе от решения задачи, отнесенной к самим обследуемым, к предложениям, описывающим других, иными словами, им требовалось больше времени для распознавания предложений, которые описывали тревожность или агрессивность других людей. Однако в предложениях, которые относились к описанию самого участника, ошибки распознавались с лучшим качеством. Кроме того, были выявлены взаимосвязи между особенностями реакций на агрессивную лексику в различных группах испытуемых и показателями их экстраверсии, определяемой при помощи опросника Г. Айзенка, и также показателями их эмоционального интеллекта.

¹ Friederici, A. D. Event-related brain potential studies in language. // *Current Neurology and Neuroscience Reports*. 2004. – Vol. 4(6). – P. 466-470.

² Hagoort P. Interplay between syntax and semantics during sentence comprehension: ERP effects of combining syntactic and semantic violations // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2006. – Vol. 15. – P. 883-899.

³ Preacher, K. J., Rucker, D. D., & Hayes, A. F. (2007). Assessing moderated mediation hypotheses: Theory, methods, and prescriptions. // *Multivariate Behavioral Research*. 2007. – Vol 42. – P. 185-227.

Набиуллина А.С., ТГУ, аспирант

Nabiullina A.S., TSU, postgraduate student

Измерение лексического компонента языковой способности (методика формирования тестовой батареи)

Measuring Lexical Component of the Language Faculty: Developing a Test Battery

Измерение языковой способности (ЯС) является объектом междисциплинарных исследований. Зарубежные лингвисты и психологи предлагают широкий спектр тестов, направленных на измерение лексического компонента ЯС. В основе отбора слов в нашем исследовании лежит методика, разработанная авторами Словарных Шкал Милл Хилл. В докладе характеризуется данная методика и направления ее адаптации на материале русского языка.

Researching the language faculty calls for interdisciplinary approaches. Although international linguists and psychologists put forward a wide variety of tests measuring vocabulary, which is one of the components of the language faculty, they are difficult to standardize for the Russian language. The method offered by the authors relies on the Mill Hill Vocabulary Scale. The paper describes the original methodology and stages of adaptation and standardization of the scale for the Russian language.

Ключевые слова: языковая способность, приобретенный словарный запас, словарные шкалы

Key words: language faculty, acquired vocabulary, vocabulary scales

Научный руководитель: Резанова Зоя Ивановна, д-р. филол. наук, профессор

Языковая способность является объектом междисциплинарных исследований, их актуальность в отечественной и зарубежной лингвистике обуславливается несомненной прикладной социально значимой направленностью.

Лексический компонент языковой способности определяется как приобретенный словарный запас носителя языка, от которого и зависит общий уровень языковой способности человека.

Одним из инструментов измерения лексического компонента языковой способности являются словарные шкалы, которые просты в использовании, поддаются модификации с учетом постоянного развития языка и применимы к различным возрастным группам. Несмотря на то, что зарубежные лингвисты и психологи предлагают широкий спектр тестов, направленных на измерение лексического компонента языковой способности, их перевод на другой язык зачастую невозможен вследствие разницы в частотности и функциональных особенностей переводных эквивалентов¹.

В основе отбора слов в нашем исследовании лежит методика, разработанная авторами Словарных Шкал Милл Хилл, Дж.К. Равеном, Дж.К. Куртом, Дж. Равеном, используемых для измерения языковой способности носителей английского языка.

Оригинальная шкала представляет собой группу, состоящую из шести слов примерно равной длины и одинаковой степени сложности – синонима, трех случайных слов равной сложности и двух слов, имевших высокую вероятность выбора при использовании стратегии случайного угадывания (дистракторов). Слова располагались в виде двух колонок по три слова в каждой, расположенных ниже стимульного слова. Блоки слов характеризуются различной степенью частотности, функционально-стилевой принадлежности. В соответствии с данной исследовательской парадигмой предполагается, что отдельные личности и социальные группы могут быть охарактеризованы по данной выборке в аспекте величины словарного запаса.

Отбор слов в оригинальной методике проводился с использованием «Краткого Оксфордского словаря английского языка» и Тезауруса Роже, из которых были отобраны 500 и 150 слов соответственно. Из Оксфордского Словаря отбирались слова, расположенные через равные друг от друга интервалы. В Тезаурусе Роже были определены номера страниц с фиксированным межстраничным интервалом. Выбор слов осуществляли эксперты. Отбирались слова, которые, по мнению экспертов, «должен знать любой интеллигентный взрослый человек независимо от его профессии», но которые могут вызвать затруднения при их определении.

Из общего списка в 650 слов для экспериментальной шкалы были отобраны 112, каждое из которых имело синонимы того же порядка сложности. Слова, не прошедшие отбор, использовались в качестве дистракторов. Экспериментальные серии предъявлялись в формате открытых вопросов и закрытых вопросов группам взрослых и детей с самым широким диапазоном вербальных способностей. Для каждого стимульного слова сохранялись ответы, которые впоследствии были упорядочены по степени их близости со стимульным словом.

Слова, характерные для разговорной речи, или слова широко распространенные, но плохо понимаемые, были исключены из Шкалы. Дистракторы, которые выбирались наиболее редко и наиболее часто, исключались из шкалы, так как первые не имели смысла, а вторые «затмевали» синоним.

Подробно процесс разработки теста описан в Руководстве к прогрессивным матрицам Равена².

В нашем исследовании за основу были взяты «Малый академический словарь» под редакцией А.П. Евгеньевой³ и «Частотный словарь русского языка» под редакций О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова⁴. Методом случайной выборки из каждого источника было отобрано по 500 слов.

В четырех томах Малого академического словаря содержится 83590 словарных статей, которые были поделены на количество слов, предложенных авторами. Из словаря выписывалось каждое 167 слово, так как интервал составил 167,18. По результатам работы было составлено два словника, один из которых содержит список слов, второй – словарные статьи с ударением и примерами использования.

Параллельно осуществлялась выборка на основе *Частотного словаря* современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского язы-

ка). Для выборки использовался частотный указатель лемм. Общее количество (20004) было поделено на 500 слов, в результате выписывалось каждое 48-е слово.

Из готового словника были исключены слова, не принадлежащие к знаменательным частям речи. В словнике содержатся только прилагательные, глаголы, существительные и наречия.

Сформированный список был отправлен на экспертную оценку. Экспертами выступили аспиранты кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета ТГУ, сотрудники и руководитель Лаборатории когнитивных исследований языка ТГУ. На первом этапе сторонние лица к экспертной оценке не привлекались. В ходе экспертной оценки из словника были исключены:

- эмоционально-оценочная лексика: березка, бабуля и т.д.;
- слова-термины: боеголовка, бормашина и т.д.;
- разговорная лексика: косинка (косоглазие) и т.д..

Оставшиеся слова были проверены на наличие синонимов. Для этого использовались Словарь синонимов русского языка под редакцией З.Е. Александровой⁵, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под редакцией Ю.А. Апресяна⁶ и Словарь синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой⁷. На данном этапе из словника были исключены все слова, не имеющие синонимов в указанных словарях, например, автобиография, простенок, противогаз.

Оставшиеся слова были соотнесены с результатами экспертной проверки. Слова, принадлежащие к одной из названных категорий, были исключены из словника.

Конечный вариант словника насчитывает 154 слова, для каждого из которого определена частотность. Слова-стимулы, упорядоченные по убыванию, дополнены синонимами, упорядоченными по частотности. Синонимы маркированы стилистически в соответствии с пометами в толковых словарях и словарях синонимов (разговорный, устарелый).

На основе частотности слова были сгруппированы в 2 сета по 39 слов и 2 сета по 38 слов таким образом, чтобы средняя частотность в сетях располагалась примерно в одном диапазоне (24,3; 24,4; 24,6; 25,1).

Параллельно с определением объективной частотности осуществлялось формирование пула дистракторов. Исходя из принципа, предложенного авторами, респондентам предлагалось написать синоним к предложенным словам. Ответы для каждого стимула сохранялись и упорядочивались по степени близости к стимульному слову.

Набор дистракторов осуществлялся с помощью гугл-форм. При заполнении формы респонденты указывали возраст, пол, род деятельности, образование, направление и является ли русский язык родным.

На данный момент общее количество респондентов – 42. Средний возраст респондентов – 23 года. В гендерном соотношении преобладают женщины (61,9%). Основная часть респондентов имеют высшее образование (47,6%).

Численно преобладают представители гуманитарного направления (50%). Для 100% респондентов русский язык является родным.

Анализ данных показал, что иногда употребляются синонимы, не указанные в используемых в рамках исследования словарях, например, прочный – алмазный, ударостойкий; настройка – юстировка; интернациональный – глобальный; пурпурный – амарантовый, маджента, и др.

Некоторые слова ошибочно трактуются, например, подробный – схожий; поучение – угроза; каньон – долина, или используются в переносном значении: залить – сбросить в сеть (Интернет), подключаться – законнективаться.

Некоторые респонденты используют части речи, несоответствующие стилистическому слову, но ассоциативно связанные с ним: превосходить – выше; фиолетовый – цвет. Вероятно, это вызвано ошибочной интерпретацией поставленной задачи.

Следующим этапом стало формирование сетов для предъявления. К каждому стимульному слову предлагается по 6 слов, среди которых один синоним и 5 дистракторов из числа слов, не вошедших в основной словарь и неправильных вариантов, предложенных респондентами. Дистракторы отбирались в соответствии с частью речи стимульного слова, совершенностью и несовершенностью вида у глаголов, звучанием.

Таким образом, на данном этапе сформированы сетовые материалы, готовые для первичной апробации, результаты которой позволят выявить ограничения слов-стимулов или несоответствия синонимов и дистракторов. Полученные данные будут использованы для модификации тестовых батарей для последующего их использования в процессах тестирования лексического компонента языковой способности носителей русского языка и билингвов, для которых русский язык является вторым.

¹ Ekstrom R.B., French J.W., et al. Manual for Kit of Factor-Referenced Cognitive Tests / R.B. Ekstrom, J.W. French, et al. – Princeton, New Jersey : Educational Testing Service, 1976.

² Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к прогрессивным матрицам Равена. [Электронный ресурс] // 10-й кабинет – Сайт о клинической психологии. URL: http://10-cabinet.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=58 (дата обращения: 24.10.2016).

³ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

⁴ Ляшевская О. Н., Шаров С. А.. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. Электронная версия издания: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (Дата обращения: 11.11.2016).

⁵ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с. – (Библиотека словарей рус. яз.).

⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Вып. 3 /Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, О. Ю. Богуславская [и др.]; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2003. – С. LXIV, 557.

⁷ Словарь синонимов русского языка: [Справочное пособие] /Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [Сост. Л. П. Алекторова и др.]; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Астрель: АСТ, 2002. 648, – С. 22.

Степаненко А.А., ТГУ, аспирант

Stepanenko A.A., TSU, postgraduate student

Экспрессивные единицы как маркеры гендерной принадлежности авторов текстов компьютерной коммуникации

Expressive means as gender markers of text attribution in social network communication

Проблема поиска языковых маркеров различий авторства текстов решается в междисциплинарном поле лингвистики и информатики. Выбор экспрессивных единиц в качестве маркеров гендерных различий авторов текстов базируется на выводах, полученных в гендерной лингвистике на основе применения лингвистической методологии. В статье представлены результаты формально-количественного анализа использования экспрессивных лексических единиц в текстах компьютерной коммуникации.

The problem of searching for language markers of differences in the authorship of texts is solved in the interdisciplinary field of linguistics and informatics. The choice of expressive units as markers of gender differences of the authors of texts is based on the findings obtained in gender linguistics on the basis of the application of linguistic methodology. The article presents the results of a formal quantitative analysis of the use of expressive lexical units in texts of computer communication.

Ключевые слова: компьютерная коммуникация, статистика, атрибуция текста, гендер, гендерные маркеры

Научный руководитель: Резанова Зоя Ивановна, д-р филол. наук, профессор

В последние годы растет интерес к проблеме определения гендерной принадлежности авторов текстов компьютерной коммуникации, которая решается на основе использования методов формально-количественного анализа речевых произведений, к числу которых относится частотный анализ последовательности лексических единиц в тексте (n-грамм). Такие (указанные) атрибуты относятся к асемантическим элементам и не всегда показывают устойчивую классификацию текстов. Следовательно, в современной компьютерной лингвистике необходимо актуализировать процесс поиска более информативных и достоверных текстовых маркеров, позволяющих оптимизировать классификацию текста на базе статистического анализа языковых единиц. Данная проблема может решаться на основе использования методов различных дисциплин (статистика, информатика, криминалистическая экспертиза) и нуждается в более детальной лингвистической верификации¹. Подобного мнения придерживается Л.В. Кузниченко, который предполагает, что анализ языковых единиц позволит более качественно интерпретировать количественные данные².

В данной работе рассматривается решение задачи определения гендерной принадлежности авторов текстов на материале диалогов компьютерной коммуникации. При решении этой задачи мы выявляем экспрессивные лексические

единицы, которые охарактеризованы в гендерной лингвистике как элементы, использование которых противопоставляет мужскую и женскую речь, и строим на их основе классификатор, позволяющий выявлять статистически обоснованную значимость языковых маркеров.

Вопрос о границах экспрессивной лексики является дискуссионным в современной лингвистике. Вслед за Н. А. Лукьяновой, в своем исследовании мы используем термин «экспрессивность» для обозначения свойства лексем, характеризующих лицо, действие с качественной или количественной стороны, но в аспекте такого количества, которое переходит в качество³, к экспрессивным мы относим единицы, в семантике которых «совмещается денотативный компонент (номинативный базис) и коннотативные компоненты – экспрессивность, эмоциональность и оценочность».

В выборе экспрессивных маркеров гендерных различий авторов текстов мы основываемся на работах А.В. Кирилиной, Е.И. Горошко, Т.Б. Крючковой, которые полагают, что существуют различия в использовании экспрессивных лексических единиц в мужской и женской речи⁴⁵⁶. По итогам проведенных исследований авторы приходят к выводу, что мужчины склонны использовать слова с отрицательной оценкой и стилистически сниженную лексику, а женщины более экспрессивны в коммуникации⁷. По мнению Е. А. Земской и Н. Н. Розановой, наиболее значимые отличия в коммуникации мужчин и женщин проявляются на лексическом уровне. Авторы утверждают, что женщины чаще употребляют диминутивные лексические единицы и оценочную лексику со значением положительной и отрицательной оценки. Мужская коммуникация отличается огрублением речи, употреблением стилистически нейтральной оценочной лексики⁸.

При определении гендерной принадлежности текстов мы рассматриваем в качестве маркеров следующие группы экспрессивных единиц:

1) лексемы со значением положительной и отрицательной оценки, в том числе как стилистически сниженные экспрессивные лексические единицы, так и высокую лексику, например, *классно, круто, кошмар, мощный* и т.д.;

2) лексемы, обозначающие субъективную оценку, выражаемую с использованием деривационных диминутивных суффиксов -очка, -енька, -ик, -ок, -к, -усеньк, -юсеньк, -енок, -еныш, -ушка, -ищ, -ин, -ущ, -ющ и т.д., например, *погодка, тетрадка, телефончик, пяточек, шапочка, ягодка* и т.д.;

3) единицы, содержащие графическое маркирование выражения эмоционального отношения – повторение графем, например, *этоооо, хааааа, фууу, ужааас, ураа* и т.д.

Данные группы единиц были введены в систему автоматизированного подсчета. На основе моделирования частотной матрицы нами были составлены тезаурусы, объединенные по указанным выше признака, регистрируемым категориям (Рис. 1).

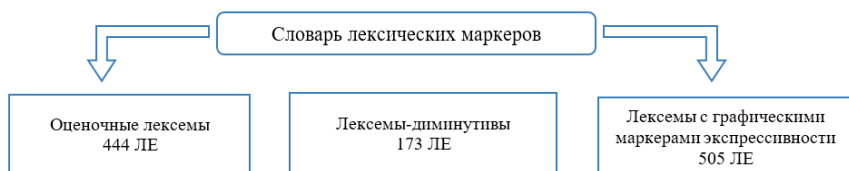

Рисунок 1. Группы лексических маркеров

Выбор подобных переменных обосновываем особенностью различий коммуникации мужчин и женщин^{9,10}.

В рамках данной статьи мы рассмотрим результаты статистического анализа представленных групп лингвистических маркеров гендерных различий в компьютерной коммуникации.

Итогом работы в соответствии с данным алгоритмом явилась частотная матрица относительных величин использования лексических единиц мужчинами и женщинами, которые сгруппировали в экспрессивном словаре, состоящем из отдельных корпусов.

Вес переменной (Р) определялся зависимостью абсолютной частоты слов текста (m) с общим объемом (n) каждого словаря (корпуса). Формально представляем формулу веса атрибута в тексте:

$$P = \frac{m}{n}$$

На основании сравнения полученных весовых категорий лексических единиц, нами был сделан вывод, что женщины (11,09) чаще используют экспрессивные лексические единицы, чем мужчины (9,21).

Результаты анализа представлены в диаграмме (рис. 2), где отображается частота использования лексических единиц каждого словаря.

Частотный анализ использования в речи единиц названных групп показывает, что женщины более эмоциональны в компьютерной коммуникации, однако оценочная лексика более характерна для мужчин.

Следующий этап нашего исследования – поиск статистически значимых различий в использовании экспрессивных единиц. С целью подтверждения гипотезы мы провели дополнительный статистический анализ полученных данных. Во-первых, установили, что распределение является экспоненциальным и, как следствие, во-вторых, выбрали наиболее подходящий критерий проверки гипотезы – Вальда-Вольфовица, который используется для оценки различий между двумя независимыми выборками (мужчины и женщины) по уровню какого-либо признака (словари), измеряемого количественно. Вычисленный критерий составил $p=0,0368$ для словаря лексических единиц, содержащих графическое маркирование выражения эмоционального отношения – повторение графем. Так как вычисленное значение критерия меньше установленного – 0,05, нулевая гипотеза (H_0) отвергается на выбранном уровне значимости, и различия между выборками признаются статистически значимыми.

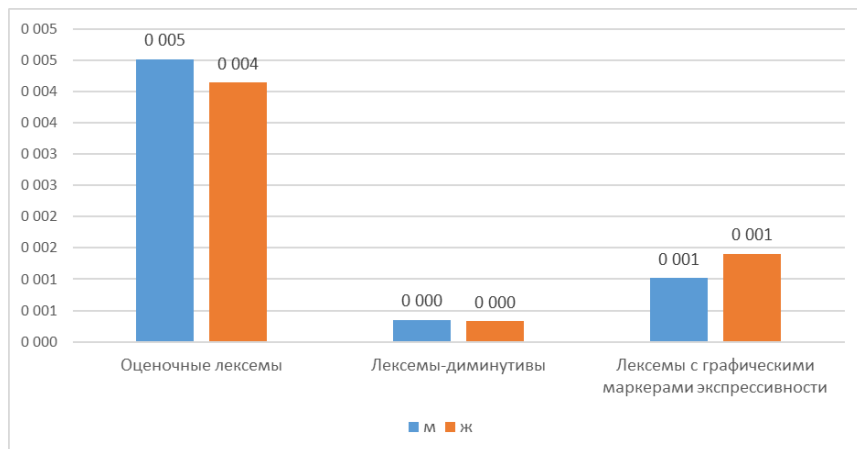

Рисунок 2. Соотношение использования групп экспрессивных лексических единиц в мужской и женской речи

Однако данный критерий не выявил каких-либо статистически значимых различий по остальным словарям. Таким образом, вывод о существовании различий, сделанный с помощью критерия Вальда-Вольфовица, подтверждается при помощи и данного непараметрического метода, а, значит, нами установлено, что имеются существенные различия использования мужчинами и женщинами эмфатических средств выражения эмоций в компьютерной коммуникации.

Следовательно, основываясь на выявленных различиях в словаре лексем с графическими маркерами экспрессивности, мы можем построить классификатор для автоматической атрибуции гендера в текстах компьютерной коммуникации.

В качестве классификатора нами был выбран линейный дискриминантный анализ, (LDA)¹¹. F-мера (точность) тестовой выборки составила 85,71%. Это говорит о том, что эмфатические средства выражения эмоций могут использоваться при автоматической классификации текстов по гендерному признаку. Для увеличения точности классификации необходимо провести дополнительный анализ других экспрессивных лексических единиц в данных текстах.

¹ Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 6 (26). – С. 38–52

² Кузниченко Л.В. Проблемы теории и практики судебно-автороведческой классификационной экспертизы // Вестник криминалистики. – М.: Спарк, 2005, Вып. 3 (15). – С. 45–49

³ Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики: монография. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – С. 43.

⁴ Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – С. 86.

- ⁵ Горошко Е.И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – С. 124.
- ⁶ Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики / под ред. Ю.А. Сорокина и А.М. Шахнаровича. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1975. – С. 187.
- ⁷ Кирилина А, Томская М. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 08.04.2017)
- ⁸ Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи // Русский язык и его функционирование / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова / [под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева]. – М., 1993. – С. 97.
- ⁹ Бабенко Л.Г. «Словарь русских прилагательных, распределенных по тематическим группам.-М. Проспект, 2015. – С. 12.
- ¹⁰ Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.
- ¹¹ Venables, W.N., Ripley, B.D. Modern Applied Statistics with S, 2002. – С. 331.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Балонкина О.В., ТУСУР, старший преподаватель

Balonkina O.V., TUSUR, senior teacher

Функционирование фразеологических единиц с компонентом земля в разных типах дискурсов

Functioning of phraseological units with the component earth in different types of discourse

Исследуются фразеологизмы русского языка с компонентом земля, репрезентирующим различные образы, в разных типах дискурсов (художественном, публицистическом, учебно-научном). Материалом исследования явился национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). В статье анализируется реализация данной группы ФЕ в разных типах дискурсов: описываются условия функционирования, рассматривается количественный показатель, обосновываются полученные результаты.

Phraseological units with the component earth representing various images are investigated in different types of discourse (fictional, journalistic, educational-scientific). Materials are provided by national corpus of Russian language (ruscorpora.ru). In the article functioning of these idioms in different types of discourse is analyzed: functioning conditions are described, numeric data are concerned, acquired results are justified.

Ключевые слова: фразеологизмы, земля, дискурс, корпус

Key words: idioms, earth, discourse, corpus

Научный руководитель: Гынгазова Людмила Георгиевна, канд. филол. наук, доцент

Актуальность лингвокультурологических исследований определяет внимание ученых к фразеологическим единицам (ФЕ) языка, которые составляют его наиболее культуроёмкий пласт. Фразеологизмы, содержащие компонент земля (как название одной из первостихий, первоэлементов бытия), представляют особенный интерес для изучения, так как заключают в своей внутренней форме отсыл к наиболее древним, архаическим культурным слоям в силу способности ФЕ «выступать в роли функционирующих в лингвокультурном сообществе «констант культуры»¹.

Лингвокультурологический анализ ставит перед собой цель изучения способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа и выражать его в процессах живого употребления ФЕ. Таким образом, необходимым представляется исследовать характер их функционирования в различных типах дискурсов. Под дискурсом понимается – совокупность конкретных коммуникативных событий, фиксируемых в текстах или устной речи², которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках³ в единстве их порождения и восприятия. При таком понимании понятие дискурс коррелирует с понятием функционального стиля, обусловленного определенными целевыми установками.

В частности, основными функциями художественного стиля являются эстетическая и экспрессивная. Творческая индивидуальность автора проявляется во всем построении художественного текста, в недопустимости шаблона, в использовании эмоционально-экспрессивных средств языка, к которым относятся и ФЕ. Назначение публицистического стиля – информационно-воздействующее, что обуславливает соединение логического и образного начала. Такая синтетичность проявляется и в сосуществовании клишированных конструкций с экспрессивно-образными средствами языка, их выбор определяется авторской позицией и темой, и может включать использование фразеологизмов. Основной целью научного стиля является сообщение новых фактов о действительности и доказательство их истинности. Тексты данного стиля объективны и обезличены, они скорее исключают использование ФЕ в силу тенденции к однозначности повествования, что не согласуется с природой сущности фразеологизмов.

Цель настоящей работы – проанализировать реализацию группы ФЕ с компонентом земля, содержащих идею расстояния, в художественном, публицистическом, учебно-научном типах дискурсов: описать условия их функционирования, рассмотреть количественный показатель, представить обоснование полученных результатов. То есть эмпирически выявить востребованность и частотность употребления ФЕ с компонентом-названием стихии земля современными носителями языка и фиксированность их функционирования в различных типах дискурсов, как культурно значимое следствие таких единиц языка.

Фразеологизмы с компонентом земля отбирались приемом сплошной выборки из авторитетных словарей. Было отобрано 10 ФЕ, содержащих идею расстояния, которые затем (с учетом всех возможных вариантов и словоформ) явились ключевыми при поиске контекстных материалов в национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru). Всего в основном корпусе было найдено 907 контекстов с указанными ФЕ, а также 736 в других корпусах, всего 1643 контекста. Анализу подвергались лишь данные основного и газетного корпусов, репрезентирующие указанные типы дискурсов (**1314 контекстов**).

Название стихии земля в составе отобранных ФЕ репрезентирует различные образы:

1. Земля – как отправная точка при измерении чего-либо (роста, расстояния): чуть от земли видать, от земли не видать, сровнять с землей.
2. Земля – как одна из двух границ некоего отрезка (расстояния), второй границей которого является небо: между небом и землей, как небо от земли, витать между небом и землей.
3. Земля – как пространство, территория, имеющая границы, и которая сама подлежит измерению: мерить землю, на край земли, на краю земли.
4. Земля – как далекое (иногда мистическое, сказочное) место: В отдельный раздел попадает фразеологизм – за тридевять земель, во внутренней форме которого образ земли неразрывно связан с характеризующим его атрибутивом

тридцать и предложением за, в силу чего земля в составе данной ФЕ приобретает образ далекого (иногда мистического, сказочного) места.

Формат настоящей статьи позволяет детально рассмотреть дискурсивные реализации лишь двух из указанных выше фразеологизмов (на краю земли и от земли не видать).

Функционирование фразеологизма на краю земли – ‘очень далеко’ рассматривается на материале 100 контекстов, из которых 42 относятся к художественному дискурсу, 56 – к публицистическому и 2 – к учебно-научному. Анализ собранных материалов выявил разнообразные дискурсивные проявления фразеологизма. Безусловно, во всех обнаруженных случаях идиома сохраняет свое действительное значение ‘очень далеко’, однако в ряде контекстов были выявлены и сопутствующие данному значению смыслы:

В 13 примерах (7 – в худож., 6 – в публ.) фразеологизм на краю земли описывает местоположение какого-либо городка: на краю земли – где-то в захолустье, далеко от столицы (Москвы, С.Петербурга), от регионального центра: «Нет, городишко наш затхлый, на краю земли живём, не проникнет сюда луч сознания» [А. Н. Толстой. На рыбной ловле (1923)]; «Он и она жили на краю земли. А мечтали жить в Петербурге...» [Олег Копытов. По дороге в монастырь // «Сибирские огни», 2012];

В 4 случаях (3 – в худож., 1 – в публ.) речь идет о Петербурге, при описании места его расположения, либо строительства: «Впрочем, есть нечто общее во всех порывах авторитарной модернизации – в новой столице «на краю земли», в создании оружейных заводов...» [Александр Савинов. «Свидания в огороде и законы Петра I» // «Знание – сила», 2012]; «Строился царский город на краю земли, в болотах, у самой неметчины» [А. Н. Толстой. День Петра (1918)].

В 11 примерах (- только в публ.) на краю земли является названием (либо частью названия) литературного произведения, телепередачи, либо кинофильма, не теряя при этом своего значения некоего отдаленного места: «Сами не ожидали, что наш «Новый год на краю Земли» вызовет такой ажиотажный спрос» [ЧТО БЫЛО! ЧТО БУДЕТ? // Труд-7, 2005.12.22].

В 12 контекстах (2 – в худож., 10 – в публ.) на краю земли подразумевает нахождение в каких-либо отдаленных, практически необитаемых частях нашей планеты: на крайнем севере, в тундре, на Чукотке и т.п. «И вот теперь мы летим, чтобы воочию увидеть, как работают пермские нефтяники на краю земли – на побережье Северного Ледовитого океана» [Ольга Яковлева. От Перми до Нарьян-Мара (2003) // «Нефтяник» (Пермь), 2003.06.01].

В 11 случаях (9 – в худож., 2 – в публ.) на краю земли описывает местоположение кого-либо лишь условно, как будто, о чем свидетельствуют соответствующие речевые маркеры: словно, точно, будто, почти, кажется и проч. «И сразу даль реки приподнялась, раздвинулась, и где-то далеко-далеко, словно бы на краю земли, встала во весь рост колокольня Юрьева монастыря, ...» [Виктор Слипенчук. Зинзивер (2001)].

В 4 примерах (1- в худож., 3 – в публ.) на краю земли – подразумевает где угодно, в сопровождении таких речевых маркеров как: найти, отыскать, или наоборот спрятаться. «А мне надо будет, на краю земли отыщу ...» [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)]. «... если ты понадобишься студии, – тебя найдут на краю земли. И самолет приземлится в твоём дворе» [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994-2003)].

В 3 случаях (1 – в публ., 2 – в учебно-научн.) ФЕ на краю земли употребляется при повествовании, либо описании каких-либо мифологических, либо библейских сюжетов. «Так, древние греки считали, что спуск в Аид, страну мертвых, находится на краю земли, возле страны киммерийцев...» [Д. В. Бавильский. Чужое солнце (2012)]. «Кара близка, грозит пророк Иудее; бог поднимет дальний народ, живущий на краю земли» (гл. 3, ст. [М. Рижский. Книга пророка Исаии и её авторы // «Наука и религия», 1985]).

В 1 случае (- только в худож.) ФЕ на краю земли подразумевает – не на родине, в чужой стороне. «– На родине ты холоп, на краю земли – царь» [Александр Иличевский. Перс (2009)].

К последней группе был отнесен оставшийся 41 пример. В этих контекстах при ограниченности данных рамками формата ruscorgo.ru) не было выявлено каких-либо дополнительных смыслов помимо непосредственного значения идиомы на краю земли – ‘очень далеко’. «Тот весь день, длинный и пьяный от перелетов, от мутного движения, от одиночества моей на краю земли, от зимней стужи, обманчиво закружил меня и окрутил» [Владимир Личутин. Крылатая Серафима (1977)].

Отметим, что из 100 собранных контекстов, 58% (из них 49 – публ., 9 – худож.) материалов были созданы в 2000-ных годах, 10% (5 – худож., 4 – публ., 1 – учебно-научн.) – в 1990-х, остальные 32% (28 – худож., 3 – публ., 1 – учебно-научн.) – до 1990-х. Данные факты свидетельствуют об актуальности фразеологизма на краю земли и востребованности в употреблении носителями языка на протяжении длительного времени.

Далее рассмотрим дискурсивные реализации ФЕ от земли не видать – ‘маленького роста’. В основном корпусе найдено 14 вхождений, содержащих данную идиому, из которых 13 принадлежат к художественным текстам, 1 – к публицистическим (в газетном корпусе контекстов с такой ФЕ не найдено).

В 9 случаях (8 – в худож., 1 – в публ.) фразеологизм от земли не видать, наряду со своим словарным значением ‘маленького роста’ передает значение ‘юный, еще совсем ребенок’. «– Голубушка ты моя, глазом не научишься... Ты возьми вон лоскуток-то и шей... Смотри на Настюшку: от земли не видать, а не то что рубчики – всякий шов знает. Настя! Покажи-ка, милая, свою работу... вот, девушка, гляди. Эта подрастет – не будет чужими руками обшиваться!» [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)].

В 1 случае (- только в худож.) ФЕ от земли не видать имеет сопутствующее значение ‘мелкие духом’. «Только ты об этом никому не говори. Времена нынче

скверные. Хуже не бывало. И что за людишки – смотреть тошно: плесень, от земли не видать. А ведь тоже нос задирают, с древними равняются!» [Д. С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)].

В остальных 4 случаях (- только худож.), отмечая ограниченность данных рамками формата ruscogroga.ru, не было выявлено каких-либо дополнительных смыслов. «Какую Лене бог хозяйку послал! Пупсик, от земли не видно, а гляди, как работает! Ишь ты!» [А. П. Чехов. Леший (1890)].

В 7 из указанных контекстов идиомы приобретает характеристики одобрительной оценки, в 5 – неодобрительной, в 2 имеет нейтральную семантику. Отметим, что литературные произведения, содержащие все 14 примеров с данной ФЕ, были созданы до 1990-х гг., самое раннее произведение было создано в 1844г., дата его издания, по данным ruscogroga.ru, 1988г., т.е. спустя более ста лет, есть и другие подобные примеры.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) Общее количество собранных контекстов, также приведенные в ruscogroga.ru даты создания содержащих их материалов, позволяют говорить об актуальности фразеологизмов с компонентом земля на протяжении многих десятилетий (и даже веков) и востребованности их как у современных носителей языка, так и у представителей предыдущих эпох. 2) Разнообразие дискурсивных проявлений данных фразеологизмов, наличие изменений в их семантике и, в единичных случаях, полное переосмысление значения свидетельствуют о том, что название первостихии земля (как часть ФЕ) в пространстве современного русского языка не ‘омертвело’, но продолжает ‘жить’ в различных типах современных дискурсов, принимая в ходе своего существования новые формы, обрастая новыми сопутствующими смыслами. 3) Фразеологизмы, содержащие компонент земля, демонстрируют коннотативную разноплановость, что проявляется в наличии у них разного рода оценочности: одобрительной, неодобрительной, нейтральной. 4) Как и предполагалось, наименьшее количество контекстов (всего 2 для рассматриваемых фразеологизмов) относится к учебно-научному дискурсу и практически в равных долях к художественному (55) и публицистическому (57), что объясняется их функционально-стилевыми характеристиками. Следует подчеркнуть, что стилевые (как и семантические) особенности самих фразеологизмов также влияют на частотность их употребления в том или ином виде дискурса. Так, фразеологизмна краю земли представляется стилистически более нейтральным, что объясняет, во-первых, большее количество содержащих его контекстов (100), во-вторых, присутствие его в различных типах дискурсов: 42 – в худож., 56 – в публ.,

2 – в учебно-научн. ФЕ от земли не видать такой нейтральности не обнаруживает, что проявляется в явном преобладании контекстов художественного дискурса (13 из 14), содержащих данную ФЕ, лишь 1 пример публицистического дискурса и ни одного учебно-научного.

¹ В.Н. Телия, Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С.14.

² Стилистический энциклопедический словарь, под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2011. – С. 54.

³ А.А. Киселева, Предисловие научного редактора // Луиза Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен, Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2004. – С.10.

Богданова И.В., ТГУ, студент

Bogdanova I.V., TSU, student

Выпечка как культурно значимая составляющая сибирской пищевой традиции

Baking as a culturally significant component of the Siberian food tradition

В статье по данным идиолекта рассматривается выпечка как значимый компонент сибирской пищевой традиции, отмеченный высокой культурной ценностью в крестьянском сообществе.

In the article, data of the idiolect, considers baking as a significant component of the Siberian food tradition, marked by high cultural value in the peasant community.

Ключевые слова: языковая личность, выпечка, хлеб, пироги, блины

Key words: linguistic personality, baking, bread, pies, pancake

Научный руководитель: Гынгазова Людмила Георгиевна, канд. филол. наук, доцент

Изучение языковой личности (далее ЯЛ) – актуальная задача современной лингвистики, важнейшим аспектом которой является описание языковой картины мира рядового носителя языка. В данной работе объектом описания выступает ЯЛ В.П. Вершининой (1909-2004гг.), жительницы с. Вершинино, Томской обл., носителя традиционной народной речевой культуры. Материалом послужили данные «Полного словаря диалектной языковой личности»¹. Предметом анализа является лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) «Выпечка» – одна из самых разработанных групп семантического поля «Еда».

Выпечка является культурно значимой составляющей сибирской пищевой традиции. В состав ЛСГ «Выпечка» (39 единиц) входят лексические единицы: хлеб, пирог, булка, калач, шаурнежка, курник, блины и др. Данные лексические единицы могут быть охарактеризованы в разных аспектах с учетом их ценностного статуса: утилитарного, культурного, эстетического, сакрального. Номинации выпечки создают различные оппозиции: повседневное – праздничное, ритуальное – неритуальное и др. Виды выпечки можно условно разделить на такие подгруппы как: «Хлеб», «Пироги», «Печенье». В данной работе рассматривается только первые две подгруппы.

Одно из значимых мест в русской пищевой культуре занимает хлеб. В идиолекте ЯЛ он репрезентируется такими лексическими единицами как: бул'ка, кала'ч, бато'н, лепёшка, мука'.

Хлеб может быть обращен к разным сферам бытия: утилитарной, культурной, личной. Утилитарная сфера предполагает использование хлеба как продукта питания, удовлетворяющего потребность человека в насыщении: Ты бы муку купила, завела бы квашню, да постряпала бы, напекла бы хлеб. Я пойду по молоко, по хлеб пойду схожу, без хлеба же не будешь. Ценными характеристиками хлеба в этом аспекте становятся: мягкий (Вон какой мягкий хлеб бывает); пышный (*Ну он [хлеб] пышный*); ароматный (Шибко ароматный был [хлеб]); вкусный (Бери! Хлеб вкусенький).

Включенность хлеба в личную сферу ЯЛ выражается в формах субъективной оценки: хле'бушек, хле'бушко, хле'бец: Ну и она пошла принесла, кусочек, хлебушек принесла; Берите. Хлебушко, сахар. Берите; Ешо хлеба отрежу, мягкого? Хлеб для информанта становится предметом любования: Дорого, дак мило. Я но'нче поцеловала хлеб: ой! Как от подушка пухо'ва!

В русской культуре хлеб воспринимается как предмет, вызывающий к себе сакральное отношение. Испокон веков хлеб считался символом материального достатка и благополучия в семье: У которых семья, дак тут мяско», да хлебец, да всё. Вхождение номинаций хлеба в половицы, поговорки подтверждает его ценностную значимость в русской культуре: Без хлеба же не будешь, сёдня песню пели: «Хлеб всему голова».

В ЛСГ «Выпечка» включена подгруппа «Пироги», наполняющие ее единицы часто входят в тексты, отражающие праздничный дискурс. Пироги, по данным идиолекта, пекут на Рождество, свадьбу и другие праздники: Мама, гыт, ша'нги настряпала, целу, гыт, эту, сельницу ша'нег, всё настряпала, на Христов день-то; Пироги всяки стряпали; На свадьбу стряпата [пироги]. Пироги в русской пищевой традиции пекут разных видов и форм с использованием разнообразной начинки. В связи с этим пироги делятся на несладкие – *пиро'г, пирожо'к, пирожо'чек, ку'рник*: Буду стряпать пироги с маком, пироги с морковкой и с яйцом. Пироги настряпала всяки-разны: с капустой, с морковью; Пироги, Володя рыбу привёз мне све'жу и солёну, шшу'чину, во'куня большого, я пироги с рыбой, говорю, состряпаю; А пироги эти, наверно, с капустой, до'лгеньки; и сладкие – ша'н'га, ша'нежка, булочка, ватру'шка, варту'шечка: Буду пироги с этим... с творогом, стряпать, «ша'нежки» называются; А у меня было, состряпала пироги с калиной да ша'нежки. Пирог с калиной взял, ша'нгу взял у меня; Хоро'ши пироги, очень даже, мне погляну'лись.

Пироги часто выступают в функции угощения или дарения: А Валя поела да говорит: «Желаете? Угоститесь пирожком»; Рая приходит, мне приносит, в ведёрке. Пирож... пирожки, с черёмухой один попал, с морковью один, и с маком; Не знаю, как Сергей, дома нет ли будет сёдня, его отправить съесть пирожок. Процесс дарения пирога всегда сопровождается позитивным настро-

ением хозяйки, которое демонстрируется ласкательными наименованиями кушаний: Я тебя пирожочком...[угощу]. Поешь, мягонький он. Чаще всего ритуал угощения содержит элементы просьбы, пожелания, а иногда и повеления: Шанежку возьми хоть; Поешь – пирожок-то поешь! Вот с черёмухой поешь пирожок, с этой поешь с рыбкой, поешь!; Подъедайте пирожок-то².

При дарении и угощении для пирогов важен внешний вид, поэтому значимыми характеристиками в этом аспекте становятся свойства: румяный–зарумяный: Ну долго они там [пироги в печке] сидели. Она: «Пусть... пусть румянятся, пусть румяньки будут, тогда...» [вынем]); красивый: Поставишь в печку [ша»нги] – они румя-аны таки» испекутся, краси»вы.

Выпечка является неотъемлемой частью свадебного обряда. Особую роль на свадебном застолье играет мясной пирог ку»рник, сопровождающий отдельные этапы свадебного ритуала: дарение подарков молодожёнам, вознаграждение стряпки и др.: А он там на пирог овечку положил; Мале»нько тарелку, тут положут деньги тебе, кто сколько положит. А теперь-то продают. Ну продавали пироги, так от, например, стряпка. Стря»пат, кото»ра стря»пка, она пойдёт, это, ку»рник возьмёт, и там – ну, ешо кто-нибудь с ей: и вино подают, и пирог этот продавали.

Кроме пирогов, в свадебной трапезе участвовали бли»ны. Устойчивое выражение класть на бли»ны – ‘делать подарки молодым на следующий день после свадьбы’ закрепило их функционально-обрядовое значение: Теперь-то торты стряпают да всё, а раньше-то блины были, на блины клали. Блины также выступают в качестве подаяния при поминании умерших, становятся атрибутом языческого праздника Масленицы: Настряпала блиночки да подала бы Тоне, Клавде»е Сергевне, ещё кому-нидь милости»нки подала бы; От поставят пе»рво на стол кутью, потом блины ставят, за блинами пирог с рыбой ставят [на поминках].

Таким образом, выпечка включена в пространство сибирской культуры и занимает в ней важное место. Ценными в пищевой традиции становятся такие печёные изделия, как хлеб, пирог, блины. Это находит отражение в идиолекте рядового носителя языка сибирской крестьянки В. П. Веришиной. Особой значимостью обладает хлеб как основной продукт питания, требующий к себе сакрального отношения. Другие виды выпечки: пироги, блины – становятся обязательными атрибутами свадебного обряда, а также выполняют функцию дарения и угощения. Хлеб, пирог, блины вписаны в ряд сфер человеческого бытия и подвергаются различного рода оценке: культурной, субъективной, эстетической и др., что определяется культурными установками ЯЛ.

¹ Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006-2012. – Т.1– 4.

² Иванцова Е. В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии. – Томск, 2004. – С. 141-145.

Богданова И.В., ТГУ, студент

Bogdanova I.V., TSU, student

Праздничная и ритуальная пища в идиолекте языковой личности диалектоносителя

Festive and ritual food in the idiolect of linguistic personality dialect

В статье рассматривается праздничная и ритуальная пища, а также связанные с ней культурные явления, находящие отражение в дискурсивных практиках языковой личности диалектоносителя.

The article considers festive and ritual food and related cultural phenomena that are reflected in the discourse practices of linguistic personality dialectonics.

Ключевые слова: языковая личность, праздничная и ритуальная пища

Key words: linguistic personality, festive and ritual food

Научный руководитель: Гынгазова Людмила Георгиевна, канд.филол.наук, доцент

Продуктивным источником в лингвокультурологическом исследовании являются народные говоры, которые выступают субстратом культурных представлений русского этноса. Для изучения характерных черт русской пищевой традиции в их реальном проявлении перспективным представляется описание речевых практик языковой личности (далее ЯЛ) типичного носителя традиционной речевой культуры. Такой ЯЛ выступает В.П. Вершинина (1909-2004 гг.), коренная жительница с. Вершинино Томской обл.

Материалом данного исследования послужил «Полный словарь диалектной языковой личности»¹. Внимание в работе сосредоточено на ЛСГ «Пища праздничного стола», в которую вошли 25 лексических единиц.

Праздничная пища отличается от повседневной разнообразием, сытностью блюд и их эстетическим оформлением. Некоторые блюда, названия которых отмечены в словаре, могут быть приготовлены по случаю любого праздника, при приёме гостей, другие же строго приурочены к религиозным праздникам, а также свадьбе и похоронам.

В крестьянской среде важную роль играет религиозное начало, которое диктует запреты на употребление молочных и жирных продуктов во время христианских постов: Пос, посты же были, не ели, никогда не ели. Мясо не ели и молоко не ели; Ну я уже вза»мужем была, не ела моло»сно никогда, кода» пос; В пос не ели моло»сно.

Великий праздник Пасхи, знаменующий окончание поста, предполагает снятие пищевых запретов, поэтому пасхальный стол отличается разнообразием кушаний, в том числе и мясных: Па»ску дождутся, варят всё, жа»рют, па»рют toda», и всё там рыбу и мясо, хоть чё ешь.

В текстах диалектоносителя наблюдается синкретичность и взаимопроникновение двух традиций: христианской и языческой, проявляющих себя и в сфере «Еда». Для христианских праздников и языческих обрядов, знаменующих

смену природных циклов (проводы зимы, приход весны), характерны определенные виды выпечки: на Пасху готовят куличи, па»ску: Завернула па»сочку, Све»ты баночку у ей поставила, закрыла, и с крышечкой – и всё оставила!; Па»сочка у меня была така», стря»пана – просто из теста; на Рождество – пироги и шаньги: Мама, гыт, ша»нги настряпала, целу, гыт, эту, се»льницу ша»нег, всё настряпала, на Христов день-то; на Масленицу – блины: Ну, постным растительным маслом [мажут] да и всё. Блины ели на Ма»сленку; Ну блины пекут, на Ма»сленке блины пекут.

Блюда христианских и языческих праздников наделены определенной символикой, которая не всегда осознаётся диалектоносителем, тем не менее, традиция в их приготовлении соблюдается. Так, пасхальные куличи празднично украшают, выкладывают на них знак креста из изюма: Я па»ски делаю. Помногу, штук по семь взбиваю белышо»в-то, множе»ство набыю. Узю»мом обкладываю, конфетки, если есь каки», всё обкладу» – красиво!; масленичные блины пекутся круглой формы, которая символизирует солнце; печенье в форме птичек на день памяти сорока христианских мучеников в начале марта, совпадающий с традицией народного календаря – встречей весны, знаменует возвращение перелётных птиц: Со»роки святы» и вот скворчики прилетают, когда пташки прилетают. Мама нам тесто дас, а мы лепим. Вся»жив пта»шечков налепим, всё; практикуется печение специальных булочек для ритуального кормления домового в один из предпасхальных дней: Она [мама] каки»-то булочки стря»пат, таки» булочки стря»пат дедушке-сусе»душке.

Пищевая традиция маркирует не только религиозный аспект жизни, но и соотносится с определенными жизненными событиями, выступает важным компонентом обрядовой культуры.

Свадебный стол отличается обилием мясных блюд, празднично оформленных кушаний, которыми сразу заставляется стол: Ну всё угошшали, конечно, по-особому, не как сеча»с – всячина» стояла была наставлена на столе. И всё ставили враз, не то что там холодное или горя»че там выбирают, по»лны столы; Гусей жарили, поросят жарили, куриц жарили, котлеты, ну всё было <...> кладут поросёночка большого от матери, е»жли нет, покупают. Начиняют: каку»-нить крупу делали, масло, мяса немного, сметаны, муку, поварят его, обжа»рят и цветочки на его. И гусей так же, ну целого гуся... Рыбу начиняли, шшука-то больша».

Обязательным атрибутом свадебного стола является выпечка: печенье, пироги, блины: На свадьбу стряпала [пироги]; На свадьбу стряпали печенье тако» краси»во. В свадебном ритуале пироги и блины участвовали в обряде дарения молодоженам, а также при вознаграждении стряпки в отдельных этапах свадебного церемониала: А он там на пирог овечку положил; Теперь-то торты стряпают да всё, а раньше-то блины были, на блины клали. Главный свадебный пирог – курник было принято продавать: Делают всегда, раньше помно»го стряпали курники [на свадьбу]; *[А продавали пиро»?*] *Ну продавали пироги,*

так от, например, стряпка. Стря'пат, кото'ра стряпка, она пойдёт, это, ку'рьник возьмёт и там ну, ешо кто-нибудь с ей: и вино подают, и пирог этот продавали.

Обрядовый поминальный обед отмечен такими блюдами: кутья, блины, пирог с рыбой, кисель. Ритуальный характер похоронно-поминальной трапезы подчеркивается подачей блюд в определенной последовательности.

В речи информанта отражен факт стирания чёткого следования ритуальной традиции, что получает отрицательную оценку – поминальный стол сравнивается информантом со свадебным, когда речь идёт об обильном угощении на поминках без соблюдения ритуального порядка подачи блюд: Ой. много [готовят блюд на поминки]! Теперь как на свадьбе же [поминки]; Раньше было принято в пе'рву очередь – кисели варили. От поставят пе'рво на стол кутью, эта стоит кутья, потом блины ставят, за блинами пирог с рыбой ставят... А теперь-то, вишь, всё наставят на стол, и всё. Как свадьба, ага.

Усопшего поминают не только после погребения, но и в определенные дни «памяти» (9 дней, 40 дней, год), которые знаменуются раздачей милостынки в виде блинов, булочек и пирогов: [Настряпала] блиночки, да подала бы. Тане, Клавде'е Сергевне, ещё кому-нидь милости'нки подала бы; *А Гутя, за'втре Иван Васильичу память, она мне три блина принесла, ми'лостинку.*

Вторник на пасхальной неделе в русской культуре называют радунца (ра'довница) или родительский день, когда поминают умерших, красят яйца, пекут блины и ходят на кладбище: В родительский день яйца красят, на кладбище ходят. То блины постряпаю.

Анализ материала показывает, что элементы сибирской пищевой традиции проявляют себя в речевой практике отдельного представителя крестьянской культуры, что говорит о сохранности традиции в целом. Некоторые отступления, присутствующие в речи ЯЛ, свидетельствуют об изменении пищевой традиции и её развитии. В частности, это проявляется в менее жёстком соблюдении ритуальных правил, в стирании грани между блюдами повседневного и праздничного стола, сближении особенностей ритуальных столов свадебного пиршества и поминальной трапезы.

¹ Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006-2012. – Т. 1-4.

Ван Хуа, ТГУ, аспирант

Wang Hua, TSU, postgraduate student

Соматический код культуры в русской частушке (на примере соматизма «глаза»)

Somatic culture code in Russian chastushka (For example somatism «eyes»)

В статье на примере соматизма «глаза» представлены результаты анализа жанрово обусловленной реализации соматического кода в русской частушке.

This is the results of the analysis of the somatic code in the Russian chastushka. Its features are determined by the genre of chastushka.

Ключевые слова: соматизм, частушка, код культуры, фольклорный дискурс

Key words: somatism, chastushka, culture code, folklore discourse

Научный руководитель: Тубалова Инна Витальевна, д-р филол. наук, доцент

Единицы, функционирующие в языке фольклора, требуют особого подхода к их описанию. Никита Ильич Толстой говорит о том, что при анализе фольклорных единиц исследователь должен «выявить внутренние связи между всеми уровнями значения, раскрыть логику того образа, который закреплен за словом в сознании носителя языка»¹.

Лингвистический подход к исследованию фольклорного значения слова формировался в работах Н.И. и С.М. Толстых, С.Е.Никитиной, школы курской лингвофольклористики под руководством А.Т. Хроленко и др. исследователей.

Современный подход к изучению фольклорного значения позволяет мотивировать его формирование спецификой фольклорного дискурса – как коммуникативной системы человека, цель которой – «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе»².

И.В. Тубалова пишет о том, что «различные в жанровом отношении тексты фольклора объединяет общий дискурсивный ценностноориентирующий (или верифицирующий) модус – типовой модусный смысл фольклорного дискурса, выраженный в фольклорных текстах, направленных на трансляцию ценностных установок с позиции фольклорного коллектива»³. Фольклорные жанры выполняют функцию уточнения ценностноориентирующего модуса фольклорного дискурса, своей эстетической формой и спецификой диктумного содержания задавая способ представления фольклорных ценностей и специфику системы фольклорно-символических значений.

В нашей работе мы обращаемся к жанру частушки, которая представляет рассматриваемые ценности в «перевернутом» виде, формируя антинормативную жанровую картину мира⁴. Для этого в частушке общефольклорный модус взаимодействует с жанровым оценочно-комическим модусом (в его основе – жанровая цель осмеять антинормативное, негативное). Этот модус транслируется через описание антинормативной ситуации.

Специфику ценностной ориентации фольклорного диктума мы рассмотрим на примере единицы «глаза», входящей в систему номинаций материального мира человека и становящейся в фольклоре носителем ценностно значимого отражения его внутреннего мира.

Всего было выявлено 126 частушек с соматизмом «глаза» из просмотренных более чем 4,5 тыс. текстов данного жанра. Соматизм «глаза» в частушках

используется достаточно активно в разных формах. В том числе, достаточно активно используются его эмоционально окрашенные варианты «очи», «глазёночки», «глазёнки», «глазки», «глазёнки», «глазочки» и под..

Учитывая, что частушки могут отражать самые разные составляющие социальной реальности (политика, семейные и трудовые отношения и др.), отметим, что единица ГЛАЗА (как и другие соматизмы), в основном, употребляется в любовных частушках. Соответственно, обобщенный модусный компонент предположительно связан с ценностной ориентацией описания любовных отношений между молодыми людьми – парнем и девушкой (в исследованном материале – 112 частушек о любви, то есть 88,8%).

Фольклор предписывает нормы существования по определенным законам, любовная частушка особым образом уточняет эти нормы, представляя, как следует (-> не следует) выстраивать любовные отношения, а именно – отвечает на вопрос, какими должны быть в этих отношениях девушка и парень.

Такая модель организации жанровых модусов определяет специфику реализации соматического кода частушки, в том числе – роль единицы ГЛАЗА как компонента этого кода.

Общемофольклорное значение исследуемой единицы – «душа, характер» (глаза – «зеркало души»). В любовной частушке фольклорное значение данной единицы уточняется как «канал духовного взаимодействия между влюбленными».

Актуализация данной единицы наблюдается в 50% (то есть 63 текстах) частушек о парне от имени девушки (*Завлек ты меня, Карими глазами. Сердце вынул из меня, Походкой и словами. / Меня миленький завлѣк, Гармошкою, ладами. Вынул сердце у меня, Походкою, глазами*), в 39,6% (50 текстах) частушек о чувствах самой героини от ее имени (*Плясать пойду, Головой качну. Потом карими глазами, Завлекать начну. / Мои щечки как листочки, Глазки как смородинки. Давай, милый, погуляем, Мы еще молоденьки*), и только в 3,9% (5 текстах) частушек о девушке от имени парня (*Ты, милашка, дай бумажки, Живописец буду я, Я срисую твои глазки, Ты навек будешь моя. / У моей, у милочки, Глазки, как у рыбочки. Как у рыбки, у налима, Моя милка подхалима*). Для реализации «женской» позиции глаза играют более значительную роль.

Конкретизация семантики рассматриваемой единицы реализуется в частушке как «объект активизации внимания партнера» (*Дайте лодочку крашену, Передю за реку. Я своим веселым глазом, Кого надо, завлеку. / Юбка клеи, юбка клеи, Юбка шамборами! Коль сама не хороша, Завлеку глазами!*).

Отметим, что частушечная антинормативная модель проявляется здесь, в частности, в том, что девушка через глаза реализует свою любовную активность, что противоречит общемофольклорной норме, согласно которой она должна быть кроткой, покорной и ожидать проявления внимания со стороны партнера (*Ай, глазки мои, Голубого тону. Вы по цвету подойдете, Для любого дому / – Ай, глазки мои, Чего размигались? – Разве ты сама не знаешь? С милым увидались!*).

Объекту любовного внимания через актуализацию соматического компонента «глаза» присваивается позитивнооценочная характеристика, которая контекстуально поддерживается наличием эмоционально окрашенных эпитетов (*Есть у милого галоши, Говорят, что не свои. Глазки серые, веселые, И те теперь – мои! / Голубые глазки злые, Черные – задорные. У залетки серые, Веселые и смелые*), использованием суффиксов позитивной оценки (*Завлечение было тайно. Завлекал – никто не знал. Не ты ли, сероглазенький, Товарищу сказал? / Серые глазеночки, Вы весело сияете. Я люблю вас горячо, Но вы не понимаете*).

«Наличие глаз» в частушечном сюжете обнаруживается только у участников любовных отношений, что соответствует общей частушечной семантике данной единицы. Другие – косвенные – участники частушечного действия (мать, отец героини, иногда – соседи и др.) глазами как будто «не обладают». В некоторых случаях глаза становятся атрибутом соперницы. У нее этот канал любовного взаимодействия предстает как ущербный, что является результатом оценивания ее статуса в любовных отношениях как отрицательного (*Я свою саперу Веру, Посажу на небеса. Ты сиди, сапера Вера, Не выпучивай глаза / Ты, соперница моя. Не ходи навстречу, Глаза тебе повыдеру, Навеки изувечу*).

Особый семантический ракурс придают глазам используемые эпитеты. В основном – это цветообозначения. Цвет как таковой в сочетании единицей ГЛАЗА в частушке усиливает позитивнооценочный образ партнера. При этом отметим две значимых особенности его номинирования.

(1) Цвет глаз всегда подмечает девушка по отношению к парню (*Завлек ты меня, Карими глазами. Сердце вынул из меня, Походкой и словами / Ой вы, черненькие глазки, Большие так не делайте. Завлекали, так любите, За другой не бегайте*). Именно цвет глаз парня актуален в частушке.

(2) Частотность разных цветообозначений выраженно различается. В 61 частушке 48,4% содержат цветообозначения глаз, среди них карие 27, серые 20, черные 9, голубые 6, синие 3 (*С горочки катилась, Бутылочка разбилась. Глаза карие забыла, В голубы влюбилась. / Проводила я залёту, По далекой линии, Как я буду забывать, Его глазенки синие?*). В результате можно сделать вывод о разной значимости конкретных цветообозначений в реализации позитивнооценочного образа партнера.

Единство соматического кода в фольклоре в целом и в конкретном жанре в частности позволяет рассмотреть единицу как составляющую соматической кодовой системы. В основном, она выступает как компонент пар единиц, образующих модусное взаимодействие или противопоставление.

Пара глаза – сердце представляет взаимопроникающее, взаимно сообщающееся единство, формируя единый модусный смысл (*Сероглазый паренек, Мое сердечушко зажжет. Без лучины, без огня Горит сердечко у меня / Милка, черненький глазок, Пройди по улице разок, Твоего шагу не убудет, Мому сердцу легче будет*); пара глаза – голова реализуется при описании их одновременного движения, выражая одно и то же чувство (*Пойду плясать, Головой качну, Сама карими глаза-*

ми, *Завлекать начну!*); пары глаза – рука, глаза – нога реализуются в ритмически параллельных компонентах текста и выступают по отношению друг к другу как структурно-смысловая поддержка (*Не сама платочек шила – Мои ручки белые, Не сама я завлекала – Мои глазки серые! / По дорожке – колет ножки, Стороной – метелица, Ой, довольно, кари глазки, С вами канителиться*); пара глаза – нос реализуется в описании любимого, при этом в сравнении с носом глаза контекстуально получают большую значимость (*Вороному коню в гору, Не поднять соломы воз. Две девчонки делят парня, Кому глазки, кому нос!*).

Таким образом, соматизм ГЛАЗА выступает в любовной частушке как составляющая общефольклорного соматического кода, транслируя в особом жанровом ракурсе ценностноориентирующий модус фольклорного дискурса. В рассматриваемом жанре его функция заключается в реализации фольклорных установок на следование правилам взаимодействия внутри молодой пары. Проведенный анализ показывает, что система текстовой идентификации в фольклорном тексте приобретает определенную специфику, связанную с особой символической природой фольклорного текста. Эта система имеет иерархическую природу и, с одной стороны, зависит от общефольклорного значения соматизма, а с другой стороны – от жанровой природы фольклорного произведения.

¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 162.

² Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы / Ю. А. Эмер. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 33.

³ Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах / И. В. Тубалова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. – С. 220.

⁴ Тубалова И.В. Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора /И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Отв. Ред. З.И. Резанова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 257-296.

Васильченко А.А., ТГУ, студент

Vasilchenko A.A., TSU, student

Семантическое микрополе «Любовь, симпатия» в дискурсе диалектной языковой личности

Semantic microfield «Love, sympathy» in the discourse of the dialect linguistic personality

В статье рассматривается микрополе «Любовь, симпатия», входящее в семантическое поле «Чувства и эмоции». Данное явление подвергается анализу с точки зрения способов выражения и ситуаций, в которых информант использует те или иные средства; рассматриваются также образные единицы, включенные в состав микрополя.

The article examines microfield «Love, simpathy» included with semantic field «Feelings and emotions». Analysis of this phenomenon is realized in a few aspects: expressive means; situations of these means usage by an informant; and, besides, figurative elements in the microfield.

Ключевые слова: языковая личность, семантическое поле, эмотивность, оценочность, номинативность

Key words: linguistic personality, semantic field, the emotive component, evaluativity, nominativity

Научный руководитель: Гынгазова Людмила Георгиевна, канд. филол. наук, доцент

Статья посвящена анализу микрополя «Любовь, симпатия» в составе семантического поля «Чувства и эмоции» по данным идиолекта языковой личности диалектоносителя.

Актуальность исследования обоснована тем, что: 1) что чувства и эмоции по определению представляют собой антропоцентрическую категорию, продукт мыслительной деятельности человека; 2) описание чувств и эмоций как репрезентантов внешнего мира человека проецирует интегральный междисциплинарный подход к фактам языка; 3) в работе рассматривается речь реальной языковой личности, рядового носителя языка.

Материалом исследования послужил «Полный словарь диалектной языковой личности», составленный диалектологами ТГУ по результатам систематического наблюдения над речью сибирской крестьянки в течение 24-х лет. Объектом изучения явилась языковая личность Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), коренной жительницы с. Вершинино Томской области, представителя среднеобских старожильческих говоров.

«Любовь, симпатия» – одно из наиболее разработанных микрополей, о чем говорит количество входящих в него единиц, частотность словоупотреблений, разноразностность плана выражения. Однако все единицы объединены в одну группу на основании наличия в дефиниции сем «любовь» или «симпатия»; а также эмотивной составляющей. Любовь – один из ключевых концептов жизни человека, это разнородное и многоаспектное явление: ср. любовь к матери / детям, любовь к противоположному полу, любовь – влечение и т.д. Чувство проявляется по-разному, потому что любовь может быть направлена на разные объекты.

В ходе предшествующих исследований лексики чувств и эмоций было выделено три компонента значения, с разной интенсивностью проявляющихся во всех входящих в нее единицах: номинативный, экспрессивный, оценочный. В разных микрополях их соотношение варьируется. В микрополе «Любовь, симпатия» широко представлены единицы: 1) с доминирующим номинативным компонентом (влюбляться, от души); 2) соединением номинативного и экспрессивного компонентов (мря мрёт); 3) доминирующим оценочным компонентом, который связан с неодобрением случаев разрушения семьи, насильственного возбуждения любви

к себе (отбить, опутать). Однако не наблюдается собственно экспрессивных элементов, служащих для непосредственного выражения чувства любви. Несомненно, эмотивная компонента присутствует, но она лишь градуирует силу чувства (ср. глянуться 'испытать чувство симпатии, расположения к кому-либо', влюбляться 'испытывать любовное влечение' и мря мрёт 'обожает кого-либо, очень неравнодушен к кому-либо').

Можно предполагать, что любовь, с позиции информанта, – это сильное, требующее осознания, не спонтанно проявляющееся чувство (не эмоция, скорее всего); это более интимная сфера жизни, эмоциональные проявления которой не принято выражать вербально. Проявления любви скорее связаны с поступками: Они живут в Яру дом построили, купили. И там жили рыбачили, скотину держали и всё там – здо'рово, дружно шибко жили. И вот он лежал в больнице – она каждый день ездила. . .

Средства выражения любви разнообразны. Представляется возможным условно дифференцировать их следующим образом: 1) единицы, называющие чувства или состояния и употребляемые в прямом значении (влюбляться, любовь, любимчик, недолюбить, залюбить); 2) образные единицы, называющие чувства или состояния (мря мрёт, мереть, опутать, отбить, отдать сердце).

Редупликация корня в единице мря мрёт говорит о сильной интенсивности чувства. Мереть – однокоренное слово с умирать, смерть. Т.е. любовь настолько сильна, что сравнивается с физической смертью: Ну вот она мря мрёт об ём. Опутать – буквально захватить насильно, помимо воли человека, внушить ему чувство любви хитростью: Ему, наверно, пятнадцать лет было, когда она его опутала. Она соли'дна женщины. Отбить – в результате какого-либо резкого, неожиданного действия заставить человека что-то сделать, влюбить в себя: Она как где увидит, так гоняла всяко, ну, в общем, отбила [мужа у любовницы]. Не дала жить. Отдать сердце – передать власть над собой любимому человеку: «Куды, гыт, делась моя красота, кому я сердце итдала?» – так и правда. [Песня такая?] Ну.

Чувство любви, симпатии связано в речи информанта с широким кругом ситуаций. Среди них можно выделить наиболее частотные: 1) общие номинации чувства любви, уместные для обширного круга ситуаций (глянуться, залюбить, любить, любовь), таких как любовное влечение лиц противоположного пола; любовь – искренность, расположение, симпатия, любовь – уважение и т.д.; 2) любовь между двумя молодыми людьми, которая имеет номинации играть, дружить, дразнить, что подчеркивает несерьезность чувств; характер дружбы, граничащей с симпатией между девушкой и парнем: [Теперь говорят: «парень с девушкой дружат», а раньше?] «Играли». А то скажут «дра'зняют»; 3) проявление чувства любви между мужем и женой. В большинстве высказываний об отношениях мужа и жены практически не встречаются слова любовь и любить. Для обозначения привязанности предпочитают слова типа дружно, дружный, беречь, жалеть, уважать и др.: Молодец мужик тоже. Её [жену] берегёт, шибко берегёт, жалее.

Особому осуждению со стороны информанта подвергается вмешательство кого-либо в семейную жизнь. Для подобных явлений существует специальные

номинирующие их единицы: опутать, отбить, спутаться.; Она же его [мужа] отбила, Физа- то; [С: А раньше говорили: «Она его отбивать хочет».] Отбила либо.

Таким образом, микрополе «Любовь, симпатия» – одно из центральных в рамках семантического поля «Чувства и эмоции». Стоит отметить разнообразие плана выражения чувства любви. Основные функции единиц, входящих в микрополе – номинация и дифференциация данного чувства, в соответствии с его интенсивностью и степенью проявленности в поведении (т.е. номинация + экспрессия). Оценочность связана лишь с некоторыми определенными ситуациями (разрушение семьи, вмешательство в устоявшуюся пару со стороны). Элементов, служащих для непосредственного экспрессивного выражения любви или симпатии, обнаружено не было. Это может говорить о некой стабильности, устойчивости и интимности чувства любви, не требующих дополнительной актуализации, вербализации в речи говорящего. Обращает на себя внимание специализированность некоторых единиц, маркирующих чувство любви и симпатии (дифференциация чувства по возрастному признаку; особая актуализация чувства в рамках семейных отношений, где гораздо важнее не собственно любовь, а взаимопомощь, уважение).

Васильченко А.А., ТГУ, студент

Vasilchenko A.A., TSU, student

К вопросу о границах и наполнении семантических микрополей лексики чувств и эмоций (на материале идиолексикона диалектной языковой личности)

On the question of semantic microfields including lexis with meanings of feelings and emotions: their borders and content (on the material of dialect linguistic personality idiolexicon)

В статье рассматривается взаимодействие компонентов значения лексических единиц – эмотивного, номинативного и оценочного – как способ организации структуры микрополей, входящих в семантическое поле «Чувства и эмоции» (на примере микрополя «Досада, недовольство»).

The interaction between the emotive component, evaluativity, and nominativity – it is defined in the report. They act as way of constructing the structure of microfields. All microfields are part of the semantic fields of «Feelings and emotions»

Ключевые слова: языковая личность, семантическое поле, эмотивность, оценочность, номинативность

Key words: linguistic personality, semantic field, the emotive component, evaluativity, nominativity

Научный руководитель: Гынгазова Людмила Георгиевна, канд.филол.наук, доцент

В рамках современной научной парадигмы в данной работе внимание обращено к языковой личности (ЯЛ). Рассматривается лексика чувств и эмоций в речи рядового носителя сибирского старожильского говора – В.П. Вершининой (1909–2004), жительницы с. Вершинино Томской области (по материалам «Полного словаря диалектной языковой личности»¹).

Чувства и эмоции – это когнитивная категория: по мнению многих психологов, она является отражением объективного мира в сознании говорящего. Для лингвистического исследования эти объекты интересны прежде всего тем, что лексика чувств и эмоций выступает проекцией мыслительного процесса. Именно эмоции охватывают всю сферу внутреннего мира человека и разными способами проявляются практически в любом коммуникативном акте.

Актуализация чувств и эмоций в речи представляет собой сложный феномен. При обращении к языковому материалу наиболее результативным видится его анализ через моделирование семантического поля и соответствующих микрополей в его пределах. Однако в связи со спецификой исследуемого материала эта задача оказывается достаточно трудной.

В семантическом поле «Чувства и эмоции», при помощи компонентного анализа дефиниций, дистрибутивного анализа, контекстного анализа, были выделены такие микрополя, как, например «Досада, недовольство», «Тревога, волнение, беспокойство», «Страх, боязнь», и т.д. При этом определяется ряд проблем, таких как: объем микрополей и их наполнение, а также соотношение между ними в рамках поля «Чувства и эмоции».

Обратимся к микрополю «Досада, недовольство». Полеобразующими являются семы 'досада' и 'недовольство', которые либо непосредственно присутствуют в дефиниции, либо сама дефиниция тесно переплетается с дефинициями тех ЛСВ, в которых есть эти семы. Общий состав данного микрополя – 18 единиц: досадливый, не дай господь, выговорить, оба как, ядри ё в корень, ижно кожу содират, ядрит твою мать, набузиться, *как нарочно, недовольный, неприятно, обида, язви его в сердце*, отпыхиваться, зло, ой, ах, господи.

Обращают на себя внимание слова разных частей речи (досадливый, зло, набузиться), наличие словосочетаний (ижно кожу содират, ядри ё в корень), междометий (*ой, ах, господи*). Неоднородной является их функция. Например, ср. единицы язви его в сердце, зло и не дай господь. (*Ох, язви его в сердце, Коленьку, совсем не придет, картошки-то из подпола вынимать*). Не вызывает сомнения, что это единицы разного уровня. Во-первых, в них с разной степенью интенсивности выражена эмотивная составляющая. Во-вторых, в одних единицах присутствует оценочный компонент, а в других – нет. В-третьих, одни единицы номинируют явления действительности, другие – выражают определенную эмоцию.

Единицы внутри микрополей группируются в зависимости от того, какие компоненты значения в них доминируют (эмотивный, оценочный, номинативный) и как они сочетаются. По мнению Н.А. Лукьяновой, экспрессивная функция (основной составляющей которой является эмотивность) противопостав-

лена номинативной, но вместе с тем, тесно с ней связана. Номинация вслед за Н.А. Лукьяновой будет рассматриваться нами как «способность именовать предметы и явления действительности», «быть знаком предмета или явления», а экспрессия – «способность выражать эмоции и чувства, положительное или негативное мнение, оценку чего-либо или кого-либо»².

В лексике чувств и эмоций разнородность элементов заложена изначально, т.к. эти категории предполагают самые различные способы выражения. Однако все эти единицы объединяет наличие базового компонента значения и некоторая степень эмотивности. Таким образом, получаются некие конгломераты разноплановых единиц (микрополя), сочетающие три элемента семантики: номинативность, эмотивность, оценочность. Доминирование одного из них обуславливает объединение ЛСВ в следующие группы:

1) доминирует номинативный компонент значения: выговорить 'выразить недовольство, сделать замечание кому-л.', набузиться 'сделать недовольное, обиженное лицо, надуться' (*Пришёл чё-то набузился такой, и не разговариват путём*), недовольный 'испытывающий недовольство', неприятно 'о чувстве неудовлетворения, огорчения, досады, испытываемой кем-л.', *обида* 'чувство огорчения, досады', отпыхиваться 'пыхтеть, выражая скрытое недовольство', *зло* 'злое чувство, гнев, досада' (*Ой, меня прям зло берёт!; Да слушай [больше], во зло сказала да и всё, так*). При этом эмотивность является лишь сопровождающим явлением, маркирующим лексику чувств и эмоций.

2) доминирует эмотивный компонент значения: не дай господь 'выражает недовольство по поводу чего-л.', ядри ё в корень 'употребляется при выражении недовольства чем-л., досады', *как нарочно* 'о чём-л. происходящем некстати, вызывающем чувство огорчения, досады', *ой* 'употребляется при высказывании, окрашенном каким либо чувством', *ах* 'употребляется в высказывании, окрашенном каким-либо негативным чувством'. В эту группу входят единицы выполняющие только функцию выражения той или иной эмоции (в конкретном случае досаду или недовольство).

3) доминирует оценочный компонент значения, но очень сильна (более, чем в других группах) и эмотивная составляющая: оба как 'употр. для выражения осуждения, недовольства', ижно кожу содират 'о болезненном чувстве скрытого возмущения, протеста', ядрит твою мать 'выраж., передающее досаду, недовольство', *язви его в сердце* 'выраж. досады, негодования', *досадливый* 'вызывающий досаду, надоедливый'. Эти единицы показывают неодобрение или осуждение ситуации, поступка, человека, явления.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках микрополей существуют группы единиц, которые объединены по функциональному признаку. Эти образования являются равнозначными и не образуют иерархическую структуру.

– выделение лексики с доминирующим номинативным компонентом значения позволяет выявить те сферы жизни, явления, ситуации, которые информант

номинарует при помощи лексики чувств и эмоций, т.е. с определенной долей субъективности и эмоциональности. Однако среди лексики чувств и эмоций они (субъективность и эмоциональность) выражены наиболее слабо;

– выделение лексики с доминирующим эмотивным компонентом способствует рассмотрению явлений действительности, которые вызывают бурную эмоциональную реакцию со стороны Веры Прокофьевны;

– отбор лексики с доминирующим оценочным компонентом помогает выделить референтную сферу оценки.

¹ Полный словарь диалектной языковой личности в 5 т. / под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2006. – Т. 1. – 355 с.

² Лукьянова Н.А. Термины и понятия лексикологии в схемах, таблицах, пояснениях и образцы анализа слов: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2013. – 134 с.

Головина Д.С., ТГУ, студент

Golovina D.S. TSU, student

Лексикографическое представление синонимии в идиолекте сибирского старожила

Lexicographical representation of synonymy in the idiolect of Siberian old-resident

Статья посвящена разработке концепции словаря синонимов диалектной языковой личности. Исследование выполнено в рамках проекта Томской диалектологической школы, ставящего цель разноаспектного лексикографического описания идиолекта сибирского старожила. Обоснованы принципы создания словаря, представлены пробные словарные статьи.

The article is devoted to the development of the concept of the synonyms dictionary of the dialectal language personality. The study was carried out within the framework of the project of the Tomsk dialectological school, which sets the goal of a diversified lexicographic description of the Siberian old-resident idiolect. The principles of creating a dictionary are grounded, trial dictionary articles are presented.

Ключевые слова: языковая личность, русские говоры Сибири, словарь, синонимия

Keywords: linguistic personality, Russian dialects Siberia, dictionary, synonyms

Научный руководитель: Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук, профессор

Цель данной работы – создание идиолектного словаря синонимов сибирского старожила. Актуальность постановки этой задачи определяется утверждением в современной науке антропоцентрической парадигмы, обращением к феномену диалектной языковой личности, рассматриваемому как первооснова носителя национальной культуры, а также интенсивным развитием лексикогра-

фического направления лингвистики. Словари служат эффективным источником изучения внеязыковой действительности.

Интерес к лексикографическому описанию речи конкретных индивидов налицо: начало ХХI в. ознаменовано появлением целого ряда новых словарей языка писателей (Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, В.М. Шукшина, М.И. Цветаевой и др.) и диалектоносителей (Е.М. Тимофеевой, А.К. Лыковой, Н.П. Шаброва и др.). Большинство из них представляют собой наиболее традиционный тип общих толковых словарей, отражающих лексикон личности в целом; аспектные словарные труды встречаются значительно реже.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что автором предпринята первая попытка составления словаря синонимов конкретного диалектоносителя. Работа является частью проекта Томской диалектологической школы, предполагающего репрезентацию речевой практики диалектной языковой личности в системе словарных трудов.

Объектом лексикографирования послужила речь носителя традиционной речевой культуры – жительницы Томской обл. В.П. Вершининой (1909–2004), типичного представителя русских сибирских старожильческих говоров. Источником словаря стали записи речи информанта, сделанные томскими диалектологами в 1981–2004 гг.

Под синонимами в работе понимаются слова одной части речи (в т.ч. фразеологизмы, представляющие собой эквиваленты слов), разные по звучанию, но тождественные или близкие по значению, употребляемые для различения дополнительных эмоциональных, экспрессивных, стилистических оттенков и смыслов слов.

Тип создаваемого словаря определён разными его характеристиками. По объекту описания создаваемый словарь идиолектный, т.к. описывает особенности речи одного носителя говора, по аспекту описания – синонимический. По характеру отбора материала он недифференциальный, потому что охватывает все без исключения единицы, зафиксированные в речи информанта: собственно диалектные, просторечные и общерусские. Это словарь объяснительного типа, поскольку в нём даются значения слов-синонимов. Данный словарь входит в круг аспектных, создаваемых в дополнение к общему толковому «Полному словарю диалектной языковой личности»¹ и расширяющих представление о языке и речи сибирского старожил.

В словарных статьях «Идиолектного словаря синонимов сибирского старожил» выделяются три зоны: заглавная, зона толкования и иллюстративная.

Заглавная зона включает в себя синонимический ряд, в котором все слова-синонимы расположены в алфавитном порядке, и указание на часть речи (для глаголов – на вид): СМИ›РНЫЙ, СПЕСИ›ВЫЙ, СПОКО›ЙНЫЙ, СТЕСНИ›ТЕЛЬНЫЙ, ТИ›ХИЙ, прил.

Зона толкования отражает толкование значений включённых в ряд синонимов. После каждого синонима даются характеристики синонима, указывающие

на соотношение слова с основными формами литературного языка: Д (собственно диалектное), ДО (диалектный вариант общерусского слова), О (общерусское), П (диалектно-просторечное) и др. Включены также пометы, отражающие экспрессивно-эмоциональную окраску слова: «экспрессивное», «шутливое», «ироническое», «одобрительное», «неодобрительное», «пренебрежительное» и т.д. Дефиниции синонимов и все обозначенные виды помет давались с опорой на «Полный словарь...», а при отсутствии в нем лексемы – с учетом контекста и сведений из других словарных источников. Стилистические пометы не приводятся, поскольку вопрос о стилистической принадлежности слов в диалектной речи остаётся открытым и требует более детального изучения. Отмечалось, кроме того, наличие синонимо-антонимических связей, если они отражены в контекстах.

Иллюстративная зона содержит фрагменты речи диалектоносителя, в которых употребляются синонимы в разных речевых ситуациях.

Синонимические ряды в словаре расположены по алфавиту заглавных слов, с которых открывается ряд:

КА»РТОЧКА, ФО»ТА, сущ.

КРОВА»ТЬ, КО»ЙКА, сущ.

НАЖРА»ТЬСЯ, НАПИ»ТЬСЯ, сов.

К близким по значению синонимическим рядам даются отсылки:

ПО»ЛНЬИЙ, ТО»ЛСТЫЙ, прил. (см. также РАЗБОТЕ»ТЬ).

Отсылочные статьи будут даны также для глаголов совершенного и несовершенного вида, имеющих синонимические ряды:

КОРМИ»ТЬ, ПО»ТЧЕВАТЬ, УГОЩА»ТЬ, несов. / НАКОРМИ»ТЬ, ПОПО»ТЧЕВАТЬ, УГОСТИ»ТЬ, сов.

Образцы словарных статей:

ДОПОЛНА», МНО»ГО, нар.

Дополна. ДО. О большом количестве; очень много.

Много. О. В большом количестве, в значительной степени.

Игра»м мы с ём [мальчиком] – у его там игрушек дополна»!; Шишек много набили, орех; Булки мои не поела. Хоть печку топи! У меня там хлеба много. [Надо] посушить, а то...; А потому что народу много, это... кажный день прям дополна. Сёдня ешо 'мало было. Ант.: мало.

ЗАБИ»ТЬ, ЗАКОЛОТИ»ТЬ, сов.

Забить. О. Закрывать наглухо (отверстие, ход), прибить доски.

Заколотить. О. Прибивая гвоздями, плотно забить.

А я Сергею-то говорю: «Ты не поддавайся! Ну, чё... Ну, как вы там хотите – забейте половину, дверь эту заколотите. А там дверь у Аксиньи-то была – отдельно живите».

«Идиолектный словарь синонимов сибирского старожила» с одной стороны, будет являться вкладом в полную лексикографическую параметризацию идиолекта отдельной языковой личности, с другой – вкладом в синонимическую лек-

сикографию, т.к. наглядно представит реальное функционирование синонимов в диалектной речи одного индивида.

¹ Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.

Желненко В.В., КемГУ, магистрант

Zhelnenkova V.V., KemSU, master student

Записи на полях и маргинальная страница тетради как самостоятельные жанры естественной письменной речи: сопоставительный анализ

The notes on the field and the marginal page of the notebook as independent genres of natural written speech: comparative analysis

В данной статье анализу подвергаются такие жанры естественной письменной речи (ЕПР), как записи на полях (ЗНП) и маргинальная страница тетради. Осуществляется сопоставление данных жанров.

In this article, the analysis focuses on genres such natural writing as entries in the fields and the marginal page of the notebook.

Ключевые слова: речевые жанры, естественная письменная речь, записи на полях

Keywords: speech genres, natural written speech, entries in the felds

Научный руководитель: Лебедева Наталья Борисовна, д-р филол. наук, профессор

В данной работе описываются записи на полях как самостоятельный жанр естественной письменной речи (далее ЕПР). Под записью понимаются различного рода начертания – вербальные и невербальные знаки, выполненные на полях конспектов, собственных и библиотечных книг, газет, журналов и других предметах, а также между строк. Записи на полях обладают всеми признаками, характерными для явлений ЕПР: письменная форма, непрофессиональность исполнения, спонтанность возникновения, вписанность в ситуацию¹.

Предметом нашего исследования является сопоставительный анализ записей на полях с таким жанром ЕПР, как маргинальная страница тетради (МСТ). На первый взгляд, данные жанры ЕПР кажется возможным объединить в один жанр, так как они имеют много общих черт (как субстанциональных – маргинальность субстрата, так и вытекающих из этой особенности субстрата функциональных, прежде всего характер попутности), поэтому данное сравнение и видится актуальным, с его помощью мы выявим параметры, позволяющие нам квалифицировать записи на полях и маргинальную страницу тетради как самостоятельные жанры ЕПР.

Исследование проводится на основе самостоятельно собранного материала, состоящего из 7415 единиц. За единицу материала принимается один знак или комплекс знаков, имеющих внутреннюю связь. Источником материала служат конспекты студентов, личные книги и книги из библиотек, газеты, журналы. Метод сбора материала – метод сплошной выборки.

Сопоставление проводится по следующим параметрам: особенности субстрата, функционально-целевой параметр, параметр адресата.

Первый параметр сопоставления – «субстрат» (материальный носитель знака) – является одним из жанрообразующих фациентов как для записей на полях, так и для маргинальной страницы тетради. Следует отметить, что субстрат является жанрово-релевантным для всех жанров и явлений ЕПР. Наличие некоего писчего материала – неотъемлемая часть самого явления. В равной степени здесь важно, что написано и на чем написано. Эта вещественная, материальная субстанция является специфической чертой ЕПР, отличающей её «не только от естественной звучащей речи, но и от искусственной письменной речи»². Как отмечает Н.Б. Лебедева, тексты искусственной письменной речи «не имеют той почти органической связи с материальным субстратом, на котором начертаны знаки, как в ЕПР»². Уже в самой номинации многих жанров ЕПР прослеживается значимость субстрата: «маргинальная страница тетради», «ежедневник», «записи на полях».

Записи на полях тетрадей, с одной стороны, и книг, с другой, по локальному признаку имеют отличия в плане расположения по отношению к базовому тексту: в тетради записи располагаются непосредственно на полях, то есть они занимают фиксированное место по отношению к основному тексту и поэтому имеют более самостоятельное существование, как чисто пространственное, так и функционально-содержательное. В книге же они не имеют фиксированного положения и могут занимать практически любое место: сбоку, снизу или сверху текста (что связано с типографским стандартом: отступы снизу, сверху, сбоку), также возможны записи и рисунки между строк, с «наездом» на сами строчки, встречаются зачеркивания и «исправления» печатного текста. Их менее автономное и самостоятельное локальное существование, большая формальная вписанность и привязка к тексту коррелируют и с большей функционально-содержательной спаянностью с основным текстом. Таким образом, на одной странице сосуществуют базовый, основной текст (ИПР – искусственная письменная речь) и попутный, маргинальный (ЕПР).

Для жанра «маргинальная страница тетради» субстратом и является последняя страница тетради. Важно отметить, что при исследовании текстов ЕПР оказывается принципиально важным учитывать все их субстанциональные характеристики, так как они имеют глубинную внутреннюю связь с несубстанциональными признаками и во многом детерминируют их. Как отмечает Н.Ю. Плаксина в своей кандидатской диссертации, «недоступность последней страницы тетради (хотя недоступность, скорее, мнимая), своеобразная «закрытость»

обусловила, в частности, такие релевантные жанровые признаки маргинальной страницы тетради, как интимность тематики, небрежность записей (как хочу, так и пишу)»³.

Дальнейшее наше сравнение покажет, что последующие характеристики исследуемых нами жанров ЕПР, выделенные как параметры для сопоставления, обусловлены, прежде всего, особенностями субстрата.

Второй параметр сопоставления мы обозначили как «функционально-целевой параметр».

Данный признак записей на полях во многом обусловлен реактивностью их появления. Эта реактивность различна по отношению к источнику реакции и имеет различную связь попутного текста с основным.

Записи на полях книг часто реактивны по отношению к основному тексту и отражают взаимоотношение «автор – читатель», нередко это рефлексия читателя на прочитанное, его диалог с автором, высказывание своего мнения. Таким образом, из 3542 единиц заметок на полях книги 89 % связаны с основным текстом и 11 % с основным текстом не связаны. На маргинальной странице тетради также возможны записи, выполняющие реактивную функцию (14%). Например, это могут быть различного рода мнемонические записи (номер телефона, фамилия учителя, адрес, шпаргалка и другое). Но реакция в данном случае обусловлена уже не прочитанным (основным текстом книги или тетради), а внешней ситуацией, в которой находится автор ЕПР.

Вторая функция попутных записей – релаксация – реализуется как в жанре записи на полях, так и в жанре маргинальной страницы тетради. Н.Ю. Плакси-на, исследуя материал – тексты маргинальных страниц тетрадей, отмечает, что 86 % записей относятся к текстам фатической направленности³. Они создаются с целью общения, желанием отвлечься от основной деятельности – учебного процесса, то есть выполняют функцию релаксации.

Третий параметр сопоставления – адресат.

Говоря о жанрах, М. М. Бахтин подчеркивает определяющее влияние адресата на выбор жанра: «Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание – от этого зависит и композиция, и в особенности стиль высказывания. Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою, определяющую его как жанр, типическую концепцию адресата»⁴. Иначе говоря, всякий речевой жанр рассчитан на определенную модель адресата.

Под адресатом понимается «представление о реальном или потенциальном «получателе» сообщения, на образ адресата автор опирается, строя свою речь»⁵. Таким образом, мы говорим не об адресате как таковом, а о представлении автора об адресате, которое выявляется из текста.

Мы предлагаем следующую типологию адресатов.

А) Нулевой адресат (спонтанно-рефлекторные записи и рисунки). Данный тип характерен как для конспектов, так и для библиотечных книг и учебников.

Например, подпись, написание своего имени: «Маша», «Антошка», рисунки цветов, сердечек, плетенок, птиц, веточек, глаз и т.д.

Б) Моноадресат (например, «Привет старосте!», «Миша, я люблю тебя!», «Катя Катя Катерина... для него милее нет»). Наиболее частотны такие записи в библиотечных книгах, но также они встречаются и в конспектах.

В) Полиадресат (например, «Здрав, други!», «привет любимой группе», «учитесь, детки»). Записи такого типа встречаются только на субстрате, обладающем общедоступностью (библиотечные книги).

Г) Виртуальный адресат – воображаемое лицо, к которому обращено высказывание. (Когда кончится пара?)

Д) Автоадресат. Одним из первых об автокоммуникации заговорил Ю.М. Лотман⁶, который посвятил этому вопросу раздел книги «Семисиосфера». Автокоммуникация – это такая передача сообщения, исходным условием которой является ситуация совпадения адресата и адресанта.

Для жанра «маргинальная страница тетради» характерна ориентация на автокоммуникацию, т.е. адресат автоориентирован. Это обусловлено тем, что «тексты располагаются на закрытом субстрате – преимущественно на последней странице учебной тетради, потенциальным читателем их может оказаться крайне ограниченный круг людей: либо случайно заглянувший сюда, либо доверенное лицо в случае переписки на маргинальной странице тетради»⁴.

Таким образом, наличие общей черты, такой как маргинальный и попутный характер записей, позволяет нам отнести оба исследуемые в данной работе жанры – записи на полях и маргинальная страница тетради – к функциональному гипержанру «попутные записи». Главным дифференцирующим же фактором является субстрат, который, в свою очередь, обуславливает функциональные особенности жанров, направленность коммуникации.

¹ Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // ВЕСТНИК БГПУ. – Вып.1. 2001. – С. 4-10.

² Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальная страница тетрадей, частная записка – М.: КРАСАНД, 2011. – 256 с.

³ Плаксина Н.Ю. Маргинальные страницы тетради / Вестник Томского государственного университета. Томск: Томский государственный университет, 2006. – №120 – С. 20-26.

⁴ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. – С. 237-241.

⁵ Демьянков В.З. Образ адресата // Культура русской речи: Энциклопедический словарь справочник / Под общим руководством Л.Ю.Иванова, А.П.Сковородникова, Е.Н.Ширяева. – М.: Изд-во «Флинта»; Изд-во «Наука», 2003. – С.376 -377.

⁶ Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семисфера. – С.-Петербург, 2000. – С. 159-165.

Иванова Л.А., ТГУ, аспирант

Ivanova L.A., TSU, postgraduate student

Оценка времени в идиолекте языковой личности сибирского старожил

Estimation of time in the idiolect of the language personality of the Siberian old-timer

Статья посвящена описанию восприятия времени диалектной языковой личностью. Рассматривается личностное переживание времени в идиолекте сибирского старожил, представлены типы оценок и ценностный статус различных временных отрезков.

The article is devoted to the description of the perception of time by a dialectal linguistic personality. The personal experience of time in the idiolect of the Siberian old-timer is considered, the types of assessments and the value status of different time periods are presented.

Ключевые слова: языковая личность, языковая картина мира, время, оценка времени

Key words: the language personality, linguistic worldview, time, estimation of time

Научный руководитель: Гынгазова Людмила Георгиевна, канд.филол.наук, доцент

В рамках антропоцентрической парадигмы проблема изучения языковой картины мира является одной из самых актуальных. При этом значимо обращение к носителю традиционной речевой культуры, поскольку именно диалекты репрезентируют основы национального видения мира. Исследование выполнено на материале «Полного словаря диалектной языковой личности». Объектом изучения выступает языковая личность Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), жительницы села Вершинино Томской области. Цель исследования: по данным идиолекта В. П. Вершининой проанализировать оценочный план типов времени в картине мира языковой личности.

Языковая картина мира является репрезентантом сущностных свойств мира в восприятии ее носителей, и в то же время определяет единство знания и поведения людей в обществе, задает тип отношения человека к миру и самому себе. В реконструкции языковой картины мира особое место занимает ценностный аспект, поскольку через утверждение ценностей и антиценностей он формирует представление об идеале. Аксиологическая составляющая способствует выявлению специфики взаимоотношений человека с внешним миром, который может оцениваться по разным признакам: истинность/неистинность, важность/неважность, польза/вред, однако универсальным основанием оценки выступают полюса хорошо/плохо, дающие информацию о принятой норме, которая особо значима в традиционной культуре и передается из поколения в поколение.

Одной из основных категорий картины мира наряду с пространством является время. Современные представления о времени сложны и многообразны, но в данном случае акцентируется аксиологическое осмысление кате-

гории, то есть ценностное, мировоззренческое. На первый план в осмыслении категории выходят не физические параметры, а события, наполняющие временной промежуток. Любое действие протекает во времени, субъект сам планирует свое время, определяя, какими событиями его заполнять.

В идиолекте Веры Прокофьевны находят отражение разные сферы существования человека, связанные со временем: физическая, биологическая, культурная, социальная. Каждая из этих сфер получает различную оценку в зависимости от событий, заполняющих ее. Основное место среди них занимает время физическое как априорная характеристика мира. Оно существует объективно и не зависит от представлений человека, но именно оно определяет ход всех других процессов. В идиолексиконе физическое время маркируется единицами, номинирующими отрезки различной длительности: БЕК'; ГОД; СУ'ТКИ; ЧАС, и др. Кроме того, время описывается и через чередование природных циклов, таких как смена времен года, месяцев, частей суток. Человек стремится упорядочить время, для любого события в жизни есть время, специально предназначенное для него. Наступление события РАНЫШЕ/ПОЗЖЕ отведенного для него времени маркируется диалектоносителем в подавляющем большинстве случаев отрицательно, и в этом также видится стремление к порядку, характерное для традиционной культуры в целом: «Звала вове'мя, дак не пришла, а тут безо времяя»; «НЕ ВОВРЕ'МЯ ГОСТЬ ХУЖЕ ТАТАРИНА».

Особенно отчётливо проявляется оценочность по отношению к сельскохозяйственному труду, для каждого вида работ есть специально отведенное время, соотносимое с природными циклами: «До Петрова дня всегда сено поставят, где вот есь широкопёр, вот тода' его скот едят. А если попозже – сено плохое».

Оценка может проявляться во времени биологическом, характеризующем периоды существования человека от рождения до смерти. Жизнь понимается как смена временных отрезков, в которых проявляются разные состояния человека; биологическое время тесно связано с понятием «возраст». В материале можно проследить деление жизни на четыре отрезка: детство, молодость, зрелость, старость. Наиболее явно оценка выражена относительно периодов ЗРЕЛОСТЬ и СТАРОСТЬ. Активным считается период жизни, включающий фазу ЗРЕЛОСТЬ как время наивысшего расцвета физических сил человека, его работоспособности: В СА'МОМ СОКУ': Мы в самом соку были, са'мы работники были. Тридцать там лет, дак чё?». Фаза СТАРОСТЬ воспринимается как утрата этой активности: «Такой стал старый тоже, года-то идут. Как-то он сильно сдал».

Особое внимание при характеристике человека группы ЗРЕЛОСТЬ уделяется детородной функции человека: обязательно оговаривается наличие детей: «Така' бабёшка хоро'ша у него, двое ребятишек». Основной ценностью при описании человека, пребывающего в активном периоде, считается также физическое здоровье: «Красива така' да здоро'ва!», ЛЕВ '*перен. О крепком, здоровом мужчине': «[С: А куда ему торопиться, у него трое вон каки' /взрослые здоровые сыновья./] Львы!». В период СТАРОСТЬ рефлексруется потеря

здоровья, отражающаяся на работоспособности: «Всё изношено, стара стала»; «Старось идолила, говорю, насили хожу».

Единицы, называющие пожилого человека, могут содержать негативную семантику, поскольку старость связана с потерей красоты: БА>БА-ЯГ'А 'О страшной, неряшливой старухе'; СТА'РА(Я) БАЗЫ'ГА 'Бран. выраж. в адрес пожилой женщины': «[А кто из вас, сестер, был самый красивый?] Не знаю. Елена хороша была. Ну и Нюра ничё она так, ну теперь стара, страшна».

Однако старость связана с опытом, поэтому может выступать как эталон проявления тех или иных положительных черт человека: КАК СТАРУШКА 'Одобр. О молодой женщине, делающей что-л. как положено, придерживаясь заведённого порядка': «Как старушка, прямо молодец, мне пондравилось. Приехала – чистота у ей, порядок всё».

Жизненное время человека связано с понятием нормы: слишком долгая жизнь получает негативную оценку, так же как и преждевременная смерть: «...это, прямо стыдно жить-то на свете. Ну ей сколько? <...>Ну, она гыт: «Стыдно гыт уж жить-то, – столько годов. Года больши». «Рая... [*А молодая и умерла.*] Детей оставила своих, деточек маленьких».

Кроме того, оценивается уместность определенных действий в каком-либо возрасте, отрицательно маркируется весёлый, разгульный образ жизни, а также попытки выглянуть моложе своего возраста: «Да под старось-то. Ой, я прямо... <...>И поплясала, и на голове стояла она тамо-ка! ... А я пошла, дак она сидит, как... [гримаса] Эдак от начепурилась. Я думаю: ох ты, язви тебе!»; «Как Аксиныя, она везде ходит [выпить], а я никуды не хожу: стара, зачем я пойду?».

Культурное время языковой личности образуется событиями, связанными с культурными феноменами, ярким выразителем которых является праздник – день или дни торжества, установленные в честь или память кого или чего-либо. Праздники отражают набор ценностей, сформированных в крестьянской культуре. Для христианских праздников существует система предписаний, касающаяся поведения человека, его одежды, пищи, а также определенный набор ритуалов и регламентаций: «[И хлеб нельзя есть в сочельник?] Да. Старухи раньше... у нас тётка была – она ничё не ела. Ничё не ела. Водички попьёт, целый день ничё не ела. <...> Постовали посты. И нам не давали. Не давали нам ись тоже». Отступление от этих правил маркировано отрицательно и в некоторых случаях расценивается как грех: «Я говорю: «А раньше праздновали всю неделю»... [Пасху] <...> А ты дак не празднуешь!»; «Гутя тоже постоват. Дак от... придёт: ой, Вера, я замираю прям. Раньше Боже спаси, чтобы молосно поись. Грех».

Одно и то же действие может иметь различный результат и оцениваться по-разному в зависимости от времени выполнения. Праздничное время воспринимается как время сакральное, основным отличием его от других дней является недопустимость работы: «Да сёдня уж ничё не делаю, свинье и то в году, гыт, праздник есь»; «[Узнала, что стирала в праздник] Прости меня, господи, грешницу. <...> В праздник и стирать!».

Особо значимыми для диалектоносителя являются дни поминовения усопших (ДЕВЯТЬ ДЁН; РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ; СОРОК ДЁН; СОРОКОВА; РАДОВНИЦА). Предписания, установленные для таких дней, соблюдаются наиболее четко. Их репрезентантами выступают сакральные обрядовые действия: «Родительский день яйца красят, на кладбище ходят». Несоблюдение этих действий осуждается: «А сёдни Павел Фёдорыча девять дён, а Шура три раз однако была у Татьяне, хоть помянула нарошно чё-нибудь. Не поминат. [Настряпала] блиночки, да подала бы. Тоне, Клавдее Сергевне, ещё кому-нить милостишки подала бы». Особая выделенность праздников, связанных с поминовением, – также характерная черта народной культуры, в которой память предков занимает одно из главных мест и знаменует непрерывную связь времён.

В идиолекте также выделяется время социальное, отражающее динамику развития общества в целом и отдельного человека в нем. Лексическими маркерами такого времени являются номинации событий, происходящих в социуме. В зону оценки включаются такие события, как КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, ВОЙНА, ПЕРЕСТРОЙКА, ГОЛОД: «Война началась – это же всё горе! То и самого взяли, да и так, война». Положительную оценку получает лишь послевоенное время «[Когда, вам кажется, **лучше всего было жить?**] Мне кажется, после войны тут. Кажется, **лучше стали, жить**. <...> [В 50-ые?] Да, в пятидесятые, *от эти года. Всё было – чё токо ни надо. Хоть чё, всё было. Хорошо*».

В материале присутствует гетеротемпоральная аксиология: сравниваются два уклада жизни: РАНЫШЕ/ТЕПЕРЬ. При этом отбор событий прошлого производится с точки зрения их актуальности для настоящего времени, что может быть связано с повторением событий прошлого в настоящем либо с явным контрастом событий прошлого и настоящего: «Как сейчас же, *всё равно, стряпают [пирог на поминки], с морковью, с я'блоками, с яйцами, со всем*»; «Ну *всё угоишали, конечно, по-особому [на свадьбе]*, не как сейчас – всячина стояла была наставлена на столе».

В большинстве случаев прошлое характеризуется как лучшее время по сравнению с настоящим. В зону осмысления попадают реалии и события, связанные с сельскохозяйственным трудом, работой: «Вот, мы раньше работали, да мы... как-то всё время было, да всё делали. А это ничё не делают <...>», досугом, пищей, осмысляется религиозная сфера. Период времени, отнесенный к РАНЫШЕ, оценивается как лучший по сравнению с ТЕПЕРЬ и в связи с возрастом диалектоносителя. Отмечается утрата физического здоровья: «Рад бы не лежал, раньше сидишь – то вяжешь, то прядёшь, то чё-то делашь, а теперь ничё: и руки не работают, и... сама ничё не могу»; события прошлого переосмысляются с точки зрения времени настоящего, приобретают другие смыслы. Жизнь РАНЫШЕ связывается с молодостью, начинает цениться то, на что ранее, в прошлом, не обращалось внимания: «Волосы у меня раньше были хороши, а щас ни волосёв, ничё нету».

Но можно отметить неоднозначность оценки, поскольку настоящее может оцениваться как время лучшее по отношению к прошлому: «Теперь хоть яблок

или конфеты чё-то купил, а тогда и не было ничё давно уж»; что связано с введением различных новшеств в жизни и общим улучшением уровня жизни по сравнению с прошлым состоянием.

Современность оценивается как тяжелое, трудное время по сравнению с прошлым в связи с денежной ситуацией, а также с отступлением от этической нормы: пьянством, наркоманией, отсутствием порядка, бездельем: «Ох, как трудно жить, ох, как трудно жить»; «Совсем сдурели наготово! Сердце захватывает прямо от этой жизни».

Собственную жизнь диалектоноситель оценивает отрицательно, что связано с такими событиями, как война, болезнь сына, уход мужа, пожар и др.: «Голодать правда я не голодала, уж не буду врать ничё, а так худо жила».

Таким образом, оценка времени в идиолекте диалектоносителя осуществляемая через события, его наполняющие, соотносена с четырьмя типами времени, которые отражают основные сферы жизни человека. Каждый из этих типов времени получает различные оценки, наполняется разными ценностными смыслами. Аксиологичность связана со спецификой картины мира и с понятием нормы, которое для традиционной КМ имеет более императивный характер и служит для выработки принципов поведения человека в обществе.

Физическое время получает оценку с точки зрения своевременности определенных событий и действий, а также соответствия сельскохозяйственных трудов природным циклам. Биологическое время оценивается с позиций возраста, основанием оценки выступают здоровье и работоспособность. Культурное время характеризуется с точки зрения допустимости/недопустимости определенных действий в праздничное время, а также соблюдения/несоблюдения предписаний, установленных для этого времени. Социальное время репрезентировано глобальными событиями, актуальными для общества в целом, и получают оценку в аспекте сравнения двух укладов: РАНЫШЕ/ТЕПЕРЬ. Оценка настоящей жизни амбивалентна, при этом положительный полюс проявляется значительно реже и связан с техническим прогрессом. Доминирует отрицательная оценка, акцентирующая изменения нравственных ориентиров в обществе, материальные трудности.

Калкоразова С.Д., ТГУ, магистрант

Kalkorazova S.D., TSU, master student

Семантическая эволюция концепта «подруга»

Semantic Evolution of the Concept «Female Friend»

В статье рассматривается динамика концептуального содержания ментальной единицы подруга и своеобразие ее места в современной русской концептосфере. Описаны основные факторы, обусловившие изменение объема концепта на рубеже XX–XXI вв.

*The article deals with the dynamics of conceptual meaning of **female friend** and the originality of its place in contemporary Russian conceptosphere. It speaks of the primary factors specifying volumetric change in concept at the turn of XX-XXI centuries.*

Ключевые слова: лингвокультура, подруга, дружба, концептуальное содержание

Keywords: linguoculture, female friend, friendship, conceptual meaning

Научный руководитель: Калиткина Галина Васильевна, д-р филол. наук, профессор

В середине XX в., полемизируя о концепции Сепира-Уорфа, ученые выдвинули идею о некоем множестве общечеловеческих понятий, тождественных во всех этнических культурах. После принятия в 1970-1990-е гг. лингвистическим сообществом термина «концепт» их стали называть «универсальными концептами».

На первый взгляд, к их числу следует отнести ДРУЖБУ. Она считается одной из важнейших ценностей в человеческих отношениях. Философы, психологи выделяют такие свойства и признаки дружбы, как равенство, верность, прочность, бескорыстие и др. Они рассматривают причины и цели дружбы, роль эмоций в генезисе дружбы.

Казалось бы, концепт ДРУЖБА не должен иметь национально-культурных особенностей. Впервые их попыталась вскрыть А. Вежбицкая (1999)¹. Она доказала, что концептуальный слой ДРУЖБЫ является важнейшим узлом в национальных ЯКМ, которые формируются как совокупность ключевых концептов и пронизывающих всю лексическую (а отчасти и грамматическую) систему языка сквозных мотивов. Однако его содержание и объем тесно взаимосвязаны со спецификой конкретной лингвокультуры.

Русский язык располагает хорошо разработанной категоризацией дружеских отношений между людьми. Обилие в нем, по сравнению, например, с английским языком, слов, обозначающих различные категории дружеских отношений между людьми, свидетельствует об особом интересе, проявляемом носителями русской культуры к указанной сфере взаимодействия людей. Основные элементы данного концептуального слоя в литературной подсистеме – это ДРУГ ‘человек, связанный с кем-либо отношениями дружбы’ (словарь В.И. Даля формулирует это как ‘равный, ближний’) и его синонимы: друг, дружок, дружище, товарищ, друг-приятель, приятель, знакомый, кулак.

Если принять во внимание дробление любой национальной лингвокультуры на ряд вариантов, которые, по мысли Н.И. Толстого (1995:19)², структурно и функционально изоморфны, то «план выражения» данного концептуального содержания становится еще более широким – от уже устаревшего наперсника до активно функционирующих в настоящее время имен: друган, дружбан, *дружка*, *кореш*, *корефан*, *камрад*, кент, а также закадычный друг, сердечный друг, друг ситный, сложных единиц: боевой друг, друзья по оружию, друзья детства,

а кроме того, и фразеологических выражений, не включающих лексему друг, например, не разлей вода, словно черт веревочкой связал и т.д.

Учет гендерных смыслов, на первый взгляд, должен давать зеркальное подмножество имен девочек, девушек и женщин, состоящих с кем-либо в дружеских отношениях. Вместе с тем никакого параллелизма в русской лингвокультуре не наблюдается: основные имена концепта – это подруга, подружка, подруженька. Номинации подруга жизни ‘жена’, *боевая подруга*, подруганка, *товарка*, *шерочка* уже осложнены сильными коннотациями и разнообразной оценочностью. При этом для обозначения отношений «высокой» или «настоящей» дружбы по отношению к женщине не исключено употребление имени друг: конструкция Мария – мой друг не выглядит необычной, когда о дружбе с условной Марией сообщает и женщина, и мужчина. В гендерном плане можно отметить нормативный статус номинации лучшая подруга и низкую частотность варианта *лучший друг.

Подобная асимметричность ЯКМ, конечно, может объясняться ее изначально маскулинной ориентацией. Так, родовое имя человек также не имеет феминной версии. Вторая причина, вероятно, заключается в том, что в русской традиционной культуре, которая в течение многих столетий была доминирующим функциональным вариантом культуры общенациональной, имя подруга обозначало прежде всего крестьянскую девочку по отношению к ее ровесникам. Члены данной социо-возрастной когорты, сформировавшейся в селе, были связаны обязательными межличностными отношениями друг с другом только до своего замужества. Данные отношения и составляли основной объем концептуального содержания ПОДРУГИ. Это иллюстрирует пушкинская стилизация из «Евгения Онегина» (Девушки-красавицы, душеньки), а также терминосистема традиционных русских свадебных чинов. Дружка, полудружка, подружье – номинации распорядителей на свадебном пиру, а также во время всей процедуры взятия невесты из дома, отвоза ее в церковь и затем в дом мужа, тогда как подруги – номинации участниц только обрядов девичника и выкупа невесты: Старшая подружка наговорить могла на невесту [когда свадебный поезд приехал за невестой в дом ее родителей]: «Она у нас неряха да дурочка!». Дружка же отвечал: «Мы и дурочку возьмём, образуем, выучим!»; И вот еду тысячкой, *дружки*, подружье тамо-ка.

В фольклорных текстах столь частотным является мотив девушки-соперницы (Я свою подруженьку нисколько не боюсь, я с её милёночком гуляю-веселюсь) при почти полном отсутствии мотива парня-соперника.

В начале XXI в. отечественные исследователи встали перед вопросом: являются ли ЯКМ абсолютно стабильными образованиями? Следует полагать, что они постепенно трансформируются вследствие семантической эволюции ключевых концептов. Отдельные зоны ЯКМ могут как расшатываться, «смазываться», так и, напротив, разрастаться. Как полагают Анна А. Зализняк, И.Б.Левонтина и А.Д. Шмелев (2008)³, семантическая эволюция широкого пласта русской

лексики произошла под влиянием социальных перемен в течение последних двух десятилетий XX в. лексемы изменили оценочные коннотации и утратили либо приобрели аксиологическую окраску.

Научная гипотеза данного исследования состоит в том, что концептуальное содержание имени ПОДРУГА на рубеже XX-XXI вв. в русской лингвокультуре претерпевает заметные и однозначные изменения. Русская концептосфера испытывает влияние масс-культуры, прежде всего сериалов и так называемых «женских романов». Их сюжеты, строясь на мотиве обретения главной героиней полного и абсолютного счастья в любви и семье после невероятных испытаний ее верности и преданности избраннику. Роль лучшей подруги заключается не в душевной поддержке героини, а в разрушении ее мира: подруга разбивает семью, уводит мужа или жениха и т.д. Этой же тематике посвящены бесчисленные «женские» сайты типа woman.ru и profiliner.com, где посетители делятся историями про коварных подруг и встречаются такие тексты, как Эйфория – коварная подруга трейдера (здесь можно заменить на друг). Исключить версию о влиянии грамматики способна смоделированная конструкция *Удача – верный друг трейдера.

Таким образом, фактор, который сделал возможным указанную семантическую эволюцию концепта, следует искать в специфике первоначального концептуального содержания имени ПОДРУГА.

¹ Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2002. – 288 с.

² Толстой Н. И. Язык и культура // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995 а (1990). – С. 15-26.

³ Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Эволюция ключевых концептов русского языка XX в. аспекты изучения // Вестник РГРФ. – 2008. – № 1. – С. 120-127.

Кольчикова А.В., ТГУ, студент

Kolchikova A.V., TSU, student

Ключевое слово как инструмент лингвокультурологического анализа паремий

Keyword as a tool for linguistic and cultural analysis of paremia

В статье обоснована актуальность проводимого исследования; обозначены источники исследования; сделан обзор теоретического материала; проведен лингвокультурологический анализ ключевых слов хакасских и русских пословиц; приведены примеры лингвокультурологического комментария к тематическим разделам пословиц.

In the article the urgency of the conducted research; the sources of research are indicated; a review of the theoretical material was made; linguistic and cultural anal-

ysis of key words of Khakass and Russian proverbs was conducted; examples of linguocultural commentary on thematic sections of proverbs are given.

Ключевые слова: лингвокультурология, ключевое слово, пословица, лингвокультурологический комментарий

Key words: linguoculturology, keyword, proverb, linguoculturological commentary

Научный руководитель: Агапова Нина Александровна, канд. филол. наук, доцент

Актуальность исследования определяется малоизученностью русских и хакасских пословиц в сопоставительном аспекте. Кроме того, не изучен лингвокультурологический потенциал ключевых слов пословиц. Также результаты исследования могут послужить материалом для исследований в области лексикографии, паремиологии, лингвокультурологии, сравнительного языкознания. Сегодня направление лингвистики «язык – культура» активно разрабатывается, в лингвистике все более востребованными становятся исследования – сопоставления двух культур.

Источниками изучения послужили: пословицы, собранные автором в республике Хакасия, в Аскизском районе, аале Верх-Тя – 16 единиц; материал из сборника У. Н. Кирбижековой «Мудрое слово. Хакасские пословицы, поговорки и загадки» – 72 единицы; материал из словаря В. И. Даля «Пословицы русского народа» – 122 единицы.

Паремии являются единицами, которые соединяют в себе и лингвистическую и экстралингвистическую сторону, объединяют содержание языкового знака и культурного смысла. Эти языковые единицы наиболее наглядно демонстрируют особенности той или иной языковой картины мира. Под термином паремия большинство современных исследователей понимает единицы народного происхождения, прежде всего, пословицы и поговорки.

Пословица может быть объектом изучения в рамках междисциплинарной парадигмы: фольклористика, лингвистика, психология, этнология и т.д. Существуют следующие подходы в изучении пословиц: фольклористский (пословица как фольклорный текст); лингвистический (пословица как фразеологическая единица); когнитивный (пословица как репрезентант абстрактных структур сознания); лингвокультурологический (пословица как культурная ценность).

Для данного исследования актуален лингвокультурологический подход в изучении паремий. Работа относится к области сравнительной лингвокультурологии, исследующей лингвокультурные проявления разных этносов. В связи с исследованием паремий это направление лингвокультурологии дает возможность выявить универсальное и культурно-национальное в семантике и структуре пословиц, охарактеризовать национальный менталитет и особенности миропонимания народа. Выделяются смысловые области, в большей мере подверженные универсализации, и смысловые области, в большей степени проявляющие самобытность.

Инструментом лингвокультурологического анализа пословиц в данной работе выступает ключевое слово (КС) – понятие, предложенное А. Вежицкой. Исследователь дает определение КС как «слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры». По мнению исследователя, КС являются слова, которые содержат в себе культурную информацию и транслируют её от одного поколения к другому: «Лингвоспецифичные слова отражают и передают образ жизни, характерный для некоторой данной языковой общности, и могли бы рассматриваться как своего рода свидетельства о каких-то особенностях соответствующей культуры»¹.

Кроме того, принципиально важно определить методику выделения КС пословиц. Актуальными критериями выделения КС являются семантическая нагрузка и грамматические показатели. КС выделяется на основе семантики пословицы. Также КС должно содержать в себе культурную информацию. В качестве КС выступают исключительно самостоятельные части речи. Большинство КС выражают имена существительные и прилагательные, редко в этой роли выступают глаголы. КС всегда являются общеупотребительными словами.

Основополагающим материалом для исследования являются хакасские пословицы. Семантика КС, выделенных в этих пословицах, послужила формированию 11 тематических групп: богатство – бедность, жадность, народ, дружба, умный – глупый, хороший – плохой, мужское – женское, семья, храбрый – трусливый, зоонимы, *мысль – слово*. К каждой группе был составлен отдельный лингвокультурологический комментарий, который включает в себя анализ КС хакасских пословиц, анализ КС, выделенных в русских пословицах, а также сопоставительный анализ КС и тех реалий, бытовых и духовных, которые эти КС репрезентируют. В каждом разделе были сделаны выводы, об общности и различии тех или иных явлений в русской и хакасской культурах. В некоторых разделах для того, чтобы доказать достоверность гипотезы привлекались материалы из других фольклорных жанров. Важно отметить, что в ходе исследования был сделан вывод о том, что в этих двух культурах встречаются пословицы с совершенно аналогичной семантикой. Например, пословицы «левая рука в сале, правая в масле» и «одна рука в меду, другая в патоке» обозначают богатого человека, но в хакасской пословице речь идет о жирной пище, а в русской – о сладостях. Паремистолог Г.Л. Пермяков говорит, что разница в таких пословицах заключается лишь «в их образном строе, в местных реалиях и понятиях». А общность, по мнению исследователя, проявляется «в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни»².

Раздел «мужское – женское». В данном разделе представлено 8 хакасских пословиц, выделенные в них КС: мужчина; нет мужчины; не отвердел, не окреп; ребенок; девушка, женщина; отец, мать; дочь. КС, выделенные в 14 русских пословицах: сварливая; врознь; не человек; не заткнешь; изменчива; слезы; в избе; кошка; собака; добрая; бить; жена, муж; главный. Категории мужского

и женского представлены в обеих культурах. В то же время в русских пословицах часто встречаются пословицы, в которых КС является противопоставление муж-жена. А в хакасских пословицах КС представлены как противопоставление отца и матери. В основном, положение мужчин одинаково как в русском, так в хакасском обществе. Мужчина является главой семьи, который становился полноправным членом общества после того, как заведет многодетную семью. В русских и хакасских пословицах о мужчинах встречаются следующие КС: муж, мужчина, нет мужчины. Главная функция женщины в обеих культурах заключается в продолжении рода. Также женщина ведёт домашнее хозяйство, заботится о всех домочадцах, поддерживает домашний очаг. В русской культуре встречаются сравнения женщины с таким домашним животным, как кошка, так как женщина большую часть времени проводит в доме. В хакасском фольклоре сравнения женщины с домашними животными не встречаются, что можно объяснить различиями устройства хозяйственной жизни. В обеих культурах встречаются пословицы о дочерях, в которых КС являются слова с семантикой чужого. И у хакасов, и у русских дочь считается чужим ребенком, так как после замужества она уходит в другую семью.

Таким образом, способность КС не только «держат» на себе всю семантику пословиц, но и хранить культурную информацию дала возможность создать тематические группы (разделы) и лингвокультурологический комментарий к этим разделам. Выделенные в пословицах КС позволили сделать вывод о том, что две культуры имеют общее духовное ядро. Но в связи с разностью религиозных воззрений, бытовых и культурных реалий существует и различия в представлениях двух народов о тех или иных явлениях.

¹ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов: пер. с англ. А. Д. Шмелева / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

² Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. – 236 с.

Феллер Е.В., ТГУ, студент

Feller E.V., TSU, student

Аксиологический потенциал деривационных каритивов

Axiological potential of diversion caritivs

Статья посвящена репрезентации деривационных каритивов через «без-конструкции», проанализированы их идеографические группировки в сфере «Человек», аксиологический потенциал, выявлены единицы с амбивалентной оценочной семантикой.

The article is devoted to the representation of derivation throw «without-structures», there is an analysis of their ideographic groups in the sphere of «Human», their axiological capability and identified units with ambivalent semantics of evaluation.

Ключевые слова: аксиология, каритивы, «без-конструкции».

Key words: axiology, caritivs, «without-structures»

Научный руководитель: Калиткина Галина Васильевна, д-р филол.наук, доцент

Концепт ПУСТОТА входит в ряд ключевых ментальных представлений русской концептосферы, поскольку он напрямую представляет ее ценности. Ментальная идея пустоты связана в том числе с семантико-прагматической категорией каритивности (лишительности). Воплощающие ее языковые единицы, которые «выражают значение недостачи, нехватки, отсутствия чего-либо»¹, распадаются на группы семантических и деривационных каритивов. В последних человек ярче представляет результаты своей предметно-познавательной и языкотворческой деятельности. Механизмы деривации обнаруживают национально-культурную специфику языкового сознания. За ними стоит тождественное для всех носителей лингвокультуры представление о том, что именно из неисчерпаемого универсума действительности должно быть вычленено как отдельная сущность и ословлено. Каждое производное слово – это всегда устойчиво воспроизводимое «мнение по поводу», разделяемое всем языковым коллективом и навязываемое новым поколениям.

Рассматривая деривационные каритивы, обратимся к так называемым «без-конструкциям», которые при помощи приставочного форманта эксплицируют указание на нехватку элемента некоего целого или компонента какой-либо ситуации. Праславянская негативирующая приставка *без-* порождает лексемы, способные функционировать в разнотипных дискурсах. Предварительная выборка из словарей литературной подсистемы русского языка дала 301 единицу межчастеречного характера, и большая часть материала представлена именами прилагательными.

На данном этапе исследования «без-конструкций» особый интерес вызывает идеографическая сфера «Человек»: различные проявления человеческой сущности задают нашему сознанию те содержательные характеристики и когнитивные модели, через призму которых мы осознаем и внеположный человеку мир. Окружающая нас действительность интерпретируется как продление сущности человека. Человеческое часто становится сферой-источником в актах метафорического миромоделирования той или иной лингвокультуры.

Идеографический анализ выявляет следующие группы прилагательных:

1. Органическая недостаточность человека (корпоральные аномалии): *беспалый, безбровый, безухий, безносый, безногий* и т.д.
2. «Пограничная» недостаточность между телесными и душевными свойствами человека: *бесхребетный, безгласный, бесплодный* и т.д.
3. Недостаточность неорганических проявлений человека, к которым отнесем: (а) способности: *бездарный, бессловесный*; (б) качества:

бессовестный, безвольный; (в) чувства: *безжалостный, беззаботный*; (г) поступки: *безотказный, безропотный*.

Лексемы 2-й группы способны развивать метафорическую семантику, выходящую за пределы собственно «телесной» сферы. Наиболее частотными у них оказываются именно переносные ЛСВ, которые репрезентируют символику того или иного корпорального элемента, например: *безгласный* ‘не имеющий голоса’ → ‘не выражающий самостоятельного мнения, протеста’; бесплодный ‘не способный производить потомство’ → ‘безуспешный, безрезультатный’. Для ряда единиц словари приводят только переносное ЛЗ: *бесхребетный* ‘не имеющий твёрдой линии поведения; беспринципный’ (С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова).

Русские деривационные механизмы активно вовлечены в формирование оценочных смыслов, которые входят в семантический объем производных лексем. Высокая аксиологичность «без-конструкций» обусловлена их нацеленностью на выявление нормы «заполненного» универсума через указание на его аномальное опустошение. Ещё античная философия трактовала ничто, отсутствие, пустоту как «нечто нуждающееся в наполнении, но лишённое возможности наполнить себя само, вечную нужду, не знающую удовлетворения»². Представление о греховности пустоты как формы небытия присуще и христианству, и традиционной народной культуре. Возможна ли в таком случае положительная оценка семантики нехватки?

Все зависит от того, на что направлена негация: нехватка неодобряемой сущности, например, злобы, обуславливает положительную оценку в семантическом объеме лексемы *беззлойный*. Как и наоборот, ср.: *бессовестный*. Считается, что в аксиологическом пространстве русской ЯКМ положительные оценки не очень частотны. По словам Н.Д. Арутюновой, в нем обвинительная окраска преобладает над оправдательной³. Данный тезис подтверждают и деривационные каритивы: из собранного материала только 23 единицы несут положительную оценку. Таким образом, аксиологическая специфика «без-конструкций» преимущественно заключается в отрицании одобряемых народным коллективным сознанием сущностей, воспринимаемых как норма, предъявляемая к человеку и миру. Отсутствие, нехватка этой нормы получает своё ословливание в языке через механизм присоединения приставки *без*.

Анализ выявил также единицы с амбивалентной оценкой (*безропотный, бесхитростный, беззаботный*), которая демонстрирует контекстную зависимость. Подобные лексемы представляют интерес именно своей двойственностью, которая имеет национально-культурное своеобразие. Компоненты семантики данных единиц не противоречат друг другу, а воплощают принцип контрадикторности, что создаёт целостный образ в сознании носителя языка.

Кроме того, существуют имплицативные оценочные смыслы и динамика оценки в диахроническом аспекте.

Итак, средства деривационного миромоделирования при помощи «без-конструкций» закрепляют привычные «ходы русской мысли». Поскольку человек

избирательно относится к неисчерпаемому многообразию мира, то характерны уже сами феномены, отсутствие которых становится значимым для русской лингвокультуры. Близкие по смыслу элементы действительности не совпадают в их языковой отмеченности: *бесславный*, но **беспозорный*, *безотказный*, но **бессогласный*, *беззлобный*, но **бездобротный*. Специфика данного фрагмента ЯКМ таится в преобладании тех сущностей, которые подвергаются негации. Открытым остается вопрос о смене полюсов оценки и о наличии нейтральных (безоценочных) деривационных каритивов в сфере «Человек».

¹ Толстая С. М. Семантическая модель каритивности // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008. – С. 50-98.

² Коковкина А. А. Аксиология пустоты в европейской и восточной традициях // Вестник Приамурского государственного университета имени Шолом-Олейхема. Гуманитарные науки. № 1/1(7), 2011. – С. 53–62.

³ Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре. – М., 1999. – С. 6.

Цингерова, Н., Университет имени Коменского в Братиславе, ассистент
Cingerova, N., Comenius University in Bratislava, lecturer

Памятник как высказывание. Специфика мультимодального дискурса-анализа

Memorial as statement. The Specifics of the Multimodal discourse analysis

Темой данной статьи являются теоретические и методологические аспекты мультимодального дискурса-анализа. Применение подхода продемонстрировано на примере памятников, понимаемых как высказывания – манифестации определенных способов конструирования лиц/коллективных субъектов/событий.

The subject of this article is the theoretical and methodological aspects of multimodal discourse analysis. The application of the approach is illustrated by the example of monuments, understood as statements – manifestations of certain ways of constructing individuals / collective subjects / events.

Ключевые слова: мультимодальный текст, образ России, дискурс-анализ, невербальная практика

Key words: multimodal text, image of Russia, discourse analysis, non-verbal practice

Данная статья подготовлена в рамках проектов KEGA Vysokoškolská učebnica Ruské lingvorealie с регистрационным номером 072UK-4/2015/ и VEGA Jazyk a konflikt. Vytváranie obrazu nepriateľa v súčasnom verejnom diskurze с регистрационным номером 1/0539/17.

Понятие «дискурс» является одним из наиболее спорных понятий в современных гуманитарных исследованиях. Расхождения в его определении касаются, притом, прежде всего двух вопросов: 1) функции, роли, которую он играет в процессе контурирования социального мира (критический дискурс-анализ vs Эссекская школа дискурса)¹; 2) разграничения «дискурсивных» и «недискурсивных практик» с точки зрения их формального облика². И хотя в ходе теоретического осмысления больше внимания уделяется первому вопросу³, приступая к эмпирическому исследованию, формируя корпус фрагментов дискурса, подлежащих последующему анализу, на первый план выступает как раз вопрос второй. Даже если мы не согласны с проведением грани между дискурсом и не-дискурсом⁴, типичным для исследований в рамках так называемого критического анализа дискурса (в отличие от так называемой Эссекской школы дискурса⁵), диверсифицированный подход, на наш взгляд, оправдан разной спецификой разных практик и позволяет членение исследования, которое, таким образом, становится лучше структурированным. Он дает возможность четче подбирать инструменты для исследования того, что мы «читаем», «видим», «слышим», «чувствуем», «делаем» и, в связи с этим, и «знаем». Но, данное разграничение должно, на наш взгляд, проводиться на основании формального характера знакового опосредствования, разных «тел» знаков, а не на основании функции, которую практики (разных типов) выполняют.

Данный круг вопросов стоит в центре внимания т. н. мультимодального дискурс-анализа – подхода, который по сравнению с напр. критическим дискурс-анализом поскромнее представлен научной литературой⁶, что довольно странно, учитывая огромное количество разных визуальных элементов (фотографии, схемы, фонты и т. д.) и невербальных способов опосредствования значений, используемых в масс-медиальной коммуникации.

Важную идейную базу данного течения в рамках дискурсных исследований представляет системно-функциональный подход к языку М. Халлидея, который применяется к другим семиотическим ресурсам, и социальная семиотика Т. ван Лиувена и Гюнтера Кресса⁷. В отличие от «классической» структуралистской семиотики, которая интересуется отношениями, оппозициями в рамках знаковой системы, социальная семиотика сосредотачивается на «производстве» и использовании знаков, анализе семиотических возможностей и «выборов». В центре внимания находится не знак, а «ресурс» (resource). Тезис об арбитrarности знака отвергается, отношение между формой и содержанием основано на интересах «производителя» знака.⁸ В качестве методологических и теоретических вдохновлений можно перечислить и работы из области визуальной культуры М. О'Тула, Р. Барга, Дж. Бергера; философские тексты Н. Гудмена и Ч. Пирса (главным образом его категоризацию знаков по их отношению к объекту).

В качестве примера можно привести исследование, касающееся (словацкого) дискурса о России, которое, как нам кажется, обязательно должно в себя включать не только «классические» тексты «погруженные» в разные контексты (хотя осоз-

наем силу/мощность эффективной выразимости (effability), присущую вербальному языку⁹), но и мультимодальные тексты, построенные путем использования разных семиотических ресурсов – модусов а, в случае Словакии, и вопрос манифестаций, материализаций нарративов о России в форме памятников; вопрос, касающийся того, как они представлены в публичном пространстве и какими практиками они «насыщены».

Прибегая к анализу такого рода объектов, мы, таким образом, должны сосредоточиться как минимум на трех составляющих: 1) на самих памятниках – манифестациях определенных нарративов¹⁰ о России, подлежащих семиотическому анализу и раскрытию их интерпретационного потенциала; 2) на вербальной практике, текстах – фрагментах дискурса, которые памятники осмысливают, «пристегивают» к разным знакам; 3) на невербальной практике, ритуалах, которые способствуют оседанию/седиментации определенных нарративов об определенных событиях/лицах/коллективных субъектах, способствуют их включению в число значимых для определенного общества событий/лиц и их предпочтительной интерпретации.

Так, например, если взять мемориальную доску, посвященную Петру I¹¹ и установленную на стене Словацкого национального музея, которая становится объектом конкурирующих (вербальных) артикуляций (Россия как открыватель/Россия как оккупант)¹², в ходе анализа в центре внимания должна находиться не только вербальная практика, способствующая осмыслению, «пристегжке» памятника к разным знакам, дискурсам, но и интерпретационный потенциал тела данного знака: возможность индексального (отсылает к определенному, конкретному событию), или же символического «прочтения» памятника, понимаемого как высказывание.

¹ Филлипс, Л. Йоргенсен, М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. – 354 с.

² Fairclough, N. *Discourse and Social Change*. Cambridge; Oxford; Malden: Polity Press, 1993. – P. 62-91; Keller, R. *Diskurs-forschung: eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen*. 3., aktualisierte Auflage. Wiesbaden VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. – P. 64.

³ Ср. напр. Филлипс, Л. Йоргенсен, М. (2008). *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр; Torfing, J. (1999). *New Theories of Discourse*: Laclau, Mouffe and Žižek. Oxford; Malden: Blackwell Publishers; Laclau. *A critical reader* (2004). Edited by S. Critchley – O. Marchart, London, New York: Routledge; *Diskurs – radikale Demokratie – Hegemonie. Zum politischen Denken von Ernesto Laclau und Chantal Mouffe* (2007). Edited by M. Nonhoff, Bielefeld: Tran-script Verlag.

⁴ Fairclough, N. (1993). *Discourse and Social Change*. Cambridge; Oxford; Malden: Polity Press; Keller, R. (2007). *Diskurs-forschung: eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen*. 3., aktualisierte Auflage. Wiesbaden VS Verlag für Sozialwissenschaften

⁵ Ср. напр. Torfing, J. (1999): *New Theories of Discourse*: Laclau, Mouffe and Žižek. Oxford; Malden: Blackwell Publishers.

⁶ Ср. напр. *Multimodal Discourse Analysis. Systemic Functional Perspectives* (2004), edited by Kay L. O'Halloran. London, New York: Continuum; Machin, D. – Mayr, A. (2012) *How to do critical discourse analysis*. Los Angeles, London: Sage.

⁷ Ср. напр. Kress, G – Leeuwen, T. (2006). Reading Images: The Grammar of Visual Design. Second Edition, London, New York: Routledge; Kress, G. (2010). Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London, New York: Routledge.

⁸ Ср. напр. Kress, G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. London, New York: Routledge, 2010. – P. 54.

⁹ Eco, U. Teorie sémiotiky. Praha: Argo, 2009. – P. 216.

¹⁰ В связи с темой ср. Dulebova, I. Koncept impéria v Rusku na začátku 21. století a fenomén sebakolonizace ruskij a rossijskij // Ruské imperiální myšlení v historii, literatuře a umění: tradice a transformace. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2015. – с. 247-269.

¹¹ В связи с теорией прецедентности ср. Dulebova, I. (2015). Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka interkultúry a lingvodidaktický aspekt. Bratislava: Univerzita Komenského.

¹² Ср. Цингерова, Н. «Похищая» Европу. Анализ мультимодального текста на примере обложки словацкого еженедельника «týždeň» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения., вып. 17. – Томск: Изд. Том. ун-та, 2016. – С. 153-157.

Чжан Сянюй, ТГУ, магистрант

Zhang Xiangyu, TSU, master student

Роль цветообозначений в художественном тексте на примере рассказов Чехова

The role of color terms in the artistic text on the examples of chekhov's stories

Статья посвящена исследованию роли лексических единиц с цветовой семантикой в художественном тексте. На примере рассказов А.П. Чехова проанализировано использование цветообозначений и их структурные особенности. Из полученных результатов делается вывод о роли и значимости цветообозначений в художественной литературе, и в частности в идиостиле А.П. Чехова.

The article is about the role of lexical units with color semantics in an artistic text. On the example of the stories of A.P. Chekhov we analyze the use of colors and their structural features.

Ключевые слова: цветообозначения, художественный текст, идиостиль Чехова.

Keywords: color terms, artistic text, Chekhov's idiostyle

Научный руководитель: Долганина Анна Алексеевна, канд. филол. наук

Важнейшим источником информации для человека является глаз, немаловажная способность которого – это цветовосприятие. В нашем сознании цвет вызывает ассоциации, заложенные в нас с самого детства, следовательно, понимая это, многие писатели и поэты, использовали цвет в качестве инструмента художественного описания, придавая изображаемому не только цвета и оттенки, но и чувства, эмоции, состояние героев и окружающих их условий¹. В исследовании анализируется семантика цветообозначений в русской литературе на примере рассказов А.П. Чехова: точность и краткость его словоупотребления наделяет каждое слово текста особыми значениями и функциями.

Цветообозначение изучается через лексическое выражение семантики цвета, есть 2 вида классификации: функциональная – на основании критерия

«функция цвета в рассказе» и формальная – на основе предикативного и непредикативного способа выражения².

Цветобозначения имеют различные функции: они могут описывать 4 объектные сферы (неживую природу, пейзаж, портрет, внутреннее состояние) при этом используются в прямом и переносном значении, то есть могут выполнять номинативную функцию и коннотативную функцию. Автор использует их и для описания художественного мира, и в заглавиях рассказов (*Красная горка*, *Мои жены*: письмо в редакцию – Рауля *Синей* Бороды).

Охарактеризуем функции лексики цветобозначения по объектам их описания:

1) Неживая природа (интерьер): «на ней был турнюр с четырьмя перехватами и высокая шляпка с *рыжей* птицей» (Драма) – цвет привлекает внимание к детали – птице на шляпе, обозначает реальный объект, следовательно, функция – номинативная. «Слилась с *серым* воздухом кабинета» (Драма). Отчетливо видно, что в данном случае слово «серый» не используется в прямом значении, а придает описанию оттенок пассивности, беспросветности, брэнности, следовательно, цветобозначение употреблено в коннотативной символической функции. Оттенки коннотации «брэнный» и «беспросветный» добавляют и психологическую функцию, так как ассоциируются с подавленным состоянием человека.

2) Пейзаж: описание окружающей обстановки посредством цветовых, световых характеристик также задает определенную эмоциональную тональность произведения: «Празднуется он на горах и пригорках, где прежде всего тает снег и показывается *зеленая травка – отсюда и название праздника*. Следовало бы по-настоящему назвать его *зеленой* горкой, но предки наши уродились в наших современников: придавать всему выдающемуся *красную* окраску было их страстью» (*Красная горка*). В данном примере хорошо видно, создается праздничная атмосфера, так как цвета (красный, зеленый), используемые автором, имеют символическое значение жизни и активности, сам Чехов актуализирует этимологическую связь слов «красный» и «красивый». В описание пейзажа А.П. Чехов вкладывает общую атмосферы произведения, через пейзаж показывает настроение и эмоции героев. Но у слов «красная горка»/»зеленая горка» также есть дополнительная функция – вызывать коммический эффект: народная номинация праздника противоречит логичному названию и цветобозначению – «Следовало бы по-настоящему назвать его *зеленой* горкой», а использование слова «красный» Чехов называет «страстью».

3) Портрет героя: например, в рассказе «Человек в футляре» автор противопоставляет типы героев и подчёркивает это цветовыми характеристиками. В противопоставлении показана внешность Беликова и Коваленко: *тёмные* очки на бледном лице у Беликова и, с другой стороны, *смуглый* Коваленко и его сестра – *чернобровая* и *краснощёкая*. Следовательно, у цветобозначений есть функция противопоставления вместе с номинацией.

4) Внутреннее состояние персонажей: например, с помощью цветообозначений передаётся внутреннее состояние персонажей в рассказе «Два скандала»: «На глазах блестели слезы, готовые каждую минуту закапать на музыкальные значки с *черными* булавочными головками». Кроме отчаяния героини, выразившегося в её слезах, А.П. Чехов в качестве противопоставления изображает ноты «с *чёрными* булавочными головками» – мир музыки и искусства, который одновременно прекрасен и жесток. В этом примере наблюдается психологическая функция цветообозначения.

Рассмотрим формальный аспект способа выражения цветовосприятия в рассказах А.П.Чехова. К предикативным единицам цветовыражения относятся:

1) глаголы с семантикой цвета, мотивированные прилагательными. К этой группе относятся глаголы «краснеть», «бледнеть» «багроветь». При этом самым часто встречающимся является глагол «краснеть». «Я чувствую, что у меня даже калоши *покраснели*» (Добрый знакомый); «он только замигает глазками и *покраснеет*» (Барон) – при описании изменений внутреннего состояния персонажа. Дважды встречается глагол «багроветь»: «*побагровел* от стыда» (Барон), «Сказал Коваленко и *побагровел*» (Человек в футляре). Также встречаются глаголы «румяниться», «золотиться» и др.

2) краткие прилагательные или прилагательные в сравнительной степени, которые входят в сказуемое в качестве именной части. В рассказе «Рано!» при описании пейзажа А.П. Чехов использует несколько кратких прилагательных: «цвет этих облаков не поймешь: края их *красны*, но сами они то *серы*, то *лиловы*, то *пепельны*».

3) существительные, входящие в сказуемое в качестве именной части: «На щеках её *играл* здоровый *румянец*» (В рождественскую ночь), «половина солнца, которое, уходя на ночлег, мигает, *переливает багрянцем*» (Рано!).

К непредикативным единицам цветообозначения относятся:

1) полные прилагательные: чаще всего встречается прилагательное «красный» и для описания внешнего вида человека, неживой природы, и пейзажа: «большая полная дама с *красным*, мясистым лицом» (Драма), «Направо темнел острог с *красной* крышей» (Темнота). Вторым по частотности является прилагательное «рыжий», использующееся не только для описания внешности: «*рыжий* Гамлет был ужасен» (Барон), но и как имя собственное, где является субстантивированным прилагательным: «Глядеть в ноты, *рыжая!*» (Два скандала). В рассказах А.П. Чехов использует полные прилагательные со значением цвета для описания неживой природы: «*коричневый* сюртук» (Барон), «*серый* забор» (Актерская гибель).

2) наречия: «Мокрый снег опять красит *набело* его и лошаденку» (Тоска).

А.П. Чехов с помощью цветообозначений не только живописно характеризует интерьер или пейзаж, но и достигает комического или психологического эффекта. Анализируя цветообозначения в рассказах А.П. Чехова, мы познакомились с идиостилем писателя и выделили особенности его художественного

языка: писатель использует как предикативный, так и непредикативный способ цветообозначения. Определено, что цветообозначения, используемые А.П. Чеховым, относятся к разным частям речи, что помогает создавать объёмную картину художественного мира и яркие образы персонажей. Цвет используется не столько часто, сколько выразительно: слово редко употребляется только для обозначения цвета в номинативной функции, как правило, задействуются коннотативные значения (символическое, комическое, психологическое).

¹ Кокорин С.А. Свето- и цветообозначение в поэтическом творчестве С.А. Есенина: Структурно-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2012. – 21 с.

² Хизниченко А.В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б. Л. Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2014. – 399 с.

РУССКИЙ ЯЗЫК И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Айданна Балэсяти, ТГУ, магистрант

Aidanna Balexhati, TSU, master student

Языковые средства выражения положительной оценки в радиотекстах о китайской традиционной одежде

Language as a meaning of expression of a positive evaluation in radio texts about Chinese traditional clothes

В статье анализируются языковые единицы, выражающие положительную оценку в радиотекстах о китайской традиционной одежде, определяется их коммуникативно-прагматическая роль.

The article analyzes linguistic units expressing positive evaluation in radio texts about Chinese traditional clothes, determined by their communicative and pragmatic role.

Ключевые слова: радиотекст, положительная оценка, китайская традиционная одежда, ципао, языковые средства выражения, уровень языка

Keywords: radio text, positive evaluation, Chinese traditional clothes, cheongsam, language as a meaning of expression, language level

Научный руководитель: Нестерова Наталья Георгиевна, д-р филол. наук, доцент

Оценка, будучи одним из ключевых коммуникативных действий, активно изучается в лингвистике¹ и смежных с лингвистикой гуманитарных областях². При этом в исследованных нами базах данных не встретились публикации, в которых бы с лингвистических позиций специально изучалась роль положительной оценки в текстах о китайской национальной одежде.

Материалом для исследования послужили тексты «Международного радио Китая – CRI russian». CRI Online – это интернет-сайт радиостанции, который является одним из ведущих многоязычных информационных веб-сайтов Китая. Русскоязычная версия сайта официально открыта в 1999 году.

Радио занимает важное место в жизни современного человека, так как является источником информации об экономических, культурных и социальных событиях, происходящих в мире. Будучи самым доступным СМИ, радио способствует расширению кругозора слушателей, познавательной активности³, эффективной межкультурной коммуникации⁴.

В рамках исследования проанализировано 8 радиотекстов, посвященных самой распространённой разновидности традиционной одежды китайских женщин – ципао: «Китайские национальные костюмы», «Ципао в Шанхае», «Что такое «ци», что такое «пао», что такое ципао», «Ципао: национальное китайское платье», «Традиционное платье-ципао снова в моде», «Актриса Мэгги Чун возродила популярность платья-ципао», «Счастье и внешность», «Все женщины носили ципао».

Проведённый анализ показал, что положительная оценка в радиотексте – лишённом визуализации – вербализуется разнообразными средствами русского языка.

Положительно-оценочные единицы лексического уровня представляют синонимические ряды слов разных частей речи: основу синонимии в рассматриваемых текстах составляют синонимы-прилагательные, но встречаются также существительные, наречия, глаголы, ср.: нежный, грациозный, элегантный; хороший, прекрасный, правильный, натуральный, красивый; новый, стильный, модный; оригинальный, причудливый; пышный, торжественный, богатый; изящество, элегантность, изысканность; известно, популярно; любить, завоевать (любовь, симпатии).

Лексический состав с положительно-оценочной семантикой обнаруживает антонимические отношения: В 30-40 годах и на улице, и в литературных кругах все женщины носили ципао; нежные и грациозные, эти платья стали частью атмосферы этого романтического города; Китайский национальный костюм для мальчика или мужчины довольно строг и лаконичен.

Словообразовательный уровень представляют ряды однокоренных слов, включающие прилагательное, наречие, существительное: красивый, красиво, красота, красавица; популярный, популярно, популярность; элегантный, элегантно, элегантность.

На морфологическом уровне положительная оценка в исследуемом типе текста вербализуется средствами всех частей речи.

Закономерно, что основу составляет имя прилагательное: нежные и грациозные ципао; романтический город; хороший закройщик; специальное ателье; натуральный шёлк; «правильное» ципао; новая мода; причудливая пуговица; пышный декор; торжественная церемония; богатая вышивка; красивые платья; яркая краска; оригинальное платье; известные бренды; высокая мода; победоносное шествие; огромное уважение. В проанализированных радиотекстах используются также формы сравнительной и превосходной степени прилагательного, например: Безусловно одно: ципао подчёркивает стройность и изящность женщин. Даже походка меняется: становится более изысканной и женственной!

Имена существительные с оценочным значением используются для подчёркивания красоты и женственности традиционного китайского платья и его популярности не только в Китае, но и за его пределами: Выделяется одежда изяществом и элегантностью; Одним словом, красота и изысканность – *всё это традиционный китайский национальный костюм*; И в той, и в другой ситуации ципао создаёт впечатление простоты и мягкого очарования, изящества и опрятности; *Благодаря своей элегантности*, ципао стало источником вдохновения для многих дизайнеров; популярность в Шанхае; популярность платья-ципао; популярность в мире высокой моды.

Глаголы также употребляются для подчёркивания достоинств платья-ципао: *скрывать фатальные недостатки; подчеркивать фигуру китаянок; подчеркивать прекрасные изгибы женского тела*. Наречия усиливают положительную семантику, выраженную глаголом: *Платье идеально повторяло линии фигуры; плотно облегли фигуру*.

Изучение способов выражения положительной оценки позволяет не только уточнить характер реализации оценочных смыслов лексических единиц, но и обнаружить случаи формирования контекстуально обусловленной оценочности, когда положительная оценка передаётся в тексте посредством оценочно нейтральных слов. Языковые единицы, не содержащие в семантике оценочные коннотации, могут приобретать их в контексте. Данное наблюдение актуально как для некоторых приведённых выше единиц лексического и грамматического уровней языка, так и для синтаксического, в характеристике которого отметим использование восклицательных предложений: (Сегодня ципао популярно не только среди китаянок, но среди знаменитых актрис и певиц по всему миру!) и однородных членов предложения (однородными членами предложения *формируется представление о ципао как о широко распространённой одежде для всех в предшествующем данному и последующем высказываниях: Традиционные китайские национальные костюмы – одежда широких слоёв городского и сельского населения страны, среднего сословия и знати, чиновничества и интеллигенции*).

Коммуникативно-прагматическая роль выявленных языковых единиц с положительной оценкой заключается в том, что адресат, знакомясь с особенностями китайской традиционной одежды, удовлетворяет интерес к определённой части китайской культуры, расширяет свой кругозор, познаёт особенности развития китайских национальных традиций, обычаев, устоев жизни китайского общества.

¹ Ян Фан. Лингвопрагматический потенциал положительной оценки в рекламно-информационном журнальном тексте: автореф...дисс. канд. филол.наук. – Томск, 2014. – 24 с.

² Улине А.М. Искусство китайского народного костюма как объект изучения и творческого использования // Декоративные искусство и предметно-пространственная среда. Вестник Московского государственного художественно-промышленного университета. – 2011. – №2. – С. 28-33.

³ Нестерова Н. Г., Арсеньева Т.Е. Языковая реализация тактики привлечения внимания адресата к просветительской радиопрограмме о русском языке // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2015. – № 1 (31). – С. 199–204.

⁴ Нестерова Н. Г. Роль аутентичных радиотекстов в диалоге культур / Н. Г. Нестерова // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2014. – № 4. – С. 73–87.

Акмалова А.Р., ТГУ, студент

Akmalova A.R., TSU, student

Модель учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору»

The RAL textbook sample «Learning to understand Russian metaphor»

Статья посвящена проекту создания учебника для иностранных студентов «Учимся понимать русскую метафору», предназначенному для изучающих русский язык на уровне B1. В статье определена актуальность учебника, направленного на изучение метафорических единиц русского языка и понимание метафоры в когнитивном смысле; характеризуется модель учебника и приводится фрагмент урока.

The article is dedicated to the project of textbook creating «Learning to understand Russian metaphor» to be used by international students learning Russian language at point B1. The article defines the applicability of the textbook directed to learning the metaphorical units and understanding metaphor in cognitive sense; it characterizes the textbook sample and presents a lesson's excerpt.

Ключевые слова: РКИ, модель учебника, изучение метафоры

Key words: RAL, textbook pattern, metaphor learning

Научный руководитель: Юрина Елена Андреевна, д-р филол. наук, проф.

В последние десятилетия в связи с расширением международных экономических и политических связей России заметно возрос интерес к русскому языку в мире. Вследствие этого было создано множество пособий по обучению русскому языку иностранцев. Методическая литература по РКИ достаточно многочисленна и разнообразна; она охватывает пособия по освоению различных уровней языковой системы и всех видов речевой деятельности.

Можно условно разделить имеющиеся учебные пособия на следующие типы:

– базовые учебные комплексы по всем уровням языка (фонетика, лексика, грамматика).

– базовые учебные комплексы по всем видам речевой деятельности (чтение, аудирование, письмо, говорение).

– учебные комплексы, ориентированные на изучение определённого аспекта языка (лексика; фразеология) или речи (чтение; говорение).

Отметим, что наиболее представленными в современной литературе по РКИ являются первые 2 типа учебных комплексов. Составители учебных пособий, прежде всего, ориентируются на принцип первоначального освоения системы русского языка с последовательным развитием навыков речевой деятельности. По этой причине учебные пособия, ориентированные на изучение определённого аспекта языка, сравнительно малочисленны.

Кроме того, учебники по РКИ, охватывающие определённый аспект языка, составлены с учётом коммуникативной значимости того или иного уровня языка или речи. В частности, наиболее представленными являются учебники по обучению словообразованию, лексике и грамматике русского языка; чтению, ау-

дированию, письму и говорению. В учебных пособиях по лексике, как правило, отсутствует целенаправленная работа с метафорической семантикой, объяснением переносных значений в их связи с производящими прямыми значениями. Поэтому у учащихся не складывается цельность понимания семантики метафорических образов, стоящих за словами или выражениями.

В настоящее время в отечественной методической литературе по РКИ отсутствуют учебные пособия, посвященные освоению образных единиц языка и пониманию метафоры как когнитивного смыслообразующего механизма. Метафорические средства языка встречаются в учебниках по лексике и фразеологии, однако отсутствуют учебные комплексы, которые полностью посвящены языковым, речевым и лингвокультурологическим аспектам изучения метафоры. Предлагаемый учебник «Учимся понимать русскую метафору», концепция и модель которого представлена в данной статье, нацелен на восполнение данного пробела. Цель данного учебника – донести до иностранных студентов системный характер образности слов и выражений русского языка с опорой на свойственные русскому языку лингвокультурные метафорические модели.

Разрабатываемый учебник ориентирован на освоение метафорической лексики и развитие речи. Он предполагает расширение словарного состава иностранных учащихся за счёт метафорического ресурса языка, осознанное использование образных слов и выражений в речевой деятельности, освоение системы образов русской лингвокультуры. Разрабатываемый учебник предназначен для иностранных студентов 2-4 курсов высших учебных заведений, владеющих базовым уровнем русского языка от В1 до В2. Учебник будет включать тексты современных художественных произведений, где в достаточном количестве присутствуют метафоры, образная лексика.

На сегодняшний день в качестве источников учебных текстов используются романы Т. Соломатиной «Акушер – Ха» и Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»¹, язык которых отличается повышенной метафоричностью, но в то же время приближен к естественной современной русской речи. Как показал Национальный корпус русского языка, именно современная популярная женская проза характеризуется наличием богатого метафорического материала.

Остановимся на основных терминах, используемых в научно-методической концепции учебника – когнитивная метафора и образная лексика. Когнитивная метафора понимается как «ментальная схема, по которой осуществляется концептуализация познаваемых феноменов из сферы-мишени по аналогии с известными феноменами из сферы-источника»².

Под образной лексикой понимаются любые «слова и выражения, обладающие семантической двуплановостью и метафорической внутренней формой»³. К образной лексике относятся языковые метафоры (слова с переносным значением, обусловленные метафорическим или метонимическим переносом) («Верховный Жрец сверлил меня взглядом») и собственно образные слова (морфологически мотивированные лексические единицы с метафорической внутрен-

ней формой) (« ... А за дверью ещё около пятидесяти таких же бронеподростков как вы»). Кроме того, в нашей работе мы также рассматриваем устойчивые образные сравнения (образные выражения, включающие, как правило, 2 сравнимых элемента с общим признаком), которые делятся на следующие типы:

Творительный сравнения – устойчивые выражения с существительным в творительном падеже: «– Ну ещё бы! А как же! – эхом раздалась ехидно-презрительные возгласы, и Вася стал фиолетовым в крапинку»⁴ (Соломатина Т. «Акушер – Ха». С. 12).

1. Родительный сравнения – устойчивые выражения с существительным в родительном падеже: «– Отличница, комсомолка, спортсменка, – изрёк главнокомандующий тоном статуи Железного Феликса» (Соломатина Т. «Акушер – Ха». С. 13).

2. Перифразы – образные выражения, которые называют одно понятие посредством нескольких понятий: «Свет божий не принял меня дружескими объятиями Шурика, и я поплелась в «Меридиан», где репетиция уже переходила в фазу «кто кого больше уважает» (Соломатина Т. «Акушер – Ха». С. 14).

3. Идиомы – выражения, смысл которых не выводим из значений составляющих их единиц: «Цикл детских болезней» – у чёрта на куличках на одной городской окраине. «Хирургия» – на другой» (Соломатина Т. «Акушер – Ха». С. 17–18).

Учебник включает два больших раздела: 1) теоретико-практическую часть и 2) лингвострановедческий словарь.

Предполагается, что теоретико-практическая часть будет включать адаптированные тексты из вышеупомянутых художественных произведений, сопровождаемые предтекстовыми и послетекстовыми заданиями. Как предтекстовые, так и послетекстовые задания имеют системный характер и ориентированы на выполнение следующих задач:

- семантизация новых слов и выражений,
- выявление образных слов и выражений,
- понимание образных значений исходя из мотивирующих прямых значений этих слов и выражений,
- освоение метафорической системы языка,
- пополнение активного словарного запаса учащихся,
- преодоление различных трудностей чтения, обусловленных незнанием культурного фона, описываемого в предложенном тексте; наличием в тексте незнакомых слов и конструкций, отсутствием языковой догадки и пр.

В ходе обучения студентами будут приобретены следующие навыки:

- навык понимания метафорических значений слов и текстовых фрагментов,
- навык понимания содержания текста,
- навык осмысления содержания текста,
- навык использования метафорических слов и выражений.

– развитие речемыслительной деятельности, которая приводит к развитию навыка подготовленной и неподготовленной речи.

Вторая часть учебника представлена лингвострановедческим словарём, включающим разного рода метафоры. В данной части учебника будет представлен корпус образных единиц, сгруппированных на двух основаниях: 1) по алфавиту – для простоты поиска учащимся метафорических единиц, 2) по тематическому (идеографическому) принципу с целью описания фрагмента русской метафорической картины мира.

Представим фрагмент учебника, посвященный работе с текстом и использованными в нём образными словами и выражениями с точки зрения понимания метафорических смыслов.

1. Соотнесите слова с картинками. Составьте предложения с этими словами.

- 1) Рой пчёл,
- 2) эхо в лесу,
- 3) поток воды,
- 4) бросить камень,
- 5) дует ветер

а)

б)

в)

г)

2. Прочитайте фрагмент из романа Татьяны Соломатиной, в котором говорится о ситуации из жизни студентов медицинского института. Найдите в нём слова в переносных значениях, метафорические связанные со словами из 1 упражнения.

В коридорах спорткомплекса роились мои однокурсники. Поток был хмур. Кто-то нервно растаптывал обувь в коридорах. Кто-то менял цвет лица, как хамелеон.

На вышедших из аудитории набрасывались, как на вернувшихся из царства Аида.

– Ну что?! – набросились однокурсники на Васю Перцена.

– Неврология, – еле слышным шёпотом сказал интервьюируемый, кстати сказать – сын заведующего кафедрой нервных болезней, и покраснел до самых кончиков рыжеватых волос.

– Ну ещё бы! А как же! – эхом раздались ехидно-презрительные возгласы, и Вася стал фиолетовым в крапинку.

– Не бойся, Васятка! Сын за отца не в ответе! – Шура бодро хлопнул Васю по плечу, после чего застенчивого Перцена сдуло в неведомом направлении.

3. Установите соответствия между словами и их переносными значениями:

1) сдуть,	1) толпиться,
2) роиться,	2) группа учащихся,
3) эхом,	3) начать активно расспрашивать,
4) поток,	выяснять что-либо,
5) наброситься.	4) многократно повторяясь,
	5) уйти в неизвестном направлении.

4. Найдите и подчеркните в тексте сравнительные обороты. Кто с кем или что с чем сравнивается? Как вы думаете, почему автор сравнивает эти объекты?

Лингвокультурологический комментарий. Царство Аида – в древнегреческой мифологии царство мёртвых. Аид – бог подземного царства мёртвых и название самого царства.

Представленный учебник разрабатывается в рамках коллективного проекта под руководством Е.А. Юриной. Нами изучаются научно-методические основы будущего пособия, связанные с анализом образной лексики; осуществляется подбор дидактического материала по освоению образной системы языка на уроке РКИ. В процессе составления учебника отбирается текстовый материал, исходные тексты адаптируются для иностранного читателя. Ведётся работа по составлению учебного лингвокультурологического словаря русской метафоры, который может быть использован как средство обучения на уроках РКИ.

¹ Рубина Д. На солнечной стороне улицы / Д. Рубина. – М.: Эксмо, 2012. – 512 с.

² Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. / Е.А. Юрина. – Кокшетау, 2013. – С. 30.

³ Там же.

⁴ Здесь и далее цитирование по: Соломатина Т.А. Акушер – Ха!: [роман] / Татьяна Соломатина. – М.: Изд-во АСТ, 2009. – 297 с.

Васильковская А.А., ТГУ, магистрант

Vasilkovskaya A.A., TSU, master student

Методический потенциал «диалектных» текстов в практике преподавания русского как иностранного

Methodological value of dialectal texts for teaching Russian as a foreign language

В статье дается методическое обоснование целесообразности применения диалектных текстов для обучения РКИ. Приводится модель адаптации текстов для основных уровней владения языком.

The following article focuses on the possibility of using dialectal texts when teaching Russian as a foreign language and proves its methodological effectiveness. Possible ways of adapting such texts are given and explained.

Ключевые слова: диалектный язык, диалектный дискурс, русский как иностранный, учебная адаптация текстов

Key words: dialect, dialectal texts, Russian as a foreign language, educational adaptation of texts

Научный руководитель: Банкова Татьяна Борисовна, канд. филол. наук, доцент

Стратегическая цель обучения иностранному языку подразумевает формирование в процессе обучения вторичной языковой личности, способной «в процессе отражать средствами языка окружающую действительность (картину мира) и достигать определенных целей в этом мире»¹. В практике преподавания русского языка как иностранного (далее РКИ) изучается стандартизированный вариант языка, и только на продвинутом этапе даются сведения о просторечной и разговорной лексике. Такая форма существования национального языка, как диалект, в учебных программах и пособиях не представлена вообще. Однако без знаний о территориальном варьировании языка невозможно сформировать у иностранцев представления о специфике традиционной культуры, традиционном быте, ритуалах и обрядах.

Основой текстоцентрического преподавания является текст – главная дидактическая единица. В настоящей работе вводится понятие «диалектный» текст. К разряду «диалектных» относятся следующие тексты:

- 1) художественные произведения или отрывки из них, в которых содержатся диалектизмы (В.П. Астафьев, В.Г. Распутин, В. А. Белов и др.);
- 2) научно-популярные тексты, посвященные традиционной культуре, обрядам, ритуалам, приметам и пр. К ним относятся и тексты лекций по традиционной русской культуре (в том числе тексты on-line курсов²);
- 3) научные тексты (монография, научная статья, диссертация, реферат, рецензия), предметом исследования которых становятся диалекты, их особенности и функционирование;
- 4) аутентичные тексты, отражающие реальную диалектную речь разных территорий России.

Таким образом, в практике обучения РКИ чаще используются тексты первой группы. Научно-популярные тексты, значительно адаптированные, становятся материалом для курсов по страноведению. Научные тексты по диалектологии и аутентичные диалектные тексты не привлекаются вообще. Этому есть объяснение. Во-первых, научный стиль речи труден для восприятия иностранцем, во-вторых, даже произведения лингвокультурологической направленности, необходимые для формирования вторичной языковой личности, «закрыты» для обучающихся, т.к. содержат культурную информацию, соединенную с научным мышлением. В реальных диалектных текстах, кроме культурной составляющей, содержится большое

количество фонетических, морфологических, синтаксических особенностей, в корне отличающих говоры от литературного языка. Однако такие произведения имеют особую методическую ценность, т.к. они могут являться одновременно предметом изучения, средством обучения и ключом к пониманию лингвокультурного значения диалектных единиц, привлеченных для анализа в научные произведения.

Для использования таких текстов в практике преподавания РКИ необходима их адаптация. Можно выделить несколько видов адаптации: 1) сильная – общее (полное) изменение речевой структуры текста, т.е. по сути произведение написано заново; 2) средняя – внесение существенных изменений путем сокращения или синонимических замен; 3) слабая, т.е. сокращение крупных фрагментов текста с сохранением их основной мысли; 4) условная, т.е. создание комментариев к какой-либо языковой единице (логика текста сохраняется)³. Ввиду специфики лексического состава рассматриваемых текстов, а именно наличия диалектных единиц, которые несут лингвокультурную нагрузку, рекомендуется использовать условную адаптацию для каждого уровня владения языком.

На уровне А2 (базовый этап обучения) значительно сокращается объем текста и упрощается его грамматическая структура, все культурно окрашенные языковые единицы семантизируются при помощи изображений или комментариев на родном языке. Только ограниченное количество семантически важных диалектных высказываний сохраняется в адаптированном тексте, их рекомендуется трансформировать при помощи известных обучающимся грамматических конструкций, чтобы снять языковые трудности. Например, приметы о печи: *В печи уголь гасить нельзя; Чего мусор туды [в печку] кидашь? А после похорон у печи стояли*⁴ – можно передать, как «в русской диалектной культуре есть такие приметы: 1. В печи нельзя гасить уголь. 2. В печь нельзя бросать мусор. 3. После похорон люди должны стоять около печи». Таким образом, адаптированный текст сохраняет свою методическую ценность, раскрывает лингвокультурное значение диалектных единиц, в то же время он является посильным для восприятия инофонами. На среднем уровне (В1 и В2) предполагается средняя адаптация. Диалектные наименования сопровождаются лингвокультурологическим комментарием на изучаемом языке (с наглядной иллюстрацией, при необходимости). Вводится больше диалектных единиц по сравнению с уровнем А2. Так, названия частей печи можно ввести с помощью изображения печи с пометами, сопроводив это комментарием: *русская печь похожа на маленький дом: в доме есть дверь, а у печи заслонка, в доме есть порог, и у печи тоже есть порог, комнаты в доме – это переднее и заднее чело и т.д. Такой комментарий не только объясняет значение диалектных единиц, но и демонстрирует традиционную модель восприятия мира русским человеком: печь – это модель дома. На продвинутом уровне (С1) предполагается слабая адаптация. Особенностью адаптации на продвинутом уровне является сохранение оригинальных примеров диалектной речи без изменений: «раньше кирпича не было, из глины били [печь]. Делаеть деревянный станок, сухую глину таскаешь и молотком бьешь. Середка-то пустая, хлеба печь, булочки садить... Глиняный домик»⁵.*

Подобные примеры рекомендуется обсудить в учебной группе, преподаватель должен прокомментировать особое употребление языковых единиц, обратить внимание на специфику диалектного текста. Использование «живой» диалектной речи необходимо для наглядной демонстрации описываемых явлений: приведенный выше пример сравнивает печь с домом, показывая ее центральное место в нем.

Таким образом, предложенная модель адаптации раскрывает методические возможности применения «диалектных текстов» в процессе обучения РКИ на разных этапах. Основной целью использования подобных материалов является формирование представления о русской традиционной культуре через языковые средства, что позволяет показать особую модель восприятия мира русским человеком, способствует повышению интереса и мотивации к обучению.

¹ Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш.шк., 2003. – С. 109.

² Курс «Традиционная культура в зеркале русских говоров». URL: https://courses.pushkininstitute.ru/courses/427?without_oauth=true

³ Коротышев А.В. «Матрица адаптации» как комплекс приемов для отбора и адаптации художественного текста в аспекте РКИ // МИРС. 2014. – №1. – С.79-85.

⁴ Примеры взяты из архивных записей, хранящихся в Лаборатории общей и диалектной лексикографии Томского государственного университета.

⁵ Банкова Т. Б. Слова-мифемы в сибирском семейном обряде / Т. Б. Банкова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 314. – С. 8. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000471066>.

Гоу Шаньшань, ТГУ, магистрант

Gou Shanshan, TSU, master

Использование живописи в иностранной аудитории начального этапа обучения

The use of painting to a foreign audience the intital stage of training

Статья обосновывает привлечение произведений живописи в преподавании РКИ уже на начальном уровне подготовки учащихся. Она представляет собой разработку урока для иностранцев по темам «Глаголы размещения в пространстве», «Квартира» с использованием картин русских художников.

The article substantiates the involvement of paintings in teaching RFL already at the initial level of training of students. It represents the development of the lesson for foreigners on the topics «Verbs of placement in space», «Apartment» using the paintings of Russian artists.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, живопись

Key words: Russian as foreign, methods, painting

Научный руководитель: Старикова Галина Николаевна, канд.филол.наук, доцент

Не подлежит сомнению, что искусство может служить сильным мотивирующим фактором для иностранцев на занятиях по овладению неродным для них языком. В первую очередь это относится к произведениям живописи, язык которой можно назвать интернациональным, потому что он нагляден и понятен всем хотя бы в самом общем виде. Художественные полотна могут служить просто иллюстрациями для многих лексических тем, а также быть материалом для развития речи, потому что, имея перед глазами картины, можно организовать дискуссию по ним. Всё здесь определяется целью занятия, личностью преподавателя, уровнем подготовки учащихся¹. Задача статьи – показать вариант работы по теме «Квартира» в иностранной аудитории начального этапа обучения (НЭО) с использованием произведений искусства.

Урок начинается с предъявления учащимся картин в жанре интерьера русских и иностранных художников, что помогает им самим определить тему урока («Квартира» или «Комната»). Преподаватель, показывая на изображения предметов интерьера, просит назвать их и место их расположения: *Это подушка, она на кровати, это цветы, они в вазе* – так повторяется актуальная для урока лексика и грамматика. Далее они поочередно читают диалог, в котором описывается квартира героини текста, представлена интерьерная лексика (*гостиная, спальня, стол, диван, шкаф*), определения к подобным существительным (*уютный, книжный, настольный*), глаголы размещения в пространстве (*стоять, лежать, висеть*).

После чтения студентам предлагается ответить на вопросы: 1) Сколько комнат в новой квартире у Кати? 2) Какая комната самая большая? 3) Что делают в столовой и что там стоит? 4) Какая комната у Кати? Что там стоит? 6) Что Катя делает в комнате? и др. Обобщению этих конструкций служит выполнение упражнений 1 – 3, где основное внимание уделяется глаголам.

Упр. 1. Где это делают?

что делают?	где?
готовят завтрак, обед, ужин	спальня
умываются и принимают душ	кухня
смотрят телевизор, отдыхают, разговаривают	ванная
вешают пальто и ставят обувь	гостиная
спят	прихожая

Запомните! Стол стоит в комнате. Цветы стоят в вазе. Ваза стояла на окне.

Хлеб лежит на столе. Книги лежат в столе. Шкаф стоял в углу.

Одежда висит в шкафу. Картины висят на стене. Зеркало висело там.

стоять – где?	лежать – где?	висеть – где?
стою стоим стоишь стоите стоит стоят	лежу лежим лежишь лежите лежит лежат	висит висят
стоял, стояла, стояло стояли	лежал, лежала, лежало лежали	висел, висела, висело висели
стой! стойте!	лежи! лежите!	

Упр. 2. Вставьте нужный глагол в форме настоящего времени: 1) На столе ... ваза с фруктами. 2) На тарелке ... яблоки. 3) Зеркало ... на стене. 4) Молоко ... в холодильнике. 5) В аудитории ... доска. 6) Где ... вилки, ножи, ложки?

Упр. 3. Составьте предложения по модели со словами *раньше – сейчас, вчера – сегодня, здесь – там*. Модель: Здесь вчера стоял стол, а сегодня стоит кресло. Раньше книги лежали здесь (в сумке), а сейчас они лежат там (на столе): Стол, кресло, кровать, чайник, фотография, зеркало, часы, картина, цветы, шкаф, телефон, чашка, расписание, лампа.

(ЧТО? – кто?) стоять, лежать, висеть (ГДЕ?) (КТО?) ставить / поставить, класть / положить, вешать / повесить (ЧТО? КУДА?)		
стоять	лежать	висеть
ставить / поставить Па	класть Пб / положить Пс	вешать / повешать Ia
ставлю ставим ставишь ставите ставит ставят	кладу кладём положу положим кладёшь кладёте положишь положите кладёт кладут положит положат	вешаю вешаем вешаешь вешаете вешает вешают
(по)ставил, -а, -и	кзал, -а, -и положил, -а, -и	(по)вешал, -а, -и
(по)ставьте! по)ставьте!	кзали! кзадите! положи! положите!	вешай!-те! повесьте!

Материал закрепляется в тексте 2 и упражнении 4:

Сегодня суббота. Анна убирает свою комнату. Прежде всего она положила каждую вещь на своё место. Тетради, ручки, карандаши она положила в письменный стол. Пальто, платья, костюмы Анна повесила в шкаф, книги она поставила в книжный шкаф, часы – на полку, телефон – на телефонный столик, настольную лампу – на стол.

Упр. 4. Вставьте нужный глагол (ставить / поставить, класть / положить, вешать / повесить) в правильной форме: 1) Мама обычно ... бельё в шкаф. 2) Надо ... цветы в вазу. 3) Саша ... одежду в шкаф. 4) Мама ... сыр и масло в холодильник. 5) В аудитории ... портреты русских писателей. 6) Официант ... на стол вино, ... ножи и вилки.

В завершение занятия читается стихотворение «В уютной квартире».

Этот урок был апробирован мною в полинациональной аудитории подготовительного факультета ТГУ. Уровень подготовки студентов соответствовал

начальному этапу обучения, большинство из них изучали русский язык только третий месяц. Анализ занятия позволил сделать выводы:

1. Работа с живописью оживляет работу преподавателя на уроке, развивает учеников. Используемые картины должны быть более информативными и выразительными, чтобы они были интересны для них, давали новые знания и экономили время преподавателя на объяснение некоторых слов и конструкций.

2. Занятия с группой по произведениям живописи должны включать и индивидуальную работу. Следует дифференцированно задавать вопросы: тому, кто слабее, они должны быть легче, чтобы он чувствовал свою успешность. Надо обращать внимание и на тех, у кого есть фонетические проблемы, и помогать им исправлять плохое произношение.

3. Материал допускает разнообразные формы работы, что нужно учитывать при разработке упражнений.

¹ Жаркова Т.Л. Урок по развитию речи (произведения искусства в обучении РКИ) //Сборник научно-образовательных материалов для учителей русского языка московских школ / Сост. Н.В. Кулибина. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2010. – С. 168.

Колесникова А.Ю., ТГУ, аспирант

Kolesnikova A.U., TSU, postgraduate student

Интертекстуальные связи в романе В. Пелевина «Generation «П»

Intertextual connections in the novel of V. Pelevin «Generation «P»

В рамках изучения постмодернистского текста особую актуальность приобретают интертекстуальные связи. В статье рассмотрены основные виды и способы включения «чужого» слова, а также проводится интертекстуальный анализ, направленный на выявление источников претекста и его функций в раскрытии идейного смысла произведения.

Intertextual connections gain actuality within the framework of a post-modernist text study. Principal types and means of borrowed fragments inclusion are considered in this paper. Intertextual analysis has a purpose to reveal pretext sources and its functions in the understanding of art fiction.

Ключевые слова: постмодернистский текст, интертекст, цитата, аллюзия

Key word: post-modernist text, intertext, citation, allusion

Научный руководитель: Крюкова Лариса Борисовна, канд.филол.наук, доцент

Феномен включения и преобразования «чужого» слова в рамках художественного текста приобретает особую значимость в формировании постмодернистской эстетики, утверждающей принципиальную невозможность создания нового в рамках современного искусства. Играя культурными кодами, авторы

стремятся переосмыслить мировое наследие, используя его как «строительный материал» для новых произведений. «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат, и в этом смысле **каждый текст является интертекстом**, другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях, в более или менее узнаваемых формах»¹. Не случайна «головокружительная радость узнавания» (О.Мандельшам), которую испытывает читатель, знакомясь с постмодернистскими текстами».²

Наличие различных форм литературных заимствований, обеспечивающих связи между литературными произведениями, получило название интертекстуальности. Термин принадлежит теоретику постструктурализма Ю. Кристевой, которая подчеркивала, что «для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее». Будучи неотъемлемой частью постмодернистского дискурса, интертекст признается «основным видом и способом построения художественного текста, состоящим в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам»³.

Существует два основных способа введения интертекстуальных отношений в текст: цитата и аллюзия. Цитата – это «воспроизведение двух или более компонентов претекста с сохранением той предикации (описания некоторого положения вещей), которая установлена в тексте-источнике; при этом возможно точное или несколько трансформированное воспроизведение образца»⁴. Аллюзия – это заимствование лишь некоторых элементов претекста, которые обеспечивают узнавание текста-источника. В случае аллюзии заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка претекста, присутствуют в новом тексте только имплицитно.

В процессе чтения между автором и читателем возникает диалог, в результате которого происходит постижение образа автора и концептуального содержания текста. Понятие так называемой межтекстовой компетентности подразумевает, что «в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного, приемы литературных описаний, принципы различных жанров, модели возможных переосмыслений, модели разных тропов»⁵ и т. д., которые способствуют адекватному восприятию текста.

Интертекстуальный подход к художественному произведению получил особенно широкое распространение в последние десятилетия. Выявление «чужих» текстов и дискурсов в составе анализируемого произведения и определение их функций составляет **интертекстуальный аспект** его рассмотрения»⁶.

Н.А. Фатеева пишет, что для интерпретации языкового выражения, связывающего данный текст с другим, необходимо выявить его функцию в данном тексте и фиксировать актуальную связь с исходным текстом, т. е. определить его толкование при помощи текста-источника.

Однако, развернутый интертекстуальный анализ предполагает два обязательных условия: во-первых, с точки зрения Ю. Кристевой, литературное произведение должно последовательно рассматриваться «не как точка, но как **место**

пересечения текстовых плоскостей, как **диалог** различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным текстом», во-вторых, текст должен рассматриваться как **динамическая система**: «Любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста»⁷.

Приведем пример интертекстуального анализа, используя в качестве материала фрагмент романа В. Пелевина «Generation «П».

*«Что такое вечность – это банька,
Вечность – это банька с пауками.
Если эту баньку
Позабудет Манька,
Что же будет с Родиной и с нами»⁸?*

Можно выделить несколько источников для создания текста, которые указаны самим автором: «Последние строки, созданные им сразу после этого события, были навеяны песней группы ДДТ («Что такое осень – это листья...») и аллюзиями из позднего Достоевского»⁹.

Таким образом, структура и ритмический строй стихотворения берутся из современной песни, здесь же прямая цитата из текста-источника: «Что же будет с Родиной и с нами?». Несмотря на то, что она воспроизводится дословно, текст не берется в кавычки, становясь органической частью нового художественного целого.

«Банька с пауками» представляет собой образ из «Преступления и наказания»: «Представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность»¹⁰. Отметим, что по характеру – это аллюзия, так как автор заимствует не целую строку текста или высказывание, а лишь ключевой образ, который в рамках постмодернистской эстетики, помещаясь в новый контекст, обогащается новыми смысловыми приращениями.

Аллюзия из текста Ф. Достоевского как нельзя лучше отражает ключевую идею предшествующего стихотворению прозаического фрагмента об относительности понятия «вечность» вплоть до ее полного отсутствия: Татарский осознает, что вечность существует только в нашем сознании, поэтому вполне может принять любой вид, в том числе и «баньки с пауками».

Другая аллюзия к «Преступлению и наказанию» связана с не менее узнаваемым высказыванием главного героя Р. Раскольникова, озвученным в сцене признания в убийстве старухи: «Тварь ли я дрожащая или право имею».

В романе Ф. Достоевского Раскольников причислял себя к разряду «собственно людей, имеющих дар или талант сказать в среде свой новое слово», в отличие от другого разряда: «Первый разряд, то есть материал, говоря вообще, по натуре консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными»¹¹.

По ходу романа Раскольников, осознавая бремя морального груза, признает себя «дрожащей тварью», восклицая: «Повинуйся, дрожащая тварь, и не желай – не твое это дело!.. Ни за что, ни за что не прощу старушонке!». Таким образом, для героя приемлемы только две возможные модели поведения, читателю также предстоит ответить на этот вопрос и решить, к какому разряду принадлежит он сам.

В контексте постмодернистского произведения ценностные оппозиции часто снимаются, так и происходит в романе В. Пелевина. Автор переосмысливает эту дилемму, его герои с легкостью находят ответы на «вечные» вопросы:

– *Вечный вопрос, – засмеялся Морковин. – Тварь ли я дрожащая или право имею?*

– *Ты, похоже, на него ответил.*

– *Да, – сказал Морковин, – было дело.*

– *И как же?*

– *А очень просто. Тварь дрожащая, у которой есть неотъемлемые права. И лэвэ тоже. Кстати, может тебе одолжить, а? У тебя вид какой–то запущенный*¹².

В эпоху массовой культуры, когда на сцену выходит человек среднего класса, дилемма Ф. Достоевского решается просто и без колебаний: «Тварь дрожащая, у которой есть неотъемлемые права»¹³. Тварью быть вовсе не унизительно. В новой системе координат в рамках деканонизации больше не существует «добра» и «зла». Когда ценности усредняются или вовсе переосмысливаются, все становится возможным. Появляется новый герой, который оставляет в стороне моральные дилеммы и пытается подстроиться под меняющуюся жизненную ситуацию, превращаясь из личности «в пучок разноречивых культурологических ассоциаций»¹⁴.

Использование аллюзий из романа «Преступление и наказание» позволяет В. Пелевину одновременно осуществлять не только диалог с читателем, но и полемику с Ф. Достоевским. Актуализируя идеи классика, современный автор подвергает сомнению первичное смысловое и ценностное значение текста-источника, делая его лишь отправной точкой для построения собственной системы моральных и этических норм, при этом демонстрируя их условность и относительность в контексте современной реальности.

¹ Николина Н. А. Филологический анализ текста. – М., 2003. – С. 95

² Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – Москва, 2012. – С. 135.

³ Руднев СЛОВАРЬ КУЛЬТУРЫ XX века. Ключевые понятия и тексты. [Электронный ресурс] URL: <http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt>

⁴ Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М., 2012. – С. 135.

⁵ Муратова Е. Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2012. – №2. – С. 30.

⁶ Николина Н. А. Филологический анализ текста. М., 2003. – С. 94.

⁷ Там же.

⁸ Пелевин В. Generation «П». М., 1999. [Электронный ресурс]. – URL.: <http://pelevin.nov.ru/romans/re-genp/>

⁹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1866. [Электронный ресурс]. – URL.: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0060.shtml

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Пелевин В. Generation «П». М., 1999. [Электронный ресурс]. URL.: <http://pelevin.nov.ru/romans/re-genp/>

¹³ Там же.

¹⁴ Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. Екатеринбург, 1997. – С. 128.

Ли Тун, ТГУ, магистр

Li Tong, TSU, master student

Об одном пособии по развитию речи для иностранной аудитории: материал, структура, типы заданий

Article about the textbook on the development of speech for foreign students: the material, structure and lesson tasks

В статье представлена авторская часть коллективного пособия «Русское искусство на уроках РКИ» по развитию речи для иностранных студентов уровня В2. Материалом для нее послужили живописные полотна в жанре портрета, а также изображения внешности персонажей в художественных произведениях.

The article presents the author's part of the collective textbook «Russian Art In the course of Russian as a foreign language» on the development of speech for foreign students at level B2. The material of this artical is paintings in the genre of portrait, as well as the description of character's appearance in literature.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, развитие речи, портрет

Key words: Russian as a foreign language, methods, development of speech, portrait

Научный руководитель: Старикова Галина Николаевна, канд. филол. наук, доцент

Представляемое пособие, создаваемое усилиями научного семинара под руководством Галины Николаевны Стариковой, находится в настоящее время в стадии завершения. Оно реализовано как совместный проект, отражающий поиск оптимальных учебных средств, способных интенсифицировать обучение инофонов, повысить их уровень владения русским языком, а также наработку педагогического опыта будущих преподавателей РКИ. Эта тема обоснована признанием методическим сообществом необходимости использовать в преподавании яркие наглядные материалы по истории культуры страны изучаемого языка, которые предоставляют виды искусства. Основным дидактическим материалом для него явились живописные полотна с привлечением произведений художественной литературы и малых фольклорных жанров (загадок, пословиц).

Реализация замысла четырехлетней работы включала 1) знакомство студентов (затем магистрантов) с основными жанрами русской живописи и творчеством ведущих художников России; 2) уяснение связи между искусством слова и искусством живописи; 3) изучение методических пособий по использованию произведений искусства в обучении российских школьников и опыта преподавателей РКИ, привлекающих художественные полотна и тексты для преподавания языка; 4) работа над планами уроков на основе произведений живописи и литературы; 5) апробация урочных планов в иностранных аудиториях, анализ и самоанализ первых педагогических шагов. Таким образом, итогом работы представляемого проекта является не только подготовленное к печати пособие, но и приобретен-

ный опыт преподавания во время двух педагогических практик – на IV курсе бакалавриата и II курсе магистратуры.

Основное содержание пособия составляют разработки уроков по картинам русских художников (И.И. Левитана, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, Ф.А. Моллера, Г.В. Сороки и др.), выполненных в различных жанрах: портрета, пейзажа, интерьера, натюрморта, исторической и жанровой живописи. Начальный раздел содержит общие сведения о видах искусства, вводит в мир специальной терминологии, заключительный посвящен теории и практике текстологии и речеведения. Завершается пособие материалами для чтения на темы искусства, литературоведения и небольшим словарем с переводом на английский и китайский языки. Все разделы включают задания по развитию активного и потенциального лексикона студентов на основе работы со словами, объединенными темой («Летний день», «Стрелецкие бунты», «Квартира», «Портрет» и др.), общим корнем (зим-, пис-, портрет- и др.), словообразовательной моделью (без-облач-н-ый, длинн-о-волос-ый, изображ-ение и др.); по созданию текстов различных типов речи (описание, рассуждение, повествование) и жанров (биография, пейзажная зарисовка); повторению, систематизации ряда грамматических тем (глаголы движения, падежная система, глагольное управление и проч.) и др. В комплексе они должны способствовать формированию у обучающихся ряда компетенций: культуроведческой, коммуникативной, языковой, филологической.

Моя часть в общем пособии построена на материале жанра портрета в живописи и литературе, актуальном для иностранцев, особенно обучающихся на филологическом направлении, программа которого предполагает анализ художественных текстов, одной из важных деталей которых является описание внешности и внутреннего мира персонажей. Я использовала живописные полотна И.Е. Репина, Ф.А. Моллера, Ф.С. Рокотова, Я.П. Турлыгина, литературные произведения Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Н. Заболоцкого, отрывки из текстов других русских авторов – всего мной разработано 5 уроков.

Структуру каждого из них образуют несколько содержательных блоков: текст научно-познавательного характера (история жанра, типы портретов; роль портретных зарисовок в литературе; биография художника и др.), задания к нему (на понимание информации, на рефлексию по поводу проблем текста, а также лексико-грамматические упражнения). Образцы последних приведены ниже:

1. Найдите ошибки в употреблении глаголов одеть – надеть и исправьте их

1) Мать решила одеть детей потеплее. 2) Врачи советуют одевать ребенка для прогулки по погоде. 3) Одевать годовалого малыша непросто. 4) Платье на ней городское, лёгкое, такие одевают только в праздник. 5) В старину девушки надевали в праздники по несколько юбок, чтобы казаться толще – полнота для них была всё равно что красота. 6) Поверх платья бабушка всегда надевала перед работой фартук. 7) Больного в дорогу надели в длинную шубу.

2. Подберите эпитеты к словам синонимического ряда, составьте с ними предложения. Обратите внимание, что оценочная лексика обычно не нужда-

ется в определениях: глаза – очи – гляделки, зёнки; глаза – гла́зки – глази́щи – глазёнки.

Эпитеты: очаровательные, выразительные, невинные; миндальные, огромные, маленькие, узкие; мёртвые, сонные, больные, бегающие; кофейные, чёрные, змеиного цвета, ясные; любопытные, озорные, хитрые, злые, завистливые; орлиные, собачьи, коровьи, медвежьи, лисьи.

3. Вставьте требуемые контекстом приставочные глаголы, образованные от писать.

1. Мне нужно срочно ... доклад о творчестве художника И. Репина. 2. В романе «Мастер и Маргарита» М. Булгаков ... события, происходившие в Москве в 20-е годы прошлого века. 3. Музыку к опере «Пиковая дама» П. Чайковский ... за очень короткий срок. 4. Основные закономерности развития синтаксиса русского языка были ... в трудах историков языка в XIX веке. 5. В сочинениях студенты ... свои самые интересные впечатления от поездки в Улан-Удэ. 6. Он хотел ... всю красоту увиденного, но ему не хватало слов. 7. Для детей ... много интересных, увлекательных книг. 8. Чтобы красочно ... какое-либо событие, надо обладать даром рассказчика.

Словообразовательный блок содержит деривационные упражнения, связанные семантически с темой «Портрет», речеведческий учит описанию человека на материале художественных произведений, образцовых искусствоведческих рецензий на основе живописных портретов, развернутых, пошаговых инструкций создания текстов данного вида речи с использованием типовых языковых конструкций.

Апробация уроков в иностранной аудитории подтвердила, что искусство обладает большим лингвометодическим потенциалом, особенно наглядные виды, как живопись и литература, героями которых выступает человек – персонаж и творец. Художественные произведения стимулируют интерес иностранных студентов к изучению русской культуры и русского языка, развивают активный и потенциальный словарь учащихся, учат созданию законченных текстов (описанию, рассуждению, повествованию), развивают речь в целом.

Яо Минсю, ТГУ, магистрант

Yao Minsyu, TSU, master student

Работа с литературоведческой тематикой в аудитории инофонов

Work with literary subjects in the audience of foreign

Статья предлагает некоторые формы работы с привлечением картин в жанре пейзажа на уроках русского языка как иностранного при изучении тем литературоведения. Материалом для занятия стали полотна русских худож-

ников (И. Левитана, В. Васнецова, В. Поленова, И. Шишкина и др.) и стихи русских поэтов о временах года.

The article offers some forms of work involving paintings in the genre of landscape in the lessons of Russian as a foreign language in the study of the themes of literary criticism. Material for the study of steel canvases of Russian artists (I. Levitan, V. Vasnetsov, V. Polenov, I. Shishkin, etc.) and poems of Russian poets about the seasons.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, литературоведение

Key words: Russian as foreign, methods, Literary criticism

Научный руководитель: Старикова Галина Николаевна, канд. филол. наук, доцент

Освоение специальных предметов часто вызывает у инофонов серьезные проблемы, вызванные рядом причин: отставанием лексического запаса учащихся от тематики текущего материала, слабой заинтересованностью последних в освоении теории, в нашем случае – общефилологической. В этой ситуации может помочь привлечение произведений искусства к занятиям по изучению некоторых тем. В первую очередь это относится к живописи и музыке, языки которых можно назвать интернациональными, потому что они доступны восприятию, наглядны и понятны всем хотя бы в самом общем виде. Нас интересует использование на занятиях живописных шедевров, которые «могут послужить дополнительным мотивирующим фактором» при изучении РКИ¹¹.

Слова французского художника Э. Делакруа: «Первая ценность каждой картины – быть праздником для глаз» – лучше всего соответствуют картинам в жанре пейзажа, которые служат хорошей иллюстрацией при изучении многих лексических тем, прежде всего связанных с природой. Задача настоящей статьи – показать некоторые формы работы с этими источниками при изучении иностранцами темы «Эпитеты» в курсе «Введение в литературоведение». Материалом для занятия стали полотна русских художников, произведения русских поэтов.

Подготовкой к восприятию и пониманию сути термина могут стать задания с чтением стихов, насыщенных эпитетами, и общим знакомством с одним из шедевров пейзажной живописи, которые должны соответствовать друг другу тематически. Так, для описания зимнего пейзажа как варианты можно предложить такие тексты: «Зимнее утро», «Волшебница-зима» А.С. Пушкина, «Чародейкою Зимою околдован лес стоит...» Ф.И. Тютчева, «Синий туман, снеговое раздолье» С.А. Есенина и др. Стихотворения «Осень» А.С. Пушкина, «Листопад» И.А. Бунина и др. блестяще характеризуют осень-красавицу, как неприветливое время года она описана в творчестве А.Н. Плещеева («Осенняя песенка», «Скучная картина!»). Зимней тематике будет соответствовать, например, картина В. Васнецова «Зимний сон», И. Шишкина «Зима», осеннему празднику – «Золотая осень» И. Левитана, «Золотая осень» В. Поленова и др. Приподнятые, светлые чувства, которые вызывают эти произведения, обязательно заставят студентов

употребить оценочные определения (*чудесный, замечательный, великолепный, грустный*) и подготовят к пониманию термина *эпитет* в специальных словарях (тексты 1 – 2).

Текст 1. (Словарь-справочник лингвистических терминов): «Эпитет (от греч. *epitheton* – приложение). Художественное, образное определение, вид тропа. *Веселый* ветер, *мертвая* тишина, *седая* старина, *черная* тоска. При расширительном толковании эпитетом называют не только прилагательное, определяющее существительное, но и существительное-приложение, а также наречие, метафорически определяющее глагол. *Мороз-воевода, бродяга-ветер, старик океан; гордо* реет Буревестник (Горький); Петроград жил в эти январские ночи *напряженно, взволнованно, злобно, бешено* (А. Н. Толстой)».

Текст 2. (Поэтический словарь): «ЭПИТЕТ (греч. *ἐπίθετον* – приложение) – в собственном смысле, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного. Как художественную деталь Э. нельзя смешивать с определительными прилагательными. Например, прилагательные «*белый снег*» или «*мягкий снег*» будут просто предметными и логическими определениями, но в выражениях «*сахарный снег*» или «*лебяжий снег*» прилагательные являются Э., потому что они дают дополнительную, художественную характеристику в виде скрытого сравнения, которое легко угадывается: «снег белый, с блестящими крупинками, как сахар», «снег белый, мягкий и легкий, как лебяжий пух». Некоторые теоретики литературы неправильно придают Э. расширительное значение стилистической фигуры, выражаемой разными частями речи, например глаголом. Между тем Э. – это всегда метафорическое прилагательное, в котором заключен меткий признак сравнения. Само происхождение слова говорит о том, что Э. как часть речи – это прилагательное, но не определительное, а художественное, образное».

Следующим шагом следует обсудить эти определения, определиться в понимании термина, сформулировать его своими словами. Далее в практической части предложить студентам найти эпитеты в художественных текстах – уже прочитанных ими на уроке или в стихах, которые они учили когда-то наизусть. Так, строчки Ф.И. Тютчева «Чародейкою Зимою околдован, лес стоит» позволяют говорить как об эпитетах в разном понимании термина (узком и широком), так и о специфике оценочной пейзажной лексики, ее связи с темой волшебства: *чародейка, околдован, чудный, волшебный, очарован*. Следует предложить студентам для их семантизации произвести морфемный анализ слов, привести к ним однокорневые образования (*чары, чародей, колдун, чудо, чудесный, волшебник* и др.), составить с ними предложения. Обратив внимание учащихся на повторяемость эпитетов (напр., *осень* часто называется *золотой* – как в названиях картин И. Левитана, В. Поленова. А. Беликова и др., *зима* – *волшебной*, *лето* – *красным*), подвести их к пониманию постоянных эпитетов.

Возвращаясь к живописным полотнам, дать студентам задание подобрать определения к *снег* (белый, мягкий, пушистый, мокрый, обильный, серебри-

стый, голубой, колючий), лес (зимний, холодный, заснеженный, дремучий, таинственный, мрачный, солнечный...), береза (красавица, грустная, белая...), небо (зимнее, январское, грустное...) и др. – по материалу. Эта работа может быть продолжена заданием вставить определения в описание пейзажа, например: Однажды зимой мы отправились в лес. В ... бору было тихо. Всё было покрыто ... снегом. В ... воздухе носились ... снежинки. ... ветки украсились ... инеем. В этом ... наряде каждая ветка казалась удивительной. Закрепляя полученные знания по теории литературы, предложить студентам указать, какие из вставленных слов являются эпитетами.

На примере следующего упражнения важно также показать, что многие эпитеты не отрицают друг друга и могут сочетаться в предложении: из «Словаря эпитетов» приводятся определения к слову ЗИМА, и требуется определить основания для объединения прилагательных в одну группу:

1. Белоснежная, выюжная, крепкая, лютая, малоснежная, мертво-белая, сибирская (характер погоды);
2. Бесконечная, запоздалая, затяжная, неурочная (продолжительность сезона);
3. Голдная, грозная, неласковая, суровая, угрюмая, ужасная (впечатление, оценка).

Спросить в заключение, согласны ли они с мнением авторов одного из пособий по словообразованию РКИ, что «прилагательные придают нашей речи цвет и вкус»². Предложить им доказать эту мысль в домашнем сочинении-эссе на материале анализа пейзажной зарисовки в художественном произведении (на материале живописи или литературы – на выбор).

¹ Жаркова Т.Л. Урок по развитию речи (произведения искусства в обучении РКИ) //Живая методика: Сборник научно-образовательных материалов для учителей русского языка московских школ / Сост. Н.В. Кулибина. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2010. – С. 168.

² Барыкина А.Н., Добровольская В.В. Как образуются прилагательные. – СПб.: Златоуст, 2001. – С. 2.

Обрусник Л.Г., ТГУ, магистрант

Obrusnik L.G., TSU, master student

Особенности структуры и содержания дистанционного курса РКИ по речевому этикету

Russian as a foreign language distance course in the frame of Russian speaking etiquette: structural and content aspects.

В статье рассмотрены особенности структуры и содержания дистанционного курса русского языка как иностранного, направленного на формирование страноведческих и культуроведческих компетенций на материале русского речевого этикета. Приводится структура курса и методические подходы к изу-

чению этикета в бытовой и деловой коммуникации, предлагается обучающая модель дистанционного курса.

The article covers the structure of the distance course (Russian as a foreign language) in purpose to form Regional and cross-cultural competencies, with the use of Russian speaking etiquette materials. Also, the structural and methodological approaches to the Russian speaking etiquette studying in formal and informal communicative situations) is considered in this article. There is offered a distance course studying model.

Ключевые слова: коммуникация, речевой этикет, лингвострановедение, культура, обучение иностранному языку

Key words: communication, speaking etiquette, linguistic and cultural studies, culture, foreign language teaching

Научный руководитель: Банкова Татьяна Борисовна, канд. филол. наук, доцент

Процессы глобализации в современном мире расширили границы международного сотрудничества, мобильность и потребность в коммуникации в инокультурной среде. Одним из приоритетных образовательных направлений вузов России становится обучение иностранных студентов. Образование в дистанционной форме возникло как искомый формат на вызов современных образовательных реалий. Благодаря дистанционному образованию студенты могут обучаться независимо от времени и местонахождения. Реализация проекта дистанционного образования требует педагогических¹ и информационных условий. К первым ряд авторов относит социокультурные и психологические особенности иностранных студентов, учет их уровня межкультурной и информационно-коммуникационной компетентности. Лингвокультурологическая составляющая обучения ориентирована на изучение языка и культуры и предполагает включение в процесс социокультурной и культурно-речевой адаптации иностранных студентов. С другой стороны – это способ развития интереса к изучению русского языка как иностранного², увеличения эффективности обучения, формирования толерантности к инокультурной среде. На начальном уровне изучения русского языка речевой этикет является важным аспектом коммуникации, способствующим благоприятной психологической обстановке. На начальном этапе обучения речевой этикет является необходимым условием для построения адекватной эффективной коммуникации, что помогает избегать конфликтов в иноязычной среде.

Речевой этикет – это «системы коммуникативных стереотипов, устойчивых выражений, служащих для установления, поддержания и размыкания контакта общающихся в соответствии с их статусом, психологическими и социальными ролями и личными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения»³. Речевой этикет включает в себя слова или выражения, интонационные особенности⁴, невербальный компонент. В процессе освоения речевого этикета отмечается межязыковая интерференция и ситуационные смещения. Первое представляет собой употребление речевых формул русского этикета по

законам и правилам инокультурной среды. Второе подразумевает неправильное применение выученных выражений в отношении к конкретной ситуации. Сферы применения репертуара этикетных формул различны: бытовая и деловая коммуникация; по формату общения: межличностные, групповые, массовые; по средствам коммуникации электронные (телефонные, интернет-коммуникация) и др. Следует отметить, что речевой этикет, как и разговорный русский язык, изменяется с появлением новых поведенческих норм, ориентиров, заимствований, привносимых масс-медийной культурой, кросс-культурными речевыми подражательными привычками.

Современные подходы к методике преподавания русского языка как иностранного, по данным исследователей-практиков, предполагают практическую направленность, достижение с помощью лингвистических средств, заявленных в курсе когнитивно-коммуникативных компетенций.

Описанный в литературе практико-ориентированный методический подход к обучению РКИ предполагает использование различных сфер общения, ситуаций, тематики, видов речевой деятельности. Методический акцент обучения состоит в том, что актуализируется отношение к обучающемуся как к активному субъекту обучения, находящемуся в отношениях партнерства с преподавателем. В нашем курсе мы будем придерживаться трех описанных методических подходов: практической направленности обучения, инициации активности субъекта обучения, осуществления контроля когнитивно-коммуникативных компетенций на различных этапах обучения.

Практическая направленность курса будет реализовываться в ситуационных заданиях, в которых лингвистическими средствами обучающимися решаются задачи адекватного построения общения. Активность субъекта обучения предполагается поддерживать созданием обучающимися собственного портфолио ситуаций, требующих знания российского этикета в сравнении с этикетом родной страны студента. Контроль компетенций предполагается проводить в виде тестов, ситуационных заданий. При обучении будут применяться аудиовизуальный метод (видеолекция, фрагмент видеофильма, ситуационное задание в формате ситуационного рисунка); коммуникативный (монолог, диалог), метод активизации (активно-творческий – создание портфолио ситуаций), когнитивный (сравнительно-сопоставительный – кросс-культурное сравнение ситуаций, в которых необходимо знание этикета). В общем виде модель проекта дистанционного обучения включает содержательную, коммуникативную, информационную составляющую.

Дистанционный курс по речевому этикету охватывает три модуля:

Модуль 1. Этикет делового общения. (Приветствие, знакомство, общение, беседа, прощание, дарение; в устной речи, письменной, телефонном общении, интернет-коммуникации).

Модуль 2. Этикет взаимодействий в группе, коллективе. (Партнерские взаимодействия, субординационные; корпоративная этика: критика, конфликт, выход из конфликта, благодарность, сочувствие).

Модуль 3. Дресс-код, корпоративный имидж. (Дресс-код на мероприятиях; корпоративный имидж, фирменный стиль; личный имидж).

Данные модули охватывают основные потребности иностранных обучающихся, работников, сотрудников компаний в навыках эффективного общения в инокультурной среде, помогают в процессе адаптации и решении корпоративных задач на разных уровнях, поэтому включение названных модулей в процесс обучения РКИ имеет актуальность.

Особенности курса заключаются в выборе и использовании информационных технологий, а также в поддержании активности обучающихся. В работе мы обратились к особенностям создания дистанционного курса «Речевой этикет» в практике преподавания РКИ. Владение речевым этикетом иностранными студентами является основополагающим для формирования у них умения «мыслить по-русски».

¹ Морозова И.Г. Педагогические условия реализации проектов дистанционного обучения иностранных студентов // Образование и саморазвитие, 2014. – № 2(40). – С. 64

² Романова В.В., Жайме П.О., Соарес Сантос Да С.Ф. Лингвострановедение как способ развития интереса на занятиях русского языка как иностранного // Проблемы и перспективы развития современной науки. – 2016. – №11. – С. 230.

³ Цит. по: Цветкова И.В. Русский речевой этикет :некоторые изменения последних лет// Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». – 2016. – Вып.3. – С.140-146

⁴ Шань Чжао Речевой этикет на занятиях по русскому языку в китайских вузах // Наука. Мысль: - электронный периодический журнал. Вып. 11. – 2015. – С. 107-109.

Томышева А.Д., ТГУ, магистрант

Tomysheva A.D., TSU, master student

Материалы к учебному словарю русской метафоры для иностранных студентов

Materials for the Russian metaphor study glossary for learners of Russian

В статье освещаются методы сбора и анализ дидактического материала для учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору». Материалы представлены в виде словарных статей для учебного словаря метафор.

The article highlights the methods of collecting and analyzing the didactic material for a textbook «Comprehending the Russian Metaphor». Materials are presented in the form of dictionary articles for the academic glossary of metaphors.

Ключевые слова: метафора, РКИ, учебный словарь, идеографический словарь

Key words: metaphor, Russian as a foreign language, study glossary, thesaurus

Научный руководитель: Юрина Елена Андреевна, д-р филол. наук, профессор

Данная статья является отправной точкой более обширной лингводидактической работы в рамках научного семинара, задачей которого является создание учебного пособия «Учимся понимать русскую метафору». Целью статьи является описание и создание прототипа учебного словаря русской метафоры для иностранных студентов.

Метафора как языковое явление отражает картину мира, способ и характер мышления говорящих на данном языке людей, в нашем случае – русском. При этом метафоры делают речь ярче и выразительнее. Метафоры не только встречаются в литературных произведениях, они также широко (и чаще всего неосознанно) используются людьми и в повседневной речи, но никогда не рассматриваются отдельно и едва ли затрагиваются при изучении иностранного языка. Метафорический язык в определенной степени усваивается на более продвинутом этапе владения иностранным языком, но при этом редко происходит отождествление фразы или слова с его внутренним содержанием. Кроме того, выявление непрямых значений может представлять сложность не только для людей, изучающих русский язык, но и для самих носителей языка. Таким образом, изучение метафоры как самостоятельного объекта лингводидактики является очень важным при освоении любого иностранного языка.

Учебник, материалы для которого представлены в данной статье, будет включать введение, основную часть, разделенную на уроки, и словарь. Во введении представлен теоретический материал: вводится понятие метафоры, говорится о способах ее выражения в языке. Метафора может быть выражена не только в слове, содержащем в себе дополнительную коннотацию, но также в словосочетании или фразе, во фразеологизмах, пословицах и поговорках, которые зачастую несут в себе метафору. Образные средства языка представлены языковой метафорой (ЯМ), речевой метафорой (РМ), авторской метафорой (АМ), которая представляет собой разновидность речевой метафоры, фразеологические единицы (ФЕ), собственно образные слова (СО), а также сравнения.

Основная часть будет представлена серией уроков по изучению русской метафоры. В каждый урок будет включена система упражнений, предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий, составленных к основному тексту урока, работа с которым предполагает изучающее чтение и анализ метафорических единиц. Основной текст представляет собой адаптацию фрагментов романов современных представителей популярной женской прозы Дины Рубиной и Татьяны Соломатиной. Выбор авторов мотивирован высокой метафоричностью женской прозы, ее близостью к современной разговорной речи, высокой популярностью и признанием авторов в литературной среде.

Отбор метафорических единиц происходит методом сплошной выборки. Так же отбираются тексты, содержащие данные единицы в большом объеме и представляющие их в контексте. В дальнейшем отобранные тексты будут

адаптированы и представлены в учебнике в качестве элементов уроков, к ним будут разработаны упражнения. Метафорические единицы подвергаются интерпретации, им дается семантическое толкование в соответствии с метафорическими моделями.

В результате работы по созданию словаря будет создан конкорданс образных слов и выражений, отобранных из произведений «На солнечной стороне улицы» Д. Рубиной и «Акушер-ха!» Т. Соломатиной.

Третья часть учебника будет представлять собой словарь, в котором будет собран весь метафорический материал, *использованный* в текстах уроков, предложено толкование метафор и даны примеры контекстов. Материал будет расположен в виде двух списков. Первый тип *словаря, представленного в учебнике* будет содержать метафоры, расположенные в алфавитном порядке по главному слову, порождающему метафоричность. Вторая классификация будет произведена по тематическим группам (идеографический тип словаря). В собранном на данный момент материале больший процент (около 65%) составляют языковые метафоры и собственно образные слова. Далее по частотности идут речевые метафоры (в том числе авторские метафоры), их доля составляет около 20%, на фразеологические единицы и сравнения приходится 15%.

В своей монографии «Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов» Е.А. Юрина определяет языковые метафоры как «семантически мотивированные лексические единицы с переносным метафорическим либо метафоризированным метонимическим значением»¹. Там же дается определение для собственно образных слов как «морфологически мотивированных лексических единиц (дериватов) с метафорической внутренней формой. Семантическая двуплановость характеризует здесь лексему в целом, а не один из ее лексико-семантических вариантов»².

Речевая метафора – это контекстно обусловленная *метафора*, которая используется в речи, но не носит системный характер, не является устойчивой. Авторская метафора является разновидностью речевой метафоры и при этом выполняет эстетическую функцию в художественной речи³. Под фразеологическими единицами понимаются все устойчивые по форме и значению языковые явления с метафорическим типом семантики: идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения⁴.

Представим анализ содержащего метафоры отрывка из текста романа «На солнечной стороне улицы» и составленные к нему образцы словарных статей:

Вера в драку не кинулась, сдержала себя, хотя волна горячей крови долго еще гулким прибоем омывала сердце. И никаких кругов в воображении она вызывать не стала.

Отчеканила только с тихим, ледящим душу бешенством:

– *Еще разок лапу на меня поднимешь – горько раскаешься...*

<i>с леденящим душу бешенством</i> БЕШЕНСТВО 1. Вирусное заболевание, поражающее нервную систему. 2. ЯМ. Крайняя степень раздражения, буйная ярость. Метафорическая модель: [Медицина => Эмоции]
<i>волна крови прибоем омывала сердце</i> ВОЛНА 1. Вал на поверхности водоёма при ее колебании под действием ветра, сейсмических явлений, механического воздействия. 2. РМ. Сильный приток крови, вызываемый переживанием бурных эмоций (гнева, волнения и т.п.). Метафорическая модель: [Природа: вода => Эмоции: сильное волнение, гнев]
<i>горько расcaeшься</i> ГОРЬКИЙ 1. Имеющий горький вкус. 2. ЯМ. С чувством сильного огорчения, разочарования. Метафорическая модель: [Вкус => Эмоции, чувства]
<i>в драку не кинулась</i> КИНУТЬСЯ 1. то же, что броситься, резко двинуться, устремиться куда-либо. 2. ЯМ. Сгоряча быстро начать что-то делать. Метафорическая модель: [Физическое действие => Межличностные отношения]
<i>лапу на меня поднимешь</i> ЛАПА 1. ступня либо вся конечность, нога у некоторых животных и птиц. 2. ЯМ. Рука, реже нога человека Метафорическая модель: [Животное: часть тела => Человек: часть тела]
<i>с леденящим душу бешенством</i> ЛЕДЕНЯЩИЙ 1. Превращающий в лед, замораживающий. 2. ЯМ. Пугающий, жуткий, приводящий в состояние оцепенения. Метафорическая модель: [Природа: температура => Эмоции: испуг]
<i>волна крови прибоем омывала сердце</i> ОМЫВАТЬ 1. Течь около чего-нибудь, окружать своими водами (о водоёмах). 2. РМ. Приливать к сердцу (о крови). Метафорическая модель: [Природа: вода => Эмоции: сильное волнение, гнев]
<i>отчеканила с бешенством</i> ОТЧЕКАНИТЬ 1. Изготовить методом чеканки (монеты). 2. ЯМ. Чётко, уверенно произнести, отделяя слова друг от друга. Метафорическая модель: [Механическое действие: изготовление монет => Манера речи]

*волна крови **прибоем** омывала сердце*

ПРИБОЙ 1. Бьющие в берег морские волны.

2. **РМ.** Пульсирующий приток крови, вызываемый переживанием бурных эмоций (гнева, волнения и т.п.).

Метафорическая модель: [Природа: вода => Эмоции: сильное волнение, гнев]

СДЕРЖАТЬ (себя) 1. Смочь удержать, не дать упасть, переместиться.

2. **ЯМ.** Не дать проявиться своим эмоциям (гневу, раздражению, злости и пр.).

Метафорическая модель: [Физическое действие => Эмоции, психологическая сфера, коммуникация]

Таким образом, данный словарь и его структура призваны помочь иностранному студенту усвоить метафоры через соотношение их буквального значения и метафорической семантики в их контекстном употреблении. В структуру учебника вписано дидактическое сопровождение словарного и текстового материала.

¹ Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. – С. 21.

² Там же. – С. 23.

³ Лиходкина И.А. Авторская метафора и особенности ее перевода (на материале романа М. Леви «Et si c'était vrai...») и его переводов на русский, итальянский и английский языки). – С. 141-145.

⁴ Вардзелашвили Ж. О ДВОЙКОЙ СУЩНОСТИ МЕТАФОРЫ [Электронный ресурс] Когнитивная лингвистика. Персональный сайт. – URL: <http://vjanetta.narod.ru/bakan4.html>

У Юйхан, ТГУ, магистр

Wu Yuhang, TSU, master student

Роль мотивированных слов в освоении чтения газетного текста на уроках РКИ

The role of motivated words in teaching the reading newspaper texts on the lessons of russian as a foreign language

В данной статье рассматривается роль мотивированных слов в освоении чтения газетного текста на уроках русского языка как иностранного. Показано, как мотивированные слова и мотивационные отношения слов могут использоваться в методике преподавания РКИ. Обоснована необходимость опоры на мотивированные слова при обучении чтению на примере газетного текста, в частности, предложен способ работы с новыми для студента словами с опорой на лексическое свойство мотивированности.

The article deals with the role of motivated words in teaching the reading newspaper text on the lessons of Russian as a foreign language. This article shows how motivated words and motivation relationship words can be used in methods of teaching Russian language as a foreign language. The necessity of relying on motivated words when learning to read by the example of newspaper text, in particular, provides a new

method of working with the new words for the student with reliance on lexical property of motivation.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика, мотивированные слова

Key words: Russian as a foreign language, methods, motivated words

Научный руководитель: Шевчик Анна Валерьевна, канд. филол. наук

В данной статье рассматривается роль мотивированных слов в освоении учащегося чтения газетного текста на уроках русского языка как иностранного.

Мотивология – это наука, которая изучает явление мотивации слов. Становление мотивологии как самостоятельного раздела науки о языке относится к середине 70-ых годов XX столетия. Основные понятия мотивологии – мотивированное слово (МС), мотивированность, внутренняя форма слова, мотивационно связанные слова (МСС) – разрабатывались и апробировались учёными Томской школы русистики О.И. Блиновой¹, Н.Д. Голевым, Т.А. Демешкиной, В.Г. Наумовым и многими другими. Мотивированное слово – это слово, связь звучания и значения которого можно объяснить. Мотивированные слова вступают в мотивационные отношения, которые актуализируются в тексте. Мотивированные слова составляют большую часть лексикона значительного числа языков, почти всегда слова вступают в мотивационные отношения в тексте.

Наличие мотивированных слов позволяет иностранным студентам эффективнее изучать разные тексты, в том числе и газетный текст. Овладение языком газеты – один из важных факторов процесса формирования речевой компетенции иностранных учащихся. Большое значение в процессе обучения иностранцев чтению газет имеет лингвистическая составляющая текстов и методика. Важно привить учащимся первичные навыки работы с газетными текстами, подготовить их к повседневному чтению газет на русском языке: сформировать умение осваивать тексты и извлекать из них необходимую информацию.

При обучении чтению газетного текста на разных этапах обучения русскому языку большое внимание необходимо уделять лексическому аспекту. В русском языке сотни тысяч слов, незнакомые слова встречаются в текстах или в звучащей речи достаточно часто. Без овладения словарным запасом невозможно ни понимание речи, ни выражение собственных мыслей. В русском языке, как и во многих других языках, мотивированные слова составляют большую часть лексикона. Они охватывают почти весь лексикон языка (см. работы О.И. Блиновой, А.Д. Адиловой, С.Б. Велединской). При помощи мотивированных слов и мотивационных отношений студент может овладеть эффективными способами работы с новой лексикой и пополнения словарного запаса при чтении газетного текста.

Чтение – рецептивный вид речевой деятельности, связанный с восприятием и пониманием письменного текста². С помощью чтения обогащается активный и пассивный словарный запас слов у студентов, формируются грамматические

и коммуникативные навыки. Чтение – неиссякаемый источник информации. Согласно типологии С.К. Фоломкиной³, существуют разные типы чтения, которые направлены на достижение разных целей. Выделяются четыре типа чтения: изучающее, ознакомительное, просмотровое и поисковое.

В данной статье остановимся на изучающем чтении. Изучающее чтение предусматривает максимально полное и точное понимание всей содержащейся в тексте информации и критическое ее осмысление⁴. Это вдумчивое и неспешное чтение, предполагающее целенаправленный анализ содержания читаемого с опорой на языковые и логические связи текста. Когда студенты читают газетные тексты, анализ содержания текста с опорой на мотивированные слова позволит эффективнее осваивать изучающее чтение на уроках РКИ.

Чтобы обучить чтению иностранных учащихся, можно использовать лексическую теорию мотивации и работать со студентами над пониманием значений МС и МСС в тексте.

Комплекс упражнений, основанных на работе с мотивированной лексикой, может включать предтекстовые, околотекстовые и послетекстовые задания.

При работе с предтекстовыми упражнениями иностранные студенты готовятся к восприятию текста, изучают новую лексику, встраивают незнакомые слова в лексическую систему языка; околотекстовые упражнения учат студентов определять в тексте мотивационно связанные слова, выполняющие в тексте разные функции, что позволяет иностранцу эффективнее и быстрее овладевать информацией. Послетекстовые упражнения предназначены для проверки глубины и точности понимания прочитанного, для обеспечения творческого использования извлеченной информации.

При исследовании текстов десяти статей газеты Томского государственного университета «Alma Mater» был проведен анализ мотивированных и мотивационно связанных слов, определены их функции: информативная, классифицирующая, оформления ключевых слов, текстоформирующая функция и др.

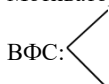
С учётом роли МС и МСС в газетных текстах были составлены комплексы упражнений для организации обучения чтению на уроках РКИ. В качестве примера приведу задания для освоения изучающего чтения на примере газетной статьи «Ночь создана для ... музеев»⁵.

1. Предтекстовое задание.

Изучите внутреннюю форму новых мотивированных слов.

А) Музейный

Мотиваторы: музей, мирный.

ВФС: МФ: МУЗЕЙ/НЫЙ

МЗ: 'такой, который <связан с> музеем'

Б) Просветительский

Мотиваторы: просветитель, авторский.

ВФС: < МФ: ПРОСВЕТИТЕЛЬ/СКИЙ

МЗ: 'такой, который <связан с деятельностью> просветителя'

В) Посетитель

Мотиваторы: посетить, слушатель

ВФС: < МФ: ПОСЕТИ/Т/ЕЛЬ

МЗ: 'тот, кто <что-либо> посетил'

При помощи внутренней формы легко понять значение ключевого слова музейный и других новых слов, которые студенты встретят в тексте.

2. Околотекстовое задание.

Прочитайте текст. Подчеркните в тексте мотивационно связанные слова. (В тексте встречаются следующие мотивационные пары и цепочки: фоторобот – фото – фотографироваться; музей – музейный; кинофестиваль – кино – фестиваль; площадка – площадь; организатор – организация; участие – участник; созданный – создана; посетить – посетитель – преподаватель; восторженно – восторг).

3. Послетекстовые задания.

А) Определите функции МСС в тексте (информативная, текстоформирующая, классифицирующая, оформления ключевых слов).

Б) Какие МСС имеют большее значение для понимания текста?

Таким образом, мотивированные слова в освоении изучающего чтения газетного текста играют важную роль на уроках РКИ. При помощи работы с мотивированными словами можно сделать более точным и глубоким понимание газетного текста на уровне слова и словосочетания, предложения и целого текста.

Опора на мотивированные и мотивационно связанные слова помогают расширить словарный запас учащихся и добиться понимания как газетных статей, так и текстов других типов. В процессе освоения изучающего чтения газетного текста с опорой на лексическую теорию мотивации студенты имеют возможность сформировать и навыки лингвистического анализа.

¹ Блинова О.И. Практикум по русской мотивологии / О.И. Блинова. – Томск: ТГУ, 2011. – 130 с.
Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты / О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 390 с.
Блинова О. И. Русская мотивология: Учеб-метод. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / О.И. Блинова – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 65 с.

² Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учеб. пособие для преподавателей и студентов / Т. М. Балыхина. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. – С.135.

³ Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учебно-методическое пособие / С.К. Фоломкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 253 с.

⁴ Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов / Т. М. Балыхина. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. – С.135.

⁵ Ночь создана для ... музеев! // Alma Mater. – №2592. – 27.05.2016.

Мао Юйянь, ТГУ, Шеньянский политехнический университет, студент
Mao Yuyan, TSU, Shenyang Ligong University (China), student

Основные типы сочетания языковой игры и изображения в группе «Я люблю русский язык»

The types of combination of language games and images in the Internet-public of VK.

Проведена типология языковой игры по характеру сочетания текста и изображения. Объясняется принцип, положенный в основу языковой игры. Определяется степень эффективности приемов языковой игры различных типов в зависимости от поликодовости.

The typology of the language game is based on the combination of text and image. The principle underlying the language game is explained. An attempt has been made to determine the degree of effectiveness in language games. It depends on the polycode.

Научный руководитель: Долганина Анна Алексеевна, канд. филол.наук

В настоящее время в тематической интернет-группе «Я люблю русский язык», посвящённой просветительской деятельности в сфере русского языка, активно используется языковая игра (далее – ЯИ). Понятие ЯИ включает в себя «сознательное нарушение норм языка или норм речевого поведения с целью шутки, украшения речи»¹. В качестве примеров приводится «склад ума – склад ветхих и пустых помещений», «компромиссис» – обыгрывание слов миссис и компромисс. В интернет-группе «Я люблю русский язык» социальной сети VK.com она используется не только для шутки, но и для реализации стратегии привлечения внимания к русскому языку в просветительских целях.

Это явление может быть предметом для лингвистического анализа. В лингвистике изучаются разные типы ЯИ, в том числе, которые реализуются в Интернет-коммуникации. В статье рассматривается связь языковой игры и изображения – малоизученная область, которая отражает такую особенность Интернет-коммуникации, как поликодовость.

Цель статьи – определить типы языковой игры в Интернет-постах при сочетании изображения и текста. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) выделить принципы ЯИ; 2) определить тип по способу сочетания ЯИ с изображением; 3) выявить особенности восприятия типов ЯИ между русскими и китайскими студентами.

Типы ЯИ могут выделяться на разных основаниях, например, по теме, по способу возникновения ЯИ, по структуре. Наблюдения над собранным материалом (58 единиц, т. е. интернет-постов с ЯИ) позволило выделить специфическое основание для типологии – сочетание текста и изображения. В группе «Я люблю русский» выделены несколько типов постов с ЯИ: 1) текст первичен, изображение вторично; 2) и текст, и изображения равноправны; 3) изображение

первично, текст вторичен. Имеется несколько примеров каждого типа. Рассмотрим подробнее на примерах.

Рисунок 1. ЯИ «Шаурма»

Тип 1. Текст первичен, изображение вторично. Текст содержит ЯИ, а изображение факультативно. Пример (Рис. 1) представляет собой комикс, в котором ЯИ строится на основе грамматики: обыгрываются языковые лакуны. В данном случае затруднение связано с тем, как правильно склонять существительное «шаурма». В комиксе герой хочет купить шаурму и не может образовать форму множественного числа родительного падежа, согласующегося с числительным «пять». Поэтому он использует сложение и повторяет два раза ед.ч., Р.п. И это успешно создает комический эффект. Однако ЯИ возможна и понятна и без изображения-комикса, поскольку лакуна множественного числа родительного падежа у слова «шаурма» существует в языковой системе.

Тип 2. И текст, и изображения равноправны. В тексте есть основа для многозначности в ЯИ, изображение позволяет лучше его воспринять, понять ЯИ можно только вместе.

Рисунок 2. ЯИ «Совпадение»

Обратите внимание на эти примеры, пример (Рис. 2) отражает особенности словообразования и границы слов. На изображении можно видеть, как несколь-

ко сов одновременно падают с похожих деревьев, то есть обыгрывается слово «совпадать», быть похожим, одинаковым. И внизу писано слово «совпадение», которое значит вместе, а здесь совпадение читается, как сформированное из сочетания слов сова и падение.

Рассмотрим еще пример (Рис. 3) этого типа, который строится на использовании омонимии.

Рисунок 3. «Не высыпаться»

Рисунок 4. «Не высыпаться» (2)

Я уже давно не высыпалюсь. Глагол «высыпаться» (НСВ) имеет несколько значений. Его первое значение: Сыплась, упасть, удалиться откуда-н. СВ. *высыпаться*². На изображении можно видеть, что человек лежит на шумовке. Внизу шумовки можно видеть белый порошок, который похож на муку. Второе значение: *послав достаточно, хорошо отдохнуть. СВ. вы́спаться*³. На изображении человек лежит на шумовке вечером, так как фон похож на вечернее небо. Совмещение изображения и текста иллюстрирует омонимы «высыпаться», при наложении значений слов создается ЯИ.

Тип 3. Изображение первично, текст вторичен. Без изображения нельзя понять ЯИ в тексте. Рассмотрим еще пример со словом «высыпаться». На изображении перевернутая ложка, в которой есть сахар, но он не падает. Без изображения невозможно понять точное значение «падать».

Изображения передадут больше эмоций и принесут разные настроения. На базе слова добавляются эмоциональные изображения – это полная, цельная информация. То, как адресат понимает эти смыслы, влияет на распространение и осуществление функции ЯИ. Не всегда очевидна значимость изображения и текста в восприятии. Для уточнения и определения особенностей восприятия указанных типов ЯИ был проведен эксперимент между 20 китайскими студентами и 20 русскими студентами. Это позволило сравнить, как изображение влияет на ЯИ при разном уровне владения языком.

В примере (1) ответы китайских студентов разные. А много русских студентов считают, что текст уже выразит ЯИ, изображение не нужно. В примере (2) китайские студенты считают, что изображение помогает им понимать значение слова, русские студенты полагают, что как изображение, так и текст равны для ЯИ. В примере (3) китайские студенты предпочитают изображение, русские студенты думают, что они только вместе выполняют ЯИ. В примере (4) большинство считают изображение важнее.

Анализ анкетирования позволил сделать вывод, что изображение играет важную роль в обучении языку иностранцев. Они предпочитают изображение тексту, потому что это легче и яснее. А носители языка уже понимают значения ЯИ, для них важнее текст, а изображение дополняет его и служит для привлечения внимания, поддержания интереса. Это соответствует цели ЯИ: через нарушение норм языка или норм речевого поведения с целью шутки, помогает адресату запомнить эти нормы и полюбить русский язык. Механизмы сочетания языковой игры и изображения перспективны для лингвистического анализа.

¹ Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта, 2009. – С. 304.

² Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – С.100.

³ Там же. – С. 99.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вострова Ю.А., ТГУ, студент

Vostrova Y.A., TSU, student

«Гордость» в итальянском языке: понятийные связи (сопоставительный аспект)

«The pride» in the Italian language: conceptual connections (comparative aspect).

В данной статье рассматриваются семантические связи единиц синонимического ряда 'обладающий чувством собственного достоинства; гордый за что-либо' в итальянском языке (*orgoglioso, superbo, fiero, altero*) в сопоставлении с данными славянских языков. Исследование основывается на материале лексикографических источников, корпусов итальянского языка и результатах исследования лексической реализации понятия «гордость» в славянских языках.

In this paper, we consider the semantic links of units of a synonymous series with a sense of dignity; proud for anything 'in Italian (*orgoglioso, superbo, fiero, altero*) in comparison with the data of the Slavic languages. The study is based on the material of lexicographical sources, Italian language buildings and the results of the study of the lexical realization of the concept of «pride» in the Slavic languages.

Ключевые слова: итальянский язык, семантика, контрастивная лингвистика, понятие «гордость», синонимический ряд

Key words: the Italian language, semantics, contrastive linguistics, conception «The pride», synonymic row

Научный руководитель: Кузнецова Ольга Андреевна, канд. филол. наук.

Данная работа посвящена исследованию лексического представления понятия «гордость» в итальянском языке. Понятие «гордость» является неоднозначным с точки зрения оценки. В настоящей работе анализируется семантическая структура основных единиц современного итальянского языка, выражающих значение 'гордый, с чувством собственного достоинства' с положительным аксиологическим компонентом. К таковым относятся *orgoglioso, superbo, fiero, altero*. Целью данной работы является выявление этноспецифических особенностей представления понятия «гордость» в итальянской лингвокультуре.

Согласно двуязычным словарям¹ прилагательное *orgoglioso* является основным средством передачи значения 'гордый' в итальянском языке и имеет следующую семантическую структуру²:

1. 'высокомерный' (*Carattere altero, ribelle, orgoglioso* <...> – *Снецивый, повстанческий, высокомерный характер* <...>);

2. 'гордый, с чувством собственного достоинства' (*Dunque la Primula è il classico eroe orgoglioso, coraggioso e con «gli occhi che sciolgono il cuore»*) – Итак, Примула – классический герой, гордый, храбрый и с «глазами, которые растапливают сердца»);

3. ‘гордый чем-либо’ (*Un’opera che qualsiasi regista, di qualsiasi epoca o cultura, sarebbe orgoglioso di aver firmato.* – Произведение, которое любой бы режиссер, любой эпохи или культуры, был бы горд поставить под ним подпись);

4. ‘выражающий гордость, высокомерие’ (с различными оценочными компонентами) (о предметах и явлениях) (*un atteggiamento orgoglioso* – гордое, высокомерное поведение);

5. ‘известный, великолепный, славный, выдающийся (о людях и местах)’ (*Era profondamente religioso, ma allo stesso tempo un orgoglioso artista barocco.* – Он был глубоко верующим, но при этом выдающимся художником барокко); <...> *È un turpe traditore del re dell’orgoglioso Hereford* <...> Он гнусный предатель короля славного Херефорда).

Как видим, лексико-семантические варианты *orgoglioso* имеют разные оценочные компоненты (ЛСВ 2, 3, 5 – положительный, ЛСВ 1 – отрицательный; оценочный компонент ЛСВ 4 вариативен) и может определять как абстрактные, так и конкретные существительные. ЛСВ 1-4 выражают понятие «гордость» в различных аспектах, а ЛСВ 5 – общую положительную оценку, что позволяет судить о смежности данных понятий в сознании носителей языка. Подобные семантические связи, отмеченные также в латинском языке (ср. *superbus* 1) ‘высокомерный, надменный; горделивый’; ... 7) ‘превосходный, отличный’³), характерны для русского языка XIX в., что отмечено О.А. Кузнецовой при анализе корпусных контекстов: ср. гордый ‘значительный, важный; славный (о людях)’ в контекстах *Велики вы, славны, красивы, горды, переходит имя ваше из уст в уста, зреют ваши дела по свету...* (И.А. Гончаров); *Заступление гордого папы едва ли имело какое-нибудь действие* (Н.М. Карамзин)⁴.

Связь понятий «гордость» и положительная оценка (в т.ч. эстетическая) наблюдается также в семантике итальянских прилагательных *superbo* и *altero*, которые помимо значений, связанных с понятием «гордость» (‘высокомерный’, ‘гордый чем-либо’, ‘гордый, с чувством собственного достоинства’), выражают также значения ‘величественный’, ‘великолепный’ (*un superbo sorgere del sole* – великолепный восход солнца; *superbo virtuosismo* – великолепная виртуозность, *superbo e fortificato palazzo* – величественный и укрепленный дворец, <...>; *Le prime volte veniva a trovarmi, si sedeva da una parte col suo portamento altero che nascondeva una natura dolcissima* – Сначала когда она навещала меня, сидела с одной стороны в великолепной позе, в которой пряталась красивейшая натура⁵. Единицы с данным семантическими связями зафиксированы также в западнославянских и восточнославянских языках (ср. чеш. диал. *hrdy* ‘великолепный, прекрасный, величественный’, в.-луж. *hordość* ‘величие’, ‘великолепие’). В современном русском литературном языке отмечается, что гордый употребляется в значении ‘высокий, возвышенный’ и ‘величавый’ («В песчаных степях аравийской земли три гордые пальмы высоко росли»)⁶.

Прилагательное *fiero*, согласно корпусным и лексикографическим данным, в современном итальянском языке выражает значения ‘гордый’ (с положитель-

ным и отрицательным оценочным компонентом), а также ‘смелый, отважный’ (*popolo forte e fiero* – сильный и отважный народ)⁷. Такая семантическая связь не отмечена в современных славянских языках, однако в русских диалектах зафиксирован глагол ерохориться ‘желание выглядеть смелее, храбрее’. В современном русском языке связь понятий «гордость» и «храбрость» не отмечается в семантике единиц⁸.

Таким образом, на основании сопоставления лексических данных итальянского и славянских языков, можно сделать вывод, что основные понятийные связи, отраженные в семантике итальянских прилагательных синонимического ряда *orgoglioso* ‘с чувством собственного достоинства; гордый чем-либо’ характерны также и для славянских языков. На основании этого можно предположить, что связь понятий «гордость», «положительная (эстетическая) оценка» и «храбрость» является универсальной для индоевропейских языков.

¹ Lo Zingarelli. Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli / a cura di Dogliotti M. e Rosiello L. 1996. 12-essimo edizione.

² Bataglia S. Grande dizionario della lingua italiana. Torino: Editrice torinese, quinto unione tipografico, 1968. Vol.7. ;

Enciclopedia Italiana di Scienze, Lettere ed Arti. URL: <http://www.treccani.it/>;

De Mauro. Il dizionario della lingua italiana. Torino: Editrice di Paravia, 2000.;

Consiglio Nazionale delle Ricerche. Corpus COLFIS (non lemmatizzato) // Istituto di linguistica Computazionale Unita' staccato di Genova. URL: <http://www.ge.ile.cnr.it/corpus.php>;

Corpus CorpusEye. URL: <http://corp.hum.sdu.dk/cqp.it.html>.

³ Дворецкий И.Х. Большой латинско-русский словарь. – М.: 1976. – 1096 с.

⁴ Кузнецова О.А. Лексико-семантическое поле «гордость»: мотивационно-генетический аспект. Томск, 2015.

⁵ Corpus CorpusEye. URL: <http://corp.hum.sdu.dk/cqp.it.html>.

⁶ Кузнецова О.А. Лексико-семантическое поле «гордость»: мотивационно-генетический аспект. Томск, 2015.

⁷ Corpus CorpusEye. URL: <http://corp.hum.sdu.dk/cqp.it.html>

⁸ Кузнецова О.А. Лексико-семантическое поле «гордость»: мотивационно-генетический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2015. – 23 с.

Давыдова Е.И., ТГУ, студент

Davydova E.I., TSU, student

Мотивационные особенности наименований итальянских и испанских алкогольных ликеров (сопоставительный аспект)

Motivational aspects of naming alcohol liquors in Italy and Spain (comparative aspect)

Данная работа посвящена анализу мотивационных и деривационных особенностей наименований алкогольных ликеров Испании и Италии. В статье выявляются и сопоставляются основные мотивационные модели образования наименований алкогольных ликеров в испанском и итальянском языках.

This work is on research of motivational and derivational aspects of naming alcohol liquors in Italy and Spain. In this article, the main motivational models of naming alcohol liquors from Spanish and Italian are deduced and compared.

Ключевые слова: лексикология, испанский язык, итальянский язык, мотивационные особенности

Key words: lexicology, Spanish language, Italian language, motivational aspects

Научный руководитель: Кузнецова Ольга Андреевна, канд. филол. наук

Названия еды и напитков активно исследуются в современном языкознании в различных аспектах и на материале разных языков¹. Исследование мотивационных особенностей данных единиц поможет получить сведения о языковой картине мира итальянской и испанской культур.

Цель настоящей работы – сравнить итальянские и испанские модели номинации напитков на примере названий алкогольных ликеров.

Ликер – ароматный, обычно сладкий спиртной напиток из фруктовых и ягодных соков, настоев душистых трав с добавлением корней, пряностей. Содержание спирта варьируется в широких пределах от 15 до 75 градусов. Само название произошло от латинского слова *liquor*, что в переводе означает ‘жидкость’. В работе проанализировано 15 названий ликеров итальянского происхождения с точки зрения их внутренней формы: *Limoncello, Mirto, Nocino, L'acqua di melissa, Biadina, Centerbe, Sciroppo di rose, Fernet, Campari, Strega, Amaro al radicchio rosso di Treviso, Amaro Lucano, Amaro di Udine, Amaretto, Picco Rosso*.

Данные названия ликеров делятся на несколько групп в зависимости от мотивировочного признака, который лег в основу номинации.

Первая группа объединяет лексические единицы, образованные на основе основного ингредиента, из которого приготовлен ликер. Среди проанализированных единиц к этой группе относятся семь ликеров: *limoncello* (юж. итал.) ‘популярный итальянский лимонный ликёр’ (от *limone* ‘лимон’ и *-ello* (уменьшительный суффикс); *mirto* (сард.) ‘ликер из ягод миртового кустарника’; *nocino* (сев. ит.) ‘итальянский ореховый дижестив’ (от *nose* ‘грецкий орех’ и уменьшительного суффикса *-ino*); *l'acqua di melissa* ‘мелисовая вода’; *biadina* ‘ликер на основе трав, темного цвета с приятным нежным ароматом, на вкус немного горьковатый’ (от *biada* ‘овес для лошадей, зерно’ и уменьшительного суффикса *-ina*); *centerba* (абруц.) ‘ароматный ликер изумрудного цвета, полученный путем настаивания ароматных горных лекарственных растений’ (от *cento erbe* ‘сто трав’); *sciroppo di rosa* (генуэз.) ‘розовый сироп’².

Вторая группа итальянских наименований ликеров имеет в качестве мотивировочного признака имя первого производителя. К этой группе относится пять ликеров: *fernet* ‘горький травяной ликёр’ (изобретатели Фернет и Бернардино Бранка); *campari* ‘горький ликер красного цвета на основе ароматических трав и фруктов’ (создал Гаспар Кампари); *strega* ‘итальянский травяной ликер’ (компания, которая производит этот напиток – «Strega Alberti»)³.

Мотивировочный признак третьей группы единиц связан с названием региона, где впервые был произведен напиток. Сюда вошло три ликера: *amaro al radicchio rosso di Treviso* ‘ликер с красным цикорием из Тревизо’. Данная единица имеет двойную мотивацию: по ингредиенту и по региону; *l'amaro Lucano* ‘итальянский алкогольный напиток на основе целебных трав и сахара’ (провинция Лукания); *l'amaro d'Udine* ‘ликер на основе трав и корней, фруктов и карамели’ (провинция Удине)⁴.

Остальные мотивационные модели представлены единичными случаями: к примеру, *amaretto* (от *amaro* ‘горький’ с помощью уменьшит. суффикса *-etto*) образован на основании мотивировочной связи с горьким вкусом; *picco rosso* (красный пик) ‘сильно алкогольный ликер, крепостью в 61 градус, имеющий ярко-красный цвет и насыщенный аромат мотивирован крепостью и цветом.

Также было проанализировано 16 названий испанских ликеров: *licor de manzanas/melocotones/fresas/guinda/platanos/bellota/cantueso/canela*, *licor 43*, *pacharan*, *el palo de Mallorca*, *hierbas de Mallorca*, *monserrat*, *crema Catalana*, *fino*, *aguardiente*⁵.

К первой группе так же относятся лексические единицы, образованные от главного ингредиента, входящего в состав напитка. В эту группу вошли 12 ликеров. Большая часть из них представляет существительное *licor* с несогласованным определением (*licor de manzanas* (*manzana* ‘яблоко’), *licor de melocotones* (*melocotone* ‘персик’), *licor de fresas* (*fresa* ‘земляника’), *licor de guinda* (от *guinda* ‘вишня’), *licor de platanos* (от *platanos* ‘банан’), *licor de bellota* (*bellota* ‘желудь’), *licor de cantueso* (*cantueso* ‘лаванда’) и *licor de canela* (*canela* ‘корица’). По данной мотивационной модели образованы также названия ликеров *el palo de Mallorca* (от *palo* ‘древесина’; ликер содержит кору хинного дерева); *hierbas de Mallorca* ‘травы Майорки’ (в рецепт входят вытяжки из 25 различных растений). Последние два ликера имеют двойную мотивацию. Их можно отнести и к следующей группе, в основе мотивировочного признака которой, лежит название региона.

По этой же мотивационной модели образовано название тернового ликера *pacharan*, заимствованное из баскского, где *baso aran* значит ‘дикая слива’). Однако эта мотивационная связь не осмысливается носителями языка.

Модификацию рассматриваемой мотивационной модели представляет единица *licor 43* (название ликера, который готовится из 43 компонентов), которая мотивирована количеством входящих в рецепт ингредиентов.

Названия ликеров второй группы мотивированы вкусовыми качествами, которыми обладает напиток: *crema catalana* (от названия одноименного каталонского сливочного десерта), *fino* (от *fino* ‘тонкий, изящный’), *aguardiente* (от *agua* ‘вода’ *ardiente* ‘огненный’).

Номинация ликера по месту производства также продуктивна в испанском языке (*Montserrat* (от названия горы в пригороде Барселоны), *hierbas de Mallorca* и др.)

Итак, мотивационный анализ показал, что как в испанском, так и в итальянском языках самой продуктивной моделью номинации алкогольных напитков является номинация по ингредиентам, из которых приготовлен напиток (7 итальянских ликеров (46%) и 12 испанских (75%)). Также достаточно продуктивными в обоих языках являются номинации по месту производства (3 итальянских (20%) и 3 (19%) испанских) и по вкусовым качествам (2 итальянских (13%), 3 (19%) испанских). В основании последней модели номинации обычно лежит семантический компонент ‘горький’ или ‘крепкий’. Специфической для итальянского языка является номинация алкогольной продукции по имени производителя.

Список условных сокращений

абруц. – диалект региона Абруццо (Италия)

генуэз. – диалект города Генуя (Италия)

сард. – диалект острова Сардиния (Италия)

сев. ит. – северные итальянские диалекты

ж.итал. – южные итальянские диалекты

¹ Козько Н. А., Пожидаева Е. В. Лексико-семантическая репрезентация базовых материальных концептов на материале лексикографических источников / Н.А. Козько, Е. В. Пожидаева [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –2013. – № 6. Ч. 2. – С. 103-106. – URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/6-2/26.html> (Дата обращения 12.03.2017), Доюнова С.С. Когнитивно-прагматические и лингвокультурологические особенности названий российской водочной продукции: автореферат дис. ... канд. филолог. наук / С. С. Доюнова; Адыгейский гос. ун-т. – Майкоп, 2013 – URL: <http://dislib.ru/jazykoznanie/80211-2-kognitivno-pragmaticheskie-lingvokulturologicheskie-osobennosti-nazvaniy-rossiyskoy-vodochnoy-produkcii.php> (Дата обращения 13.03.2017).

² Sapore Tipico [Electronic source]// Studio Bergamini&Pettenati. – Electronic data.- 2010. –URL: <http://www.saporetipico.it/prodottitipici.php?Tipologia=Bevande%20analcoliche,%20Distillati%20e%20Liquori> (access date: 10.03.2017).

³ Cucina italiana [Электронный ресурс]// Википедия : свободная энцикл. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2012. – URL: https://it.wikipedia.org/wiki/Cucina_italiana#Bevande (Дата обращения 10.03.2017)

⁴ Там же.

⁵ Информационный портал и Центр услуг в Испании. Испания по-русски [Электронный ресурс]// Ликеры Испании. – Электрон. дан. – 2007. – URL: <http://www.espanarusa.com/ru/pedia/article/567677> (Дата обращения 13.03.2017).

Егорова М.Ю., ТГУ, магистрант

Egorova M.Yu., TSU, master student

Модальные единицы с семантикой долженствования в английском и русском языках: сопоставительный и переводческий аспекты

Modal lexemes expressing necessity in English and Russian: comparative and translation aspects

Объектом исследования являются модальные единицы с семантикой долженствования в русском и английском языках. Выявляются принципиальные

различия в русском и английском языках в их содержательном наполнении и функциональных чертах, а также в сложности их передачи на другой язык.

The research paper focuses on the modal units expressing necessity in Russian and English languages. Fundamental differences are being revealed in Russian and English languages in terms of their content, structure and functional features as well as the complexity of translation of these units into another language.

Ключевые слова: модальность, долженствование, модальные единицы, модальные глаголы, перевод. Modality, necessity, modal units, modal verbs, translation

Научный руководитель Филь Юлия Вадимовна, канд. филол. наук, доцент

Семантическая область лексической и грамматической модальности является одной из самых обширных, неоднородных и неоднозначных, что делает ее описание особенно трудным. Исследователи отмечают, что у модальной семантики нет единого понятийного центра, она представляет собой постепенные переходы от одного модального значения к другому, при этом возможны зоны наложения модальных значений друг на друга.

Одним из основных модальных значений принято считать значение необходимости. Оно описывает ирреальную ситуацию, необходимость может быть представлена через комбинацию возможности и отрицания. С лингвистической точки зрения, необходимость не является симметричным понятием. Важно различать внутреннюю и внешнюю необходимость: первая возникает в силу внутренних свойств субъекта, вторая – следствие внешних обстоятельств, не зависящих от самого субъекта¹.

Наиболее проблемная зона в изучении модальных смыслов и средств их выражения связана с поиском эквивалентности перевода модальных единиц на другие языки, каждый из которых обладает специфическим набором модальных единиц, не являющихся исключением в этом плане английская и русская языковые системы.

В группе английских модальных глаголов, выражающих долженствование (*must, have (got) to, should, ought to, need, be to, shall*) выделяется доминанта – это глагол *must* со значением «должен, обязан, необходимо». В Кембриджском словаре английского языка фиксируются три основных значения данного глагола, которые используются в разных контекстах: высокая степень необходимости (*The meat must be cooked thoroughly*); предложение сделать что-то, потому что это хорошая идея (*You must come and stay with us some time*); возможность, близкая к уверенности (*She must be very wealthy*) (2). Внутри семантической области *must* существуют отдельные частные оттенки.

Во-первых, такие значения, где каузатор действия – это внешняя сила.

1) Подчинение требованию, команде как результат воздействия чужой воли (*You must stop*), при этом *must* выражает значение сильного долженствования и переводится на русский язык либо императивом, либо модальной единицей должен. 2) Необходимость, вызванная сложившимися обстоятельствами (*We*

must hurry to catch the bus). В данном контексте наиболее точно на русский язык данную семантику передают модальные единицы надо и нужно. 3) Вынужденная необходимость вследствие того, что так принято в обществе (*I must say you're looking well*). Варианты русского перевода разнообразны, как правило, посредством единицы должен: должен признаться, должен сознаться. 4) Долженствование, которое обусловлено требованием закона, традиций, правил (*We must obey the rules*). Переводится на русский язык обычно как обязан, должен. Семантика *must* подразумевает, что невыполнение требования может повлечь серьезные для субъекта последствия (административные или уголовные наказания). 5) Предопределенность (*What must be will be*).

Во-вторых, *must выражает значения*, связанные с внутренним «я» и самосознанием субъекта действия. 1) Внутренняя потребность субъекта, его намерение (*I must phone my sister*). Здесь семантическая область *must* шире и выражает необходимость, равную желанию субъекта. 2) Необходимость, обусловленная законами природы, базовая необходимость (*One must eat to live*). В данном контексте *must* выражает значение, близкое к *need*, который описывает необходимость в узком смысле слова^{2,3,4}.

Семантика необходимости в русском языке передается широким набором модальных лексем от прилагательных до устойчивых оборотов. В ряду прочих модальных лексем единица должен является безусловной доминантой, она может быть использована для передачи практически всех семантических вариантов значения необходимости⁵. Семантика должен неоднородна, выделяется 5 частных значений единицы^{5,6}. 1) Необходимость, обусловленная стечением обстоятельств (Я должен выйти); переводится на английский язык единицами: *have(got) to*, *must* (должен), *need*, их выбор зависит от контекста. 2) Социальные установки, обязанности (Он должен заботиться о детях). В английском языке данный смысл передают модальные глаголы *must*, *have to*, *should*, *ought to* с семантикой необходимости, варьирующейся от слабого (*should*) до сильного (*must*) долженствования. 3) Внутренний долг, этические нормы (*Должен согласиться*). Семантика должен в этом случае приближается к семантической области «желания». 4) Запланированность ситуации, ее соотнесение с тем, как должно быть (Наступление войск должно вот-вот начаться); этот смысл в английском языке выражает единица *be to* и др. 5) Следствие воздействия чужой воли (Ты меня должен вытащить!). Как и в случае с английскими модальными единицами, данный тип долженствования близок императиву. Анализ русского и английского доминантных значений глагольной модальности долженствования показал неоднозначность этих единиц, выявил точки пересечения семантической области необходимости с областями желания и возможности, контекстную зависимость, что усложняет межъязыковой перевод высказываний с модальными единицами. Так, в русском языке должен передает все оттенки значения необходимости, в то время как в английском языке, несмотря на доминантное положение среди других единиц *must*, она не может быть использована для выражения всех оттенков рассматриваемой семантики. Существу-

ют определенные ограничения, которые не позволяют *must* стать универсальной заменой для всех других единиц, потому что 1) его семантика выражает сильное долженствование, 2) содержит оттенок «собственной воли» субъекта.

¹ Дронова Л.П. Реконструкция в компаративистике и когнитивно-ориентированной лингвистике // Вестник Том. гос.ун-та. Филология. – Томск, 2012. – №4 (20). – С. 24-31.

² Dictionary, Cambridge. Cambridge dictionary. [Online] Cambridge University Press, april 2017. <http://dictionary.cambridge.org/ru>

³ Hornby, A.S. Oxford advanced learner's dictionary of current English. [ed.] Sally Wehmeier. 7th. Oxford : Oxford university press, 2005.

⁴ Merriam-Webster's Collegiate® Dictionary, online edition. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/must>. Merriam-Webster. [Online] Merriam-Webster, Incorporated, april 2017. <https://www.merriam-webster.com>.

⁵ Цейтлин С.Н. Необходимость. Общая характеристика семантики необходимости // Теория функциональной грамматики. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 142-152.

⁶Словарь русского языка: в 4-х т.: Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Конгирович Е.М., ТГУ, студент

Kongirovich E.M., TSU, student

Фразеологические сочетания с глаголами движения *uscire/entrare* в современном итальянском языке

Phrasiological combinations with verbs of movement *uscire/entrare* in the modern Italian language

В статье анализируются функционально-семантические особенности фразеологических сочетаний с глаголами движения в русском и итальянском языках. Объектом исследования являются фразеологические сочетания с антонимичными глаголами (uscire – entrare/входить – выходить).

The article gives an analysis of functional-semantic aspects of phrasiological combinations with verbs of movement of the Russian and the Italian languages. It is dealt with phrasiological combinations with the antonymous verbs (uscire – entrare/входить – выходить).

Ключевые слова: сопоставительная лексикология, фразеологическое сочетание, глагол движения, итальянский язык

Key words: comparative lexicology, phrasiological combination, verb of movement, the Italian language

Научный руководитель: Кузнецова Ольга Андреевна, канд. филол. наук

Данная работа посвящена анализу функционально-семантических особенностей фразеологических единиц с глаголами движения в русском и итальянском языках. Осмысление перемещения в пространстве в каждой культуре различно, так как обусловлено национально-культурной спецификой и определенной не-

рархией ценностей¹. Исследование фразеологических единиц, внутренняя форма которых обычно прозрачна, мотивирована, образна и отражает эмпирический и духовный опыт языкового коллектива², тесно связано с исследованием языковой картины мира.

В качестве объекта исследования для настоящей работы были выбраны фразеологические сочетания с антонимичными глаголами *entrare – uscire*, являющиеся эквивалентными русским видовым парам *входить – войти* и *выходить – выйти*. Переносные значения коллокаций с русскими глаголами *входить – войти* и *выходить – выйти* проанализированы в кандидатской диссертации Нгуен Тхи Тху Хыонг «Словосочетания с глаголами движения *идти – ходить* в метафорическом аспекте (с позиций носителя вьетнамского языка)»¹. Выводы данного исследования привлекаются в настоящей работе для выявления этноспецифичности характера метафорических переносов, выражаемых фразеологическими единицами с глаголами движения *uscire – entrare* в итальянском языке.

Основное значение глагола *uscire* – ‘выходить из закрытого помещения или за пределы любой ограниченной области, часто с указанием на место, из которого выходят или к которому направляются’³.

Было проанализировано 21 фразеологическое сочетание с глаголом *uscire*, которое может быть предикатом при одушевленном субъекте. В большинстве случаев данный глагол управляет существительными с предлогами *da/di*, указывающими на точку отправления. Проанализированные фразеологические сочетания условно делятся на четыре семантических группы:

1. Выход за рамки, отклонение от нормы или от заданной темы (*uscire dai binari* ‘сойти с рельсов, отклоняться от общепринятого поведения’, *uscire dal solco* ‘сойти с колен, отклоняться от темы разговора’, *uscire dal gruppo* ‘отбиться от группы, выделяться из общей массы’)

2. Разозлиться, потерять терпение, контроль над собой (*uscire di sé* ‘выйти из себя’, *uscire di squadra* ‘разозлиться’)

3. Выход из определенного физического или душевного состояния (*uscire dalle grinfie* ‘вырваться из когтей, освободиться от чьей-то власти, выйти из состояния зависимости от кого-либо’, *uscire dal guscio* ‘вылезти из раковины/скорлупы, выйти из зоны комфорта’).

4. Лишиться рассудка (*uscire di testa* ‘сойти с ума’, *uscire di senno* ‘потерять рассудок’).

В русском языке эквивалентная итальянскому *uscire* видовая пара глаголов *выходить – выйти* образует фразеологические сочетания также с другой семантикой (например, ‘приобрести известность’ (выйти на мировую арену), ‘выходить из привычного состояния’ (выйти из колен) ‘происходить из какой-либо сферы’ (выйти из народа), ‘переставать слушаться’ (выйти из-под чьего-либо контроля), ‘начинать какое-либо действие’ (выйти на демонстрацию), ‘добиваться прочного и высокого положения в жизни, в обществе’ (выйти из люди). В отличие от итальянского языка, в русском отсутствуют сочетания с видовой парой глаголов

выходить – выйти, обозначающие потерю рассудка. При управлении с предлогами *в* и *на* глаголы *выходить* – *выйти* проявляют энантиосемию и могут означать вход в определенное состояние или положение (выйти на пенсию).

Основное значение глагола *entrare* – ‘заходить снаружи вовнутрь, проходить внутрь’. Глагол «*entrare*» управляет существительными с предлогом *in*, указывающим на место, в которое направлено движение.

Проанализировав лексикографические источники, мы обнаружили 13 фразеологических сочетаний с глаголом *entrare*, которые могут быть предикатом при одушевленном субъекте. Эти сочетания могут быть разделены на три семантических группы:

1. Начать принимать участие в чем-либо, присоединиться к кругу лиц (*entrare in società* ‘присоединиться к обществу’, *entrare in carica* ‘вступить в должность’, *entrare in gioco* ‘войти в игру, вмешаться в ситуацию’).

2. Войти в определенное состояние (*entrare nel personaggio* ‘вжиться в образ персонажа’, *entrare in possesso* ‘вступить во владение’).

3. Уточнить, углубиться в ситуацию (*entrare nei dettagli* ‘вдаваться в подробности, описывать детально’, *entrare nel merito* ‘вникать в суть дела’).

В русском языке в подобных сочетаниях глаголы *войти* – *входить*, эквивалентные итальянскому *entrare*, управляют существительным с помощью предлога *в*. Данные сочетания в русском языке могут выражать также иную семантику: ‘вернуться к изначальному состоянию после каких-либо изменений’ (войти в колею), ‘присоединиться к группе людей’ (войти в коллектив), ‘наладить эмоциональный контакт с другим человеком’ (войти в доверие).

Таким образом, фразеологические сочетания с глаголами *uscire/entrare* в современном литературном итальянском языке используются для метафорического представления следующих понятий: «отклонение от нормы, темь», «потеря контроля над собой», «выход из некоторого состояния», «вход в некоторое состояние», «потеря рассудка», «присоединение к действию или группе людей», «углубление темь». При этом фразеологические сочетания с глаголами *входить* – *войти*, *выходить* – *выйти* в русском языке имеют сходную семантику (за исключением выражения понятия «потеря рассудка», которое в русском языке выражается сочетаниями с др. глаголами движения (сойти). Также в русском языке рассматриваемые фразеологические сочетания выражают некоторые этноспецифические значения, как «обретение известности», «происхождение из какой-либо сферы», «прекращение чего-либо», «достижение прочного и высокого положения в жизни, в обществе»¹.

¹ Нгуен Тхи Тху Хыонг Словосочетания с глаголами движения *идти/ходить* в метафорическом аспекте: С позиции носителя вьетнамского языка: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2001. – С. 132-152.

² Савельева Е. Концепт движения и глаголы движения во фразеологизмах словенского и русского языков: Дис....канд. филол. наук. – Будапешт, 2012. – С. 43.

³ De Mauro, T., Il grande dizionario italiano dell'uso: [Электронный ресурс]. Torino, 1999.

Корякина Н.М., ТГУ, студент

Koryakina N.M., TSU, student

Мотивационные особенности метеонимов современного литературного итальянского языка

Motivational aspects of weather terms in the modern Italian written language

Данная работа посвящена мотивационным особенностям метеонимов в современном итальянском языке. Объектом исследования являются названия метеорологических явлений, которые сопровождаются выпадением осадков. Работа основана на лексикографических источниках.

The paper studies the motivational aspects of weather terms in the modern Italian language. It considers the names of meteorological phenomena implying precipitation. The piece of research is based on lexicographical sources

Ключевые слова: лексикология, метеонимы, итальянский язык, мотивационные особенности

Key words: lexicology, weather terms, precipitations, Italian language, motivational aspects

Научный руководитель: Кузнецова Ольга Андреевна, канд. филол. наук

Целью этой работы является изучение особенностей номинаций метеоявлений в современном итальянском языке. Объектом исследования являются метеонимы, входящие в лексико-семантическое поле ‘ненастье’ и обозначающие метеоявления, сопровождающиеся осадками. Предметом исследования является функционально-семантические и мотивационные особенности данных единиц.

Проанализировав данные синонимических словарей современного итальянского языка, мы выделили 37 существительных, обозначающих метеоявления, сопровождающиеся осадками. Их можно разделить на три группы:

1) единицы, обозначающие непосредственно выпадение осадков (*precipitazioni* ‘осадки’, *pioggia* ‘дождь’, *neve* ‘снег’, *nevicata* ‘снегопад’, *grandinata* ‘сильный град’, *acquazzone* ‘непредвиденный кратковременный ливень’, *diluvio* ‘сильный ливень’ и др.);

2) лексические единицы, обозначающие выпадение осадков, сопровождающиеся сильным ветром или перенос ветром уже выпавших осадков (*temporale* ‘сильная буря с громом и молниями’, *tempesta*, *bufera*, *procella* ‘буря’ и другие);

3) явления, при которых происходит скопление жидкости в воздухе или на поверхностях (*nebbia* ‘туман’, *foschia* ‘туман, дымка’, *bruma* (1) ‘лёгкий туман’, *rugiada* ‘роса’, *brina* ‘иней’). В настоящей работе рассматривается семантика и внутренняя форма единиц первой и второй групп.

Первая группа, согласно лексикографическим данным¹, в современном литературном итальянском языке включает 21 лексическую единицу. Из них более широкой семантикой обладают существительные *pioggia* ‘дождь’, *neve* ‘снег’ и *grandine* ‘град’. Метеонимы данной группы можно разделить на 2 подгруппы:

а) обильное выпадение осадков (*acquazzone*, *diluvio*, *acquata*, *gragnola*, *piovas-*

co); б) необильное выпадение осадков (*acquerella, acquerugiola, acquetta, acquicella, acquolina, annacquata, pioggerella, spruzzata, pioggiolina*)².

В основном существительные синонимического ряда 'осадки' имеют живую внутреннюю форму (исключениями являются существительные *pioggia, neve, grandine* и существительное *diluvio*). Подавляющее количество единиц этого ряда образованы от сущ. *acqua* 'вода' или *pioggia* 'дождь' с помощью различных суффиксов: диминутивных (*acquerella, acquerugiola, acquetta, acquolina, pioggerella, pioggiolina, pioggerellina* 'мелкий, непродолжительный дождь', *-ata*, который выражает семантический компонент 'резкий' (*acquata* 'непредвиденный', *grandinata* 'сильный град', *nevicata* 'снегопад'), негативной оценки – *azzo, -asco* (*acquazzone* 'непредвиденный и кратковременный ливень', *piovasco* 'сильный и кратковременный ливень, часто с ветром и порой с градом'³ и др.)

Интересным представляется происхождение *gragnola* 'дождь со снегом', которое образовано от лат. **grandeōla* < *grando, -dinis* 'град'⁴. В процессе функционирования в корне выпал целый слог, поскольку внутренняя форма слова была переосмыслена. Сейчас в сознании носителя языка оно сближается со словом *grano* 'крупница'. Таким образом, мотивировочным признаком данного существительного является форма выпадающих осадков.

Существительное *spruzzata* 'лёгкий кратковременный дождь' образовано от глагола *spruzzare* 'брызгать, орошать' при помощи суффикса *-ata*. Мотивировочный признак – количество осадков и характер выпадения осадков.

Таким образом, метеонимы, обозначающие выпадение осадков на земную поверхность, в современном итальянском языке образованы по четырем основным моделям мотивации: а) по количеству выпадаемых осадков; б) по состоянию вещества, из которого состоят выпадающие осадки; в) по форме осадков; г) по характеру выпадения осадков.

В синонимический ряд 'метеоявления, сопровождаемые порывами ветра и выпадением осадков' входят девять лексических единиц. Его доминантой является существительное *tempesta* 'буря, гроза'.

Основные семантически наиболее емкие единицы данного синонимического ряда: *tempesta, temporale, bufera* и *procella*. *Tempesta* и *bufera* являются общепотребительными, а также имеют широкую семантику, так как обозначают бурю вообще. *Temporale* также является общепотребительным существительным, но имеет более узкое значение и эквивалентно русскому 'гроза' (обязательно сопровождается ветром, молниями и громом). Существительное *procella* 'свирепая буря' стилистически ограничено литературным языком и менее частотно⁵. Остальные единицы данного синонимического ряда обладают более узкой семантикой (например *tormenta* 'кратковременная снежная буря, с сильными порывами ветра, и характерная для горных регионов' (ср. рус. метель), *nubifragio* 'сильная гроза с обильным дождем, иногда смешанным с градом или снегом, часто с разрушительными последствиями', *burrasca* 'морская буря с сильным и стремительным ветром')⁶.

В синонимическом ряду ‘метеоявления с ветром и осадками’ немотивированной является единица *procella*, которая восходит к лат. *procella*, заимствованной из греческого языка⁷. В остальных случаях в основе номинации лежат следующие семантические компоненты:

1) ‘интенсивность ветра’ (*tormenta* < *tormentare* ‘мучить, терзать, подвергать пыткам’), *bufera* (от *bufare* ‘дуть’), *burrasca* (от диал. *bora* ‘северный ветер’);

2) ‘место, где обычно происходит метеоявление’ (*mareggiata*, мотивированное глаголом *mareggiare* ‘волноваться’, которое в свою очередь образовано от *mare* ‘море’ с присоединением суффикса *-eggia* со значением ‘интенсивность’);

3) ‘тучи и гром, сопровождающие грозу’ (*nubifragio*, восходящее к лат. *nubi-fragium*, которое образовано от *nubes* ‘облако’ и *fragere* ‘ломать’⁸).

Существительные *temporale* и *tempesta* восходят к лат. *temporalis* и *tempēstas* (-atis) и родственны существительному *tempo* ‘погода’⁹. Мы предполагаем следующую мотивационную связь данных существительных: ‘плохая погода’ > ‘буря, гроза’ (4).

Таким образом, в основном, метеонимы в современном итальянском языке обладают живой внутренней формой. Номинация погодных явлений происходит посредством связи метеоявления с местом его наблюдения и интенсивностью, а также с другими явлениями, которые сопровождают и характеризуют (ветер, тучи, гром) номинируемое метеоявление.

¹ Treccani – La cultura Italiana – Sinonimi [Электронный ресурс] : – URL: <http://www.treccani.it/sinonimi/> (дата обращения 14.04.2017).

² Dizionario italiano De Mauro [Электронный ресурс] : Vocabolario online della lingua italiana. – URL: <http://dizionario.internazionale.it/> (дата обращения 15.04.2017).

³ Там же.

⁴ Treccani – La cultura Italiana – Vocabolario [Электронный ресурс] : – URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения 14.04.2017).

⁵ Dizionario italiano De Mauro [Электронный ресурс] : Vocabolario online della lingua italiana. – URL: <http://dizionario.internazionale.it/> (дата обращения 15.04.2017).

⁶ Там же.

⁷ Vocabolario Etimologico della Lingua Italiana [Электронный ресурс] : Dizionario Etimologico Online. – Francesco Bonomi, 2004-2008 (дата обращения 17.04.2017).

⁸ Там же.

⁹ Treccani – La cultura Italiana – Vocabolario [Электронный ресурс] : – URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения 14.04.2017).

Панфилова С.Ю., НГПУ, студент

Panflova S.Yu., NSPU, student

Гора, скала (утес) и пропасть в русской и итальянской метафорических картинах мира

The mountain, the rock (cliff) and the abyss in Russian and Italian metaphorical world pictures

Анализируются ландшафтные наименования (гора, пропасть, скала, утес) и образованные на их основе метафоры в русском и итальянском языках; выявляются специфические черты русской и итальянской языковых картин мира.

Landscaped names (a mountain, a precipice, a rock) and metaphors derived from them are compared; the article describes specificities of the Russian and Italian linguistic worldviews.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, сопоставительная лингвистика, ландшафтные метафоры, русский и итальянский языки

Keywords: cognitive linguistics, contrastive linguistics, metaphors of landscape, Russian and Italian languages

Научный руководитель: Трипольская Татьяна Александровна, д-р филол. наук, профессор

Сопоставительные и когнитивные исследования метафор становятся все более актуальными, поскольку метафоры являются особым способом отображения и познания действительности. Настоящая работа посвящена анализу метафорического потенциала контрастных ландшафтных наименований: гора, скала – пропасть.

В русском языке тематическая группа (ТГ) Ландшафт содержит 84 лексемы (по данным Русского семантического словаря под ред. Н.Ю. Шведовой¹), а в итальянском – 54 (словарь итальянского языка Де Мауро²). ТГ можно разделить на 7 подгрупп: возвышенности; равнинные местности; углубления; неровности; наклонные поверхности; отличающиеся от окружающей местности части поверхности; места под землей. Наиболее многочисленными оказались подгруппы возвышенности (18 лексем в русской подгруппе и 12 в итальянской) и углубления (18 лексем в русской подгруппе и 19 в итальянской). Далее рассматриваются ядерные единицы этих подгрупп: гора, скала, утёс, пропасть.

В русской метафорической картине мира (КМ) отражаются следующие характерные признаки горы: высота (идти в гору), огромные размеры (гора дел, золотые горы), неподвижность (горы двигать, горы свернуть). В итальянском языке, в отличие от русского, существует два наименования этого объекта ландшафта: *un monte* и *una montagna*. В словарях нет указаний на различия двух этих лексем, но нам удалось обнаружить специфику семантики в публицистических контекстах, взятых на сайтах газет «La Gazzetta del Mezzogiorno»³ и «Corriere della Sera»⁴. Лексема *un monte* называет только конкретные объекты, используется в названиях отдельных гор, замков. Слово *una montagna* употребляется как название горной местности в целом, используется в статьях об инцидентах, произошедших в горах, когда важен не конкретный объект, а местность. В итальянской метафорической КМ отражаются те же особенности метафорического видения гор, что и в русском: *un monte/una montagna di (problemi)* – гора (проблем); *una montagna* – крупный человек, *promettere mari e monti* – обещать моря и горы (в русском: сулить золотые горы), *andare a montagna* – идти в гору.

Итак, в итальянском и русском языках существуют общие метафоры, образованные от наименования гора. Метафора крупный человек не зафиксирована в словарях русского языка, но в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)⁵ есть примеры её употребления. Нужно отметить, что специфика двух наименований итальянского языка не отражается в процессе образования метафор.

Представим словарные статьи двух наименований скала и утес в русском языке из МАС⁶: «**СКАЛА́**, -ы, *мн. ска́лы, ж.* Каменная глыба, утес с крутыми склонами и острыми выступами. *Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом.* Лермонтов, Бэла. *Волны шуршали галькой и разбивались о скалы.* Ляшко, Сладкая каторга». «**УТЁС**, -а, *м.* Отвесная скала. *Вот и Лизард, пустой, голый и гладкий утес, далеко ушедший в море.* И. Гончаров, Фрегат «Паллада». *Вокруг нас высились гигантские утесы, круто, а местами совершенно отвесно обрывающиеся в море.* Арсеньев, В горах Сихотэ-Алиня». Таким образом, единственное различие данных лексем – это то, что скала имеет острые очертания, а утес – гладкие.

В словарях нет зафиксированных метафорических значений этих слов, в современной же коммуникации в метафорах актуализируется лишь сема неподвижности, причем чаще всего в сравнительных конструкциях.

В итальянском языке есть три наименования скалы: *una roccia, una ripa, uno scoglio*. Между наименованиями *una roccia* и *una ripa* в словаре обозначено следующее различие: *una ripa* называет огромную скалу, *una roccia* обозначает любого размера утёс или камень. Можно сказать, что лексема *uno scoglio* не имеет эквивалента в русском языке, так как она называет подводную скалу. В русском языке этой лексеме соответствует слово риф, но оно обозначает множество скалистых образований, а *uno scoglio* – одиночную скалу на дне водоема. В словарях итальянского языка у наименования *una roccia* отмечено два метафорических значения: основание чего-либо (в строительстве), человек – о крупном (*lui è una roccia* – он скала) или решительном, твердом (*di fronte alle avversità della vita si è dimostrato una roccia* – перед жизненными невзгодами он показал себя скалой).

Итак, в итальянском языке наблюдается более разветвленная система наименований возвышенностей, а также большая метафорическая дифференциация этих лексем.

Пропасть обладает набором следующих характерных признаков, определивших метафорическую активность наименования в русском языке: опасная глубина (стоять на краю пропасти, толкать в пропасть), непреодолимость (между нами пропасть), темнота и пугающая неизвестность (чёртова пропасть), неизмеримость (пропасть цветов). При анализе современных контекстов, взятых из НКРЯ, было выявлено метафорическое значение этого слова, не зафиксированное в словарях: характеристика безнадежного положения вещей, например, экономического положения отдельного человека или целого государства: финансовая пропасть.

В итальянских словарях указано четыре наименования пропасти: *un abisso*, *una voragine*, *un precipizio*, *un baratro*. Наименование *voragine* употребляется в статьях о провалах в дорогах, на площадях, то есть на русский язык переводить эту лексему как пропасть неуместно. Это слово обозначает не пропасть, а провал, трещину, поэтому данная лексема в качестве наименования пропасти рассматриваться здесь не будет.

В итальянском языке были обнаружены те же метафорические значения, что и в русском. Слова *un abisso*, *un precipizio*, *un baratro* образуют такие метафоры: *cadere in ...* – падать в (пропасть), *essere/camminare sull'orlo di ...* – быть/ходить на краю (пропасти) и другие, образованные на основании формы. Наименование *precipizio* имеет метафорическое значение большого количества, но используется в этом значении крайне редко. В словарной статье *un abisso* отмечены такие метафоры: *tra il tuo modo di vedere le cose e il suo c'è un abisso* – между твоим видением и его пропасть, *abisso di ignoranza/miserie* – пропасть невежества (о человеке – большая невежда), *abisso* = inferno – ад.

Итак, у наименования пропасть в двух языках имеются сходные метафорические значения и специфические: в итальянском языке – большой невежда (*abisso di ignoranza*), в русском – бранное употребление (пропасти на него нет).

Метафоризация ландшафтных наименований свидетельствует о том, что русские и итальянцы воспринимают данные объекты ландшафта сходным образом, несмотря на разные географические условия. Объясняется это, видимо, тем, что данные ландшафтные объекты обладают такими характерными признаками, которые воспринимаются одинаково вне зависимости от различий общего ландшафта. Яркость таких признаков определяет метафорическую активность данных наименований. На приведенных примерах мы видим, что ландшафтные наименования и образованные от них метафоры играют особую роль в формировании универсальных и уникальных фрагментов КМ.

¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 2 т. / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998-2000. – Т. 1. – 2000. – 807 с.

² De Mauro T. Il grande dizionario italiano dell'uso. – Torino: UTET, 2007 (CD-ROM).

³ La Gazzetta del Mezzogiorno [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lagazzetta-delmazzogiorno.it> (дата обращения: 28.02.2017).

⁴ Corriere della Sera [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.corriere.it> (дата обращения: 28.02.2017).

⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.02.2017).

⁶ Словарь русского языка: В 4-х т./под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Помаролли Дж., ТГУ, Веронский университет, аспирант

Pomarolli G., TSU, University of Verona, postgraduate student

Представление хлеба в образном словарном составе русского и итальянского языков

The image of bread as it is represented in Russian and Italian figurative language

Статья посвящена изучению лексико-фразеологических единиц, реализующих образ хлеба в русском и итальянском языках. Описывается мотивационно-образная парадигма ХЛЕБ / PANE, которая показывает, что образ хлеба служит концептуальным доменом для осмысления различных явлений.

This paper is devoted to investigating Russian and Italian lexico-phraseological units representing the image of bread. A description of motivational-figurative paradigms with the top KHLEB / PANE is provided to demonstrate that bread functions as a conceptual domain to comprehend heterogeneous phenomena.

Ключевые слова: образ хлеба, образная фразеология, русский и итальянский язык

Key words: *chleb / pane*, figurative phraseology, Russian and Italian language

Научный руководитель: Юрина Елена Андреевна, д-р филол. наук, профессор

Хлеб можно обозначить как продукт питания, приготовленный из муки, воды, соли и выпекаемый в печи. Это определение настолько верно, насколько и неполно, ибо хлеб гораздо больше, чем простой пищевой продукт. В «Этнолингвистическом словаре», посвященном славянским древностям, С.М. Толстая характеризует хлеб в терминах «высшей жизненной ценности», «дара Божьего», «главного ресурса жизни», «символа достатка, благоденствия, здоровья и плодородия», «объекта сакрализации» и «средства общения людей между собой»¹. Обращаясь к средиземноморским культурам, итальянский исследователь К. Папа отмечает, что разнообразные формы хлеба маркируют время будней и праздников, социальное и жизненное положение групп людей, их этническую идентичность и свидетельствуют о том, что хлеб, больше всякого другого продукта питания, всегда представлял собой один из постоянных факторов идентификации целой средиземноморской общности². Что касается русской культуры, Ю.С. Степанов определяет концепт «Хлеб» как одну из ее констант, т.е. «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время»³.

В настоящей статье проводится семантический анализ общих культурных и культурно-специфических компонентов метафоризации концепта «Хлеб» в русском и итальянском языках. Концепт «Хлеб», в его вербализованной форме, является вершиной целой мотивационно-образной парадигмы (МОП), включающей языковые метафоры (ЯМ), собственно образные слова (СО), образные фразеологические единицы (ФЕ) и прецедентные выражения (Прец.), отражающие его символическое функционирование в языке и культуре. Описание

МОП будет показывать, как образ хлеба служит богатейшем концептуальным доменом, через который осмысляются различные явления окружающего мира в обоих рассматриваемых нами языках, согласно метафорической модели «Нечто – это Хлеб». Источником материала послужили «Словарь русской пищевой метафоры», «Итальянско-русский фразеологический словарь» и электронные версии словорей «Vocabolario della lingua italiana Treccani» и «Dizionario della lingua italiana De Mauro»⁴.

Итак, в русском языке, так же, как в итальянском, МОП, мотивированная лексемой ХЛЕБ / PANE, представлена ЯМ хлеб / pane ‘средство к существованию’; это же образное значение выражают русские ФЕ на хлеб хватает (‘иметь необходимый минимум средств к существованию’) и остаться без куска хлеба, (‘остаться без средств к существованию’), а в итальянском языке – ФЕ *assicurarsi il pane per la vecchiaia* (букв.: «гарантировать себе хлеб на старости», ‘гарантировать себе средства выживания на будущее’), *misurare il pane [a qualcuno]* (букв.: «мерить хлеб [кому-л.]», ‘дать мало еды’ и, в более широком смысле, ‘быть скупым’); *levarsi / togliersi il pane di bocca per qualcuno* (букв.: «лишить себя хлеба изо рта ради кого-л.», ‘жертвовать для кого-л. самым дорогим’) и, наоборот, *levare il pane da sotto i denti [a qualcuno]* (букв.: «вырвать хлеб из-под зубов [у кого-л.]», ‘вырвать кусок изо рта’). Эквивалентными в их переносном значении являются русские и итальянские ФЕ есть чужой хлеб // даром есть хлеб и *mangiare il pane a ufo / a tradimento* (букв.: «есть хлеб на дармовщину / на предательство»), обозначающие ‘жить за счет кого-л., не принося пользы’. Параллельно, наблюдаются и всходящие к этим ФЕ производные слова нахлебник и *mangiapane [a ufo / a tradimento]* (букв.: «хлебод»), характеризующие человека, живущего за чужой счет.

Продолжая наш анализ, можно заметить, что в обоих языках ЯМ хлеб / pane выступает в метафорическом значении ‘работа (или ее результат), способствующая добыванию средств к существованию’. И действительно, наблюдается наличие эквивалентных ФЕ зарабатывать (на) хлеб // добывать свой хлеб и *guadagnarsi il pane / un pezzo di pane* (букв.: «зарабатывать (кусочек) хлеб(а)»). В русском языке имеется и ФЕ на вольные хлеба отпустить / отправить(ся) / уйти, обозначающую ‘начать самостоятельно зарабатывать на жизнь, стать независимым’. В этом же плане итальянская фразеология оказывается очень богатой: наблюдаются ФЕ *[non] avere un pane sicuro* (букв.: «[не] иметь постоянный хлеб», ‘[не] иметь постоянную работу’), *lavorare per un tozzo di pane* (букв.: «работать за кусочек хлеба», ‘работать считай даром, за низкую зарплату’) и, наконец, *guadagnarsi il pane con il sudore della fronte* (букв.: «зарабатывать хлеб в поте лба») или, просто, *pane sudato* (букв.: «потный хлеб»). Эти выражения восходят к Книге Бытия, в которой рассказывается об изгнании Адама из райского сада («В поте лица твоего будешь есть хлеб...»⁵; Быт 3:19). Для полного представления надо вспомнить, что образ хлеба ассоциируется и с ресурсами к существованию и деньгами, как показывают ФЕ спасибо на хлеб не намажешь, которая

говорится в ответ на чью-л. благодарность, и *avere / ottenere / vendere qualcosa per un pezzo / tozzo di pane* (букв.: «получить / отдать что-л. за кусок хлеба», ‘получить или отдать что-л. за низкую цену’).

Хлеб служит и символом материального благополучия, изобилия и плодородия, о чем свидетельствует фразеология в обоих языках. В русском языке наблюдаются ФЕ на хлеб с маслом хватает (‘иметь достаточные средства для безбедного существования’) и, противоположную по значению, на хлеб не намажешь (обозначение чего-либо недостаточного для удовлетворения необходимых потребностей). В итальянском языке имеются соответствующие ФЕ *allevare / crescere a pane bianco* (букв.: «воспитывать белым хлебом», ‘вырасти / жить в роскоши’) и *mangiare pane e cipolle* (букв.: «есть хлеб и лук», что значит ‘жить бедно’). Наблюдается полное совпадение в двух языках – в плане значения так же, как в плане составных компонентов – ФЕ перебиваться с воды на хлеб / с хлеба на воду и *stare / tenere qualcuno a pane e acqua* (букв.: «быть / ставить кого-л. на хлеб и воду»).

В качестве основного блюда русской и итальянской кухонь, всегда присутствующего на столе, хлеб метонимически выражает представление о еде вообще. Об этом свидетельствует и вытекающее из Библии выражение не одним хлебом живёт человек / non si *vive di solo pane*, которое является ответом Иисуса Христа дяволу, искушающему превращать камень в хлеб, чтобы утолить голод: «...написано, не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (Лк 4:4; Иисус ссылается на Ветхий Завет: «...не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек»; Втор 8:3). В этих словах хлеб оказывается представителем пищи в высшей степени и символизирует удовлетворение физических потребностей человека. То же самое образное значение имеет хлеб / pane в Прец. хлеба и зрелищ! / *pane e circensi!*, которая принадлежит древнеримскому поэту Ювеналу, описывающему духовную нищету римского плебса, у которого остались только два устремления, т.е. развлечение (зрелища) и пропитание (хлеб): «Этот народ уж давно... все заботы забыл... Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: Хлеба и зрелищ!»⁶. Хлеб – во всей своей физической природе и в качестве прототипической пищи – появляется и в русской ФЕ хлебом не корми [дай что-л. сделать], обозначающей сильное желание сделать что-л.

Наоборот, любопытным является факт, что хлеб имеет и потенциал выступать символом духовного питания или источника для осуществления какой-то деятельности. Например, необходимое средство для жизни выражается в образе хлеб насущный / *pane quotidiano*, восходящем к Евангелиям (Мф 6:11 и Лк 11:3), описывающим момент, в который Иисус дарит ученикам молитву «Отче наш». Хлеб выражает представления о чем-л. важном, даже необходимом, для определенной сферы жизни, как свидетельствуют эквивалентные в обоих языках ФЕ быть нужным как хлеб и *servire come il pane*.

Образ хлеба как повседневной пищи, занимающей почетное место на столе, выступает эталоном для нравственной характеристики человека, но в этот раз с разными нюансами в двух языках. В итальянском языке намечаются синонимические ФЕ *essere buono come il pane* («быть хорошим как хлеб») и *essere un pezzo di pane* («быть куском хлеба»), определяющие доброго человека. Что касается русского языка, «Словарь пищевой метафоры» отмечает выражение (точнее – авторское сравнение) как булка хлеба, в обращении к бесхитроустному, простому, естественному человеку («А наша мама – чистая, опрятная и простая, как булка хлеба. Ведь как обычно женщины рассуждают? Я такая милашка, такая индивидуальность, такая Марлен Дитрих или Вероника Фосс, в конце концов, а мне предпочли вопиющую посредственность» Д. Симонова, «Сорванная слива»).

Мы рассмотрели близкие, иногда даже эквивалентные по метафорическому значению, единицы в двух языках. Далее покажем выражения, содержащие образ хлеба, которые являются лингво-специфическими. Так, лишь в русском языке наблюдаются образное сравнение как хлеб чёрствый (о чем-л. досадном, неприятном) и пословицу хлеб за брюхом не ходит ('тот, кто нуждается в чем-л., должен сам проявить инициативу для достижения желаемого'). В русском языке МОП с вершиной ХЛЕБ изобилует языковыми единицами, раскрывающими роль хлеба как традиционного дара, предлагаемого гостям в пределах славянских обрядов. Этот обычай получил название «хлеб-соль» (от круглого каравай хлеба с солонкой соли на нем) и зафиксирован в фразеологизмах хлеб-соль (угощение как проявление гостеприимства и щедрости) и хлеб да соль (обращение к гостям в качестве приглашения к столу); отсюда и СО хлебосольность 'щедрость' и хлебосольный 'щедрый'.

Что касается итальянского языка, наблюдаются ФЕ *essere pane e cacio [con qualcuno]* (букв.: «быть с кем-л. как хлеб с сыром [с кем-л.], 'жить душа в душу'), *non è pane per i sugi denti* (букв.: «это не хлеб для его зубов», о что-л. выше кого-л. сил) и *trovare pane per i propri denti* (букв.: «найти хлеб для своих зубов», 'найти что-л. себе по силам'); Погов. *dire pane al pane [e vino al vino]* (букв.: «называть хлеб хлебом (и вино вином)», 'называть вещи своими именами'); Посл. *chi ha i denti non ha il pane e chi ha il pane non ha i denti* (букв.: «у кого есть зубы, у того нет хлеба, а у кого есть хлеб, у того нет зубов», 'ничто в этом мире не совершенно') и *se non è zuppa è pan bagnato* (буквально: «если это не суп, то это мокрый хлеб», о равнозначном выборе из двух плохих вариантов).

Таким образом, можно утверждать, что МОП с вершиной ХЛЕБ / PANE демонстрирует совокупность символов и ценностей, вербально реализованных в ряде образных лексико-фразеологических единиц. Хлеб представляет собой основной продукт питания как в русской, так и в итальянской культурах, в силу их сельскохозяйственной природы. Он символически ассоциируется с пищей вообще и с самой жизнью, в материальном и духовном смысле. В рамках

метафорической модели «Нечто – это Хлеб», можно выделить ряд частных моделей общих для русского и итальянского образного представления о хлебе: «Средство к (материальному) существованию – это Хлеб», «Работа – это Хлеб», «Деньги – это Хлеб», «(материальное) Благополучие – это Хлеб», «Пища – это Хлеб», «Духовная необходимость – это Хлеб», «Доброта / Простота человека – это Хлеб». Культурно-специфическая для русского языка модель «Нечто – это Хлеб» включает «Неприятность – это черствый Хлеб», «Отсутствие инициативы – это Хлеб», «Гостеприимство – это Хлеб»; а для итальянского языка – «Гармоническое отношение – это Хлеб», «Силы – это Хлеб», «Откровенность – это Хлеб», «Несовершенство – это Хлеб», «Эквивалентность – это Хлеб».

¹ Славянские древности Т. 5 С – Я: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 412.

² Antropologia e Storia dell'alimentazione: il Pane / a cura di C. Papa. – Perugia: Electa Editori Umbri, 1992. – P. 14.

³ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 84.

⁴ Словарь русской пищевой метафоры. – Том 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2015; Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь: Ок. 23 000 фразеологических единиц / Под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982; <http://www.treccani.it/vocabolario/>; <http://dizionario.internazionale.it/>.

⁵ Здесь и далее употребляется следующая версия: Библия – книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – Российское библейское общество, 2002.

⁶ Ювенал Сатиры. / Пер. на рус. Ф.А. Петровского. – СПб.: «Алетейя», 1994 – С. 105.

Романова В.Д., КемГУ, магистрант

Romanova V.D., KemSU, master student

Особенности перевода документных текстов (на материале русского и чешского языков)

Features of translation of documentary texts (on the material of Czech and Russian languages)

Тема работы касается проблем, находящихся на пересечении собственно лингвистических сопоставительных и переводоведческих аспектов. Затрагивается проблема документной коммуникации, в частности письменных документных текстов, и выявление их языковых особенностей, и специфики структурной организации. Исследованию подверглись жанры официальных документов, которые в данных аспектах ранее не рассматривались. Мы намерены доказать, что несмотря на унификацию и стандартизацию документных текстов, возможно проследить

языковую ментальность и национальные особенности составления и интерпретации документов.

The subject of the article refers to the issues which are at the intersection of linguistic comparative aspects and translation aspects. We touch upon the problem of document communication and written texts in particular. We try to identify their language peculiarities and specifics. We study the genres of official documents which were not considered from the linguistic point of view before. We intend to prove, that it is possible to trace the linguistic mentality and national characteristics of document texts construction and interpretation, despite their unification and standardization. To do this we will try to investigate a number of problems, the main of which is to make the comparative analysis across all levels of the language.

Ключевые слова: официально-деловая коммуникация; документная лингвистика; славянские языки; сопоставительная лингвистика, перевод текстов

Key words: official-business communication; document-linguistics; Slavic languages; comparative linguistics, translation of texts

Научный руководитель: Евпак Евгений Владимирович, канд. филол. наук, доцент

Актуальность исследования данной темы состоит в том, что в последнее время начинают активно развиваться научные дисциплины, занимающие пограничное положение, т.е. находящиеся на границах нескольких наук. К числу таких перспективных научных направлений можно отнести документную лингвистику. Она возникает как синтез документоведения и лингвистики. Любые изменения в обществе сопровождаются изменением в информационной среде, важнейшим элементом которой является документационная информация. Изменяется состав документа, следовательно, изменяется набор языковых средств, с помощью которых создаются эти документы.

Материал и методика исследования. Материалом исследования выступили тексты русских и чешских официальных документов разных жанров, в количестве 50 единиц. Объектом исследования выступили тексты письменных официальных документов – документные тексты, по терминологии С. П. Кушнерука. Предметом – лингвистические средства организации документа в сравнительно-сопоставительном аспекте и переводоведческой деятельности.

Основным методом исследования избран сравнительно-сопоставительный анализ. Также в ходе работы использовались приемы: анализ, синтез, выборка, метод структурного анализа материала, лингвистический перевод.

Целью данного исследования являлось изучение языка и стиля официальных документов и выявление общих языковых и стилевых закономерностей, присущих официальным документам в целом и влияния экстралингвистических факторов на процессы деловой письменной коммуникации, а также описание жанров официальной документации в аспекте их адекватного перевода и сопоставления.

Деловая речь на сегодняшний день является значимым элементом в коммуникации общества, что обусловлено расширением деловых контактов как внутренних, так и международных. Документооборот – предметная область, которая связана с культурными и социально-политическими особенностями страны. И поэтому этого вида перевод является непростой задачей, потому что для полной передачи информации язык документного перевода должен быть максимально точным, ясным и достоверным.

Понятие «деловой русский язык» имеет параллели и в лингвистике других, прежде всего, развитых стран: businessEnglish, Wirtschaftsdeutsch, francais-desaffaires и т.д. В чешском языке эксплицирован термин *česká institucionální komunikace*¹.

Согласно определению С.П. Кушнерука: «Документная лингвистика – это раздел науки о языке, исследующий языковые особенности в современной документации, состав знаковых средств, специфику их организации в документных текстах, закономерности создания в самих документальных текстах»².

Понятие документный текст является базовым в системе понятий документной лингвистики. «В соответствии с ГОСТ Р 7.0.8.-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», текст документа – это «основная содержательная часть документа»³.

Работа строилась на выявлении оформительных, содержательных, лингвистических (синтаксических, лексических, морфологических) особенностей официальной документации на основе сравнительно-сопоставительного метода.

Таким образом, с помощью подробного анализа нами были установлены особенности документных текстов на русском и чешском языках:

1. В паспорте гражданина Чешской Республики есть обязательная графа «учёная степень», где обозначается образовательный ценз, который имеет владелец документа: *Ing. Ph.D.*, а также персональный номер – *rodné číslo*.

2. Обороты с местоимением *tento (tato, toto)*, что дословно переводится как этот, переводятся словом *настоящий*, при перечислении словом *следующий*, в определенном контексте словом *данный*.

3. Сложные наименования с дефисом типа инженер-строитель, завод-изготовитель на чешском языке выражаются конструкциями с прилагательным: *stavební inženýr, výrobní závod*. Так же и наименования некоторых документов *OBČANSKÝ PRŮKAZ, ODDACÍ LIST, RODNÝ LIST* в чешском языке выражаются существительным с прилагательным, а на русский переводятся конструкцией с предлогом или одной лексемой.

4. В отличие от русского, в чешском языке названия заводов, фирм и деловых учреждений не ставятся в кавычки: фирма «Спартак» – *firma Spartak*.

5. В чешском языке женская фамилия образуется путем прибавления к мужской суффикса *-ová*, который при переводе не актуализируется.

6. В чешском делопроизводстве наблюдается двуязычие (чешский/латинский) в медицинской и образовательной сферах.

Для стиля русской документации является характерным следующее:

– В отличие от чешского, часто используются деэпричастия и деэпричастные обороты: Ссылаясь на..., Учитывая вышеизложенное... и т.д.

– Местоимения мы в устойчивых словосочетаниях опускается, используется форма 1 лица мн.ч.: Подтверждаем, Просим и т.д.

– Сокращения, например г. – год, город. При чтении вслух произносится полная форма или не произносится совсем.

Итак, мы видим, что:

1. Документные тексты проявляют себя как лингвистический объект на разных уровнях языка.

2. Документные тексты возможно рассматривать в разных лингвистических аспектах.

3. Перевод документных текстов значительно отличается от других видов перевода. В официальном тексте практически не используются аналогии, метафоры, другие выразительные средства языка.

4. Несмотря на унификацию, стандартизацию и жесткие нормативные рамки документных текстов, возможно проследить специфические черты языка и национального менталитета, в том числе субъектную организацию текста.

Проанализировав и сравнив тексты документной сферы двух стран, России и Чехии, мы пришли к следующим выводам. Делопроизводство, документная лингвистика развивается сообразно национальной лингвистической традиции, нормативной базе документооборота, при непосредственном воздействии на эти сферы определённых внешних процессов (например, в Чехии, большое влияние на делопроизводство, документную лингвистику оказало вступление страны в ЕС). Сравнительно-сопоставительный и переводоведческий анализ документных текстов дал возможность обнаружить языковое своеобразие документных текстов в контексте межславянского перевода, а также увидеть новые тенденции в развитии документной лингвистики.

¹ Stylistika mluvené a psané češtiny Jana Hoffmannová, Jiří Homoláč, Eliška Chvalovská, Lucie Jílková, Petr Kaderka, Petr Mareš a Kamila Mrázková – Academia Praha, 2016. – с.11.

² Кушнерук С.П. Документная лингвистика (русский деловой текст): учебное пособие/ С.П. Кушнерук. – Волгоград, 1999. – С. 16

³ Ларьков Н.С. Документоведение. Учебник. 3-е изд. – Москва, 2017. С. 427.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Когнитивная лингвистика

Новикова Элеонора Геннадьевна, *канд. филол. наук*

Филь Юлия Вадимовна, *канд. филол. наук*

Шиляев Константин Сергеевич, *канд. филол. наук*

Костяшина Екатерина Аркадьевна, *канд. филол. наук*

Коммуникативная лингвистика

Волошина Светлана Владимировна, *канд. филол. наук*

Долганина Анна Алексеевна, *канд. филол. наук*

Банкова Татьяна Борисовна, *канд. филол. наук*

Старикова Галина Николаевна, *канд. филол. наук*

Прикладная, экспериментальная, компьютерная лингвистика

Резанова Зоя Ивановна, *д-р филол. наук*

Некрасова Елена Дмитриевна, *канд. филол. наук*

Народная культура в языке и тексте

Гынгазова Людмила Георгиевна, *канд. филол. наук*

Тубалова Инна Витальевна, *д-р филол. наук*

Иванцова Екатерина Вадимовна, *д-р филол. наук*

Русский язык и методика его преподавания

Угрюмова Мария Михайловна, *канд. филол. наук*

Грекова Марина Владимировна, *канд. филол. наук*

Сопоставительная лексикология, лексическая семантика и межкультурная коммуникация

Дронова Любовь Петровна, *д-р филол. наук*

Толстик Светлана Александровна, *канд. филол. наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
------------------	---

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Авраменко О.В. Универсальные черты метафоризации вкусовых признаков в русской и английской лингвокультурах.....	11
Белоусова А.А. Языковая репрезентация ситуации зрительного восприятия в поэзии Марины Цветаевой (на материале сборника «Вечерний альбом»). ..	15
Буб А.С. Коллокации-биномиалы в русской речи: дискурсивное варьирование	18
Былина А.С. Фреймовый сдвиг как причина возникновения случайного комического эффекта	22
Голубина Е.А. Конфликт интерпретаций рекламных текстов.....	25
Гущина Т.А. Способы языковой репрезентации ситуации ольфакторного восприятия в творчестве А. Ахматовой.	28
Игумнова М.О. Концепт Зона в повести Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине»	31
Короткина Е.С. Ценностный концепт «безопасность» в российской и китайской нефтегазовой корпоративной лингвокультуре (на материале текстов сайтов «Роснефть» и «CNPC»)	33
Наземцева М.А. Концептуализация свободы в тексте Конституции РФ	36
Росс У.Н. Структура семантического поля лексической группы «осуждение» в современном русском языке	39
Хлебникова А.Л. Маркирование гендерной асимметрии в русской языковой картине мира (на материале гендерных метафор).....	44
Шлотгауэр Е.А. Метафора и метонимия как средства выражения перцептивной модальности (на материале книг о вине).	48
Энс Е.С. Образ автора политического текста как фактор его интерпретационно-функционального функционирования	51

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Аракелов Р.А. Функционирование текста в политизированном пространстве Интернет-коммуникации.	55
Барашкова Д.Р. Репрезентация образа России в СМИ России, США и Индии	57
Бирт Е.А. Речевой жанр поста в социальной сети «Facebook»: к проблеме описания	60
Бородина А.В. Вербальные средства суггестивного воздействия в психологическом медиа-дискурсе.....	63
Бруслова Т.Ю. Множественность интерпретаций текста как реализация его смыслового потенциала.	65
Зими́на А.А. Семантическая оппозиция «свой – чужой» в публичных политических выступлениях (на материале выступлений В.В. Путина)	68

Иркова А.В. Стихийная основа становления юридического термина как единицы живого языка и языка закона (дискурсивный и семасиологический анализ слов с корнем <i>—чест—</i>)	70
Коровин И.А. Специфика жанрового текста миссии российского вуза на фоне других текстов данного жанра	74
Кошкарева Г.А. Мифологемы «Еврейское счастье» и «Американская мечта» в современном российском медиадискурсе.	76
Крючкина Н.Ю. Речевой жанр «личное письмо» в аспекте проблемы междискурсивного взаимодействия	80
Кунстман В.И. Функционирование телевизионных заголовков на материале американских новостей	82
Курочкина Д.Н. Языковые средства выражения зрительного восприятия в поэзии М. А. Волошина (на материале сборника «Стихотворения 1900–1910 гг. Годы странствий»)	85
Кхемка Ананд Кумар. Модель речевого жанра интернет-отзыва о путешествии	88
Лебедева А.С. Военные мемуары наивного автора: лингвоперсонологический аспект	91
Лошенко К.В. Стратегии и тактики речевого воздействия коллекторов на должников	95
Люнгрин В.А. Лингвоперсонологический аспект изучения студенческого конспекта.	97
Маргунина Я.А. Частная записка: речевые тактики жанра	100
Матясова А.Ю. Цветовые обозначения в художественных текстах и в интернет-блоге Т. Толстой.	102
Молчанова П.А. Ньюс-тизер в контексте жанровой специфики вторичного представления медийной информации в соцсетях	105
Печенегова А.Л. Интерпретация конфликтогенного текста адресатами речевого произведения (на материале публикаций СМИ)	108
Сабаева Ю.С. Коммуникативная стратегия побуждения к познавательной деятельности (на материале радиопрограммы «Про Сибирь»)	111
Саркисян Л.А. Культурное наследие этноса как главный маркер национальной-культурной идентичности (на материале текстов группы социальной сети «ВКонтакте» – «Союз армян Томской области»)	114
Соломонова М.М. Специфика новостного жанра на сайтах политических партий	118
Стародубцева А.В. Концепт «война» в дискурсе военного эпистолярного жанра: специфика диктумного содержания и его модусной интерпретации	121
Цзюй Чуанья. Языковые средства презентации объекта в блогах	123
Черныш О.А. Язык протокола в аспекте дискурс-анализа	126
Шардакова В.С. Речевой жанр «пост» в социальной сети «ВКонтакте» (к проблеме описания)	130

Грчкова К. Изображение советских женщин-героев в постсоветском медийном дискурсе	132
Волкова Е.В. Активные процессы в лексике современного русского языка (на материале культурно-просветительских радиопрограмм).	135

ПРИКЛАДНАЯ, ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ, КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Черткова В.В. Описание аромата в аспекте полимодального восприятия . . .	138
Чемерилов В.В. Дискурсивный подход к лингвистической обработке текста для синтеза русской речи	140
Цигеман Э.С. Влияние имплицитного значения цвета на обработку лингвистических стимулов с эмоциональной окраской.	145
Хохлова А.А. Психолингвистическая база данных русских глаголов	147
Ускова Д.А. Создание веб-сайта домашней кондитерской как инструмента лингвистического исследования.	150
Ершова Е.Ю. Влияние грамматической категории рода на концептуализацию объектов русско-испанскими билингвами.	153
Отамбекова Х.Н. Влияние родного языка на категоризацию цвета у носителей русского и шугнанского языков	158
Машанло Т.Е. Основные показатели движений глаз в процессе чтения у русско-китайских и китайско-русских искусственных билингвов: дизайн экспериментального исследования	161
Костарева С.В. Исследование лингвистической концептуальной метафоры «свет – хорошо», «тьма – плохо» на материале эмоционально-окрашенных прилагательных русского языка.	165
Берлан В.А. Может ли лексика эмоций управлять нашим вниманием? Экспериментальное исследование.	168
Аюшеева Т.А. Динамика мозговой активности и поведенческие реакции у коренных жителей Якутии во время распознавания эмоционально окрашенной лексики	171
Набиуллина А.С. Измерение лексического компонента языковой способности (методика формирования тестовой батареи).	174
Степаненко А.А. Экспрессивные единицы как маркеры гендерной принадлежности авторов текстов компьютерной коммуникации	178

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Балонкина О.В. Функционирование фразеологических единиц с компонентом земля в разных типах дискурсов.	183
Богданова И.В. Выпечка как культурно значимая составляющая сибирской пищевой традиции.	188
Богданова И.В. Праздничная и ритуальная пища в идиолекте языковой личности диалектоносителя	191

Ван Хуа. Соматический код культуры в русской частушке (на примере соматизма «глаза»)	193
Васильченко А.А. Семантическое микрополе «Любовь, симпатия» в дискурсе диалектной языковой личности	197
Васильченко А.А. К вопросу о границах и наполнении семантических микрополей лексики чувств и эмоций (на материале идиолексикона диалектной языковой личности)	200
Головина Д.С. Лексикографическое представление синонимии в идиолекте сибирского старожила	203
Желненко В.В. Записи на полях и маргинальная страница тетради как самостоятельные жанры естественной письменной речи: сопоставительный анализ .	206
Иванова Л.А. Оценка времени в идиолекте языковой личности сибирского старожила	210
Калкоразова С.Д. Семантическая эволюция концепта «подруга».	214
Кольчикова А.В. Ключевое слово как инструмент лингвокультурологического анализа паремий.	217
Феллер Е.В. Аксиологический потенциал деривационных каритивов	220
Цингерова Н. Памятник как высказывание. Специфика мультимодального дискурса-анализа	223
Чжан Сяньюй. Роль цветообозначений в художественном тексте на примере рассказов Чехова	226

РУССКИЙ ЯЗЫК И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

Айданна Балэсяти. Языковые средства выражения положительной оценки в радиотекстах о китайской традиционной одежде	230
Акмалова А.Р. Модель учебника по РКИ «Учимся понимать русскую метафору». .	233
Васильковская А.А. Методический потенциал «диалектных» текстов в практике преподавания русского как иностранного.	237
Гоу Шаньшань. Использование живописи в иностранной аудитории начального этапа обучения	240
Колесникова А.Ю. Интертекстуальные связи в романе В. Пелевина «Generation «П» .	243
Ли Тун. Об одном пособии по развитию речи для иностранной аудитории: материал, структура, типы заданий	247
Яо Минсю. Работа с литературоведческой тематикой в аудитории инофонов	249
Обрусник Л.Г. Особенности структуры и содержания дистанционного курса РКИ по речевому этикету	252
Томышева А.Д. Материалы к учебному словарю русской метафоры для иностранных студентов	255
У Юйхан. Роль мотивированных слов в освоении чтения газетного текста на уроках РКИ.	259
Мао Юйянь. Основные типы сочетания языковой игры и изображения в группе «Я люблю русский язык»	263

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вострова Ю.А. «Гордость» в итальянском языке: понятийные связи (сопоставительный аспект)	267
Давыдова Е.И. Мотивационные особенности наименований итальянских и испанских алкогольных ликеров (сопоставительный аспект).	269
Егорова М.Ю. Модальные единицы с семантикой долженствования в английском и русском языках: сопоставительный и переводческий аспекты.	272
Конгирович Е.М. Фразеологические сочетания с глаголами движения <i>uscire/entrare</i> в современном итальянском языке.	275
Корякина Н. М. Мотивационные особенности метонимов современного литературного итальянского языка	278
Панфилова С.Ю. Гора, скала (утес) и пропасть в русской и итальянской метафорических картинах мира	280
Помаролли Дж. Представление хлеба в образном словарном составе русского и итальянского языков.	284
Романова В.Д. Особенности перевода документных текстов (на материале русского и чешского языков).	288
РЕЦЕНЗЕНТЫ	292

CONTENTS

INTRODUCTION	8
--------------------	---

COGNITIVE LINGUISTICS

Avramenko O.V. The universal metaphorization features of flavor characteristics in Russian and English linguistic cultures.	11
Belousova A.A. Language representation of the situation of visual perception in the poetry of Marina Tsvetaeva (on the material of the collection «Evening Album»). .	15
Bub A.S. Binomials in Russian speech: discursive variation	18
Bylina A.S. Frame shifting as a cause of the accidental comic effect	22
Golubina E.A. Conflict of interpretations of advertising texts	25
Gushchina T.A. Methods of linguistic representation of the situation of olfactory perception in the work of A. Akhmatova.	28
Igumnova M.O. Concept Zone in the novel «Picnic on the Roadside» by Arkady and Boris Strugatsky.	31
Korotkina E.S. Value concept of «security» in the Russian and Chinese oil- gas corporate linguistic culture (on the material of sites' texts «Rosneft» and «CNPC»). .	33
Nazemtseva M.A. Conceptualization of freedom in the Constitution of the Russian Federation	36
Ross U.N. The structure of the semantic field of the lexical group «censure» in the Russian language	39
Khlebnikova A.L. Asymmetrical gender marking in Russian linguistic worldview (a study of gender metaphors).	44
Shlotgauer E.A. Metaphor and metonymy as a means of expression perceptual modality in wine books	48
Ens E.S. The image of the author of the political text as a factor of its interpretative functioning	51

COMMUNICATIVE LINGUISTICS

Arakelov R.A. Text functioning in the politicized space of the Internet-communication.	55
Barashkova D.R. Representation of the image of Russia in the mass media of Russia, USA and India.	57
Birt E.A. Speech genre of Facebook's post: to the problem of description	60
Borodina A.V. Verbal resources of suggestive influence in psychological media-discourse.	63
Brusova T.Yu. The multiplicity of interpretations of the text as a realization of its semantic potential	65
Zimina A.A. The semantic opposition of «its – a stranger» in public political speeches (on the material of speeches by Vladimir Putin)	68

Irkova A.V. The spontaneous base of processing of technical term of law as the unit of living language and language of law (discourse and semasiological analysis of words with the stem <i>-chest-</i>)	71
Korovin I.A. Specificity of mission statement of Russian university compared to other texts of the genre.	74
Koshkareva G.A. Mythologems «Jewish happiness» and «American dream» in social Russian media discourse	76
Kryuchkina N.Y. Speech genre «personal letter» is investigated in the aspect of the problem of interaction between discourses	80
Kunstman V.I. Role of television headlines based on the American news	82
Kurochkina D.N. Language means of expressing visual perception in the poetry of M.A. Voloshin (on the material of the collection «Poems of 1900-1910, Years of Travels.»)	85
Anand Kumar Khemka. Model of the Speech Genre «Internet Reviews on Travel»	88
Lebedeva A.S. Military memoirs: lingvoperersonological aspect.	91
Loshenko K.V. Strategies and tactics of the speech impact of collectors on debtors	95
Lyungrin V.A. Linguo-pesonal aspect study student abstract	97
Margunina J.A. Private note: tactics genre	100
Matyasova A.Yu. Color designations in literary texts and in the internet blog of T. Tolstaya	102
Molchanova P.A. News-teaser in the shadow of genre specificity of the secondary media message in the social nets.	105
Pechenegova A.L. Interpretation of a conflict text by addressees of a speech work (On the material of media publications)	108
Sabaeva Yu.S. Communicative strategy of motivation for cognitive activity (based on radio program «About Siberia»).	111
Sarkisyan L.A. Cultural heritage of ethnos as the main marker of national and cultural identity (in texts represented in social network group «Vkontakte» – «Armenians union of the Tomsk region»).	114
Solomonova M.M. Particularity of news genre on websites of political parties	118
Starodubtseva A.V. The concept of «war» in the discourse of military epistolary: the specificity of dictum content and its modus interpretation.	121
Ju Chuanya. Language facilities for presenting object on blogs	123
Chernysh O.A. Language of the record in terms of discourse analysis.	126
Shardakova V.S. Speech genre «post» in the social network «vkontakte» to the problem of description	130
Hrchkova, K. The Image of the Soviet Women Heroes in Post-soviet Media Discourse	132
Volkova E.V. Active processes in the vocabulary of modern Russian language (based on cultural and educational radio programs)	135

APPLIED, EXPERIMENTAL, COMPUTER LINGUISTICS

Chertkova V.V. Odour description in the aspect of polymodal perception	138
Chemerilov V.V. Discourse approach to the linguistic treatment of the text for the synthesis of Russian speech.	140
Tsigeman E.S. Men in black: effects of implicit color associations on linguistic stimuli.	145
Khokhlova A.A. Psycholinguistic database of Russian verbs	147
Uskova D.A. Creating a website for a home-based bakery as a tool for linguistic research	150
Ershova E.Yu. The influence of the grammatical category of gender on the conceptualization of objects by Russian-Spanish bilinguals	153
Otabekova Kh. N. The influence of native language on color categorization among speakers of Russian and Sughni languages	158
Mashanlo T.E. Key eye movement measures in Russian-Chinese and Chinese-Russian bilingual reading.	161
Kostareva S.W. Linguistic conceptual metaphor «LIGHT IS GOOD», «DARK IS BAD»: the case of emotionally colored adjectives in the Russian language.	165
Berlan V.A. Can emotional words direct our attention? Experimental study	168
Ayusheeva T.A. Dynamics of brain activity and behavioral reactions in native inhabitants of Yakutia during the recognition of emotionally related sentences	171
Nabiullina A.S. Measuring Lexical Component of the Language Faculty: Developing a Test Battery	174
Stepanenko A.A. Expressive means as gender markers of text attribution in social network communication	178

FOLK CULTURE IN LANGUAGE AND TEXT

Balonkina O.V. Functioning of phraseological units with the component earth in different types of discourse.	183
Bogdanova I.V. Baking as a culturally significant component of the Siberian food tradition	188
Bogdanova I.V. Festive and ritual food in the idiolect of linguistic personality dialect.	191
Wang Hua. Somatic culture code in Russian chastushka (For example somatism «eyes»)	193
Vasilchenko A.A. Semantic microfield «Love, sympathy» in the discourse of the dialect linguistic personality.	197
Vasilchenko A.A. On the question of semantic microfields including lexis with meanings of feelings and emotions: their borders and content (on the material of dialect linguistic personality idiolexicon)	200
Golovina D.S. Lexicographical representation of synonymy in the idiolect of Siberian old-resident	203

Zhelnenkova V.V. The notes on the field and the marginal page of the notebook as independent genres of natural written speech: comparative analysis	206
Ivanova L.A. Estimation of time in the idiolect of the language personality of the Siberian old-timer	210
Kalkorazova S.D. Semantic Evolution of the Concept «Female Friend»	214
Kolchikova A.V. Keyword as a tool for linguistic and cultural analysis of paremia.	217
Feller E.V. Axiological potential of diversion caritivs.	220
Cingerova, N. Memorial as statement. The Specifics of the Multimodal discourse analysis.	223
Zhang Xiangyu. The role of color terms in the artistic text on the examples of chekhov's stories	226

RUSSIAN LANGUAGE AND METHODS OF TEACHING IT

Aidanna Balexhati. Language as a meaning of expression of a positive evaluation in radio texts about Chinese traditional clothes	230
Akmalova A.R. The RAL textbook sample «Learning to understand Russian metaphor».	233
Vasilkovskaya A.A. Methodological value of dialectal texts for teaching Russian as a foreign language.	237
Gou Shanshan. The use of painting to a foreign audience the initial stage of training	240
Kolesnikova A.U. Intertextual connections in the novel of V. Pelevin «Generation «P»	243
Li Tong. Article about the textbook on the development of speech for foreign students: the material, structure and lesson tasks.	247
Yao Minsyu. Work with literary subjects in the audience of foreign.	249
Obrusnik L.G. Russian as a foreign language distance course in the frame of Russian speaking etiquette: structural and content aspects.	252
Tomysheva A.D. Materials for the Russian metaphor study glossary for learners of Russian	255
Wu Yuhang. The role of motivated words in teaching the reading newspaper texts on the lessons of russian as a foreign language	259
Mao Yuyan. The types of combination of language games and images in the Internet-public of VK.	263

COMPARATIVE LEXICOLOGY, LEXICAL SEMANTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Vostrova Y.A. «The pride» in the Italian language: conceptual connections (comparative aspect).	267
Davydova E.I. Motivational aspects of naming alcohol liquors in Italy and Spain (comparative aspect).	269
Egorova M.Yu. Modal lexemes expressing necessity in English and Russian: comparative and translation aspects.	272

Kongirovich E.M. Phrasiological combinations with verbs of movement <i>uscire/entrare</i> in the modern Italian language.	275
Koryakina N.M. Motivational aspects of weather terms in the modern Italian written language.	278
Panfilova S.Yu. The mountain, the rock (cliff) and the abyss in Russian and Italian metaphorical world pictures.	280
Pomarolli G. The image of bread as it is represented in Russian and Italian figurative language.	284
Romanova V.D. Features of translation of documentary texts (on the material of Czech and Russian languages).	288

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

**Сборник материалов IV (XVIII) Международной конференции
молодых ученых
(20–22 апреля 2017 г.)**

**Вып. 18
Том 1. Лингвистика**

Издание подготовлено в авторской редакции

Подписано к печати 12.12.2017 г. Формат 60×84¹/₁₆.

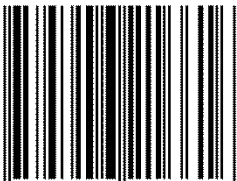
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 17,7.

Тираж 250 экз. Заказ № 2918.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-661-6

9 785946 216616